

V/ 1/99

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ V.

Книга 25 (5).

Подъ редакціей профессоровъ Н. Я. Грота и Л. М. Люпятина.

НОЯВРЬ 1894 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва М.Н. Мушнеровъ и №
Пименовская ул., соб. д.
1894.

.....

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи.	I
Личность Г. С. Сковороды какъ мыслителя.—А. Я. Ефименко.	419
О времени. Часть третья. (<i>Окончаніе</i>).—Н. Я. Грота.	445
Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода.—Кн. С. Н. Трубецкого	494

Спеціальный отдѣлъ.

О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ.—Александра И. Введенскаго	521 ~~621~~
Густавъ Тейхмюллеръ. (<i>Окончаніе</i>).—А. А. Козлова.	661
Натуралистическая теорія познанія. (По поводу статей проф. И. М. Сѣченова).—Э. Л. Радлова.	682

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

	<i>Стр.</i>
A1. Bain. Senses and Intellect. 4-th edition. — В. Н. Ивановаго	694
B. Kidd. Social Evolution.—Н. А. Абрикосова	699
1793—1893. Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевскаго.—В. Н. Ивановаго	702
G. Dumas. Les états intellectuels dans la melancolie.—Виктора Анри	708
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціею	709

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

	<i>Стр.</i>
Philosophische Studien.—Г.И. Челпанова	711
The Monist.—С. К.	719
Rivista Italiana di filosofia. — В. Вальденберга	721
—————	
Отъ редакціи—по поводу письма проф. В. Э. Чижа . .	724
Психологическое Общество (отчеты о 6 засѣданіяхъ и пренія по рефератамъ кн. Д. Н. Цертелева: «Пространство и время, какъ формы явленій» и А. А. Токарскаго: «Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей» и «Роль воли въ психическихъ процессахъ»)	731
Комиссія для организаціи домашняго чтенія , состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній. (Правила Комиссіи и программы по философскимъ наукамъ)	762
Памяти протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. — Прот. Г. П. Смирнова-Платонова.	784
Матеріалы журнальной статистики	788
Извѣстія и замѣтки	789
Объявленія отъ конторы журнала и другія	790

5-го сего ноября, въ 8 час. вечера, передъ за-сѣданіемъ своимъ, Московское Психологическое Общество, въ присутствіи своихъ членовъ и сторонней публики, отслужило въ помѣщеніи засѣданій Общества панихиду по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III, въ царствованіе котораго были основаны какъ первое въ Россіи философское Общество, такъ и журналъ его «Вопросы философіи и психологіи». Панихиду совершалъ д. чл. Общества, проф. богословія Императорскаго Московскаго Университета, протоіерей Н. А. Елеонскій.

8-го ноября предсѣдатель Общества, проф. Н. Я. Гротъ, избранный однимъ изъ депута-товъ отъ двадцати ученыхъ и художествен-ныхъ учреждений и обществъ Москвы,—участво-валъ вмѣстѣ съ графинею П. С. Уваровою, предсѣдательницею Московскаго Археологиче-скаго общества, и академикомъ архитектуры К. М. Быковскимъ, предсѣдателемъ обществъ—ар-хитектурнаго и любителей художествъ, въ воз-ложеніи вѣнка на могилу Императора Алек-сандра III въ С.-Петербургѣ.

Личность Г. С. Сковороды какъ мыслителя *).

29-го октября окончилось сто лѣтъ со дня смерти Г. С. Сковороды. Харьковъ готовится въ стѣнахъ своего университета почтить память не только мѣстнаго дѣятеля, но и перваго по времени русскаго философа.

Съ естественной робостью выступаю я передъ Обществомъ, какъ человѣкъ, умственные интересы котораго вращались всегда въ сферахъ, далекихъ отъ чистой философи. Но внимательно изучая сочиненія Сковороды, какъ только что изданныя Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, такъ и рукописныя, я такъ сжилась съ этой необыкновенно сильной и цѣльной духовной личностью, такъ успѣла оцѣнить и полюбить ее, что настоящее выступленіе является для меня результатомъ настойчиваго нравственнаго побужденія. Сковорода, какъ мыслитель, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвеніи, чтобы не явилось опасенія, какъ бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и захватывающихъ интересовъ, снова не захлеснули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя.

Такова была печальная судьба Сковороды какъ философа. Но какъ нравственная и психическая личность, какъ об-

---

*) Рефератъ, прочитанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 5 ноября 1894 г., въ память столѣтней годовщины смерти Сковороды.

шественный дѣятель, Сковорода не умиралъ во всѣ эти столѣтїя, которые прошли со дня его смерти. Традиція—правда, все блѣднѣющая, такъ какъ печать почти не поддерживала ея, — какъ-никакъ, а все-таки жила и несла смѣняющимся поколѣніямъ смутный обликъ чудака-философа, „старца“ (по мѣстному выраженію), который взялъ на свои плечи и несъ всю долгую жизнь иго добровольнаго нищенства, полнаго отреченія отъ всего, что зовется и звалось житейскими благами, и подвига непрерывной и неустанной проповѣди. Для высшихъ классовъ, для „панской“ Украины онъ былъ „бродячей академіей“ и для этого онъ обладалъ всѣми необходимыми атрибутами тогдашней учености: прекраснымъ латинскимъ языкомъ, о которомъ свидѣлствуютъ изданныя теперь его письма, а также знаніемъ языковъ греческаго, древне-еврейскаго и нѣмецкаго, которому онъ хорошо выучился въ то время, какъ обошелъ, еще въ молодости, пѣшкомъ поль-Европы. Для простого народа, который Сковорода также обучалъ всю жизнь во время своихъ непрерывныхъ странствованій—обучалъ по дорогамъ, деревенскимъ улицамъ, на сельскихъ ярмаркахъ, на церковныхъ погостахъ, или просто заходя въ хаты — для простого народа у Сковороды были свои особыя, простыя и понятныя рѣчи. И если панскіе двory наперерывъ старались залучить къ себѣ философа и готовы были щедро одѣлать его отъ своихъ избытковъ—отъ чего онъ, впрочемъ, всегда и совершенно уклонялся — то и простыя хаты не только кормили его, чѣмъ Богъ послалъ, но и осыпали его всѣми услугами, въ какихъ нуждался одинокій вѣчный странникъ: чинили его свитку и чоботы, обшивали и обмывали его. Память народа о немъ оказалась прочнѣе и благодарнѣе, чѣмъ память культурнаго класса. Въ то время какъ потомки дворянскихъ родовъ Слободской Украины, тѣхъ, которые гордились когда-то дружбой Сковороды, едва-едва помнятъ его имя и, можетъ-быть, нѣсколько анекдотовъ, народъ до сихъ поръ живетъ Сковородинскимъ духовнымъ наслѣдствомъ. Каждый украинскій кобзарь и лирникъ поетъ

сковородинскіе псалмы, духовные стихи, и очевидно, ихъ суровая мораль, полная презрѣнія къ жалкой мірской суетѣ, находятъ глубокой откликъ въ народной душѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы знали вполне біографію Сквороды; но во всякомъ случаѣ обстоятельства его жизни до сихъ поръ были извѣстны гораздо больше, чѣмъ его философскія воззрѣнія. И о немъ можно сказать то, что можно сказать лишь объ очень немногихъ, совсѣмъ особенныхъ, исключительныхъ людяхъ: онъ жилъ такъ, какъ училъ. Онъ не зналъ, что такое компромиссъ, сдѣлка. Ни одного, ни малѣйшаго факта въ его біографіи нельзя найти такого, въ которомъ бы можно было усмотрѣть намѣренное или безсознательное уклоненіе отъ выработанныхъ идеаловъ, намѣченныхъ цѣлей жизни. Такъ могутъ жить только глубоко и цѣльно вѣрующіе люди, какимъ бы именемъ ни называлась ихъ религія.

Философіи Сквороды не поняли его современники, совсѣмъ не поняло ея и ближайшее потомство: до насъ дошелъ онъ съ эпитетомъ мистика, сочиненія котораго яко бы написаны темнымъ, невразумительнымъ языкомъ, почти недоступнымъ для пониманія. И все это, какъ мы увидимъ, мифъ: Сквороду никакъ невозможно назвать мистикомъ, а сочиненія его написаны, хотя своеобразнымъ, но по-своему прекраснымъ, сильнымъ и сжатымъ языкомъ, съ которымъ надо лишь нѣсколько освоиться предварительно: не слѣдуетъ забывать, что, по обстоятельствамъ мѣста и времени, Скворода былъ самъ творцомъ своего языка. Всякія же недоразумѣнія насчетъ Сквороды объясняются тѣмъ, что лица, писавшія о Сквородѣ, по большей части, даже и не видали его сочиненій, пользуясь лишь цитатами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и чужими мнѣніями. Когда, годъ тому назадъ, мнѣ пришлось разыскивать сочиненія Сквороды, то въ Харьковѣ, университетскомъ городѣ, который былъ когда-то центромъ района дѣятельности Сквороды, при помощи профессоровъ университета, мнѣ удалось достать лишь жалкое изданіице нѣкоторыхъ

сочиненій Сквороды бо года и одну единственную рукопись, которыми я только и пользовалась, когда дѣлала характеристику Сквороды въ читанной мною тогда публичной лекціи. Послѣ того уже въ Харьковѣ были собраны изъ разныхъ книгохранилищъ: Императорской Публичной библіотеки, Румянцевскаго музея, Кіевскаго музея при Духовной академіи—рукописи Сквороды, и явилась возможность освѣтить философскую его личность. Этою возможностью воспользовался проф. Зеленогорскій въ работѣ, напечатанной въ недавнихъ книжкахъ „Вопр. Филос. и Псих.“ Воспользовался, къ сожалѣнію, не въ полной мѣрѣ. Онъ уклонился отъ задачи представить цѣльную философскую личность Сквороды, а предпочелъ разбить его философію на отдѣльные взгляды, мнѣнія и утвержденія, чтобы свести ихъ по одиночкѣ къ предполагаемымъ источникамъ, откуда Скворода ихъ яко-бы заимствовалъ. Этими источниками оказались Платонъ и Аристотель, стоики, Филонъ Іудейскій, Лейбницъ. Конечно, такая постановка дѣлаетъ честь трудолюбію и учености автора. Но она неблагоприятна какъ въ практическомъ отношеніи, не удовлетворяя нашей законной потребности имѣть передъ собою цѣльный философскій обликъ, —такъ и въ методологическомъ, ибо едва-ли возможно правильно поставить вопросъ объ источникахъ міровоззрѣнія того или другого мыслителя, пока мы не будемъ имѣть яснаго и отчетливаго понятія о самомъ этомъ міровоззрѣніи. Такимъ образомъ, работа г. Зеленогорскаго представляетъ намъ философію Сквороды въ видѣ пестраго агрегата пестрыхъ мнѣній, надерганныхъ изъ философскихъ системъ разныхъ эпохъ и разныхъ качествъ. А между тѣмъ трудно дальше уйти отъ истины, чѣмъ при такой постановкѣ вопроса. Какъ бы мы ни относились къ воззрѣніямъ Сквороды, во что бы мы ни цѣнили его философію, одного-то ужъ, конечно, у него нельзя отнять никогда: чрезвычайной цѣльности и законченности его философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ.

Никогда вы не встрѣтите у него уклоненій въ сторону какихъ-нибудь побочных теченій мысли, перерѣзающихъ главный, центральный потокъ. Философія Сквороды такъ же глубоко и сильно индивидуальна, какъ и вся его рѣзко и сурово очерченная психическая личность.

Когда я впервые приступила къ знакомству со Сквородой, какъ мыслителемъ, меня поразило его духовное родство съ Спинозой, на которое я тогда же и указала*). По мѣрѣ того, какъ мое знакомство съ Сквородой расширялось при посредствѣ вновь собраннаго матеріала, мнѣ становилось все яснѣе, что Скворода не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ Спинозѣ, не читалъ его сочиненій, не зналъ его ученія и какимъ-нибудь инымъ путемъ. И въ то же время все яснѣе дѣлалось его совпаденіе съ ученіемъ Спинозы въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что значеніе настоящей дѣйствительности приписывается лишь единой міровой субстанции, по отношенію къ которой вся множественность единичныхъ явленій есть лишь видимость; во-вторыхъ, въ томъ безграничномъ довѣрїи къ компетентности человѣческаго разума, которое такъ характерно для умонастроенія Сквороды**). Но несомнѣнно, что Скворода шелъ своимъ особымъ путемъ, и эти положенія, какъ и всѣ другія, имѣютъ у него свою особую окраску.

„Невидимость, по выраженію Сквороды, первенствуетъ не только въ человѣкѣ, но и во всемъ остальномъ мірѣ“; она есть „иста“, т.-е. истинная дѣйствительность всего сущаго, также вѣчность, Богъ, который все въ себѣ содержитъ, самъ есть всему бытіемъ, который есть единство, простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ, единство, „которое частей чуждое есть и потому разрушится ему есть дѣло лишнее, а погибнуть совсѣмъ постороннее“. Въ

*) «Книжки Недѣли». Январь 94 г. „Философъ изъ народа“.

***) Въ первой сторонѣ ученія Сквороды можно, по нашему мнѣнію, скорѣе прослѣдить вліяніе ученій Платона и новоплатониковъ, чѣмъ Спинозы, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго изложенія. Ред.

то же время Богу нельзя, по словам Сковороды, „сыскать важнѣе и приличнѣе имени, какъ натура, т.-е. природа или естество, такъ какъ этимъ словомъ обозначается не только рождаемое и премѣняемое вещество, но и тайная экономія той присносущной силы, которая вездѣ имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей не имѣетъ нигдѣ... Сея повсемѣстная и премудрая силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безвременно—сирѣчь, нельзя о ней спросить: когда она началась?—она всегда была; или поколь она будетъ?—она всегда будетъ; или до коего мѣста она простирается?—она всегда вездѣ есть. Сія-то блаженнѣйшая натура весь міръ, будто машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и сама бытіемъ есть всякому сознанию: сама одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починаетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращаетъ»...

Невидимость или Богъ есть, по отношенію къ безчисленному міру вещей или явленій, „господственная натура“. Такимъ образомъ, Сковорода допускаетъ двѣ природы, невидимую и видимую, господственную и подлую, рабскую. Двойственность эту Сковорода утверждаетъ и усиленно подчеркиваетъ во множествѣ мѣстъ; ей посвященъ специальный діалогъ, который такъ и называется „Бесѣда: Двое“. Но это усиленное утвержденіе „двухъ“ всюду ярко обнаруживаетъ заднюю цѣль: поколебать столь естественную въ простомъ житейскомъ человѣкѣ вѣру въ дѣйствительность видимаго міра, въ его реальность. Натуръ двѣ; но видимая натура, которую человѣкъ привыкъ считать за единственно существующую, есть лишь отраженіе, тѣнь невидимой природы. Множество разсужденій, доказательствъ, художественныхъ образовъ употребляетъ Сковорода для того, чтобъ основательнѣе утвердить въ умахъ своихъ учениковъ это положеніе. „Вижу въ семъ цѣломъ мірѣ два міра,—говоритъ онъ, единъ составляющіе міръ: видный и невид-

ный, живой и мертвый, цѣлый и сокрушаемый; сей риза, а тотъ тѣло, сей тѣнь, а тотъ древо, сей вещество, а тотъ ипостась, сирѣчь основаніе, содержащее вещественную грязь—такъ, какъ рисунокъ держитъ свою краску. Итакъ, міръ въ мірѣ есть та вѣчность въ тлѣніи, жизнь въ смерти, возстаніе во снѣ, свѣтъ во тьмѣ, во лжи истина. Вся исполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалается, то переходитъ, то рождается, то исчезаетъ, и есть ничто". Вообще, яблоня и ея тѣнь—любимѣйшее сравненіе, къ которому охотнѣе всего прибѣгала Скворода, когда рѣчь заходила о выясненіи отношеній міровой субстанции къ міру явленій. Но у Сквороды въ его богатомъ образами языкѣ всегда находились все новыя и новыя метафоры, сравненія, эпитеты, которыми онъ отгѣнялъ свое презрительное отношеніе къ этому жалкому и ничтожному миру вещей, заслоняющему въ глазахъ непросвѣщеннаго философски челоуѣка, не умѣющаго проникать умственнымъ взоромъ за поверхность,—ихъ истинную сущность, „исту". Тѣнь, тлѣнь, пустошь, плоть, пепель, песокъ, пелынь, желчь, грязь, леть, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветшающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей госпожѣ, господственной натурѣ—вотъ тѣ образныя выраженія, которыя находилъ умѣстными въ данномъ случаѣ Скворода, то употребляя ихъ какъ эпитеты, то развивая въ аллегоріи, къ которымъ онъ вообще любилъ прибѣгать для уясненія своихъ мыслей.

Но Скворода былъ слишкомъ индивидуалистъ для того, чтобъ успокоиться на такомъ чисто-пантеистическомъ пониманіи міра: не носилъ ли онъ въ этой складкѣ своей духовной физиономіи отраженія національныхъ особенностей своего племени? Его вниманіе, какъ мыслителя, всегда привлекалъ гораздо больше субъектъ, чѣмъ объектъ, „микросмъ", чѣмъ „міръ обительный" (его собственныя выраженія). „Познай себе" въ концѣ концовъ облеклось для

него какимъ-то мистическимъ ореоломъ, приобрѣло силу волшебнаго ключа ко всѣмъ тайнамъ всего сущаго. „Возлюби свою душу,—говоритъ онъ своимъ ученикамъ,—будь блаженный самолюбе“. Наркиссъ,—этимъ названіемъ обозначенъ первый его философскій діалогъ въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій,—Наркиссъ, преобразованный Сковородой изъ античнаго міа, „не о многомъ печется, не о пустомъ чѣмъ-либо, а о себе, про себе и въ себе; печется о единомъ себѣ; едино есть ему на потребу“... Конечно, Наркиссъ, въ концѣ концовъ, „истаявъ отъ самолюбнаго пламени“, преображается въ источникъ, что только и сообщаетъ ему, такъ сказать, его санкцію.

Но мнѣ представляется очень важнымъ и характернымъ для философской фізіономіи Сковороды именно этотъ эгоцентрическій моментъ, который у него всегда и необходимо появляется на сцену, то вниманіе, которое на немъ задерживаетъ философъ.

Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Сковороды, человѣкъ не имѣетъ возможности познать міровую субстанцію иначе, какъ путемъ познанія ея въ себѣ. Всѣ другіе пути ему отрѣзаны. Органъ познанія—мысль, отождествляемая Сковородой съ душой и сердцемъ человѣка, которая есть „тайная въ нашей тѣлесной машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея, невещественная и безстихійная, носящая на себѣ грубую брѣнность, какъ ризу мертвую, не прекращающая своего движенія ни на одно мгновеніе и продолжающая равномолнійное своего летанья стремленіе черезъ неограниченныя вѣчности, милліоны безконечныя“. Мысль эта, по представленію философа, сродная, если не тождественная съ міровой субстанціей, можетъ устремляться и на внѣшній міръ, ищетъ своего сродства по мертвымъ стихіямъ, измѣряетъ, по его выраженію, море, воздухъ, землю, небеса, размежевываетъ планеты, находитъ закомплектныхъ міровъ несчетное множество, строитъ непонятныя машины, дѣлаетъ, что денно, новые опыты и изобрѣтенія. Но все это ее не удовлетворяетъ; все кажется ей, что недостаетъ

чего-то великаго, а чего — она не понимаетъ, только плачетъ. Ясно, что душевная бездна не наполняется науками. Мы пожираемъ безчисленное множество системъ съ планетами, математику, медицину, физику, механику, и все алчемо; не утоляется, а рождается душевная жажда. Такъ, афиняне Павловыхъ временъ зѣвали на мірскую машину, но видѣли въ ней одну только глинку; глинку мѣрили, глинку считали, глинку существомъ называли. Одно только у нихъ было истинною, что ощупать можно; одно точно осязаемое было у нихъ натурою или физикою, физика—философіею, а все неосязаемое—пустою фантазіею, чепухою, вздоромъ, суевѣріемъ и ничтожностью. Но и они догадывались, по тайному душевному воплю, по неутолимой внутренней жадѣ, что не все на все презнали, что, наоборотъ, они не знаютъ самага главнаго и самага нужнаго. А это самое нужное познаніе, которое осмысливаетъ всѣ остальные, можно приобрѣсти только однимъ путемъ: обращеніемъ къ самому себѣ, познаніемъ своего внутренняго существа, которое тождественно съ міровой субстанціею, съ Богомъ. Искать познанія Бога внѣ себя, въ стихіяхъ, „въ околичностяхъ“, по выраженію Сковороды, есть пагубная ошибка, такъ какъ тамъ „все для насъ гораздо крайнѣйшая тьма, чѣмъ мы для себя сами“. Пока мы не узнаемъ самихъ себя, т.-е. нашего внутренняго существа, или живущаго въ насъ „истиннаго человѣка“, мы собственно не знаемъ ничего достойнаго познанія и внѣ насъ. Нельзя узнать плана въ земныхъ и небесныхъ пространныхъ матеріалахъ, плана, по которому все-на-все создано и безъ котораго ничто не можетъ держаться, если не усмотрѣть его прежде въ своей собственной ничтожной плоти. Если хотимъ измѣрить небо, землю и моря, должны прежде всего измѣрить самихъ себя собственно нашею мѣрою. А если не сыщемъ этой мѣры внутри насъ, то чѣмъ можемъ измѣрить остальной міръ? Такъ рассуждаетъ Сковорода, отказывая въ какой бы то ни было цѣнности и достовѣрности всякому нашему непосредственному знанію внѣшняго міра. Но за то, по его мнѣнію,

„познать себя и познать Бога, т.-е. истинную сущность міра, есть одинъ трудъ: чѣмъ больше мы познаемъ себя, тѣмъ выше поднимаемся и вообще на гору вѣдѣнія“. Что же нужно дѣлать для того, чтобы познать себя? Одно: непрестанно думать. Думать, направляя движеніе мысли прежде всего къ тому, чтобы разсѣчь себя на двое, т.-е. отдѣлить все переходящее, тѣнное, кажущееся своей природы отъ неизмѣннаго, дѣйствительнаго. „Ищи, стучи, перебирай, рой, выщупывай, испытывай, прислушивайся“ въ этомъ направленіи, и ты будешь преуспѣвать въ верховной наукѣ, разомъ самоновѣйшей и самодревнѣйшей. Приблизиться къ Богу можно только познаніемъ; мысль, направленная къ этому познанію, по выраженію Сковороды, есть молитва.

Но значеніе „познанія себя“ далеко не исчерпывается тѣмъ, что мы указали; этотъ принципъ имѣлъ безконечно обширное примѣненіе въ другой области, въ области, такъ сказать, субъективныхъ цѣлей человѣческаго бытія.

Дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ и все живое, рожденъ для счастья: „все-на-все родилось на добрый конецъ“—это была для Сковороды аксіома, совершенно ясная сама по себѣ и потому не требующая никакихъ доказательствъ.

Но между человѣкомъ и остальной тварью есть та огромная разница, что онъ долженъ самъ открыть законъ своего счастья, что законъ этотъ, если не совсѣмъ закрыть отъ человѣка, то и не открыть ему вполне. Человѣкъ долженъ проникать въ него, раскрывать его работой своихъ мыслей, трудомъ познанія. Такимъ образомъ, счастье человѣка находится въ самой тѣсной, непосредственной зависимости отъ его успѣховъ въ познаніи себя, а слѣдовательно и Бога. Уразумѣть, въ чемъ состоитъ счастье, значитъ почти то же, что и получить его, такъ какъ отъ разумѣнія родится желаніе, отъ желанія искъ, отъ иска полученіе; причѣмъ природа счастья такова, что всѣ эти промежуточные ступени между разумѣніемъ и полученіемъ не имѣютъ никакого существеннаго значенія.

Но въ чемъ же состоитъ законъ человѣческаго счастья?

Въ согласіи нашихъ желаній, стремленій, нашей воли, съ направлениемъ и требованіями господственной природы. Жить по натурѣ, жить по волѣ Божіей и быть счастливымъ—одно и то же. Человѣкъ долженъ уразумѣть эту волю и сдѣлать ее своею волею—вотъ на чемъ зиждется истинное человѣческое счастье.

Этотъ основной законъ человѣческаго счастья не совсѣмъ закрытъ для человѣка. Преблагая натура облегчила его пониманіе; она обставила истинное, т.-е. согласное съ этимъ верховнымъ закономъ счастье, особыми условіями; точнѣе, сама природа этого счастья такова, что оно, такъ сказать, само навязывается человѣку.

Первое указаніе, данное человѣку на природу истиннаго счастья, состоитъ въ томъ, что все нужное и полезное въ цѣляхъ его достиженія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и легкое, достижимое, доступное каждому. И обратно: все трудно достижимое, рѣдкое есть несомнѣнно неполезное и ненужное для счастья. „Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье,—говоритъ Скворода,—нѣтъ же ничего и легче сего. Что было бы тогда, если бы счастье зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастье заключилъ Богъ въ Америкѣ или въ Канарскихъ островахъ, или въ азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустыни, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Кто бы могъ обратиться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно всѣмъ родиться въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?“

„Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастья за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному, не броди по Іерусалиму... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную, яко обходимую, а счастье, яко необходимая необходимость, туне вездѣ и всегда даруется...“
Положеніе: „Благодареніе всевышнему Богу, что нужное

сдѣлать нетруднымъ, а трудное ненужнымъ“, есть одно изъ немногихъ, такъ сказать, центральныхъ, любимыхъ положеній Сквороды; къ нему онъ часто возвращался и охотно развивалъ его привсякомъ удобномъ случаѣ. Счастье вездѣ и всегда съ нами; какъ рыба въ водѣ, такъ мы въ немъ, а оно около насъ ищетъ насъ. Другой признакъ для распознаванія, которымъ натура вооружила насъ, чтобы мы не сбились съ пути, ведущаго къ истинному счастью, есть чувство внутренняго удовлетворенія, „душевной сладости, веселія, куража“, которымъ необходимо сопровождается жизнь, направленная какъ слѣдуетъ. Наивысшимъ выраженіемъ этой сладости является душевный миръ, которому Скворода посвятилъ двѣ лучшія свои философскія бесѣды, въ которыхъ душевный миръ прямо отождествляется со счастьемъ. Еще однимъ важнымъ признакомъ, который характеризуетъ природу истиннаго счастья, въ отличіе его отъ ложнаго, служить то, что истинное счастье можетъ имѣть „множество сопричастниковъ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ оно становится слаже и дѣйствительнѣе“.

И наконецъ, одинъ отрицательный признакъ не можетъ входить въ опредѣленіе нашего счастья, а именно все, что непостоянно, преходимо. что насъ оставляетъ. Нельзя ничего называть счастьемъ, сладостью, что рождаетъ горестъ. Счастье ли здоровье, если концомъ его слабость? Счастье ли молодость, если концомъ ея старость? Счастье ли даже и жизнь, если концомъ ея смерть? Радуются долголѣтію; но если умирать есть несчастье, то не все ли равно, постигнетъ ли оно черезъ 30 или черезъ 300 лѣтъ? Не велика отрада заключенному, что его не черезъ 3 часа, а на 30-й день вытащатъ на эшафотъ. Только постоянство, неотъемлемость и неизмѣнность совмѣстимы съ понятіемъ истиннаго счастья.

Такъ какъ люди рождены къ счастью, то стремленіе къ нему, „забава“, какъ выражается Скворода на своемъ оригинальномъ языкѣ, „есть верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣчeskія жизни; она есть центръ каждыя жизни; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ“. Но въ своемъ естественномъ

стремленіи къ счастью человекъ часто заблуждается. Сколь разнообразными и краснорѣчивыми указаніями ни обставила натура путь къ истинному счастью, какъ ни старалась сдѣлать его широкимъ и торнымъ, все-таки человекъ, по свойственной ему свободѣ воли, свободѣ выбора, возможно заблуждаться, и онъ широко пользуется этою свободой. Видимая, тлѣнная сторона его природы, его рабская, подлая, стихійная натура постоянно увлекаетъ его въ погоню за всякими видимостями.

Безумный человекъ выходитъ изъ дому своего, ищетъ счастья внѣ себя, бродитъ по разнымъ посторонностямъ, достаетъ блистающее имя, обвѣшивается свѣтлымъ платьемъ, притягиваетъ разнovidную сволочь золотой монеты и серебряной посуды, находитъ друзей и безумія товарищей, чтобъ занести въ душу лучъ свѣтлаго блаженства... Чего онъ ни дѣлаетъ? Воюется, тяжбы водить, коварничаетъ, печется, затѣваетъ, строитъ, разоряетъ, кручинится.... есть ли свѣтъ? Смотрить: ничего нѣтъ. А свѣтъ этотъ такъ близко, у себя дома, только стоить въ этомъ своемъ домѣ прорубить окошко, чтобы хлынули въ него цѣлые потоки, несущіе блаженство... Но человекъ, затуманенный видимостями, не можетъ догадаться, въ чемъ заключается этотъ простой секретъ. Даже то естественное наказаніе, которымъ неизбежно сопровождаются человѣческія ошибки, заключающіяся „въ претыканіи, паденіи и сокрушеніи“ всѣхъ его дѣлъ, построенныхъ на пескѣ, не всегда наводитъ человека на пониманіе истины. И тутъ-то долженъ ему придти на помощь философъ, вооруженный верховною мудростью, и вести такого человека путемъ познанія самого себя къ разумѣнію закона своего счастья.

Но, указавъ на познаніе, какъ на единственный путь къ счастью, Скворода, повидимому, ставитъ познаніе же и цѣлью, самымъ содержаніемъ счастья. По крайней мѣрѣ, онъ въ такомъ смыслѣ высказывается въ предисловіи къ „Израильскому змію“, одному изъ наиболѣе типичныхъ его философскихъ разсужденій.

Идя навстрѣчу нуждамъ слабой человѣческой природы, Сковорода дѣлаетъ изъ своихъ общихъ положеній нѣкоторые выводы, идущіе въ область прикладной морали. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ моралистомъ *quand-même*, какимъ его считаютъ нѣкоторые, между прочимъ и г. Зеленогорскій, который именно съ этого утвержденія начинаетъ свою работу. Нѣтъ, онъ не былъ моралистомъ: проповѣдь нравственныхъ истинъ съ цѣлью исправленія нравовъ была совсѣмъ чужда его задачамъ,—не объ исправленіи нравовъ думалъ онъ... Оттого, изъ всей обширной области „практической морали“ онъ касался лишь очень немногихъ сторонъ, которыя въ его построеніи были тѣсно связаны съ его общими положеніями, вытекали изъ нихъ непосредственно. Въ этого, насущно-необходимаго по его философскому построенію, онъ ничего не хотѣлъ знать. Но прикладная его мораль является съ тѣми же рѣзкими чертами, какъ и вся его философія, съ которой она неразрывно слита. Всѣ ея немногочисленныя положенія Сковорода не только проповѣдовалъ и доказывалъ, но и цѣльно примѣнялъ къ себѣ, иллюстрируя ихъ примѣнимостью своимъ собственнымъ примѣромъ.

Всякому, стремящемуся къ нравственному совершенству, Сковорода предлагалъ три вещи: правильный выборъ пищи, дружбы, званія. Два послѣдніе пункта онъ формулировалъ въ слѣдующихъ какъ бы заповѣдяхъ, запрещающихъ: А) Входить въ несродную статью (*status*). Б) Нестъ должность природѣ противную. В) Обучаться къ чему не рождень. Г) Дружить съ тѣми, къ коимъ не рождень. Этими положеніями совершенно исчерпывается вся практическая мораль Сковороды, которую онъ внушалъ своимъ ученикамъ.

Вопроса о пищѣ онъ не считалъ, повидимому, настолько важнымъ, чтобы разрабатывать его въ своихъ сочиненіяхъ: но въ устныхъ бесѣдахъ и письмахъ онъ его касался, а главное — проводилъ строго въ своемъ личномъ режимѣ. Одно время, когда на него было обращено подозрительное вниманіе начальства послѣ его краткаго выступленія на официальную сцену, какъ преподавателя благонравія при

харьковскихъ училищахъ (о характерѣ этого выступленія свидѣтельствуеетъ напечатанная въ вышедшемъ томѣ предварительная лекція и компендіумъ слѣдующихъ), онъ былъ обвиняемъ въ манихейской ереси. Обвиненіе основывалось, главнымъ образомъ, на его воздержаніи отъ мяса. По этому поводу Скворода дѣлалъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ не считаетъ мясо вреднымъ само по себѣ, но полагаетъ, что потребление его можетъ вредить во многихъ случаяхъ, особенно молодымъ людямъ. Самъ Скворода былъ въ пищѣ чрезвычайно умѣренъ: ѣлъ разъ въ сутки, вечеромъ, и то очень мало. Это было въ гармоніи со всѣмъ его аскетическимъ режимомъ, который у него, впрочемъ, не исключалъ жизнерадостнаго настроенія, какое онъ считалъ обязательнымъ поддерживать всегда и въ себѣ, и въ другихъ. Вообще, выставляя правильное употребленіе пищи въ число немногихъ основаній своей прикладной морали, Скворода, конечно, подразумѣвалъ подъ ней не только ѣду въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вообще удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей. Ограниченіе себя до крайнихъ предѣловъ возможности было принципомъ всей долгой жизни Сквороды, и его же онъ рекомендовалъ своимъ ученикамъ какъ первую, легчайшую ступень къ дальнѣйшему совершенству.

То значеніе, которое Скворода придавалъ дружбѣ и выбору друзей, ставя это въ число основныхъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ человѣку, можетъ показаться страннымъ; но эта странность зависитъ только отъ того, что я еще не указала той стороны въ міровоззрѣніи Сквороды, изъ которой это требованіе вытекало. На самомъ дѣлѣ, оно было такъ же пригнано къ цѣлому, какъ и всѣ составныя части его философіи. Объяснюсь пока коротко. Подъ дружбой Скворода понималъ не случайную личную пріязнь, неопредѣленную симпатію, связывающую людей легкой и ни къ чему не обязывающей связью. Дружба въ его глазахъ была союзомъ избранныхъ, такъ сказать, отмѣченныхъ высшею печатью душъ, съ ясно сознанными цѣлями исканія истины. Дѣло въ томъ, что онъ полагалъ, что истина не можетъ

прийти въ міръ иначе, какъ черезъ такой союзъ. Понятно отсюда то мѣсто, какое онъ отводитъ дружбѣ въ своемъ построении.

Наконецъ, третій пунктъ Скворода, въ силу той важности, какую онъ придавалъ его разъясненію, разбивалъ на слѣдующія отдѣльныя положенія: не входить въ несродную статью, не несть должность природѣ противную, не обучаться, къ чему не рожденъ. Конечно, это все разныя стороны одного и того же положенія, называемаго Сквородою кратко, однимъ словомъ: „несродность“. Объ этой несродности и необходимо связанной съ ней сродности Скворода писалъ очень часто, конечно, еще чаще бесѣдовалъ о ней съ своими друзьями; выдвигалъ для доказательства своихъ утверждений множество аргументовъ, иллюстрировалъ ихъ массой примѣровъ, художественныхъ образовъ, аллегорій. Видно, что этой прикладной сторонѣ своего ученія Скворода придавалъ особенную важность. И самой жизнью своей онъ подчеркивалъ ее очень старательно. Я уже сказала выше, что онъ всю жизнь свою провелъ какъ добродѣтельный нищій, не имѣя никогда ни своего угла, ни какой-либо собственности, кромѣ одежды на тѣлѣ, нѣсколькихъ книгъ, рукописей и флейты въ торбѣ, которую онъ носилъ за плечами. Но многимъ, и на большемъ районѣ, куда входили не только Харьковъ и Кіевъ, но и Москва, извѣстна была ученость Сквороды, его выдающееся остроуміе, замѣчательное краснорѣчіе. Естественно, что его доброжелатели, цѣнившіе его таланты, а въ числѣ ихъ было не мало и сильныхъ міра сего,—очень желали дать ему какое-нибудь житейское положеніе. Но всѣ направленные сюда старанія, всѣ дѣлаемые ему предложенія Скворода всегда отклонялъ тѣмъ, что эта статья ему несродна; что если бы только онъ почувствовалъ влеченіе хоть, напримѣръ, къ воинскому званію, то тотчасъ же нацѣпилъ бы на себя саблю, но онъ этого не чувствуетъ, а, наоборотъ, чувствуетъ, что ему прилична роль на свѣтѣ лишь самая простая, безпечная, уединительная, и что въ этой выбранной себѣ роли онъ чувствуетъ себя

совершенно удовлетвореннымъ и счастливымъ. Беззавѣтно преданный своимъ идеямъ, совершенно цѣльный. Скворода хотѣлъ доказать жизнью свое ученіе; доказалъ ли что или не доказалъ, во всякомъ случаѣ, онъ оставилъ въ общественной атмосферѣ бодрящее душу сознание того, какъ велика можетъ быть власть человѣка надъ собой.

Ученіе о сродностяхъ и статяхъ у Сквороды складывалось такъ. Онъ предполагалъ существованіе своего рода *harmonia praestabilita* между обществомъ и человѣкомъ. Общество Скворода любитъ сравнивать съ часовымъ механизмомъ, гдѣ каждая часть хитро подогнана къ цѣлямъ всего. Въ цѣлесообразности своего устройства общество носить на себѣ, по его мнѣнію, отпечатокъ непосредственнаго воздѣйствія той самой невидимости, высшей воли, которая царитъ во всемъ мірѣ, какъ и въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, между обществомъ и душой человѣка существуетъ гармонія, происходящая, такъ сказать, отъ единства источника, который далъ начало какъ одному, такъ и другой. Эта гармонія отражается въ душѣ человѣка прирожденною ему склонностью и способностями къ тому или другому виду общественной дѣятельности. Вотъ это-то и есть „сродность къ той или другой стати“.

Отъ того, будутъ ли люди руководствоваться въ жизни своими сродностями или нѣтъ, цѣликомъ зависитъ и общественное благо, и личное счастье человѣка. Указать свою сродность и есть одна изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ самопознанія, раскрытія воли Божіей, пребывающей въ человѣкѣ,—такая задача, удачное рѣшеніе которой значительно облегчаетъ всѣ дальнѣйшія трудности въ стремленіи человѣка къ высшему совершенству. Внѣ удачнаго ея рѣшенія не можетъ быть для человѣка и рѣчи о счастіи. Человѣкъ можетъ быть счастливъ только тогда, по мнѣнію Сквороды, когда принимаетъ на себя общественную обязанность не по своимъ прихотямъ и не по чужимъ совѣтамъ, но вникнувъ въ самого себя и внявъ живущему въ немъ и зовущему духу, который не ошибается и поведетъ человѣка

къ тому, къ чему онъ рожденъ, чтобъ онъ былъ полезнымъ для себя и для другихъ. И общество можетъ продолжать правильное свое теченіе только тогда, когда каждый его членъ не только добръ, но и исполняетъ сродную себѣ часть отъ всеобщей должности, разлитой по всему составу. „Самая добрая душа, -- разсудить Сковорода, — тѣмъ безпокойнѣе и несчастливѣе живетъ, чѣмъ важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рождена. Да и какъ не быть несчастной, если потеряла сокровище душевнаго мира? Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ обижаютъ друзей и родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ, однородныхъ и чужестранныхъ? Какъ не обижать, если вредъ приноситъ обществу? Какъ не вредить, если нѣтъ неутомимаго труда? Откуда же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ-жъ возьмешь охоту безъ природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота стремится къ труду и радуется имъ. Трудъ есть живой и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь породить совершенное дѣло, соплетающее творцу своему вѣнецъ радости“.

Увлекаясь своей идеей, Сковорода временами былъ склоненъ приписывать чуть не все зло, не всѣ несовершенства нашей жизни тому, что люди не уразумѣли этой простой истины и не стремятся устраивать жизнь свою по сродностямъ. Конечно, Сковорода не могъ не понимать, какъ трудно бороться съ заблужденіемъ, корни котораго такъ глубоко вкоренились въ рабскую и внѣшнюю природу человѣка и такъ омрачили всѣ сердца, что „не сыщешь столь подлой души нигдѣ, которая не рада бы хоть сегодня взойти и на самое высокое званіе, ни мало не разсуждая о сродности своей“. Самые близкіе друзья, хотя, вѣроятно, и охотно слушали, но плохо принимали къ сердцу его краснорѣчивую проповѣдь на темы, что „природный и честный сапожникъ милѣе и почтеннѣе, чѣмъ безприродный штатскій совѣтникъ“, или что „во сто разъ блаженнѣе пастухъ, овцы или свиньи съ природою пасущій, нежели священ-

никъ, брань противу Бога имущій“, или что „вѣрный признакъ несродности къ званію есть гоняться за доходами“ и т. д. Но, конечно, самой краснорѣчивою проповѣдью, хотя столь же мало убѣдительною для окружающихъ, была самая жизнь Сквороды.

Въ своей фанатической вѣрѣ въ теорію сродности Скворода развивалъ свое ученіе дальше, въ его практическихъ подробностяхъ и приложеніяхъ. Онъ разсматривалъ специально нѣкоторыя общественныя стати въ связи съ соотвѣтствующими имъ сродностями. При этомъ онъ предупреждалъ, что чѣмъ важнѣе стать, тѣмъ внимательнѣе надо испытывать свою сродность, чтобы не произошло ошибки, тѣмъ болѣе пагубной, чѣмъ самая статья отвѣтственнѣе. Къ наиболѣе отвѣтственнымъ статьямъ онъ относитъ и занятіе философіей, и разясненію этой статьи и ея сродности онъ посвящаетъ наиболѣе вниманія. Настоящимъ философомъ можетъ быть только тотъ, по его мнѣнію, кто способенъ вмѣстить идеаль, который онъ опредѣляетъ слѣдующими выраженіями: „Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби пищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ, учись священнымъ языкамъ, научись хоть одному твердо, привитайся съ древними языческими философами, побесѣдуй съ отцами вселенскими; голодь, холодь, ненависть, гоненіе, клевета, руганіе и трудъ да будетъ не только сносенъ, но и сладостенъ...“ Полны истиннаго краснорѣчія слова, которыя онъ обращаетъ къ предполагаемому имъ безприродному любителю философій. „Учителю, иду по тебѣ... Иди лучше паши землю или носи оружіе, отправляй купеческое дѣло или художество твое. Дѣлай то, къ чему рожденъ, будь справедливый и миролюбный гражданинъ, и довлѣть... Учителю, иду по тебѣ... Не ходи... Сего недовольно, что ты остръ и учонъ. Должно быть другомъ званію, не любителемъ прибыли отъ него... Учителю, иду по тебѣ... Иди... и будешь естества лишенный чучель, облакъ бездождный, сатана, съ небесной должности къ подлымъ похотямъ падшій...“

Никакихъ другихъ сторонъ изъ безконечной области практической нравственности, кромѣ трехъ указанныхъ мною, Сковорода никогда не касался. Вѣроятно, онъ полагалъ, что все остальное само приложится человѣку, если онъ встанетъ на указываемый путь. Да и вообще съ его духовной индивидуальностью было несомнѣнимо проповѣдывать *ad hoc*, что требуется природой истиннаго моралиста.

Итакъ, я представила остовъ философскаго міровоззрѣнія Сковороды съ указаніемъ всѣхъ его важнѣйшихъ частей и ихъ соотношеній. Но мнѣ предстоитъ еще указать, чѣмъ былъ оживленъ этотъ остовъ, что и труднѣе, и отвѣтственнѣе: дѣло въ томъ, что все сказанное мною выше можетъ быть провѣрено по сочиненіямъ, изданнымъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ; то же, что я буду говорить дальше, главнымъ образомъ, опирается на сочиненія, еще не вошедшія въ настоящее изданіе.

Не затрогивая общаго вопроса объ отношеніи философіи къ религіи, я съ увѣренностью могу выставить такое положеніе: философія Сковороды была, несомнѣнно, и его религіей. Была—не въ томъ условномъ, субъективномъ, смыслѣ, въ которомъ всякая идея можетъ отродиться въ душѣ человѣка въ объектъ религіознаго отношенія, а въ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Вотъ здѣсь-то и лежитъ глубокая пропасть между Сковородой и нѣкоторыми западноевропейскими мыслителями, на него повліявшими, но которые проводили всегда болѣе или менѣе рѣзкую грань между философіей и религіей. Какъ настоящая религія,— а не суррогатъ ея, отмѣченный печатью личнаго творчества, — міровоззрѣніе Сковороды впадаетъ въ общій стихійный центральный потокъ религіозной мысли,—преданія, которымъ жило и живетъ человѣчество,—впадаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ ему дерзкое отрицаніе. Не увидѣтъ или не понять этой стороны въ ученіи Сковороды—значитъ не увидѣтъ подъ общими его чертами его индивидуальной духовной физиономіи.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, вообще совершенно

лишенныхъ біографическихъ подробностей, Скворода говоритъ, что онъ началъ читать Библію 30 лѣтъ отъ роду. Утвержденіе какъ бы несообразное для человѣка, который учился въ Кіевской Духовной академіи,—но совершенно ясное и несомнѣнно правдивое. Смыслъ его таковъ: конечно, Скворода зналъ Библію съ ранняго дѣтства; но только тридцати лѣтъ, уже послѣ своихъ странствованій по Европѣ, въ которыхъ онъ, повидимому, много прибрѣлъ для расширенія своего умственного кругозора, Библія явилась для него съ тѣмъ особымъ значеніемъ, которое отмѣчаетъ его міровоззрѣніе. Съ тѣхъ поръ до конца своей жизни онъ оставался „любителемъ священныхъ Библии“, какъ онъ подписывался въ своихъ письмахъ. Но странная это была любовь...

На-ряду съ космосомъ, или міромъ обительнымъ, который въ совокупности своихъ преходящихъ явленій заключаетъ въ себѣ неизмѣнную и непреходящую, вѣчную основу, и маленькимъ міркомъ, человѣческимъ микрокосмомъ, отношеніе котораго къ большому міру выяснено выше, есть еще микрокосмъ, другой малый мірокъ—„мірокъ символическій, или Библія“. Библія, въ полномъ своемъ составѣ, есть не что иное, какъ собраніе образовъ, фигуръ, „ведущихъ мысль нашу въ понятіе вѣчныхъ природы, утаенной въ тлѣніи“, иначе говоря, собраніе притчей или аллегорій, значеніе которыхъ заключается въ скрытой подъ этими аллегоріями философской истинѣ. Такимъ образомъ, библейный микрокосмъ, какъ и человѣческій, заключаетъ въ себѣ двѣ природы: одну внутреннюю, подлежащую раскрытію разумнымъ въ нее проникновеніемъ, и другую внѣшнюю, стихійную, которая должна быть отброшена, какъ ненужная ветошь, разъ человѣкъ проникъ своимъ разумомъ въ истинную сущность, скрытую подъ этой тлѣнной оболочкой. Отсюда двойственное отношеніе Сквороды къ Библии. Съ одной стороны, онъ относился къ Библии какъ глубоко вѣрующій, искренно религіозный человѣкъ; съ другой стороны, совершенно отрицалъ ее, от-

рицаль почти до издѣвательства, приличнаго какому-нибудь ученику Вольтера.

Складывалось это у него, сколько я могла понять, такъ. Онъ полагалъ, что невидимая основа всего сущаго, открываясь въ человѣкѣ, такъ сказать, нарочито открылась въ Библии (какъ отчасти и въ языческихъ мифологіяхъ). Но понять это его отношеніе къ Библии можно только тогда, когда поймешь его идею объ избранныхъ людяхъ и ихъ особой роли въ мірѣ. Библия есть твореніе этихъ избранныхъ людей, черезъ которыхъ только и открываетъ себя верховная основа міра. Вѣра въ этотъ родъ Израилевъ, избранныхъ, Божьихъ, истинныхъ людей, призванныхъ самой натурой быть истолкователями воли Божіей, живою связью между человѣческимъ прахомъ и вѣчностью, была одной изъ важнѣйшихъ основъ въ ученіи Сковороды.

Собственно, каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ зерно истиннаго человѣка. Но онъ не хочетъ этого уразумѣть, почитаетъ себя за скота, говоритъ въ сердцѣ своемъ: „кровь и плоть моя-то есмь, и что же еще кромѣ сего?“ — и въ самомъ дѣлѣ дѣлается скотомъ. Но кто захочетъ трудомъ разумнѣнія высѣчь заключающуюся въ немъ искру, тотъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ этихъ избранныхъ никогда не умирающаго Божьяго рода, не имѣющаго ни начала, ни конца, ни раздѣленія. Если узнаешь одного изъ этого рода, узнаешь всѣхъ, такъ какъ во всѣхъ одинъ новый, или истинный, человѣкъ, и они въ немъ, а онъ въ отцѣ своемъ. Изъ этого рода—Моисей, также какъ патріархи и пророки, да и Плутархъ, на примѣръ, тоже принадлежалъ къ числу тѣхъ, „которые хотя за Христомъ и не ходили, но именемъ Его бѣсовъ изгоняли...“

Къ этому роду „вторичнорожденныхъ“ носителей верховной мудрости Сковорода, несомнѣнно, причислялъ и себя: помимо отдѣльныхъ указаній и намековъ, драматическій діалогъ: „Пря бѣса съ Варсавой“, теперь напечатанный, говоритъ объ этомъ очень ясно. Въ число первыхъ задачъ своей миссіи Сковорода ставилъ созданіе этого но-

ваго Израиля путемъ своего личнаго воздѣйствія, пропаганды, какъ можно выразиться на современномъ языкѣ. Впереди, и въ недалекомъ будущемъ, ему, полному страсти энтузіасту, мерещилось „второе время“, „царство Божіе“, „жизнь вѣчная“, когда огнемъ разумѣнія будетъ пожрано все мертвенное, глѣбное, стихійное человѣческой природы, и земля сдѣлается „землей живыхъ, страной и царствомъ любви, горнимъ Іерусалимомъ—сверхъ подлаго азіатскаго—безъ вражды и раздора. гдѣ все общее, гдѣ общество будетъ въ любви, любовь въ Богѣ, Богъ въ обществѣ...“

Такимъ образомъ, Сковорода вѣрилъ, вѣрилъ, какъ истинный фанатикъ, что весь смыслъ Библии—тотъ самый, который заключается въ его философскомъ построеніи; что только нужно раскрыть этотъ смыслъ, извлечь его изъ-подъ скрывающихъ его внѣшностей, чтобы уразумѣть это; что весь смыслъ Библии заключается въ томъ же „познай себя“, чтобы черезъ самопознаніе взойти къ познанію Бога, основы сущаго. Главной своей задачей Сковорода и считалъ именно—раскрыть эту внутреннюю связь между Библией и философіей и сдѣлать ее ясной для другихъ.

Въ исполненіи этой задачи онъ видѣлъ необходимую ступень къ водворенію на землѣ царства Божія. Отсюда и та особая складка, которою отмѣчены всѣ его философскія разсужденія и которая даетъ поводъ дѣлать о немъ такія разнообразныя и противорѣчивыя заключенія. Его называли мистикомъ только потому, что не давали себѣ труда разобратъ, въ какомъ отношеніи стоятъ многочисленныя цитаты изъ Библии, сопровождающія почти каждое его философское положеніе, къ его основной темѣ. Понять это отношеніе значитъ найти ключъ къ пониманію Сковороды.

Пламенная любовь вѣрующаго, какую питалъ Сковорода къ „своей“ Библии, къ той, которая укрывала подъ своими образами истину, обращалась въ его цѣльной и суровой душѣ въ страстную ненависть къ внѣшней буквѣ Библии. Въ этомъ чувствѣ большое мѣсто занималъ страхъ передъ пагубною, съ его точки зрѣнія, силой, какую она

обнаруживала надъ умами человѣчества *). Онъ предостерегаетъ отъ чтенія Библии; онъ боится, чтобъ ее не читали тѣ, кто инымъ путемъ не приобрѣлъ критерія истины: не узнавъ себя, нельзя узнать Библии; не узнавшихъ себя Библия мучить, какъ сфинксъ. „Библия подобна ужасной пещерѣ,—она вся преисполнена пропастей и соблазновъ; она первѣе на еврейской, потомъ на христіанской родъ безчисленныя навела суевѣрій наводненія“... Увлекаясь внѣшностью Библии и забывая, что „она есть, какъ всякая внѣшность, тлѣнь, и что нѣтъ блага, кромѣ Бога, люди начинаютъ уповать на плоть и кровь, обожаютъ вещество въ свѣчахъ, живописи и церемоніяхъ. Сколько уже вѣковъ люди мудрствуютъ въ церемоніяхъ и каковы плоды? Только одни расколы, суевѣрія и лицемерія. Церемоніальнымъ терновникомъ заросъ входъ въ садъ Божіей истины, и нѣтъ туда доступа человѣку“.

Видя въ Библии источникъ всякой внѣшности въ богопочитаніи, которую онъ отождествлялъ съ язычествомъ и суевѣріемъ, Сковорода пытался съ корнемъ вырвать изъ душъ своихъ послѣдователей уваженіе къ этой внѣшней Библии. Для этого онъ прибѣгалъ даже къ грубой насмѣшкѣ. „Люди, по словамъ Библии, преобразуются въ соляные столбы, возносятся къ планетамъ, ѣздятъ колясками на морскомъ днѣ и на воздухѣ, солнце будто карета останавливается, желѣзо плаваетъ, рѣки возвращаются, отъ гласа трубнаго разваливаются городскія стѣны, горы какъ бараны скачутъ, волки съ овцами дружатъ, встаютъ мертвыя кости, падаютъ съ яблонь небесныя свѣтила, а изъ облаковъ крупная каша съ перепелками... Будто блаженная натура когда-то гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ... Возстать противъ царства природы и ея законовъ есть несчастная, исполинская дерзость: какъ же могла возстать на свой законъ блаженная натура?...“ Въ виду такихъ кощунственныхъ разсужденій весьма возможно, что Ско-

*) Въ послѣдующихъ строкахъ, весьма характерныхъ для ученія Сковороды, явно проглядываетъ крайній его рационализмъ и, по всей вѣроятности, влияние западной критики Библии, начавшейся со времени Спинозы. *Ред.*

ворода игралъ известную роль, если не въ основаніи, то въ развитіи въ Малороссіи духоборческой рационалистической ереси *).

Я кончила. Мнѣ кажется, я указала всѣ характерныя черты міровоззрѣнія Сковороды, насколько оно выразилось въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ. Но я больно чувствую одинъ огромный недостатокъ въ своемъ изложеніи. Я все-таки отдѣлила философа отъ ересіарха, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти двѣ стороны сливаются въ Сковородѣ въ одну цѣльную духовную личность, поражающую своей суровой оригинальностью. Но я не сумѣла это сдѣлать иначе.

Не въ моихъ средствахъ взять на себя задачу опредѣлить, къ какому философскому теченію или школѣ должно отнести Сковороду какъ философа. Больше того, мнѣ навязывается мысль: должно ли и можно ли это сдѣлать? Не принадлежалъ-ли Сковорода къ тѣмъ любопытнымъ, такъ-

*) Въ одномъ изданіи сороковыхъ годовъ, известномъ только развѣ записнымъ любителямъ мѣстной старины, въ „Описаніи Полтавской губ., Арендаренка“ есть прямое и категорическое указаніе, что секту духоборцевъ основалъ Сковорода. До сихъ поръ никто и никогда не связывалъ духоборцевъ съ Сковородой: въ специальныхъ изслѣдованіяхъ о духоборствѣ нѣтъ и намекъ на подобную связь. Но если принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) что духоборство возникло несомнѣнно на территоріи Слободской Украины того района, гдѣ странствовалъ и постоянно училъ народъ Сковорода, 2) что и хронологически появленіе его совпадаетъ съ дѣятельностью Сковороды, 3) но главное, что ученіе духоборцевъ чрезвычайно напоминаетъ по духу Сковородинскій рационализмъ,—то предположеніе о связи духоборства со Сковородой дѣлается во всякомъ случаѣ правдоподобнымъ. Проф. Амф. Степ. Лебедевъ, который писалъ о духоборствѣ въ Харьк. губ., на высказанное мною вышеупомянутое предположеніе, совершенно согласился со мною въ 3-мъ, главнѣйшемъ пунктѣ. Какъ онъ, такъ и проф. Багалъй, возражаютъ одно, что духоборство появилось въ великорусскомъ населеніи губерній, а не малорусскомъ, какъ бы слѣдовало ожидать, если связывать его со Сковородой. Но я не нахожу это возраженіе достаточно убѣдительнымъ: Сковорода писалъ не по-малорусски, слѣдовательно, могъ говорить и не съ малорусскимъ народомъ, а что его взгляды привились тутъ, а не привились тамъ, что же это доказываетъ? Несомнѣнно, что сочиненія Сковороды, его портретъ, духовныя его лѣсни до сихъ поръ пользуются огромнымъ уваженіемъ среди нашихъ сектантовъ-раціоналистовъ.

сказать, самороднымъ индивидуальностямъ, къ которымъ такъ идетъ выраженіе: самъ себѣ предокъ. Конечно, это не исключаетъ вопроса о вліяніяхъ, внѣ которыхъ немыслимъ человѣкъ, но отодвигаетъ его на другой планъ. Такъ или иначе, несомнѣнно одно: Сковорода былъ сыномъ своего вѣка. Съ роскошной трапезы европейской философской мысли онъ, ея скромный участникъ-варваръ, вынесъ безграничное довѣріе къ компетентности человѣческаго разума.

Съ безудержной требовательностью, такъ характерной для цѣльной варварской природы, онъ захотѣлъ подчинить своему принципу все, включая и міръ преданія. Замысль возмутительно дерзкій. Но дерзость, не соразмѣренная съ природой вещей, несетъ свое естественное наказаніе въ неудачѣ своихъ результатовъ: не понесъ ли Сковорода строгаго наказанія за нее въ томъ забвеніи, которое его постигло, — забвеніи несправедливомъ, если принять во вниманіе огромные размѣры этой фигуры, на-ряду съ той массой пигмеевъ, которая испещряетъ собою страницы всякой исторіи?

А. Ефименко.

О времени.

(Окончаніе) *).

„О вѣщахъ, въ которыя вѣрило все чело-
вѣчество и относительно которыхъ
всѣ были согласны, какъ въ очевидно-
сти свидѣтельства своихъ чувствъ, бы-
ло доказано, что онѣ ложны, подобно
тому, какъ была доказана ложность
мнѣнія, что солнце встаетъ и садится“
(Дж. Ст. Милль. Dissertations a. dis-
cussions polit., philos. a. histor., Vol. II.
стр. 472).

VII.

Задачею послѣднихъ главъ нашей статьи будетъ: показать сверхвременный или, другими словами, чуждый опредѣленіямъ времени характеръ воспріятій нашихъ душевныхъ актовъ въ самосознаніи, а слѣдовательно и самихъ этихъ актовъ, и тѣмъ оправдать возможность и разумность признанія субстанціальности души и ея сверхвременнаго, т. е. вѣчнаго бытія. Просимъ читателя терпѣливо прослѣдить наши построенія до конца, хотя мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ принуждены были придать имъ характеръ нѣсколько сухихъ, но зато, какъ намъ кажется, логически болѣе строгихъ и точныхъ разсужденій.

Общіе результаты всего предшествующаго нашего изслѣдованія проблемы о времени можно вкратцѣ выразить такъ:

Человѣкъ несомнѣнно обладаетъ двумя источниками

---

*) См. Вопросы Философіи, кн. 23 и 24.

познанія дѣйствительности: опытомъ чувственнымъ или внѣшнимъ (онъ же органической), и опытомъ сверхчувственнымъ — внутреннимъ *). Посредствомъ „чувственного“ опыта онъ знакомится съ такъ называемою, физической или матеріальною дѣйствительностью, — посредствомъ „сверхчувственного“ или внутреннего опыта познаетъ свои собственныя психическія или душевныя состоянія и ихъ отношенія.

Весь чувственный опытъ есть совокупность особыхъ, чисто психическихъ или субъективныхъ состояній, называемыхъ „ощущеніями“, внѣшними и органическими, которыя представляютъ собою лишь символическіе, *душевные* способы воспріятія объективныхъ физическихъ фактовъ, т.-е. свойствъ и отношеній предметовъ и явленій внѣшняго, такъ называемаго, матеріальнаго міра. Непосредственно въ этихъ психическихъ воспріятіяхъ „чувственного“ порядка сознаются нами состоянія нашей же души или возбужденія нашей душевной энергіи, являющіяся *отраженными* результатами взаимодействія съ міромъ, т.-е. ближайшимъ образомъ продуктами извѣстныхъ физиологическихъ процессовъ въ мозгу, которые въ свою очередь вызваны раздраженіями въ прочемъ организмѣ, а уже эти послѣднія — движеніями въ средѣ.

Но такъ какъ при всякомъ взаимодействіи *двухъ* дѣятелей или силъ (въ данномъ случаѣ, нашего душевнаго дѣятеля, сознанія, и физическихъ факторовъ) каждый *претерпѣваетъ* дѣйствіе другого и оказываетъ ему *противодѣйствіе* (т.-е. самъ дѣйствуетъ), то въ воспріятіяхъ чувственного порядка есть моментъ пассивный и активный. Въ „специфическихъ“ ощущеніяхъ органовъ чувствъ (и органическихъ въ тѣсномъ смыслѣ) душевная энергія пассивно *претерпѣваетъ* дѣйствія среды, а въ „общихъ“ ощущеніяхъ пространственныхъ и временныхъ отношеній этихъ специальныхъ ощущеній она

---

*) Подъ «опытомъ» мы разумѣемъ въ обоихъ случаяхъ испытываніе сознаніемъ нашимъ различныхъ своихъ состояній, т.-е. совокупность актовъ *сознанія* этихъ состояній, что не предрѣшаетъ вопроса о различныхъ формахъ опыта или „способахъ“ испытыванія.

воспринимаетъ свои собственныя *дѣйствія* или *усилія*, направленные на процессы воспріятія, т.-е. непосредственно на регулированіе дѣятельности органовъ чувствъ и мозга во взаимодействіи со средою *).

Выражая эту мысль кратко, можно сказать, что душа или душевная энергія (энергія сознанія) воспринимаетъ въ ощущеніяхъ свои „претерпѣванія“ и „дѣйствія“ во взаимодействіи съ факторомъ, называемымъ средою вообще и организмомъ въ частности. Такъ какъ эту внѣшнюю физическую среду она воспринимаетъ и познаетъ въ чувственномъ опытѣ только *символически*—въ явленіяхъ или „формахъ“ своихъ же состояній, то *сама по себѣ*, въ своей *сущности*, эта среда, т.-е. вещество, недоступна ея воспріятію и познанію. Цвѣта, звуки, запахи, вкусы, также какъ и пространственно-временныя ихъ отношенія — все это „субъективныя представленія“ или «формы сознанія», во взаимодействіи его съ міромъ. „Міръ есть мое представленіе“. Познаніе же „вещей въ себѣ“ посредствомъ чувственного воспріятія и опыта человѣку недоступно. Мы познаемъ сквозь призму чувственного опыта *дѣйствія* и *противодѣйствія* дѣятелей внѣшняго міра, такъ называемыхъ, физическихъ, лишь косвенно, въ „субъективныхъ“ символахъ, а именно: а) въ ощущеніяхъ *специфическихъ* мы косвенно познаемъ дѣйствія на насъ среды и матеріи, б) въ общихъ воспріятіяхъ *пространства и времени* — противодѣйствія или сопротивленія среды и матеріи при нашемъ взаимодействіи съ нею. Только въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ право говорить объ объективности явленій цвѣта, звука, пространства, времени, движенія, о ихъ соотвѣтствіи *дѣйствительнымъ* фактамъ въ мірѣ, средѣ, веществѣ.

Во всякомъ случаѣ, *время*, какъ и *пространство*, нельзя себѣ объяснить иначе, какъ въ смыслѣ субъективной формы воспріятія „взаимодействій со средою“, которую мы называемъ физической и познаемъ чувственно. Время есть

*) См. прошлую статью, гл. VI.

субъективная форма воспріятія движенія въ пространствѣ, т.-е. психологически оно не что иное, какъ способъ сознанія иннервационныхъ психическихъ усилій, которыя мы совершаемъ для приспособленія центровъ (въ мозгу) при воспріятіи „движеній“ въ пространствѣ и въ веществѣ. Это значитъ, что подобно тому какъ звукъ есть субъективный способъ воспріятія колебаній воздуха, а свѣтъ—колебаній эфира, такъ въ время—условный психическій способъ воспріятія тѣхъ мозговыхъ процессовъ, которые нужны для распорядка впечатлѣній, доставляемыхъ средою и организмомъ чрезъ посредство органовъ чувствъ и нервовъ. Мозгъ несомнѣнно приспособляется къ удобнѣйшему усвоенію этихъ впечатлѣній, и эти его приспособленія или движенія мы воспринимаемъ въ формѣ представленій времени (т.-е. продолжительности и послѣдовательности), причемъ, конечно, непосредственно мы сознаемъ лишь активныя „психическія“ усилія, необходимыя для этихъ приспособленій, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего, кромѣ своихъ психическихъ состояній и актовъ, мы ощущать не можемъ *). Слѣдовательно, время есть только форма „представленія внѣшней дѣйствительности“, а не что либо „реальное внѣ сознанія и представленія“. Въ этой формулѣ мы безусловно присоединяемся къ Канту, хотя и даемъ ей новое толкова-

---

*) Ходъ нашихъ разсужденій въ выводѣ того положенія, что время—форма воспріятія приспособленій мозга въ процессѣ ощущеній можно вкратцѣ выразить такъ: приспособленія (движенія) мозга въ процессѣ воспріятія внѣшняго міра такъ же *неизбѣжны* и *несомнѣнны*, какъ и приспособленія органовъ периферіи. Послѣднія мы ощущаемъ въ формѣ пространственныхъ отношеній, первыя мы или никакъ не ощущаемъ или ощущаемъ въ формѣ представленій объ отношеніяхъ впечатлѣній во времени. Но такъ какъ невѣроятно, чтобы мы ихъ никакъ не ощущали и такъ какъ въ воспріятіи временныхъ отношеній мы несомнѣнно субъективно ощущаемъ какіе-то процессы, связанные съ чувственнымъ воспріятіемъ, а никакихъ другихъ процессовъ, кромѣ центральныхъ мозговыхъ, нельзя признать объектомъ воспріятія въ представленіяхъ времени, сопровождающихъ чувственныя воспріятія, то очевидно мы субъективно воспринимаемъ въ этой формѣ (времени) именно мозговые процессы приспособленія въ актахъ ощущенія. Этотъ нашъ выводъ построенъ по схемѣ „индуктивнаго метода остатковъ“.

ніе и оправданіе. И просимъ читателя ее запомнить, какъ одно изъ основныхъ нашихъ положеній.

Изъ этихъ общихъ итоговъ нашего предшествующаго анализа, которые мы будемъ считать правильными, пока намъ не будетъ доказано, что въ своихъ разсужденіяхъ мы допустили какія-либо *фактическія* или же *логическія* ошибки, естественно вытекають слѣдующіе вопросы:

Если цвѣтъ, звукъ *), пространство и время — формы чувственнаго воспріятія и опыта, то при неизбѣжномъ признаніи иного рода (сверхчувственнаго или внутренняго) воспріятія и опыта, посредствомъ котораго мы познаемъ *само* свое *сознаніе*, свои „психическія“ дѣйствія и состоянія, какъ таковыя,—можно ли допустить, что формы этого внутренняго, сверхчувственнаго опыта тождественны формамъ *внѣшняго* чувственнаго воспріятія—цвѣту, звуку, пространству и времени? Или необходимо предположить, что формы *внутренняго* опыта другія?

Относительно цвѣта, звука, пространства давно рѣшено психологами и признано даже физиологами, что они *не суть* формы внутренняго опыта, что сами ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, протяженій, также какъ чувства, идеи, стремленія, не отличаются другъ отъ друга никакимъ цвѣтомъ, никакъ не звучать и не имѣють никакихъ мѣръ длины и протяженія. Слѣдовательно, предыдущій вопросъ можно ограничить въ слѣдующей формѣ: если *время* есть форма чувственнаго воспріятія физическихъ явленій или измѣненій, то слѣдуетъ ли признать его также необходимою формою внутренняго или сверхчувственнаго воспріятія самихъ психическихъ состояній и отношеній между душевными фактами?

Кантъ утверждалъ ошибочно, что время есть именно неизбѣжная форма *внутренней интуиціи*, т.-е. внутренняго опыта, воспріятія душевныхъ актовъ и ихъ отношеній. Но Кантъ, какъ мы подробно показали въ первой статьѣ (главы

*) Для краткости и ради избѣжанія повтореній, говоря о цвѣтѣ и звукѣ, мы будемъ теперь подразумѣвать и всѣ прочія наши „специфическія“ ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ и спеціальныя органическія.

I—III) *), противорѣчилъ себѣ въ разныхъ своихъ утвержденияхъ, ибо, во-первыхъ, признавалъ также, что время—форма чувственнаго воспріятія, форма чувстванности (Sinnlichkeit) и что представление о времени всегда само есть „чувственное воззрѣніе“, такъ какъ „всѣ его отношенія могутъ быть выражены при помощи внѣшняго воззрѣнія“ (въ формѣ линіи движенія въ пространствѣ), откуда слѣдовало бы вывести, что „внутренній“ опытъ или самосознаніе есть тоже чувственный, т.-е. внѣшній опытъ, а такъ какъ чувственный или внѣшній опытъ есть опытъ „въ пространствѣ“, то это значило бы, что внутренний опытъ есть пространственный опытъ, что Кантъ безусловно отрицалъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь если время необходимо представлять себѣ въ „формѣ линіи движенія въ пространствѣ“, то и психическое бытіе необходимо представлять себѣ въ формѣ „движенія въ пространствѣ“, при томъ не по одной, а по многимъ линіямъ **). Однако, Кантъ признавалъ возможность „трансцендентальнаго изслѣдованія душевной жизни и самого чувственнаго опыта въ его *составѣ*, а не *происхожденіи* (во времени)“, противуполагая его „физиологическому“ изслѣдованію чувственнаго опыта и вообще душевныхъ состояній въ порядкѣ ихъ смѣны во времени ***). Наконецъ, Кантъ утверждалъ, что если время есть необходимая и дѣйствительная форма „представленія“ душевныхъ состояній, т.-е. форма внутренней интуиціи, то это еще не значить, что время есть дѣйствительная и подлинная форма

*) „Вопросы Философіи“, кн. 23-я.

***) Такъ, наприм., если я ѣду въ Парижъ читать рефератъ по психологіи, то съ точки зрѣнія Канта можно сказать, что моя мысль ѣдетъ пять сутокъ въ Парижъ по желѣзнодорожной линіи Москва-Варшава-Берлинъ-Кельнъ-Парижъ, а потомъ по линіи отъ Сѣвернаго вокзала въ Rue de l'Université и оттуда по Boulevard St. Germain въ Faculté de médecine, и одновременно съ этимъ вѣрно путешествуетъ во „времени“ по линіямъ волоконъ моего мозга изъ однѣхъ клѣтокъ въ другія?? Но имѣютъ ли всѣ эти линіи движенія въ пространствѣ и во времени какое нибудь отношеніе къ моему реферату?!

***) См. § 13 „Критики чистаго разума“ и § 21 „Пролегоменъ“ Канта, на которые ссылается и которые разъясняетъ ниже подробнѣе, въ своей статьѣ „О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ“, помѣщенной въ этой же книгѣ журнала (Спец. отдѣлъ, стр. 645 и слѣд.), профессоръ Александръ Введенскій.

духовнаго существованія, *бытія* духа *). Очевидно, всѣ эти утвержденія несогласимы другъ съ другомъ: внутренней опытъ, самосознаніе, не можетъ быть „чувственнымъ“ и Шопенгауэръ вмѣстѣ съ Фихте и Шеллингомъ, прекрасно разъяснили послѣ Канта, что внутренняя интуиція „самосознанія“ имѣетъ непосредственный, сверхчувственный характеръ. Но Шопенгауэръ раздѣлялъ предубѣжденіе Канта, что время—форма внутренней интуиціи, хотя онъ же прекрасно выяснилъ, что во „внутренней“ интуиціи мы непосредственно познаемъ само бытіе наше, его сущность (волю), а не „въ субъективной, символической формѣ явленія этого бытія“, т.-е. только „представленія о бытіи“. Бытіе же воли онъ считалъ сверхвременнымъ. Поэтому и онъ признавалъ возможность изслѣдованія всего психическаго бытія не по происхожденію (въ смѣнѣ явленій во времени), а по составу (внѣ времени), т.-е. *трансцендентально*, и предметомъ этого трансцендентальнаго (внѣвременнаго) изслѣдованія считалъ такъ же, какъ и Кантъ, самыя воззрѣнія *пространства и времени*, какъ „формы чувственнаго опыта“. Этимъ и онъ, и Кантъ явно опровергли необходимость и неустранимость „представленія“ душевной жизни *только во времени*, а не другими способами и не въ другихъ формахъ. А если *время* не есть „безусловно необходимая“ форма внутренней интуиціи, то спрашивается, есть ли оно и вообще форма внутренняго опыта? Конечно, поскольку время (какъ и пространство) есть форма внѣшняго, чувственнаго опыта, оно есть отчасти и форма внутренняго опыта—въ обширномъ смыслѣ, ибо въ обширномъ смыслѣ, какъ мы показали, внѣшній опытъ есть только частная область „внутренняго“,—область „сознанія нами *своихъ* психическихъ состояній во взаимодействіи съ міромъ“. Но изъ того, что время, какъ и пространство, есть форма одной частной области единственно доступнаго намъ „внутренняго“ опыта еще не слѣдуетъ, что оно есть необхо-

*) Объ этомъ подробно въ § 7 „Критики чистаго разума“, который сообщенъ въ точномъ переводѣ и прекрасно истолкованъ въ той же статьѣ проф. А. Введенскаго (стр. 640 и слѣд.).

димая форма в с е г о внутреннего опыта и, въ частности, той его области, которая считается „внутреннимъ опытомъ по преимуществу“ (въ противоположность внѣшнему, чувственному) и называется „самосознаніемъ“. Если Кантъ утверждалъ, что время есть только форма „представленія“ душевнаго бытія, а не способъ самого этого бытія, то этимъ онъ фактически подтвердилъ возможность познанія, а слѣдовательно, и представленія этого духовнаго бытія внѣ времени, въ его *подлинныхъ*, сверхвременныхъ свойствахъ и отношеніяхъ, ибо иначе откуда онъ и узналъ бы, что время только форма представленія, а не бытія? *). Старую формулу сенсуалистовъ: „Ничего нѣтъ въ умѣ, чего бы не было въ ощущеніи“ необходимо расширить и выразить такъ: „Ничего нельзя понять, чего нельзя представить, и ничего нельзя себѣ представить, чего нельзя испытать, т.-е. воспринять въ опытѣ“. Если мы понимаемъ сверхвременное бытіе, то только потому, что можемъ представлять себѣ его и испытывать.

Изъ этого краткаго повторительнаго анализа противорѣчиваго ученія Канта о времени и возникаетъ съ новою силою вопросъ: не было ли произвольно утвержденіе Канта о томъ, что время есть форма внутреннего опыта или внутренней интуиціи, т.-е. форма самосознанія, — когда оно несомнѣнно (для самого же Канта) является формой внѣшняго чувственнаго опыта и можетъ быть выражено „только при помощи внѣшняго воззрѣнія“?

Мы постараемся доказать въ настоящей статьѣ вѣрность слѣдующаго силлогизма, первая посылка котораго принадлежитъ Канту, а вторая идетъ въ разрѣзъ съ только что приведеннымъ несостоятельнымъ его утвержденіемъ,

*) Этотъ вопросъ можно обратить и къ Шопенгауэру, который прямо говоритъ, что въ представленіи о мірѣ двѣ существенныя половины: «Die eine ist das Objekt: dessen Form ist Raum und Zeit. Die andere Hälfte aber, das Subjekt, liegt nicht in Raum u. Zeit, denn Sie ist ganz und ungetheilt in jedem Vorstellenden Wesen» (W. a. W., I, 6). Откуда Ш. это узналъ, если не изъ сверхвременнаго внутреннего опыта?

хотя вполне согласна съ другимъ его ученіемъ о трансцендентальномъ познаніи „формъ чувственности“ (и самого времени), „апріорныхъ“ формъ разсудочной и нравственной дѣятельности, а также эстетической оцѣнки:

Время есть только мое представленіе времени—внѣ представленія времени нѣтъ времени.

Въ самосознаніи всѣ отношенія душевныхъ фактовъ воспринимаются и познаются нами внѣ или помимо „представленія времени“.

Слѣдовательно: самосознаніе, какъ способъ воспріятія отношеній душевныхъ фактовъ есть дѣятельность, не подчиненная времени *).

Въ связи съ указаннымъ первымъ вопросомъ о томъ, можно ли считать время формою самосознанія или внутренней интуиціи, стоитъ и другой, весьма существенный: можно ли, какъ это сдѣлалъ Кантъ, различать форму „представленія“ душевной жизни отъ формы самой душевной жизни или бытія? Въ отношеніи къ явленіямъ внѣшняго (для сознанія) міра понятно, что мы представляемъ себѣ ихъ въ формахъ *своихъ психическихъ* состояній (представленій), а не такъ, какъ они существуютъ *сами по себѣ, независимо отъ сознанія*. Но относительно душевнаго бытія совершенно непонятно, какъ оно можетъ представляться намъ иначе, чѣмъ оно есть, когда само „представленіе“ есть родъ душевнаго бытія и необходимая составная его часть. Несомнѣнно вѣрно положеніе Шопенгауэра, что внутренняя интуиція есть непосредственное познаніе самого подлиннаго душевнаго бытія, ибо она и есть именно само это подлинное душевное бытіе. Никакой чуждой призмы воспріятія между сознаніемъ, какъ формою душевнаго бытія и какъ *объектомъ* самосознанія, съ одной стороны, и познаніемъ, какъ дѣятельностью самосознанія, т. е. *субъекта*, съ другой,—нельзя себѣ вообразить, ибо сознаніе, какъ и самосознаніе, есть

*) Силлогизмъ этотъ соотвѣтствуетъ схемѣ: А есть В, С не есть В, слѣдовательно С не есть А. Это второй модуль II фигуры силлогизма, называемый „Camestres“, о чемъ—въ любой логикѣ.

дѣятельность одного и того же субъекта: этой призмы (призмы чувственности) между субъектомъ познаваемымъ и субъектомъ самопознающимъ не можетъ быть, и сказать, что „представленіе“ о душевной жизни различно отъ самой душевной жизни, значить сказать *абсурдъ*.

Если мы познаемъ внѣшній, физическій міръ сквозь призму субъективныхъ формъ нашей чувственности, то не познаемъ ли мы свое душевное бытіе непосредственно и объективно, какъ оно есть, безъ всякой чувственной призмы, т.-е. подлинно, а не символически,—не въ такихъ формахъ и представленіяхъ, которыя будто бы ему чужды и въ какихъ оно *не есть*, а только „представляется“ намъ, а въ такихъ, въ какихъ оно на самомъ дѣлѣ есть по существу своему?

Это второй основной вопросъ нашего послѣдующаго анализа.

Наши главные тезисы—слѣдующіе:

1. Время не есть форма внутренняго, психическаго, сверхчувственнаго опыта.

2. Есть особыя формы внутренняго, душевнаго опыта или самосознанія, отличныя отъ пространства и времени, и къ которымъ пространство и время, эти формы чувственнаго опыта, относятся какъ *частные случаи* отношеній психическихъ фактовъ, а именно только при взаимодействіи души съ внѣшнимъ міромъ.

3. Въ формахъ внутренняго опыта или самосознанія мы познаемъ и находимъ *подлинныя* формы и законы духовнаго бытія: это не призматически-субъективные способы „представленія“ духовнаго бытія въ его „явленіяхъ“. Напротивъ: духъ, какъ *вещь въ себя*, можетъ быть познанъ нами непосредственно въ нашемъ внутреннемъ опытѣ или самосознаніи.

Методъ или порядокъ доказательства этихъ тезисовъ будетъ слѣдующій:

1. Мы рассмотримъ *степень и формы* участія самосознанія или внутренняго опыта въ области самого „чувственнаго“

или внѣшняго опыта, т.-е. его психической переработки, и выяснимъ невозможность разсматривать эти формы, какъ выраженія пространственно-временныхъ отношеній.

2. Разберемъ значеніе этихъ формъ самосознанія и внутренняго опыта внѣ области переработки матеріала чувственного опыта, т.-е. въ области самосознанія въ тѣсномъ смыслѣ, и постараемся показать, что особенныя формы чувственного опыта — пространство и время—суть лишь частныя случаи распорядка душевныхъ фактовъ (а именно, въ процессѣ взаимодѣйствія сознанія съ внѣшней средою).

3. Разсмотримъ подробнѣе нѣкоторые другіе типическіе частныя случаи распорядка элементовъ сознанія въ соотвѣтствіи съ указанными основными формами „самосознанія“ (въ особенности, въ области *логическаго* мышленія) и попытаемся произвести дедукцію всѣхъ существенныхъ формъ самосознанія изъ двухъ главныхъ его принциповъ.

4. Покажемъ, что въ общихъ категоріяхъ и формахъ самосознанія, со всѣми частными ихъ случаями, мы познаемъ подлинную природу духа, а не его случайныя, символическія проявленія *).

VIII.

Простѣйшія формы самосознанія или внутренняго, сверхчувственного опыта—это сознаніе тождествъ и различій, зависимостей и независимостей душевныхъ состояній другъ съ другомъ и другъ отъ друга. И прежде всего, эти формы самосознанія сопровождаютъ и обусловливаютъ переработку элементовъ чувственного опыта, т.-е. внѣшнихъ и органическихъ ощущеній, въ представленія о *предметахъ* и *явленіяхъ* физическаго мира. Сами по себѣ эти ощущенія разрознены и притекаютъ въ сознаніе въ беспорядкѣ, отрывочно и хаотично. Когда мы находимся въ бодрственномъ состояніи и душевная

*) Всѣ эти изслѣдованія мы произведемъ, конечно, въ общей логической ихъ схемѣ, а не во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ, которыя потребуютъ вполнѣдствіи, для завершенія нашей работы, отдѣльнаго сочиненія.

наша энергія находится въ состояніи постояннаго напряженія „въ сторону усилій къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній“, или, какъ мы выразились выше, въ состояніи *необостренного* вниманія *), то *всѣ* наши органы чувствъ *открыты* для возможныхъ впечатлѣній, и наплывъ этихъ впечатлѣній неизбѣженъ чрезъ всѣ органы одновременно и параллельно, такъ что нужна внутренняя работа самосознанія, чтобы ихъ упорядочивать и располагать въ системы, соединять въ группы и создавать изъ беспорядочнаго потока впечатлѣній цѣльные образы воспріятій въ пространствѣ (предметы) и во времени (явленія). Это и совершается при помощи отождествленія и различенія ощущеній, ихъ соединенія и раздѣленія по степени ихъ зависимости между собою. И такимъ образомъ, эти простѣйшіе процессы самосознанія лежатъ въ основаніи комбинацій специальныхъ ощущеній въ пространственно-временные ряды и отношенія.

Что эти операціи отождествленія и различенія, усмотрѣнія связей или зависимостей ощущеній суть формы самосознанія, т.-е. сознанія отношеній между нашими ощущеніями, какъ психическими событіями, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, ибо эти операціи касаются въ такой же мѣрѣ текущихъ ощущеній чувственнаго порядка, какъ и отношеній ихъ ко всѣмъ прочимъ, уже пріобрѣтеннымъ представленіямъ, а также къ чувствамъ, эмоціямъ, стремленіямъ, понятіямъ, идеямъ, которыя воспроизводятся въ сознаніи въ связи съ текущими чувственными впечатлѣніями и выплываютъ въ немъ обыкновенно непроизвольно, безъ всякихъ усилій, часто даже незамѣтно, изъ „кладовыхъ нашего самосознанія“, называемыхъ памятью **).

*) См. предыд. статью, глава VI, стр. 401.

**) Когда мы лично придерживались чисто-механической и фізіологической точки зрѣнія въ истолкованіи развитія психическаго содержанія, то пытались объяснить воспріятія тождествъ, различій, связей и зависимостей ощущеній гипотезою специфическихъ „умственныхъ или центрально-мозговыхъ ощущеній“ (см. соч. «Къ вопросу о реформѣ логики». 1883, глава III, особ. стр. 145—149). Но эта гипотеза: 1) не можетъ быть въ настоящее время доказана и под-

Точно такъ же мало подлежитъ сомнѣнію и вѣрность того утвержденія, что внутреннее усмотрѣніе тождествъ, различій и зависимостей между ощущеніями составляетъ необходимое условіе распорядка ихъ въ пространствѣ и во времени. Необходимо сознать *тождество* своихъ единичныхъ усилій воспріятія, чтобы сознать извѣстное протяженіе линіи или однообразной цвѣтовой поверхности, или извѣстную продолжительность звука, и необходимо сознать *различіе* этихъ усилій воспріятія, чтобы сознать смежность двухъ разныхъ объектовъ зрительнаго ощущенія или послѣдовательность, напр., двухъ различныхъ звуковъ. Точно также необходимо *соединить* рядъ ощущеній какъ зависящихъ другъ отъ друга, или *раздѣлить* ихъ какъ независимыя, чтобы пріобрѣсти образъ предмета въ пространствѣ или явленія во времени, какъ цѣльную и связную группу впечатлѣній, самостоятельную отъ другой цѣльной группы впечатлѣній (отъ образа другого предмета или явленія). Такимъ образомъ, отождествленіе и различеніе, соединеніе и раздѣленіе, какъ простѣйшіе акты самосознанія, психологически *предваряютъ* или *обусловливаютъ* образованіе пространственно-временныхъ группъ воспріятій въ сознаніи. Но „предваряютъ“ не значитъ „предшествуютъ во времени“, ибо: 1) время этихъ актовъ отождествленія и различенія, соединенія и раздѣленія, лежащихъ въ основаніи построенія пространственно-временныхъ образовъ, не сознается нами и нами не представляется, а такъ какъ время есть „только представленіе и субъективная форма сознанія“, то тамъ, гдѣ оно не сознается, его вовсе и *нѣтъ*, а 2) именно благодаря различенію и отождествленію, соединенію и раздѣленію ощущеній и возникаютъ впервые образы пространственно-временныхъ отношеній. Очевидно, стало быть, какъ нелѣпо говорить о времени отождествленій и различеній ощущеній въ самосознаніи, когда само усмотрѣніе времени (какъ

тверждена физиологически и экспериментально, а 2) она ничего не прибавляетъ къ пониманію упомянутыхъ элементарныхъ процессовъ самосознанія, которыя воспринимаются внутреннимъ опытомъ или интуиціей и подлежатъ анализу только какъ факты самосознанія.

и пространства)--продуктъ этихъ отождествлений и различеній *).

Поэтому, когда экспериментальные психологи ставятъ себѣ задачу: измѣрить время простѣйшихъ актовъ отождествленія и различенія, то попадаютъ въ весьма странное положеніе. Съ точки зрѣнія самосознанія, совершенно ясно, что отождествленіе и различеніе, соединеніе и раздѣленіе ощущеній не только обуславливаютъ самыя представленія пространства и времени, но и сами, какъ *различные психическіе акты*, настолько другъ друга обуславливаютъ и подразумеваютъ, что между ними не можетъ быть никакой послѣдовательности и временной смѣны. Отождествленіе предполагаетъ и различеніе, а различеніе предполагаетъ отождествленіе; соединеніе однихъ ощущеній другъ съ другомъ предполагаетъ раздѣленіе ихъ отъ другихъ, и обратно; вмѣстѣ съ тѣмъ отождествленіе есть въ то же время соединеніе, а различеніе — раздѣленіе, какъ и наоборотъ. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія экспериментальныхъ психологовъ, думающихъ, что отождествленіе, различеніе и всѣ другіе акты самосознанія требуютъ времени, надо допустить, конечно, что—или отождествленіе предшествуетъ различенію, или наоборотъ; а то, что предшествуетъ, совершается очевидно скорѣе, въ меньшій промежутокъ времени. Отсюда задача: измѣрить время отождествленія и различенія и опредѣлить, которое изъ нихъ совершается скорѣе и является основнымъ.

Таковую задачу пытался, между прочимъ, разрѣшить въ своемъ изслѣдованіи „О законѣ перцепціи“ (Одесса, 1894) почтенный нашъ психофизиологъ, проф. философіи Новороссійскаго университета, Н. Н. Ланге**). Въ результатѣ

*) М. Гюйо въ своемъ интересномъ этюдѣ «Происхожденіе идеи времени» (Русс. пер. Смоленскъ. 1891) высказываетъ сходную мысль: «Воспріятіе различій и сходствъ—первое условіе идеи времени, имѣетъ своимъ результатомъ понятіе двойственности, а помощію двойственности создается число... Такимъ образомъ, *различеніе (discrimination)*, первичный элементъ интеллекта, не нуждается даже въ идеѣ времени для своего примѣненія; наоборотъ, идея времени его предполагаетъ» (стр. 23).

**) См. особ. Изсл. I, гл. V его книги, стр. 38—45.

его изслѣдованій получилось, что для сознанія сходства двухъ впечатлѣній нужно въ среднемъ 0,506 сек., а для сознанія различія—0,551, откуда онъ вывелъ заключеніе, что „сознаніе сходства есть болѣе первичный фактъ, чѣмъ сознаніе различія“, и что „сознаніе различія есть лишь сознаніе отсутствія сходства“. Выводъ самъ по себѣ кажется страннымъ, такъ какъ ясно, что и „сознаніе сходства есть логически—сознаніе отсутствія различій“. Но онъ получаетъ еще болѣе странное значеніе, когда изъ изслѣдованій другого экспериментатора въ Москвѣ (приватъ-доцента А. С. Бѣлкина) получились результаты какъ разъ обратные, а именно, что среднее время различенія равно 0,321—0,324 сек., а среднее время сознанія сходства—0,374—0,379 сек., откуда можно было бы вывести, что чувство различія болѣе основной актъ духа, чѣмъ „чувство сходства“ или, *точнѣе*, чѣмъ актъ отождествленія *).

Уже изъ этихъ любопытныхъ, по противорѣчивости, результатовъ „экспериментальнаго“ изученія времени отождествленія и различенія“ можно заключить, что поставленная психометріей задача измѣренія этого времени—задача несостоятельная. Но можно однимъ очень простымъ умственнымъ опытомъ еще нагляднѣе показать ея несообразность. Если, какъ это думаютъ психофізіологи школы Вундта, всякое усмотрѣніе отношеній душевныхъ актовъ въ самосознаніи, и въ частности усмотрѣніе отношеній между ощущеніями, совершается „во времени“ и можетъ быть имъ измѣрено, то задачу опре-

---

*) Господа экспериментаторы-фізіологи, между прочимъ, напрасно говорятъ о чувствѣ сходства, какъ первичномъ психическомъ фактѣ: сознаніе сходства есть сознаніе частичнаго тождества, т. е. тождества среди различій. Слѣдовательно, строгій психологъ можетъ сопоставлять другъ съ другомъ только дѣйствія отождествленія и различенія, какъ первичныя, а никакъ не чувства (?) сходства и различія. Изложеніе изслѣдованій г. Бѣлкина и сравненіе ихъ съ изслѣдованіями г. Ланге читатель журнала найдетъ въ „Отчетѣ о диспутѣ Н. Н. Ланге“, помѣщенномъ во II отд. 24 кн. журнала (особ. стр. 611—616), гдѣ напечатаны и тезисы г. Ланге и весьма вѣскія возраженія противъ взглядовъ г. Ланге на отношенія процессовъ отождествленія и различенія—проф. Л. М. Лопатина и С. С. Корсакова.

дѣленія «времени отождествленія и различенія» можно видоизмѣнить такъ: я вижу катящійся по полу шаръ и при этомъ воспринимаю внѣшними чувствами длину и направленіе линіи, по которой онъ катится, т.-е. нѣкоторое отношеніе впечатлѣній въ пространствѣ, а также продолжительность и скорость движенія, т.-е. отношеніе своихъ впечатлѣній во времени. И вотъ, я ставлю для своего самосознанія задачу: опредѣлить экспериментально, что является въ этомъ самосознаніи болѣе основнымъ и предшествующимъ фактомъ: сознаніе линіи и направленія движенія или сознаніе его скорости и продолжительности (отношеніе сознаний этихъ двухъ воспріятій въ самосознаніи совершенно сходно или аналогично отношенію сознаний тождествъ и различій между ощущеніями). Поставивъ такую задачу, я конечно не буду производить на самомъ дѣлѣ психометрическихъ измѣреній (чего однако не возбраняю гг. психофизиологамъ), а покажу только ея логическую несообразность. Допустимъ, что изъ такихъ психометрическихъ измѣреній выяснится, что я раньше (во времени) воспринялъ въ самосознаніи *) направленіе движенія въ пространствѣ, чѣмъ его скорость и продолжительность (т.-е. время), — тогда окажется, что я раньше созналъ въ себѣ пространственную форму движенія, чѣмъ его время, но *раньше* значитъ — «во времени» раньше, т.-е. я уже сознавалъ время впечатлѣній, когда воспринималъ направленіе и длину линіи движенія. Еще абсурднѣе предположеніе, что я раньше созналъ время, т.-е. скорость движенія, чѣмъ направленіе его, ибо я воспринималъ скорость его, только благодаря сознанію отношеній между шаромъ и поверхностью, по которой онъ двигался, т.-е. благодаря сознанію отношеній своихъ усилій — услѣдить за движеніемъ шара по плоскости, такъ что очевидно я уже сознавалъ пространственныя отношенія при воспріятіи времени движенія. Слѣдовательно, въ самосознаніи для отождествленія и различенія пространственныхъ и времен-

---

*) Т.-е. созналъ, что я воспринимаю.

ныхъ отношеній впечатлѣній нѣтъ никакого «прежде» и «послѣ», какъ и для воспріятій тождествъ и различій вообще, да и нелѣпо было бы измѣрять и опредѣлять временемъ наступленіе момента «сознанія времени», такъ какъ ранѣ наступленія этого момента никакого времени нѣтъ и не можетъ быть. Вѣдь, чтобы сознать направленіе движенія шара въ пространствѣ и скорость этого движенія, т.-е. мѣру его «во времени», я долженъ произвести нѣкоторыя отождествленія и различенія, соединенія и раздѣленія моихъ впечатлѣній, отличить шаръ отъ пола, отождествить его измѣняющіяся, при движеніи, образы другъ съ другомъ, и т. д. Только благодаря этимъ дѣйствіямъ самосознанія, я и могу сознать отношеніе впечатлѣній своихъ въ пространствѣ и во времени.

Но я не сознаю, чтобы эти операціи самосознанія предшествовали сознанію пространственно-временныхъ отношеній, а если не сознаю этого предшествованія, то не сознаю и времени этихъ операцій.

Въ чемъ же ошибка экспериментальной психометріи при постановкѣ проблемы «измѣренія времени отождествленій и различеній»? Очевидно, въ томъ, что ея адепты *заранѣе объективируютъ* время, т.-е. превращаютъ его изъ формы «сознаванія и представленія» въ форму «существованія и реального отношенія» психическихъ фактовъ, т.-е. совершаютъ *retitio principii*, заранѣе допуская, что акты самосознанія не могутъ не происходить во времени. И во-вторыхъ, въ томъ, что измѣряя будто бы время актовъ отождествленія и различенія, они на самомъ дѣлѣ измѣряютъ лишь количество и отношеніе усилій воспріятія тѣхъ впечатлѣній, которыя отождествляются и различаются, и тѣхъ иннервационныхъ усилій въ центрахъ, которыя дѣлаются въ видахъ отмѣтки или заявленія, помощью хроноскопа, факта этихъ отождествленій или различеній. Другими словами, они измѣряютъ *усилія*, связанныя съ взаимодействіемъ сознанія со средою, а вовсе *не акты духа*, которые совершаются внѣ всякаго *сознанія* времени.

Впослѣдствіи мы убѣдимся, что точно также внѣ сознанія времени, а слѣдовательно и внѣ времени, осуществляются и всѣ другія, болѣе сложныя дѣйствія самосознанія, основанныя на отождествленіи, различеніи, соединеніи и раздѣленіи душевныхъ состояній, наприм. отправления мысли (логическія), оцѣнки чувствомъ (эстетическія), дѣйствія волевыя, т.-е. образования хотѣній (этическія рѣшенія).

Предшествующій анализъ приводитъ насъ невольнo къ предположенію, что если воспріятія пространственно-временныхъ отношеній между впечатлѣніями чувственнаго опыта до такой степени завясятъ отъ первичныхъ операцій *самосознанія*, которыя мы только что изслѣдовали, то не слѣдуетъ ли разсматривать *пространственно-временный распорядокъ* содержанія ощущеній, какъ частный случай и спеціальную форму этихъ актовъ различенія, отождествленія, соединенія и раздѣленія, а не наоборотъ: дѣйствія различенія и проч., какъ частные случаи распорядка явленій сознанія во времени, какъ думали Кантъ, Шопенгауэръ и другіе представители философіи XIX вѣка?

Вѣрность этой гипотезы, опрокидывающей традиціонное воззрѣніе, подтвердится дальнѣйшимъ анализомъ упомянутыхъ основныхъ функцій *самосознанія* въ области разработки всего, простаго и сложнаго, психическаго содержанія въ опытѣ внутреннемъ или духовномъ.

IX.

Самосознаніе, будучи на нисшей своей ступени усмотрѣніемъ въ сознаніи отношеній и связей между ощущеніями, является далѣе, на ступени болѣе высокой, усмотрѣніемъ отношеній и зависимостей между всѣми прочими доступными намъ душевными состояніями, т.-е. представленіями, идеями, чувствами, эмоціями, стремленіями, хотѣніями и проч. Это и есть самосознаніе въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ. Благодаря отождествленію и различенію, соединенію и раздѣленію, мы находимъ въ самосознаніи

своемъ сложную картину разнообразныхъ группъ душевныхъ или психическихъ фактовъ, которые признаемъ элементами нашего сознанія, какъ цѣлаго. Между ними мы различаемъ простые и первичные, сложные и производные факты, — явленія разныхъ порядковъ (мысли, чувства, воли — интеллектуальныя, эмоціональныя, волевыя), — отношенія подчиненія и соподчиненія и всевозможныя другія формы зависимостей — причинную, логическую, нравственную и эстетическую, которыя обобщаются нами въ формулы законовъ причины и дѣйствія, мотиваціи (отношеніе хотѣнія и дѣйствія), достаточнаго основанія (отношеніе основанія и слѣдствія), цѣлеположенія (отношеніе факта къ его цѣли), — законовъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго, эстетическихъ законовъ усмотрѣнія гармоніи, этическихъ законовъ императива долга, совѣсти, нравственной отвѣтственности и проч.

Всѣ эти системы и формулы отношеній имѣютъ несомнѣнно смыслъ и *raison d'être* только въ предѣлахъ самосознанія: психологическая группировка идей, чувствъ, хотѣній, логическіе законы мысли, этическіе законы мотиваціи и эстетическія формулы оцѣнки воспріятій не имѣютъ ничего общаго съ химическими, физическими и біологическими законами и отношеніями предметовъ и явленій внѣшняго міра, съ классификаціями минералогическими, ботаническими, зоологическими и др. под. А между тѣмъ, и тутъ и тамъ всѣ отношенія объектовъ сознанія распредѣляются въ двухъ основныхъ направленіяхъ: 1) Всѣ классификаціи и группировки какъ физическихъ фактовъ внѣшняго опыта, такъ и психическихъ фактовъ внутренняго опыта происходятъ, главнымъ образомъ, на основаніи отождествленія и различенія признаковъ душевныхъ состояній въ самосознаніи. 2) Всѣ законы и формулы соотношеній между фактами того и другого порядка суть преимущественно дѣйствія соединенія и раздѣленія, т.-е. усмотрѣнія различныхъ зависимостей или связей между нашими представленіями объ этихъ фактахъ — въ самосознаніи.

Такимъ образомъ, при сравненіи всѣхъ системъ отношеній между фактами нашего опыта, которыя устанавливаются мыслью въ процессѣ познанія, намъ открываются, съ одной стороны, двѣ различныя области, въ которыхъ обнаруживается аналогичная, упорядочивающая наши представленія, работа самосознанія,—области, изъ которыхъ одна называется міромъ *физическимъ*, другая—міромъ *психическимъ*. Съ другой стороны, въ этой работѣ самосознанія обнаруживаются и два порядка основныхъ функций самосознанія, изъ которыхъ одинъ сводится къ дѣйствіямъ „отождествленія и различенія“, другой — къ дѣйствіямъ „соединенія и раздѣленія“ представленій, постановки ихъ во взаимную связь и зависимость, или отрицанія этой связи и зависимости. Это какъ бы два различныя психическія измѣренія, въ которыхъ самосознаніе осуществляетъ распорядокъ фактовъ опыта, столько же внѣшняго, сколько и внутренняго.

При дальнѣйшемъ сравненіи указанныхъ дѣйствій самосознанія въ двухъ главныхъ сферахъ и въ двухъ основныхъ направленіяхъ, легко замѣтить, что если въ сферѣ *внѣшняго*, или чувственнаго опыта дѣйствія отождествленія и различенія, соединенія и раздѣленія приводятъ къ группировкѣ всѣхъ фактовъ *этого* опыта въ двѣ системы отношеній — предметовъ въ пространствѣ и явленій во времени, то въ области *внутренняго* опыта происходитъ совершенно иное размѣщеніе психическихъ фактовъ, совсѣмъ не похожее на размѣщеніе такъ называемыхъ, физическихъ объектовъ, хотя и представляющее собою также двѣ различныя категории отношеній.

Дѣйствія „отождествленія и различенія“ въ области самосознанія даютъ въ результатѣ картину разнообразныхъ по качеству психическихъ явленій, состояній, актовъ, которые располагаются по группамъ, родамъ и видамъ, по порядку простоты и сложности, по степени сродства и близости, совмѣстности и смежности, ясности и отчетливости и т. д. Во всей совокупности своей эти факты сознанія

образуютъ то цѣлое, которое называется душою и является средою психическихъ отношеній. Это—цѣлый міръ, отличный отъ міра внѣшняго, пространственнаго, и философы называютъ его, въ противоположность необъятному внѣшнему міру, *микрокосмосъ*. Если прибѣгнуть къ метафорѣ, то эта своеобразная „среда сознанія“ представится какъ бы безконечною равниной, усѣянной множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ психическаго порядка, называемыхъ ощущеніями, представленіями, понятіями, чувствованіями, чувствами, волненіями, желаніями, стремленіями, хотѣніями, мыслями, идеями, идеалами... которые находятся рядомъ другъ съ другомъ, возлѣ и близко или далеко другъ отъ друга, выше и ниже, которыя «больше или меньше, шире или уже другъ друга». Но, конечно, все это только метафоры. Мы отлично знаемъ, что это „quasi-пространство психическое, называемое душою или сознаніемъ“, не есть „пространство“ физическое, что въ немъ нѣтъ „ни рядомъ, ни возлѣ, ни дальше, ни ближе, ни выше, ни ниже, ни большого и малого, ни широкаго и узкаго“—въ смыслѣ физическомъ. „Сознаніе“—не мѣсто и не вмѣстилище, „элементы“ его не предметы и вещи, а нѣчто совсѣмъ другое, непротяженное, пространственными мѣрами не измѣримое, съ пространствомъ несоизмѣримое. Но вдумываясь глубже въ отношенія этого „много пространства душевныхъ состояній и актовъ“ къ физическому, чувственному, мы замѣчаемъ, что если душа или сфера сознанія не есть элементъ и частная форма „внѣшняго“ пространства, то за то легко понять „пространство физическое“ какъ частную форму среды сознанія, какъ частный случай отношеній тождества и различій,—тождества и различій между ощущеніями, воспринятыми при взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ. Части и цѣлыя въ предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра—только форма отношенія „частей и цѣлыхъ въ сознаніи“, возлѣ и рядомъ въ пространствѣ—форма „возлѣ и рядомъ психическаго, непротяженнаго“, „выше и ниже, много и мало, больше и меньше“—все это прежде всего

психическія категоріи и опредѣленія, а затѣмъ уже, *въ частности*, физическія, пространственныя. Смежность, разстояніе и величина пространственныхъ предметовъ — частные случаи смежностей, разстояній и величинъ психическихъ. Когда мы усвоимъ себѣ это чисто психологическое воззрѣніе и поймемъ, что даже самые термины „пространства“ и „протяженія“ можно употреблять въ смыслѣ психологическомъ, разумѣя подъ ними обширную или „пространную“ среду разнообразныхъ психическихъ фактовъ и ихъ отношеній, и опредѣляя затѣмъ Эвклидово пространство трехъ измѣреній, какъ „спеціальное, вещественное или чувственное пространство и какъ сумму таковыхъ же протяженій“, тогда мы будемъ въ состояніи стать на правильную точку зрѣнія и въ рѣшеніи вопроса о времени, въ его отношеніи къ самосознанію и внутреннему опыту.

Соединенія и раздѣленія психическихъ фактовъ по ихъ зависимости и независимости другъ отъ друга могутъ быть, вѣдь, тоже различныхъ порядковъ, какъ и отождествленіе и различеніе. Понятія соединенія и раздѣленія невольно сначала вызываютъ въ умѣ ассоціаціи *физическаго* характера. Дѣленіе и соединеніе кажутся намъ дѣйствіями надъ тѣлами или величинами (въ пространствѣ). Но эта физико-геометрическая ассоціація тотчасъ исчезаетъ, какъ только мы вспоминаемъ о возможности дѣленія и соединенія *понятій* въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. А когда мы вникнемъ глубже въ значеніе дѣйствій соединенія и раздѣленія въ области самосознанія, то убѣдимся, что они такъ же мало ограничиваются установленіемъ зависимостей и независимостей „физическихъ“ явленій во времени, какъ дѣйствія отождествленія и различенія — установленіемъ отношеній предметовъ „чувственныхъ“ въ пространствѣ.

Время есть несомнѣнно форма усмотрѣнія извѣстной зависимости воспріятій чувственного порядка, т.-е. говоря точнѣе, усмотрѣніе взаимныхъ зависимостей между „усиліями сознанія“ при воспріятіи отношеній между специфическими ощущеніями, какъ простѣйшими элементами чувственного опыта.

Но есть ли оно также форма усмотрѣнія зависимостей между всѣми актами и элементами самосознанія? Еслибъ это было такъ, то мы не въ состояніи были бы представить себѣ никакихъ зависимостей душевныхъ состояній, которыя бы не укладывались въ форму временныхъ отношеній—отношеній порядка „происхожденія и послѣдовательности“. Но самъ Кантъ, какъ мы видѣли, показалъ, что въ анализѣ своего психическаго содержанія мы можемъ и даже должны становиться на другую точку зрѣнія, которую онъ назвалъ трансцендентальною и которая заключается въ разсмотрѣніи отношеній психическихъ фактовъ не по происхожденію во времени, а по внутреннему составу и зависимости.

Основная ошибка Канта заключалась лишь въ томъ, что онъ раздѣлялъ ходячее и не философское мнѣніе (основанное на естественной субъективной иллюзіи, которую мы ниже объяснимъ привычкою внѣшняго воззрѣнія), что мы можемъ созерцать и сознавать *измѣненія* или *перемѣнны въ сознаніи* только во времени. Объ этомъ ясно свидѣтельствуется то мѣсто § 7 (Erläuterung) въ его „Критикѣ чистаго разума“, гдѣ онъ соглашается съ доводами своихъ противниковъ, что „измѣненія возможны только во времени“ и что „еслибъ я или другія существа могли созерцать меня внѣ этого условія чувственнаго воспріятія, то тѣ самыя опредѣленія, которыя теперь воспринимаются нами какъ измѣненія, стали бы предметомъ познанія, въ которомъ не было бы никакого представленія времени, а слѣдовательно и представленія объ измѣненіяхъ“. Изъ этихъ цитатъ прямо вытекаетъ, что Кантъ всецѣло отождествлялъ въ самосознаніи акты усмотрѣнія измѣненій и усмотрѣнія времени.

Но тутъ-то онъ и допустилъ очевидную для насъ психологическую ошибку. Сознаніе измѣненія или перемѣны означаетъ сознаніе „различій“. Но мы видѣли въ предыдущей главѣ, что усмотрѣніе различій психологически предваряетъ усмотрѣніе отношеній впечатлѣній во времени и пространствѣ, а усмотрѣніе различій, какъ мы видѣли, есть усмотрѣніе *измѣненій въ состояніяхъ самого субъекта ранѣе сознанія всякаго времени*. Такимъ

образомъ, не всѣ измѣненія можно назвать „измѣненіями во времени“. Таковыми нельзя считать даже „измѣненія впечатлѣній“ въ области „чисто пространственнаго воспріятія“. Когда я, сидя въ комнатѣ, заставленной множествомъ неподвижныхъ предметовъ, смотрю передъ собою, я вижу одновременно, разомъ, множество предметовъ, различныя комбинаціи цвѣтовъ, очертаній, величинъ, линій. Разомъ, интуитивно, я усматриваю хотя бы смутно массу различныхъ и сходныхъ, т.-е. различаемыхъ и отождествляемыхъ мною въ самосознаніи, впечатлѣній, и этотъ актъ „настоящаго“ моего усмотрѣнія хотя бы двухъ различныхъ впечатлѣній разомъ составляетъ, по признанію философовъ, только „границу между прошедшимъ и будущимъ во времени“, т.-е. во времени это—ничто, и само представленіе времени возникаетъ лишь какъ продуктъ различенія и усмотрѣнія нѣкоторой особой зависимости впечатлѣній между собою въ ихъ движеніи, т.-е. „какъ слѣдствіе особой формы ихъ раздѣленія и соединенія“. Ясно, что я усматриваю измѣненія во времени, какъ „спеціальную форму измѣненій въ состояніяхъ сознанія“, причемъ другою спеціальною формой усмотрѣнія этихъ измѣненій въ состояніяхъ сознанія является, напр., порядокъ ихъ въ пространствѣ, сознаваемый одновременно, т.-е. безвременно. Мы обыкновенно не вдумываемся въ значеніе понятія одновременности фактовъ самосознанія, но если вдумываемся, то поймемъ, что въ этой субъективной области „одновременно“ значитъ внѣвременно или сверхвременно, ибо время есть „продолжительность и послѣдовательность“, а не „разомъ и вмѣстѣ“, т.-е. на границѣ двухъ моментовъ времени *).

Такимъ образомъ, смѣшеніе въ актахъ самосознанія усмотрѣнія различій или измѣненій съ усмотрѣніемъ времени является *petitio principii*, т.-е. продуктомъ зара-

*) Отъ одновременности субъективной, — т.-е. фактовъ, данныхъ въ самосознаніи, конечно, слѣдуетъ отличать „объективную одновременность параллельныхъ явленій чувственной дѣйствительности“, которая означаетъ соотношеніе двухъ рядовъ послѣдовательностей и продолжительностей впечатлѣній.

нѣе произвольно допущеннаго, совершенно недоказаннаго и всѣми фактами самосознанія *опровергаемаго* тождества понятій „измѣненій въ сознаниі“ и „измѣненій во времени“.

Измѣненія въ самосознаніи не суть еще измѣненія во времени, ибо сознание смѣны во времени есть только частная форма сознанія различій и тождествъ между психическими фактами, данными въ самосознаніи *одновременно*, т.-е. *вътверженно*.

Изъ всего изложеннаго возникаетъ слѣдующій вопросъ: если въ самосознаніи необходимо признать возможность различенія и отождествленія, а слѣдовательно и измѣненія—того, что дано разомъ, внѣ времени, и если само это различеніе и отождествленіе лежитъ въ основѣ представленій „смѣны во времени“, какъ и „различій (смежностей) въ пространствахъ“, то не есть ли время—сознаніе одной частной формы соединенія и раздѣленія фактовъ самосознанія, при чемъ существуютъ и другія формы этого соединенія и раздѣленія, ничего общаго съ „временемъ“ не имѣющія?

Подобно тому, какъ есть въ сознаниі „рядомъ, возлѣ, выше и ниже, больше и меньше“, которыя не суть „пространственные отношенія матеріальныхъ величинъ“,—подобно этому есть въ немъ „перемѣны, различія, измѣненія, зависимости“, которыя не суть перемѣны, различія и зависимости во времени. Другими словами, сознание можно разсматривать не только какъ „мнимое пространство“ психическихъ сосуществованій, но и какъ „мнимое время“ психическихъ измѣненій и зависимостей. Въ сознаниі есть „прежде и послѣ“ (какъ и „рядомъ“ и „возлѣ“), которое не есть „прежде и послѣ“ во времени. Такимъ „прежде и послѣ сверхвременнымъ“ является, на примѣръ, логическое прежде и послѣ. Не даромъ логика предостерегаетъ противъ заключенія „post hoc, ergo propter hoc“. Формула „propter hoc“, т.-е. „поэтому, вслѣдствіе этого“, есть формула логической связи, которая не есть эмпирически-чувственная послѣдовательность впечатлѣній во времени. Есть „прежде“ и „послѣ“ логическія (отношенія основаній и слѣдствій), которыя даны

также разомъ и одновременно (внѣ времени), какъ прежде и послѣ (т.-е. рядомъ) въ пространствѣ.

Поэтому то, по аналогіи съ идеею „психическаго псевдо-пространства“, которую мы признали основой и источникомъ частной идеи пространства „вещественнаго“, можно придти и къ широкой и чрезвычайно плодотворной идеѣ „психическаго псевдо-времени“, по отношенію къ которому *обыкновенное эмпирическое или чувственное, Кантовское* время, „которое можно себѣ представить только въ формахъ внѣшняго взрѣнія“, окажется частнымъ случаемъ. Разумѣется, это псевдо-время психическое, будучи основною формою всѣхъ зависимостей представленій въ сознаніи, не будетъ имѣть ни прошедшаго, ни будущаго, а будетъ тѣмъ „безконечно растянутымъ настоящимъ“, которое называется *вѣчностью* и составляетъ форму бытія нашего *единого безвременнаго субъекта*. И по отношенію къ этому „псевдовремени“ психическому время *чувственное*,— время, имѣющее прошедшее и будущее,—окажется только частною формою усмотрѣнія единымъ и неизмѣннымъ субъектомъ нѣкоторыхъ специальныхъ зависимостей его душевныхъ состояній во взаимодействіи *только съ внѣшнимъ міромъ*, а не съ самимъ собою—въ самосознаніи. Вѣдь для усмотрѣнія времени (т.-е. для различенія прежде и послѣ во времени) нужна почва постоянная, неизмѣнная, *покойная* (какъ критерій всякихъ перемѣнъ во времени) и такую почву является именно самосознающей себя, какъ „неизмѣннаго во времени“, субъектъ, хотя по содержанію онъ многообразенъ и сложенъ въ своемъ единствѣ.

Установивъ полный параллелизмъ между „псевдопространствомъ психическимъ“ и реальнымъ „чувственнымъ пространствомъ“, съ одной стороны, и „псевдовременемъ психическимъ“ и реальнымъ „чувственнымъ временемъ“, съ другой,—мы перейдемъ теперь къ специальному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ высшихъ и специальныхъ формъ чисто психическихъ тождествъ и зависимостей, которыя параллельны формамъ элементарныхъ психическихъ отожде-

ствлений и различеній, соединеній и раздѣленій, и покажемъ, какъ нелѣпо пытаться укладывать ихъ въ рамки эмпирическаго чувственнаго времени, — на сколько онѣ шире этихъ рамокъ и несоизмѣримы съ нимъ.

Это дастъ намъ истинное понятіе о дѣйствительномъ психическомъ процессѣ, въ отличіе отъ физическаго, чувственно-воспринимаемаго процесса явленій „во времени“, — процессѣ сверхвременномъ, параллельномъ той непространственной средѣ сознанія, которая отличается отъ чувственно-протяженной среды „физическихъ предметовъ“.

При этомъ главное вниманіе мы сосредоточимъ на анализѣ логическихъ отношеній и зависимостей въ области элементовъ мысли, и лишь затѣмъ вскользь разберемъ формы другихъ психическихъ зависимостей, данныхъ намъ въ самосознаніи или внутренней интуиціи, и между прочимъ выражающихся въ формулахъ этического и эстетическаго самопознанія.

X.

„Времени нѣтъ внѣ представленія времени, внѣ сознанія времени“. Такъ думалъ Кантъ. Слѣдовательно, для того, чтобы признать время необходимою „формою внутренняго опыта, внутренней интуиціи, т.-е. самосознанія“, нужно доказать, что нельзя созерцать отношеній душевныхъ актовъ и состояній „внѣ времени“, т.-е. иначе какъ въ формѣ времени, а не такими способами, которые не включали бы въ себя предположенія времени. Но кто это доказалъ? Конечно, не Кантъ, который противопоставалъ трансцендентальное созерцаніе формъ опыта и самого времени—наблюденію обычной, временной, чувственно-эмпирической связи воспріятій.

Кто же доказалъ и кто докажетъ, что душевную жизнь можно представлять себѣ только въ смѣнѣ душевныхъ явленій „во времени“?

Наоборотъ, есть даже очень сложныя формы самосозна-

нія, въ которыхъ не только отсутствуетъ или утрачивается „сознаніе и представленіе“ времени, но которыя всѣми ухищреніями предвзятой теоріи не могутъ быть уложены въ рамки отношеній „прошедшаго, настоящаго и будущаго“, въ представленія „продолжительностей и послѣдовательностей.“ Таковы формы логическаго мышленія.

Возьмемъ самое простое сужденіе: „Земля—шаръ“. Можно ли сказать, что понятіе земли—прошедшее относительно понятія шара, что оно въ указанномъ сужденіи предшествуетъ, а понятіе шара слѣдуетъ во времени, что оба эти понятія, какъ понятія, имѣютъ извѣстную продолжительность и скорость теченія, опредѣляющую ихъ свойства? Мы отлично сознаемъ, какъ нелѣпы были бы всѣ эти утвержденія. Мы сознаемъ и знаемъ, что сужденія никакого и не было бы, если бы не было въ умѣ разомъ обоихъ понятій и сознанія отношенія между ними, что субъектъ и предикатъ—понятія соотносительныя, что субъекта никакого нѣтъ, пока нѣтъ предиката, и наоборотъ, и что, стало быть, сужденіе есть одновременный, не разложимый на моменты времени и единый актъ мысли, хотя бы оно требовало для своего выраженія не двухъ, а двадцати двухъ словъ. Разумѣется, чтобы „произнести“ хотя бы два слова, а не только двадцать два, нуженъ физическій процессъ звуковыхъ движеній, который, какъ явленіе чувственнаго порядка, можетъ быть представленъ нами только въ формѣ времени. Но надо умѣть отличать воспринимаемое внѣшними чувствами словесное предложеніе отъ доступнаго одному лишь самосознанію сужденія или соединенія понятій. Сужденіе „всѣ люди смертны“—можно лишь такъ произнести или воспринять при произнесеніи, что когда мы будемъ произносить „люди,“—терминъ „всѣ“ уже будетъ прошедшимъ, а терминъ „смертны“—будущимъ, но въ самосознаніи логическомъ всѣ эти понятія даны разомъ, какъ „настоящее“, какъ элементы одного неразложимаго цѣлаго, и это настоящее стоитъ на границѣ прошедшаго и будущаго, какъ актъ безвременный.

Такъ же легко усмотрѣть неприложимость представленія времени къ логическому процессу умозаключенія. Возьмемъ для разбора классическій примѣръ силлогистическаго вывода, разсмотрѣнный между прочимъ Дж. Ст. Миллемъ:

Всѣ люди смертны.

Сократъ—человѣкъ.

Слѣдовательно, Сократъ смертенъ.

Милль не даромъ видѣлъ въ „дедуктивномъ“ умозаключеніи *retitio principii*. Несомнѣнно, что въ большей посылкѣ „всѣ люди смертны“ уже содержится заключеніе, что „Сократъ, какъ человѣкъ, смертенъ“. Но точно также и въ заключеніи „Сократъ, какъ человѣкъ, смертенъ“ (соединеніе меньшей посылки и заключенія) содержится *implicite* ббльшая посылка, что „всѣ люди смертны“. Разумѣется, какъ это неоднократно указывалось критикой, Милль былъ неправъ, видя въ силлогизмѣ, какъ онъ поставленъ Аристотелемъ, случай обыкновенной логической ошибки „*retitio principii*“, ибо положеніе „всѣ люди смертны“ считается доказаннымъ и безъ наблюденія частнаго случая „смерти Сократа или Бисмарка“ и есть индуктивный выводъ изъ наблюденія свойствъ человѣческой природы, а не изъ наблюденія всей суммы смертей человѣческихъ, такъ что логической ошибки „*retitio principii*“ въ первой посылкѣ нѣтъ никакой. Но совершенно вѣрно то, что „заключеніе“ силлогизма *implicite* содержится въ большей посылкѣ и что поэтому большая посылка не можетъ быть „прошедшимъ во времени“ по отношенію къ заключенію, а есть лишь логическое его *præius* или основаніе, какъ субъектъ есть логическое *præius* предиката въ сужденіи. Посылки въ силлогизмѣ можно безнаказанно переставлять, отчего нисколько не измѣняется выводъ, и если даны обѣ посылки, то въ нихъ данъ уже *implicite* выводъ, причемъ обѣ посылки содержатся въ немъ не какъ прошедшее, а какъ неотъемлемое настоящее. Словомъ сказать, въ дедуктивномъ умозаключеніи всѣ элементы сужденія такъ же тѣсно и неразрывно связаны въ единомъ настоя-

щемъ, какъ связаны субъектъ и предикатъ въ сужденіи. Нѣтъ посылокъ безъ вывода, нѣтъ вывода безъ посылокъ. Въ физическомъ мірѣ (чувственнаго воспріятія) всѣ явленія такъ соединены, что въ реальномъ процессѣ ихъ совершенія одни непременно предшествуютъ, другіе слѣдуютъ: сначала нагрѣваніе жидкости или газа, потомъ кипѣніе или взрывъ, сначала цвѣтъ, потомъ плодъ, сперва электрическая искра, потомъ трескъ; но прологическій процессъ нельзя сказать: сперва субъектъ, а потомъ предикатъ, сперва посылки, а потомъ заключеніе. Эти выраженія умѣстны лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ разумѣть процессъ „высказыванія“ сужденія или дедуктивного умозаключенія въ словесныхъ формулахъ, но не самое логическое усмотрѣніе связи понятій въ самосознаніи. Умозаключеніе въ самосознаніи, какъ и сужденіе, есть актъ спонтанный, цѣльный, неразложимый на моменты времени, ибо всѣ его моменты даны въ мысли разомъ, одновременно, и доступны всяческой словесной перестановкѣ во времени. Вѣдь не даромъ и въ сужденіи для логическаго его смысла безразлично, что поставлено раньше: субъектъ или предикатъ, — можно сказать: „люди—порода животныхъ“ и „нѣкоторою породою животныхъ являются люди“. Мѣсто разстановки элементовъ сужденія въ разныхъ языкахъ различно, такъ что въ однихъ сказуемое ставится раньше, въ другихъ—послѣ, но отъ этого логическій смыслъ сужденій не измѣняется, ибо въ немъ субъектъ является логическимъ „прежде“ предиката, а не временнымъ. И точно также посылки дедуктивного умозаключенія — логическое ргіпс заключенія, а не временное. Можно даже сказать, что субъектъ и предикатъ, посылки и заключеніе—столько же „рядомъ“ и „возлѣ“, какъ „прежде и послѣ“, но это рядомъ и возлѣ — не пространственное, а психическое (совмѣстность въ сознаніи), и точно также логическое „прежде и послѣ“ не есть временное, т.-е. чувственное, прежде и послѣ. Поэтому въ логикѣ понятіе „когда“ замѣняется понятіемъ „если“. Заключеніе необходимо, если даны извѣстныя посылки, а не когда онѣ даны, тогда какъ въ природѣ, наоборотъ, новое явленіе

можетъ наступить лишь тогда, когда произошло другое. Этимъ различается *логическая* обусловленность мыслей отъ *физической* или *чувственной* обусловленности явленій во времени.

И не только въ дедуктивномъ умозаключеніи нѣтъ отношенія понятій во времени, но его нѣтъ и въ умозаключеніи индуктивномъ, поскольку оно—умозаключеніе. Индукція, какъ процессъ чувственного наблюденія и опыта, собирающій факты для вывода, конечно, осуществляется во времени; но когда факты даны сознанию, то выводъ является сверхвременнымъ логическимъ процессомъ. Когда мы, напр. логически связываемъ наблюденные факты, что „животныя А, О, S, D... имѣютъ холодную кровь“, въ индуктивный выводъ, что „нѣкоторыя животныя имѣютъ холодную кровь“, то ясно, что и въ этомъ случаѣ выводъ нельзя логически (но можно только словесно) отдѣлить во времени отъ посылокъ и каждую посылку отъ другой (т.-е. посылки: животное А имѣетъ холодную кровь, животное О также, и проч.). Уже въ мысленномъ сопоставленіи *двухъ* животныхъ, имѣющихъ холодную кровь, содержится логически признаніе или заключеніе, что „нѣкоторыя животныя хладнокровны“. Такимъ образомъ, и въ индукціи отношеніе элементовъ мысли или сужденія не укладывается въ рамки времени. Можно спокойно говорить о „моментахъ“ мысли, но „менты“ мысли не суть моменты времени, какъ элементы сознанія не суть элементы пространства. Сами моменты времени суть лишь „моменты мысли“ въ специальной области чувственного опыта.

Эти положенія стануть еще яснѣе, если мы теперь отъ разбора отдѣльныхъ процессовъ мысли перейдемъ къ анализу общихъ законовъ или принциповъ мышленія.

Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, мы должны опровергнуть одно обычное возраженіе, которое дѣлается противъ нашей теоріи и которое мы уже не разъ слышали: «Пусть,—говорятъ намъ,—отдѣльное сужденіе и отдѣльный выводъ въ своемъ логическомъ составѣ являются одновременнымъ и сверхвременнымъ актомъ, но нельзя же отрицать той оче-

видности, что одно сужденіе или выводъ мой является въ сознаниі теперъ, другой—черезъ часъ, третій—завтра и пр., т.-е., другими словами, одинъ прежде, другой теперъ, третій послѣ. Въ эмпирическомъ совершеніи своемъ душевная жизнь несомнѣнно подчинена условіямъ времени“. На это мы отвѣтимъ: „да, но и условіямъ пространства тоже“. Извнѣ наблюдаемая душевная жизнь происходитъ въ мірѣ, въ организмѣ, въ мозгу и постольку, поскольку все матеріальное бытіе этой среды воспринимается чувственно, въ пространствѣ и во времени, душевная жизнь также кажется происходящею въ пространствѣ и во времени. Но мы не замѣчаемъ, что когда мы такъ разсматриваемъ душевную жизнь, то неизбѣжно смотримъ на нее извнѣ, чрезъ призму чувственности, чрезъ призму органическаго бытія тѣла и внѣшнихъ проявленій душевныхъ актовъ, а слѣдовательно и формъ воспріятія этихъ внѣшнихъ проявленій. Если же мы отрѣшаемся отъ этой чувственной призмы и созерцаемъ душевную жизнь въ самосознаніи, то связь и распорядокъ актовъ мысли представляется намъ въ иныхъ отношеніяхъ, логическихъ, а не въ пространствѣ и во времени. И если мы, никто, не видимъ никакого препятствія и противорѣчія въ признаніи того, что въ пространственно-протяженной средѣ организма существуютъ сверхпространственно-непротяженные душевныя состоянія, смежность и совмѣстность которыхъ не есть пространственная смежность и совмѣстность, то нѣтъ никакого препятствія и противорѣчія и въ допущеніи, что въ нѣдрахъ чувственно-временнаго процесса сознательной жизни организма непрерывно осуществляется сверхвременный процессъ самосознания, въ которомъ прежде и послѣ психическое не есть „прежде и послѣ чувственно-матеріальное“, ибо въ этомъ прежде и послѣ психическомъ сознается разомъ и одновременно логическое соотношеніе, а не чувственно-временная послѣдовательность. Не даромъ въ работѣ самосознания всегда прихотливо комбинируются элементы настоящаго чувственного опыта съ представленіями изъ всевозможныхъ эпохъ про-

шлаго и съ продуктами внезапной интуиціи воображенія, т.-е. съ творческими созданіями духа, причѣмъ нарушаются всѣ условія естественной смежности и послѣдовательности чувственныхъ воспріятій въ пространствѣ и во времени.

Нашу точку зрѣнія, идущую въ разрѣзъ съ обычнымъ пониманіемъ и съ вѣковыми привычками представленія, усвоить, конечно, нелегко, — надо передѣлать свои старыя привычки представленія, понять свойственную намъ „иллюзію чувственнаго или внѣшняго созерцанія психическихъ фактовъ“, какъ и люзію, и только тогда для анализа душевной дѣятельности откроются новыя, богатыя перспективы. Вѣдь мы не говоримъ, что душевная жизнь никогда „не кажется“ намъ совершающеюся во времени, но мы говоримъ именно, что, намъ только кажется, что она зависитъ отъ времени какъ намъ кажется также, что она происходитъ въ пространственно-протяженномъ тѣлѣ и мѣстѣ. Стоитъ, однако же, только ясно понять, что пространство и время суть лишь „психическія формы нашего чувственнаго воззрѣнія“, а не реальныя отношенія вещей, чтобы понять также, что тамъ, гдѣ нѣтъ роковой необходимости „представлять себѣ“ факты сознанія въ пространственно-временномъ порядкѣ, тамъ уже нѣтъ ни времени, ни пространства, которыя суть только формы представленія, а не бытія. Навязывая процессамъ самосознанія форму времени, мы именно превращаемъ ее изъ формы представленія въ форму бытія, ибо хотя представленія времени и нѣтъ въ самосознаніи *логическомъ, нравственномъ, эстетическомъ* (конечно, внѣ чувственнаго воспріятія матеріала для этихъ формъ самосознанія), — такъ какъ ихъ формы можно, по Канту, созерцать трансцендентально, „не по происхожденію, а по составу“, — однако мы все же утверждаемъ, что они осуществляются во времени, какъ будто время существуетъ само по себѣ, какъ какая-то субстанція, даже и тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія времени, гдѣ нѣтъ „необходимости“ представлять себѣ отношенія душевныхъ актовъ во времени. Вѣдь время, какъ

и пространство, цвѣтъ и всѣ прочія субъективныя формы чувственности, накладывается самой душою, какъ своего рода лакъ, на нѣкоторыя явленія опыта и ихъ отношенія. Если не наложенъ лакъ на дерево, нельзя назвать дерево лакированнымъ. Если предметъ не окрашенъ нами въ зеленый цвѣтъ, его нельзя назвать зеленымъ, — онъ или безцвѣтенъ, или имѣетъ какой-нибудь другой цвѣтъ. Если время, какъ форма представленія, отсутствуетъ въ воспріятіи свойствъ и отношеній нѣкоторыхъ душевныхъ фактовъ, то его и нѣтъ въ области этихъ фактовъ, — они безвременны или сверхвременны *).

Мы полагаемъ, что въ этомъ разъясненіи достаточно отчетливо выразили свою особенную точку зрѣнія на время, и перейдемъ теперь къ предположенному анализу „общихъ законовъ или принциповъ“ мышленія, какъ одной изъ высшихъ формъ самосознанія.

XI.

Основными законами мышленія являются законъ тождества (онъ же законъ противорѣчія и законъ исключеннаго третьяго), и законъ достаточнаго основанія.

Законъ тождества утверждаетъ, что „всякое понятіе равно самому себѣ“ (*omne subjectum est praedicatum sui*) и выражается въ формулѣ $A = A$, откуда слѣдуетъ, что „ A не по A “, т.-е. если $A = B$ и не равно C , то A не можетъ быть по B или C (законъ противорѣчія), и что A или $= B$, или $\neq B$, или равно C или не равно ему (законъ исключен-

*) Время можно также сравнить съ синими очками, чрезъ которыя мы иногда смотримъ на предметы чувственнаго опыта. Когда мы глядимъ чрезъ синія очки на бѣлую штору, она кажется синею. Но если мы глядимъ на штору безъ очковъ, она представляется бѣлою, и мы уже не можемъ сказать, что она — синяя. Можно смотрѣть на психическія отношенія тоже чрезъ очки внѣшняго чувственнаго опыта, т.-е. чрезъ очки представленій пространства и времени. Но если мы снимаемъ эти чувственные очки и вглядимся въ душевныя отношенія и акты „внутреннимъ окомъ“, какъ они даны непосредственно въ самосознаніи, то никакого времени въ нихъ не увидимъ и нельзя будетъ сказать, что „они суть во времени“.

наго третьяго). Ясно, что логическій законъ тождества есть развитіе въ области „понятій“ психологическаго процесса „отождествленія и различенія“, даннаго въ самосознаніи на самыхъ первыхъ ступеняхъ сравненія элементарныхъ ощущений, вслѣдствіе чего вполне вѣрно утвержденіе многихъ психологовъ и логиковъ со времени Беркли, что и въ процессахъ элементарнаго воспріятія и опыта, при образованіи представленій изъ ощущений, и понятій изъ представлений, участвуютъ постоянно логическія дѣйствія сужденія и умозаключенія, основанныя на формулахъ законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Другими словами, процессъ отождествленія и различенія любыхъ элементовъ сознанія въ самосознаніи есть одинаково: психологическій актъ внутренней интуіціи и элементарный логическій актъ мышленія. Различіе этихъ опредѣленій совершенно условно. Мы называемъ логическимъ актомъ мышленія вполне сознательное и отчетливое отождествленіе и различеніе „понятій“, а психологическимъ актомъ различенія и отождествленія сознательное или полусознательное (неотчетливое) усмотрѣніе тождествъ и различій всякихъ, хотя бы элементарнѣйшихъ психическихъ состояній.

Точно такимъ же образомъ другой логическій законъ „достаточнаго основанія“ есть законъ усмотрѣнія связи и зависимости, т. е. *единства и раздѣльности въ понятіяхъ*. Но въ своей общей формулѣ: „всякое слѣдствіе имѣетъ свое основаніе“ онъ есть въ то же время условіе всякаго *соединенія и раздѣленія* ощущений и представленій, хотя бы и на ступени чисто-психологической ихъ переработки. Общій законъ мышленія и сознанія—искать связи и зависимости психическихъ элементовъ, а общая формула всякой связи и зависимости есть законъ отношенія основанія и слѣдствія. Въ логической формулѣ закона основанія и слѣдствія прибавляется терминъ „достаточнаго“ *). Это значитъ—

*) *Lex rationis sufficientis*, а не просто *determinantis*. Мы эти понятія считаемъ необходимымъ различать, хотя обыкновенно они отождествляются.

„достаточнаго для отчетливой логической мысли, для логического разумѣнія“.

Поэтому Шопенгауэръ былъ совершенно правъ, разсматривая всѣ формы зависимости представленій въ сознаниі, какъ формы отношенія основаній и слѣдствій, и признавая, что такихъ формъ нѣсколько, а именно, по его мнѣнію, четыре основныхъ, которые суть законы основанія: 1) бытія (*essendi*), 2) быванія или связи явленій (*fiendi*), т.-е. законъ причинности, 3) познанія (*cognoscendi*)—логическій законъ достаточнаго основанія въ тѣсномъ смыслѣ, и 4) дѣйствования (*agendi*), т.-е. законъ мотивации. Думаемъ, однако, что Шопенгауэръ допустилъ двѣ ошибки въ этомъ анализѣ, а именно: 1) признаніемъ времени за основную форму или схему всѣхъ отношеній между основаніями и слѣдствіями въ самосознаніи *), причемъ онъ этимъ выразилъ только въ новой формѣ Кантовское ученіе о времени, какъ формѣ внутренней интуиціи, и 2) тѣмъ, что предположилъ, что онъ исчерпалъ въ своемъ анализѣ всѣ формы зависимостей психическихъ фактовъ между собою и окончательно опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія. Мы покажемъ ниже ясно, что то и другое предположенія были неправильны, а пока мы желали только опереться на Шопенгауэра въ томъ нашемъ выводѣ, что логическій законъ достаточнаго основанія есть только частная и высшая форма общаго психологическаго закона усмотрѣнія зависимостей душевныхъ фактовъ между собою и что поэтому о законѣ основанія и слѣдствія, какъ и о законѣ тождества, можно сказать, что онъ, съ одной стороны, лежитъ *implicite* въ самыхъ простѣйшихъ актахъ соединенія и раздѣленія представленій и, съ другой, что въ логической своей формѣ онъ есть специальное выраженіе психической зависимости другъ отъ друга понятій и сужденій.

*) Die Zeit,—говоритъ онъ,—ist das einfache, nur das Wesentliche enthaltende Schema aller übrigen Gestaltungen des Satzes vom zureichenden Grunde, ja der Urtypus aller Endlichkeit (Vierfache Wurzel des Satzes v. zur. Grunde, стр. 150, 158).

Въ виду этихъ соображеній естественно возникаетъ слѣдующій вопросъ:

Если логическіе законы тождества и достаточнаго основанія суть только высшія формы и формулы отождествленія и различенія, соединенія и раздѣленія психическихъ фактовъ, а именно идей, и если психическія дѣйствія различенія и отождествленія, соединенія и раздѣленія не могутъ быть нами представлены какъ процессы во времени и пространствѣ, а, напротивъ, сами составляютъ основу образованія представлений о пространствѣ и времени, то не становится ли для насъ совершенно понятнымъ, почему логическіе акты мысли въ процессѣ сужденія и умозаключенія тоже не могутъ быть укладываемы въ форму времени, какъ мы это показали выше?

Очевидно, что тѣ свойства, которыя принадлежатъ процессамъ самосознанія на низшихъ его ступеняхъ, должны остаться въ силѣ и на высшихъ ступеняхъ (логической интуиціи), и что пространство и время, которыя суть частные продукты этихъ процессовъ самосознанія въ области чувственного опыта, не могутъ быть „общими“ формами этихъ процессовъ внѣ или помимо чувственного опыта.

Мы разсматривали въ прошлой статьѣ пространство и время какъ формы сознанія психическихъ усилій въ процессѣ чувственного опыта и воспріятія. Мы не отрицаемъ, что и всѣ логическія операціи мышленія, какъ и нравственные акты опредѣленія хотѣній и эстетическіе акты гармонизаціи чувствъ, требуютъ тоже усилій, но лишь настолько, насколько они направлены на преодоленіе сопротивленій среды въ выраженіи или осуществленіи этихъ психическихъ актовъ въ области чувственности, въ области внѣшняго опыта, а какъ „дѣйствія психическаго дѣятеля“, эти акты познаются нами не въ формахъ пространства и времени, а въ безпространственныхъ и безвременныхъ логическихъ формахъ—зависимости понятій, въ таковыхъ же этическихъ формахъ—взаимодѣйствія хотѣній, и эстетическихъ формахъ—соотношенія эмоцій. Оттого мы и въ сфе-

рѣ этической и эстетической, какъ и въ логической, представляемъ себѣ акты психическихъ опредѣленій не во времени, а совѣмъ иначе. Такъ, въ области воли мы сознаемъ связь рѣшенія съ мотивомъ,—не какъ послѣдовательную (эмпирическую) связь во времени стремлений, страстей, желаній, а какъ нравственно-необходимую связь хотѣнія съ глубокимъ и вѣчно присущимъ мотивомъ нравственнаго долга (Кантовскій категорическій императивъ долга открывается намъ тоже трансцендентально, а не эмпирически, т. е. не изъ случайной смѣны во времени влеченій и желаній, а потому независимъ отъ нея). Точно такъ же въ области эстетическаго самосознанія мы сочетаемъ извѣстныя чувства и волненія въ общее чувство прекраснаго или высокаго, независимо отъ временной и случайной эмпирической смѣны чувственныхъ впечатлѣній и эмоцій, сопровождающихъ воспріятіе этихъ впечатлѣній, а именно одновременно и сверхвременно группируемъ въ самосознаніи извѣстную сумму эмоцій по ихъ внутренней зависимости, внѣ всякаго отношенія къ естественной послѣдовательности этихъ чувствъ. Отсюда—„эстетическій критерій красоты“, столь же отличный отъ послѣдовательности эмоцій во времени, т. е. въ связи съ чувственнымъ опытомъ,—какъ „этический критерій долга“ отличенъ отъ эмпирической связи стремлений въ связи съ чувственностью,—какъ „логическій критерій истины“, выражающійся въ законахъ тождества и достаточнаго основанія, отличенъ отъ эмпирической послѣдовательности представленій по случайной ассоціаціи ихъ въ пространственно-временномъ опытѣ.

И оттого мыслители, становящіеся на ту точку зрѣнія, что время „есть форма внутренней интуиціи“ не понимаютъ и не въ состояніи объяснить несомнѣнныхъ фактовъ самосознанія, выражающихся въ сознаніи нами: 1) творческихъ силъ нашей мысли, созидающей само время, какъ извѣстный психическій распорядокъ явленій въ чувственномъ воображеніи, 2) свободы нашей воли и нравственной отвѣтственности, какъ сверхчувственныхъ основъ

нашей дѣятельности въ чувственномъ мірѣ, и 3) въ чности и абсолютности безкорыстнаго духовнаго идеала красоты, какъ сверхчувственной нормы въ оцѣнкѣ отношений между впечатлѣніями чувственнаго порядка. Они эти факты самосознанія безъ всякаго достаточнаго основанія отрицають или считаютъ „иллюзіями“, а мы считаемъ, съ большимъ основаніемъ, „иллюзіей“—время, какъ форму представленія фактовъ нашего внутренняго бытія.

Конечно, Шопенгауэръ, признавъ время формою внутренняго бытія воли, неизбѣжно долженъ былъ отвергнуть эмпирическую свободу воли и придти къ полному *детерминизму* въ истолкованіи закона мотивации. Но стоитъ только предположить, что время не есть необходимая форма отношенія основаній и слѣдствій, какъ „психическаго“ отношенія, — и все дѣло представится иначе: детерминизмъ окажется нелѣпостью. Между мотивами, какъ и между понятіями, нѣтъ прошедшихъ и настоящихъ, болѣе сильныхъ и слабыхъ (физически), нѣтъ физической борьбы и побѣды физически сильныхъ надъ физически слабыми, нѣтъ и равнодѣйствующей въ этомъ состязаніи. Всѣ мотивы психически одинаково сильны, ибо мотиву въ дѣйствиі даетъ силу именно свободный творческій актъ воли, актъ духовнаго самоопредѣленія, и этотъ внѣвременный и сверхвременный актъ рождаетъ само время, какъ форму дѣйствія и обнаруженія воли въ чувственномъ мірѣ*). Точно такое же внутреннее опредѣленіе „внѣ

*) Мы не имѣемъ возможности въ настоящей статьѣ изложить подробно свое ученіе о сверхвременной природѣ нравственной дѣятельности человѣка и эмпирически-сверхвременной свободѣ его воли. Но въ главныхъ чертахъ наше ученіе слѣдующее: въ каждомъ актѣ нравственной борьбы противостоятъ другъ другу не отдѣльные, во времени данные и съ чувственнымъ опытомъ связанные, мотивы (будь это чувства или идеи), а двѣ безконечныя, внѣ времени данныя, потенціи: свободной творческой воли (дѣятельнаго нравственнаго субъекта) и закрѣпленной организаціей и наследственностью безчисленныхъ поколѣній, и потому уже пассивной, чувственной воли (животной индивидуальности). Каждая потенція представляетъ аналогію съ половиною безконечной въ оба конца линіей, раздѣленной на двѣ части точкою. Съ одной стороны, безконечность творчества и свободы, т.-е. активности, съ дру-

времени“ совершается въ сферѣ эстетической оцѣнки и логическаго распорядка понятій, и оттого въ процессахъ эстетическаго созерцанія и творчества, логическаго созиданія понятій и въ сферѣ нравственной оцѣнки мы не сознаемъ времени, не представляемъ его себѣ и забываемъ о немъ (объ этомъ выше въ гл. IV), а гдѣ „нѣтъ представленія времени, тамъ нѣтъ и времени“.

Шопенгауэръ и Кантъ, подчиняя самосознаніе формѣ времени и не будучи въ состояніи отказаться вполне отъ идей свободы воли и безкорыстнаго созерцанія красоты, принуждены были отнести эти факты въ сферу трансцендентальныхъ отношеній. Но, признавая трансцендентальную свободу, они не объяснили намъ, какъ можемъ мы ее себѣ представлять, если нѣтъ теоретическихъ основаній для этого представленія во внутренней интуиціи. Если же они есть—въ „трансцендентальномъ разсмотрѣніи бытія субъекта внѣ времени“, то это трансцендентальное разсмотрѣніе и есть именно совокупность безвременныхъ актовъ самосознанія, по законамъ тождества и основанія, а не пространственно-временнаго распорядка воспріятой.

гой стороны, безконечность подчиненія и рабства чувственной организаціи. Если свободная воля дѣйствуетъ, то она творитъ добро и побѣждаетъ всякія противодѣйствія организаціи (т.-е. всѣ мотивы чувственности), а если бездѣйствуетъ, то торжествуетъ чувственно-животное существо въ проявленіи безконечныхъ потенцій рабской, закрѣпощенной плотью воли. Оба существа— „нравственный субъектъ“ и „чувственно-животная индивидуальность“, какъ двѣ безконечныя потенціи, равносильны, даны психически внѣ всякаго времени и постоянно при насъ. Игра наличныхъ (во времени, т.-е. съ точки зрѣнія чувственности) мотивовъ — только поводъ къ психической реализаціи этихъ потенцій, не имѣющей, однако, никакого отношенія ко времени, ибо потенціи, какъ безконечности, неизмѣнны, да и въ самосознаніи при ихъ борьбѣ нѣтъ сознанія (представленія) времени, а слѣдовательно, нѣтъ и времени. Самоопредѣленіе воли есть постоянный, сверхвременный актъ, а не два во времени лежащіе „момента“, какъ это думалъ Шопенгауэръ (моментъ самоопредѣленія умопостигаемаго характера къ данному „эмпирическому“, и моментъ возможнаго высвобожденія или самоискупленія воли изъ-подъ ярма организаціи). Тѣ же мысли, независимо отъ излагаемаго здѣсь ученія о времени, мы проводили и въ статьѣ своей „Критика понятія свободы воли“ (1889), но здѣсь онѣ могли бы получить новое, болѣе глубокое выраженіе.

Чтобы дать своему учению объ особыхъ формахъ и законахъ самосознанія болѣе полное выраженіе, мы попытаемся слѣлать теперь *дедукцію спеціальныхъ* формъ законовъ тождества и основанія изъ элементарныхъ и основныхъ процессовъ отождествленія и различенія, соединенія и раздѣленія психическихъ фактовъ.

Сначала разсмотримъ всѣ формы дѣйствія раздѣленія и соединенія, связанныя съ закономъ основанія и слѣдствія. При этомъ мы дадимъ и обѣщанную критику Шопенгауэровскаго ученія о формахъ закона „достаточнаго основанія“, или точнѣе— „опредѣляющаго основанія“ *). Законъ этотъ есть прирожденная и необходимая форма усмотрѣнія связей и зависимостей душевныхъ состояній въ самосознаніи. Шопенгауэръ различалъ двѣ объективныя и двѣ субъективныя его формы. Законы основанія бытія и основанія быванія (причинности) суть формы объективнаго сознанія, законы достаточнаго основанія идей и достаточнаго основанія поступковъ (мотиваціи)—субъективныя формы самосознанія. Но что такое „законъ основанія бытія“? Если мы знаемъ въ мірѣ только „явленія“, чрезъ наши „представленія“, то, очевидно, опредѣленіе основанія бытія „въ насъ“ для нашего сознанія невозможно, и Шопенгауэръ самъ признаетъ, что основаніе бытія мы находимъ только въ самосознаніи (въ самооткровеніи воли). Такимъ образомъ, и законъ „основанія бытія“ имѣетъ смыслъ только какъ форма самосознанія. Законъ „основанія быванія“, по Шопенгауэру, есть законъ причинности. Но въ одномъ мѣстѣ „Міра какъ воли и представленія“ онъ признаетъ, что законъ основанія въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ сферѣ опыта, есть „общее выраженіе сознаваемыхъ нами а priori формъ объекта—пространства, времени и причинности“ (*der gemeinschaftliche Ausdruck für alle diese uns a priori bewussten Formen des Objects, т.-е. Zeit, Raum und Causalität, I, стр. 6*). Въ другомъ мѣстѣ онъ

*) *Lex rationis determinantis*, какъ болѣе общая формула закона «основанія».

разсматриваетъ законъ основанія „явленій“, какъ общій законъ эмпирическаго созерцанія и представленія „въ области конкретныхъ предметовъ эмпирически-реальнаго міра, какъ форму воспріятія всякаго измѣненія, причѣмъ усмотрѣніе причинной связи есть усмотрѣніе извѣстной связи или зависимости воспріятій во времени (Satz v. Gr., стр. 28 и слѣд., Welt als W. и V. II, стр. 46—50). и притомъ усмотрѣніе, данное а priori *). Ясно, что самъ Шопенгауэръ не прочь видѣть въ распорядкѣ чувственныхъ впечатлѣній во времени и пространствѣ только частную форму усмотрѣнія зависимости нашихъ душевныхъ состояній или представленій—въ сферѣ внѣшняго опыта, и готовъ разсматривать время, какъ единственную, общую отличительную форму закона основанія въ области чувственнаго опыта, ибо причинность въ этой области есть только форма усмотрѣнія „послѣдовательности“. Но тогда какимъ образомъ время, будучи частною и спеціальною формой усмотрѣнія зависимостей ощущеній, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія того же Шопенгауэра, общею формою усмотрѣнія всякихъ зависимостей? А затѣмъ: можно ли разсматривать идею причинности какъ неразрывно связанную только съ воспріятіемъ времени? Во внѣшнемъ опытѣ усмотрѣніе причинныхъ отношеній, какъ справедливо признавали эмпирики со времени Юма, есть дѣйствительно только спеціальная форма усмотрѣнія отношеній явленій во времени, а именно постоянной, повторяющейся ихъ смѣны. Все же то, что лежитъ еще въ идеѣ причинности,—сознаніе необходимости и творческаго характера связи, какъ это достаточно ясно было показано нами и гг. Лопатинымъ и Асгафьевымъ въ статьяхъ „О свободѣ воли“**), почерпается нами изъ внутренняго опыта, а именно изъ самосознанія воли, какъ „дѣятеля и творческой причины“ поступковъ.

*) Also ist uns nicht bloss das Gesetz der Causalität, sondern auch dessen Beziehung auf die Zeit, und die Nothwendigkeit der Succession von Ursachen u. Wirkung a priori bekannt. W. a. W., II, стр. 45.

**) См. III. вып. „Трудовъ Психологич. Общества—О свободѣ воли“. М. 1889.

Можно сказать, что законъ причинности есть постоянно переносимое на истолкованіе зависимости внѣшнихъ явленій обобщеніе изъ внутренняго опыта и сочетаніе идей двоякихъ отношеній: между волею, какъ свободною творческою силою, и ея проявленіями въ хотѣніяхъ—съ одной стороны, и хотѣніями и дѣйствіями (или поступками) съ другой. Отсюда въ идеѣ причинности—соединеніе идеи творческой свободы (въ хотѣніи) и необходимости (въ дѣйствіи). Но тогда законъ причинности есть лишь сложный продуктъ сочетанія законовъ „основанія бытія“ и „основанія дѣйствія“ (*legis ratio- nis determinantis essendi* и *l. r. d. agendi*).

Такимъ образомъ, во внѣшнемъ опытѣ законъ основанія и слѣдствія *весь* сводится только къ усмотрѣнію связей и зависимостей чувственныхъ воспріятій въ *пространствѣ* и во *времени*. Ничего иного внѣшній опытъ самъ по себѣ не даетъ. Слѣдовательно, „*lex rationis determinantis fiendi*“, какъ „законъ основанія быванія или явленій“, всецѣло сводится къ закону основанія воспріятій въ пространственно-временной ихъ зависимости, но это не есть законъ причинности, а только законъ смежности и послѣдовательности; это первое существенное дополненіе къ ученію Шопенгауэра. Во-вторыхъ, кромѣ законовъ основанія познанія (логическаго), хотѣнія и дѣйствованія долженъ быть также допущенъ и выдѣленъ особо законъ основанія чувства (эстетическій законъ)*. Далѣе, надъ всѣми этими пятью спеціальными законами основанія царитъ несомнѣнно общій и основной психологическій законъ—законъ основанія самосознанія или сознанія вообще, къ которому всѣ прочія формулы относятся какъ частныя его выраженія.

---

*) Формулу этого важнаго закона мы попытаемся точнѣ опредѣлить въ особой статьѣ. Мы полагаемъ, что эта форма закона основанія сводится къ идеѣ *цѣлесообразности*—связи средствъ съ цѣлью, проявленій—съ ихъ смысломъ или идеею. Въ такомъ видѣ законъ основанія и лежитъ въ корнѣ всякой эстетической оцѣнки и художественнаго творчества, т.-е. того чувства красоты и гармоніи, которое руководитъ ими.

Изъ этого анализа ясно, что „законъ основанія быванія“, т. е. законъ воспріятія явленій въ пространствѣ и времени, должно разсматривать только какъ одну изъ частныхъ формъ „психологическаго“ закона распорядка душевныхъ фактовъ въ самосознаніи, а именно въ области чувственнаго опыта. Общій же психологическій законъ объединенія и раздѣленія—съ одной стороны, объединяетъ и раздѣляетъ всѣ факты чувственнаго опыта въ образахъ пространства и времени, съ другой—всѣ факты *внутренняго* опыта въ образахъ *логической, эстетической, этической и практической* зависимости—мыслей, чувствъ, хотѣній и поступковъ, причѣмъ эти формы объединенія и раздѣленія ничего общаго съ пространственнымъ и временнымъ распорядкомъ чувственныхъ впечатлѣній не имѣютъ.

Этими замѣчаніями мы далеко не думали исчерпать всѣхъ формъ усмотрѣнія зависимостей душевныхъ фактовъ въ самосознаніи, а показали только главныя формы и нѣсколько исправили и расширили классификацію Шопенгауэра. Можетъ быть, напр., въ религіозномъ самосознаніи мы имѣемъ особсе проявленіе „закона основанія“; но такъ какъ мы до сихъ поръ не занимались этимъ вопросомъ спеціально, то боимся рѣшать теперь проблему: есть ли религіозное самосознаніе совершенно самостоятельная форма внутренней интуиціи, или сложный синтезъ всѣхъ остальныхъ.

Во всякомъ случаѣ, съ изложенной нами точки зрѣнія, процессъ воспріятія „явленій во времени“ есть *частная* форма воспріятія спеціальной связи фактовъ сознанія, и процессы *самосознанія*, въ тѣсномъ смыслѣ, очевидно къ этой формѣ взаимной зависимости воспріятій и представленій несводимы.

Въ заключеніе анализа основныхъ формъ самосознанія скажемъ, что и законъ тождества или, общѣе, законъ отождествленія и различенія имѣетъ параллельно совершенно тѣ же формы, какъ и законъ основанія. Мы уже показали выше значеніе его: 1) въ области *чувственнаго* опыта, т. е. при построеніи представленій пространства и времени; 2) въ области *внутренняго психологическаго* опыта вообще, при построе-

нїи идей души, сознанія или субъекта, какъ среды разнообразныхъ группъ душевныхъ фактовъ; 3) въ области *логической* дѣятельности при установленіи отношеній понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Остается указать на его прочія существенныя формы: 4) въ области самосознанія воли или *нравственной*, гдѣ на основаніи его совершается группировка и классификація этическихъ понятій — добра, зла, нравственныхъ чувствъ, въ отличіе отъ другихъ, и пр. 5) въ области *эстетическаго* самосознанія (идеи прекраснаго, высокаго, уродливаго и т. д.); 6) въ области *практическаго* дѣйствования (юридическія формы и нормы). Въ настоящей статьѣ, уже достаточно растянувшейся, мы не будемъ подробно разбирать формъ и продуктовъ отождествляющей и различающей работы самосознанія во всѣхъ этихъ областяхъ. Мы думаемъ, что наша основная мысль о безвременности формъ самосознанія достаточно выяснена, и потому перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу: что мы собственно воспринимаемъ въ самосознаніи, — явленія и символы духовнаго существованія, или нѣчто больше символовъ, т.-е. самое это существованіе въ его подлинной природѣ и свойствахъ?

XII.

Подъ терминами бытіе, субстанція, сущность философы никогда не подразумѣвали ничего другого, кромѣ постоянной, неизмѣнной основы міровыхъ „явленій“ или „феноменовъ“, которые воспринимаются нами субъективно во времени и пространствѣ, т.-е. въ нашихъ представленіяхъ о пространствѣ и времени. Если мы что-либо можемъ познавать внѣ этихъ представленій, независимо отъ нихъ, то *eo ipso* можемъ познавать истинное бытіе или субстанцію. Но духовную дѣятельность свою мы познаемъ *внѣ* или *помимо* этихъ формъ „являемости“; слѣдовательно, мы познаемъ ее, какъ она есть, въ субстанціи.

Основу духовной дѣятельности своей мы познаемъ въ самосознаніи: 1) какъ непространственное и потому безконеч-

ное *) вмѣстилище или среду различныхъ душевныхъ потенцій и состояній,—среду единую во множествѣ этихъ своихъ состояній, которую и называемъ душою.—это „мнимое пространство“ психическихъ смежностей, 2) какъ неизмѣримый во времени, вѣчный и сверхвременный процессъ, называемый сознаваніемъ—это „мнимое время“ психическихъ зависимостей, т. е. безконечнаго разнообразія и богатства душевныхъ актовъ, дѣйствій, созиданій. Идея единого „субъекта“ слагается какъ изъ идеи „психического псевдопространства или среды“, такъ и изъ идеи „психического псевдовременнаго процесса“, и притомъ такъ, что обѣ эти идеи таинственно сливаются въ лабораторіи нашего духа, такъ что „различное въ процессѣ“ представляется „тождественнымъ въ средѣ“ субъекта, какъ, напр., при психологическомъ отождествленіи различныхъ состояній, а „различное въ средѣ“ является часто „тождественнымъ въ процессѣ“, какъ это бываетъ, напр., при логическомъ уравненіи понятій,—такъ что субъектъ оказывается идеею, обнимающею все настоящее, прошедшее и будущее опыта, все возможное, необходимое и дѣйствительное въ самосознаніи,—словомъ, всю вселенную, какъ единовременное наше представленіе, какъ цѣльный и связанный микрокосмъ. Духъ нашъ есть солнце, непрерывно освѣщающее для насъ міръ какъ свое же созданіе. Этотъ міръ движется, но солнце стоитъ—субъектъ остается неизмѣннымъ, единымъ, цѣльнымъ, и это единое цѣлое называется „личностью“. Всѣ превращенія эмпирической, животной индивидуальности не способны измѣнить эту единую личность, и даже патологическія измѣненія нашего „я“ въ психическихъ болѣзняхъ не способны устранить того факта, что они совершаются на почвѣ и въ нѣдрахъ „единой“ личности, часто возвращающейся и всегда теоретически могущей вернуться въ прежнія состоянія, къ прежнимъ потенциально не исчезнувшимъ формамъ самочувствія и самосознанія. Мы чувствуемъ инстинктивно, что эта лич-

*) Ибо „конечность“ есть чувственно-пространственное опредѣленіе.

ность не погибла абсолютно, а только дремлетъ, спитъ и можетъ проснуться, какъ послѣ болѣзни тѣла, такъ и послѣ смерти его, — точно такъ, какъ и тогда, когда человѣкъ нормально крѣпко спитъ и ничего не сознаетъ и не дѣлаетъ, мы все-таки убѣждены, что личность его дѣликомъ продолжаетъ быть, какъ неизмѣнная потенція всевозможныхъ психическихъ актовъ, ей свойственныхъ.

Что же? Неужели въ этомъ самосознаніи субъекта, какъ „непространственной среды“ и „сверхвременнаго процесса“, мы сознаемъ тоже одни только „явленія, феномены, призраки душевнаго бытія“, какъ и при воспріятіи явленій внѣшняго бытія міра? Но: 1) гдѣ призма, преломляющая лучи этого бытія, пока они не дошли до самосознанія, 2) гдѣ среда, въ которой эти лучи движутся въ пространствѣ и во времени, и 3) что же такое представленія о явленіяхъ міра, если они сами только призматическія преломленія нашего духа въ средѣ нашихъ собственныхъ представленій? Въ этомъ абсолютномъ „феноменизмѣ“ мы доходимъ до точки, гдѣ разумъ готовъ превратиться въ безуміе, ибо если мы въ самосознаніи своихъ представленій о мірѣ имѣемъ дѣло не съ подлинными своими представленіями, а съ символами символовъ, то гдѣ же кончается, наконецъ, символика и начинается настоящее знаніе и сознаніе? „Абсолютный скептицизмъ—вотъ естественный и необходимый продуктъ абсолютнаго феноменизма“.

Если „представленія“ наши—не сама мысль, а только „символическіе образы мысли“, то что же есть мысль? А если они — наша подлинная мысль, то, значить, въ хотѣніяхъ своихъ мы познаемъ и подлинную свою волю, а въ мысляхъ, хотѣніяхъ, чувствахъ и ощущеніяхъ подлинную душевную среду или душу и истинный душевный процессъ — процессъ сознанія. „Между сознаніемъ и активными состояніями (скажемъ — вообще состояніями) нашей души не лежитъ ничего третьяго, никакихъ передаточныхъ ощущеній, никакой преломляющей призмы, безъ которой нельзя обойтись при воспріятіи вещей внѣшняго

міра“, говоритъ нашъ почтенный товарищъ Л. М. Лопатинъ *), и въ этомъ мы вполнѣ съ нимъ согласны. „Въ духовномъ бытіи непосредственно данъ не только субъектъ съ внутренними его состояніями и дѣйствіями, но реально дано и отношеніе субъекта къ тому, что совсѣмъ не этотъ субъектъ, но обладаетъ своею обособленною отъ него дѣйствительностью“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ **), и мы безусловно подписываемся и подъ этимъ положеніемъ. Но если такъ, то почему, признавая, что „всякая дѣятельность есть процессъ, т.-е. нѣкоторое движеніе *внутреннихъ* моментовъ ея реализаціи“ ***), онъ не отличаетъ „пространственно-временнаго процесса и движеній въ мірѣ внѣшнихъ физическихъ явленій“, отъ открывающагося намъ въ самосознаніи сверхвременнаго процесса „психическихъ реализацій“, логическихъ, нравственныхъ, эстетическихъ? Онъ признаетъ, что „единство нашего я есть его сверхвременность“ и что „субстанціальное въ насъ есть предметъ нашего непосредственнаго усмотрѣнія“ ****), а такъ какъ это значитъ, что субстанціальное сверхвременное единство субъекта—предметъ нашего непосредственнаго усматриванія, то очевидно, что мы непосредственно усматриваемъ и нашу сверхвременность. Но гдѣ же и какъ, —если не въ самосознаніи, во внутреннемъ „сверхвременномъ“ опытѣ? А если въ немъ, то самосознаніе есть именно „сверхвременная форма познанія сверхвременнаго и сверхфеноменальнаго субъекта“.

Признать эти послѣднія истины г. Лопатину, какъ и прочимъ метафизикамъ нынѣшняго вѣка, помѣшалъ предразсудокъ Канта о „времени, какъ формѣ внутренней интуиціи“, и мы надѣемся, что этотъ предразсудокъ мы достаточно поколебали, если не вполнѣ разсѣяли, своей статьей о времени. А если онъ падетъ, то и метафизика, и психологія

*) „Положительныя задачи философіи“, ч. II, стр. 158.

**) Тамъ же, стр. 152.

***) Тамъ же, стр. 307.

****) Тамъ же, стр. 304.

вступать на совершенно новый и чрезвычайно плодотворный путь дѣйствительнаго уразумѣнія „безвременной природы духа“ и чрезъ нее—единой субстанціи міра, которая въ немъ выражается, и которую мы называемъ „Богомъ“. Не поймемъ ли мы идею „сверхвременной личности вселенной“ только тогда, когда вполнѣ уразумѣемъ безвременную природу своей собственной духовной личности? Къ этому уразумѣнію и должна стремиться современная психологія, какъ основа будущей, новой метафизики.

Николай Гротъ.

Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода.

2.

I.

Хорошія и дурныя дѣйствія человѣка, которыя вмѣняются ему, считаются *его* дѣйствіями, рассматриваются какъ *произвольныя*. Воля человѣка опредѣляется къ дѣйствію тѣми или другими стремленіями, чувствами, представленіями или цѣлями. Эти стремленія, чувства, цѣли въ свою очередь опредѣляются совокупностью предшествовавшихъ причинъ, врожденными свойствами, воспитаніемъ и всей жизнью человѣка, создавшей его характеръ. И такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то всѣ наши дѣйствія обусловливаются тѣми или другими причинами, тѣми или другими эмпирическими мотивами.

При самыхъ различныхъ воззрѣніяхъ на природу волевого дѣйствія эмпирическіе психологи сходятся въ признаніи его совершеннаго детерминизма: состоянія духа взаимно обусловливаютъ другъ друга, и только эта причинная зависимость ихъ позволяетъ намъ изучать законы душевныхъ явленій, и творчески изображать ихъ въ этой взаимной зависимости. Дѣйствія человѣка зависятъ отъ его цѣлей, его характера; характеръ складывается подъ вліяніемъ множества самыхъ сложныхъ условій и заключаетъ въ себѣ множество различныхъ, частью противоположныхъ другъ другу стремленій и склонностей, равнодѣйствующей которыхъ опредѣляется поведеніе человѣка.

При кажущейся простотѣ эмпирическаго ученія о безусловномъ детерминизмѣ воли, оно покоится на предвзятыхъ послылкахъ и сбивчивыхъ понятіяхъ о природѣ волевого дѣйствія. Если сторонники свободы воли выставляютъ много различныхъ ученій въ защиту своего мнѣнія, то ихъ противники точно также выставляютъ *нѣсколько* другихъ въ доказательство детерминизма.

Прежде всего наилучшій способъ отрицать свободу воли состоитъ въ томъ, чтобы отрицать самую волю.

Всякое человѣческое дѣйствіе есть движеніе и постольку представляетъ изъ себя матеріальный процессъ, который долженъ быть безусловно подчиненъ механическимъ законамъ вещественнаго движенія. Сознательное дѣйствіе есть лишь безконечно усложненный рефлексъ.

Если простое периферическое раздраженіе, сообщившись центральнымъ органамъ нашей нервной системы, можетъ вызвать соответственное мышечное сокращеніе, то мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ прогрессивное усложненіе этого соответствія между раздраженіемъ и движеніемъ, расширеніе этого соответствія въ пространствѣ и времени. Сложныя ассоціаціи координированныхъ между собою движеній отвѣчаютъ сложнымъ ассоціаціямъ нервныхъ раздраженій. Какъ бы ни были несовершенны наши познанія по физиологіи мозга, они позволяютъ намъ уже теперь утверждать, что самыя сложныя волевыя явленія, самыя сложныя совокупности связанныхъ между собою движеній, составляющихъ поведеніе человѣка, имѣютъ аналогичныя матеріальныя условія съ простымъ рефлексомъ въ нашей нервно-мозговой системѣ. Мы имѣемъ, съ одной стороны, данную организацію, данный нервно-мозговой аппаратъ, безконечно сложный, приспособленный къ воспріятію самыхъ разнообразныхъ раздраженій, производимыхъ измѣненіями среды; и мы имѣемъ, съ другой стороны, безконечно-сложную совокупность *движеній*, отвѣчающихъ такимъ раздраженіямъ, приспособленныхъ къ измѣненіямъ среды. Физическая энергія распредѣляется въ нашемъ мозгу по чисто физическимъ

законамъ, и какъ бы ни были безконечно сложны движенія нашихъ нервовъ и мускуловъ, они имѣютъ несомнѣнно такія же механическія условія и механическія причины, какъ движенія чисто автоматическія—независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли имъ сознание. Какую же роль можетъ имѣть это послѣднее въ опредѣленіи нашего поведенія, если всѣ наши дѣйствія опредѣляются чисто физиологически? И во что обращается наша сознательная воля?

Сознание есть лишь эпифеноменъ мозговой дѣятельности, ощущение того, что происходитъ въ мозгу; а то, что мы называемъ волей, есть обыкновенно лишь ощущение нервно-мышечной работы, или иннервационное ощущение. Воля или стремление есть не что иное, какъ ощущение того притока энергіи, той внутренней работы, которая предшествуетъ дѣйствию, переходитъ въ дѣйствіе или подавляется, перевѣшивается другой работой задерживающихъ центровъ. Такимъ образомъ, не воля вызываетъ притокъ энергіи или нервной работы, но нервная работа въ данномъ направленіи вызываетъ особое состояніе сознанія, которое мы называемъ волей. Читатель, знакомый съ современной психологіей, знаетъ, въ какой степени разрабатывается въ наши дни подобное воззрѣніе на волю и волевое дѣйствіе.

Но несмотря на всю свою популярность, оно, разумѣется, далеко не единственное. Состоянія нашего сознанія извѣстны намъ непосредственно раньше всякихъ какихъ бы то ни было матеріальныхъ перемѣнъ, и наше самосознаніе свидѣтельствуетъ намъ объ активномъ, дѣятельномъ характерѣ душевныхъ процессовъ. Строго говоря, самое понятие *дѣйствія* черпается нами исключительно изъ внутренняго опыта: мы наблюдаемъ непосредственно *дѣйствіе* только въ насъ самихъ, въ нашей душевной самодѣятельности. Въ себя мы находимъ только *движенія* и *перемѣны*; правда, мы понимаемъ ихъ какъ дѣйствія и предполагаемъ за ними производящія *причины* по аналогіи нашихъ дѣйствій. Но такое понятіе, прилагаемое къ внѣшнимъ движеніямъ и перемѣнамъ, имѣетъ несомнѣнно метафизическій характеръ — поскольку

мы переносимъ въ нашъ внѣшній опытъ основную категорію внутренняго опыта. Правильно ли мы такъ поступаемъ, познаемъ ли мы объективно явленія, принимая ихъ за *дѣйствія*, или понимая ихъ совокупность какъ *дѣйствительность*, — вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ, единственное дѣйствіе и единственная дѣйствительность, наблюдаемая нами непосредственно, есть наше собственное дѣйствіе, дѣйствительность нашего собственного сознанія. И мы не имѣемъ никакого основанія принимать непосредственно сознаваемую нами самодѣятельность нашего духа, за простое отраженіе или *ощущеніе* матеріальныхъ процессовъ, матеріальныхъ *перемѣнъ* и движеній *).

Такимъ образомъ, дѣятельное начало въ нашемъ сознаніи не можетъ подлежать сомнѣнію или отрицанію: оно сознается нами не только съ полною достовѣрностію, но достовѣрнѣе всего остального: только въ сознаніи нашего дѣйствія мы имѣемъ сознаніе нашей дѣйствительности (*сogito ergo sum*), а черезъ нее и всякаго другого дѣйствія и дѣйствительности. Но спрашивается, заключается ли въ этомъ внутреннемъ дѣйствіи нашего сознающаго существа какое-либо основаніе для внѣшнихъ перемѣнъ и движеній? Можемъ ли мы допустить внѣ вещества или тѣла причину движенія этого вещества или тѣла? можемъ ли мы предположить, что матеріальное движеніе опредѣляется не матеріальными причинами? Современные психологи любятъ признавать совершенный параллелизмъ между психическимъ и физическимъ порядкомъ явленій. И тотъ и другой порядокъ признаются совершенно самостоятельными; причеиъ всякое причинное дѣйствіе духа на вещество отвергается какъ чудо, нарушающее естественные законы матеріальной природы. При такомъ возрѣніи трудно утверждать независимость душевнаго ряда явленій. Если душевныя состоянія наши представляютъ изъ себя не болѣе какъ рядъ пере-

*) Вопросъ о происхожденіи нашихъ понятій дѣйствія въ связи съ сознаніемъ духовной самодѣятельности былъ весьма подробно разработанъ въ «Положительныхъ задачахъ философіи» Л. М. Лопатина ч. II, гл. 2.

мѣнь, соотвѣтственныхъ физическимъ перемѣнамъ, то подобный параллелизмъ исключаетъ понятіе психическаго дѣйствія, самодѣятельности *). Если же мы сохраняемъ понятіе дѣйствія и признаемъ, съ одной стороны, рядъ психическихъ актовъ, а съ другой, рядъ физическихъ перемѣнь, понимаемыхъ какъ дѣйствія лишь въ переносномъ смыслѣ слова, — мы вынуждены будемъ отказаться отъ предполагаемаго параллелизма.

Но здѣсь не мѣсто обсуждать метафизическій вопросъ о взаимодействіи тѣла и духа, или, точнѣе, о дѣйствіи духа, сознанія на тѣло. Есть однако одинъ фактъ, который, повидимому, неопровержимо доказываетъ такое дѣйствіе и во всякомъ случаѣ служитъ основаніемъ общаго убѣжденія въ его реальности: я разумѣю цѣлесообразность разумнаго, произвольнаго дѣйствія. Пусть матеріальное движеніе совершается по законамъ матеріальной природы: разумная *цѣлесообразность* его изъ такихъ законовъ не объяснима. Такъ, напр., чтобы выразить мою настоящую мысль, я долженъ начертать рядъ внѣшнихъ знаковъ, произвести цѣлую систему цѣлесообразныхъ движеній. Цѣль и смыслъ этихъ знаковъ не въ нихъ самихъ, но исключительно въ томъ психическомъ *актѣ*, въ той мысли, которая въ нихъ выражается и которую я сознаю не какъ простую перемѣну, но какъ дѣятельность моего ума. И эти знаки, начертанные мною, для всякаго понимающаго ихъ сознанія послужатъ, по своей сообразности съ моей мыслью, объективнымъ признакомъ моей сознательной дѣятельности, моей воли, цѣлесообразно управляющей моими тѣлесными движеніями. Сомнѣнія тутъ быть не можетъ: поскольку настоящіе знаки не суть продуктъ бессмысленнаго случая, они суть результатъ *дѣйствія* и притомъ разумнаго волевого дѣйствія, ибо воля именно и есть способность цѣлесообразнаго дѣйствія **).

*) Ср. статью проф. Грота „О значеніи идеи параллелизма въ психологіи“, гдѣ подробнѣе проводится та же мысль.

***) Ср. разсужденіе проф. Лопатина въ его полемику противъ проф. Введенскаго въ 19-й кн. Вопр. Филос. и Псих.

Такимъ образомъ, объективная реальность воли для насъ несомнѣнна. Очевидно, что она можетъ быть отрицаема лишь по недоразумѣнію, которое впрочемъ естественно и понятно со стороны нѣкоторыхъ эмпирическихъ психологовъ. Воля, какъ *корень* нашего дѣйствія, нашей самодѣятельности, нашей духовной дѣйствительности, не подлежитъ эмпирическому наблюденію. А съ другой стороны, всѣ тѣ частные аффекты или состоянія воли, въ которыхъ мы ее всего болѣе *ощущаемъ*, носятъ несомнѣнно *чувственный* характеръ, откуда вытекаетъ сенсуалистическая попытка объяснить самую волю, какъ явленіе чувственности. Но, какъ мы видѣли, подобное объясненіе противорѣчитъ основному факту нашего самосознанія: воля дѣятельна по существу, независимо отъ своихъ аффектовъ, и необходимо мыслится нами какъ дѣятельное стремленіе. Поэтому насъ не должно удивлять, что наряду съ эмпириками, склонными къ матеріалистическому отрицанію воли, есть эмпирики, признающіе ее въ качествѣ особаго фактора нашей душевной жизни или, точнѣе, особаго „класса“ душевныхъ явленій.

II.

Если отрицаніе воли представляется наиболѣе рѣшительнымъ средствомъ покончить съ вопросомъ о свободѣ, то признаніе воли какъ дѣятельной душевной способности, разумѣется, нисколько не рѣшаетъ этого вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону.

Факты показываютъ, что наша воля опредѣляется къ дѣйствію стремленіями, чувствами, цѣлями; и, какъ мы знаемъ, существовали философскія ученія, видѣвшія исключительный мотивъ человѣческаго поведенія въ тѣхъ или другихъ или третьихъ. Человѣкъ несомнѣнно можетъ мотивироваться разумными цѣлями; но онъ очевидно мотивируется не ими однѣми, — иначе онъ никогда не дѣйствовалъ бы вопреки сознанію добра и блага, уступая чувству или влеченію. Человѣкъ несомнѣнно можетъ дѣй-

ствовать подъ вліяніемъ аффекта, или чувства, наприм., удовольствія и страданія: но мы знаемъ, что чувство не можетъ составлять исключительнаго мотива его поведенія, что стремленія существуютъ раньше чувства и объективныя цѣли ставятся выше его. Наконецъ, человѣкъ не дѣйствуетъ и подъ исключительнымъ вліяніемъ своего характера, своихъ естественныхъ стремленій: объективная нравственная или религіозная идея, или вліяніе какой-нибудь личности можетъ завладѣть имъ настолько сильно, чтобы подчинить его себѣ всецѣло, переродить его характеръ и стремленія. Человѣкъ нерѣдко противится своимъ склонностямъ, своей страсти и побѣждаетъ ее. Самоотверженіе, самопожертвованіе, цѣломудріе, аскетизмъ, наконецъ, въ своемъ крайнемъ выраженіи, въ совершенномъ умерщвленіи „плоти“ съ цѣлью побѣды надъ міромъ, освобожденія воли изъ подъ власти естественнаго желанія,—доказываютъ во всякомъ случаѣ, что воля не опредѣляется безусловно естественными инстинктами и чувственными влеченіями, своимъ врожденнымъ характеромъ, но можетъ достигать высокой степени *нравственнаго* освобожденія. Вся нравственная жизнь человѣка обуславливается самоосвобожденіемъ его отъ естественныхъ чувственныхъ склонностей и самоподчиненіемъ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ. То же находимъ мы въ повседневномъ опытѣ: мы никогда не руководствуемся одними непосредственными побужденіями, но слушаемся разума, подчиняемъ себя цѣлямъ, и притомъ низшія цѣли подчиняемъ высшимъ.

Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы наша воля опредѣлялась безусловно своимъ характеромъ, естественными склонностями, инстинктами, чувствами, разъ она можетъ подчиняться детерминизму *идей* или *цѣлей*. И въ то же время нельзя сказать, чтобы она опредѣлялась абсолютно нашимъ интеллектомъ. Она непременно опредѣляется такъ или иначе, — только въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ *два разныхъ вида детерминизма*, которые никакъ нельзя свести къ одному, несмотря на кажущуюся однородность самого во-

левого процесса. Это положеніе имѣетъ такую важность при изслѣдованіи мотиваціи воли, что мы должны тщательно разсмотрѣть его.

Нельзя сводить элементарныя стремленія воли къ цѣли, наприм., ожидаемаго удовольствія, ибо инстинкты и стремленія существуютъ ранѣе испытаннаго удовольствія. И нельзя сводить разумныя цѣли и общіе принципы человѣческой воли къ простымъ обобщеніямъ его естественныхъ хотѣній. Разумѣется, между волей и цѣлями, которыя она преслѣдуетъ, должно быть конкретное соотношеніе: какъ бы ни высока была наша цѣль, мы не достигнемъ ея, если не будемъ ее любить, желать, хотѣть всей нашей волей; и съ другой стороны, какъ бы ни было энергично какое-нибудь определенное хотѣніе, оно имѣетъ всегда какую-нибудь цѣль. Въ дѣйствительности нѣтъ ни безвольнаго интеллекта, ни безцѣльной воли. Вопросъ въ томъ, хотѣнія ли, движенія ли воли опредѣляютъ ея цѣль, какъ ея направленіе, или, наоборотъ, *цѣли* опредѣляютъ волю?

Можно показать путемъ примѣровъ, путемъ изученія великихъ нравственныхъ переворотовъ, совершающихся то постепенно, то какъ бы путемъ внезапнаго потрясенія и перерожденія, можно показать, что есть идеи, есть идеалы, которые могутъ дать *новое содержаніе* нашей волѣ и подчинить ее себѣ. Исторія религіозной жизни представляетъ поразительные примѣры такихъ переворотовъ, такого *измѣненія духа*, его совершеннаго обновленія. Нѣтъ ничего поучительнѣе такихъ фактовъ въ ихъ непосредственномъ изображеніи тѣми личностями, которыя ихъ съ особою силою переживали. Таковы Павелъ, Августинъ, Лютеръ. Въ ихъ писаніяхъ мы находимъ подлинное изображеніе переживаемаго процесса, изображеніе настолько яркое, жизненное, что мы сами становимся какъ бы свидѣтелями того „насилія благодати“, которое они надъ собою испытываютъ. Не менѣе доказательны факты, почерпнутые изъ общественной исторіи идей. Послѣдовательно или нѣтъ, Контъ, какъ и Гегель, долженъ былъ признать, что идеи управля-

ють исторіей и подчиняють себѣ народы. Каково бы ни было происхождение той или другой великой исторической идеи—въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, которыми она овладѣваетъ,—она является какъ бы *извне*: содержаніе не зависитъ отъ ихъ воли, но она побѣждаетъ ихъ волю.

„Я Иисусъ, котораго ты гонишь“, услышалъ Павелъ: Иисусъ котораго онъ гналъ, всецѣло покорилъ его волю. Такъ точно, хотя и не въ такой же степени, тотъ или другой духъ—тотъ или другой идеаль или идея овладѣваютъ волей чело-вѣка, постепенно подчиняють ее своему служенію; и такое подчиненіе нерѣдко испытывается личностью, какъ внутреннее *насиліе*. Какимъ образомъ это случается—черезъ посредство личнаго вліянія другой воли или черезъ посредство социальной организациі—когда идея успѣла пустить корни въ обществѣ—это другой вопросъ: какія-нибудь посредства всегда бываютъ. Но все же остается глубокое различіе между содержаніемъ данной человѣческой воли, ея естественными цѣлями и стремленіями, и той идеей, которая отлична отъ нея, не есть ни ея цѣль, ни ея порожденіе и которая тѣмъ не менѣ ставится передъ ней, насилуетъ ее, перерождаетъ ее, дѣлается ея цѣлью, привившись сначала къ какимъ-либо стремленіямъ нашимъ. Возьмемъ германскихъ варваровъ, съ одной стороны, съ другой, античную культуру и христіанство, которыя ихъ постепенно побѣдили. Возьмемъ Петровскую реформу въ Россіи: послѣ нея Россія въ значительной степени опредѣляется въ своемъ развитіи европейскими идеями, европейскими формами, заимствованными ею. Не мы опредѣляемъ самое существо этихъ идей и формъ. Мы учились имъ, усвоивали ихъ сначала внѣшнимъ образомъ, затѣмъ—внутренно, и *онѣ* глубоко воздѣйствуютъ на нашу жизнь, измѣняютъ ея теченіе. Такъ точно народъ воспитывается религіей, которую онъ принимаетъ, культурой сосѣднихъ народовъ, реформами законодателей, нравственными ученіями и личнымъ примѣромъ, научными открытіями отдѣльныхъ гениевъ. Но всего ярче это различіе началъ, опредѣляющихъ волю чело-вѣка,—различіе между

естественнымъ содержаніемъ воли и новымъ идеальнымъ содержаніемъ ея, даваемымъ ей другой волей, другой идеей,—наблюдается, очевидно, въ личной нравственной жизни человѣка. Чтобы вернуться къ указанному примѣру, вспомнимъ Павла, который отличаетъ своего „ветхаго человѣка“ отъ Христа, живущаго въ немъ, наполняющаго его душу. Для Павла—Христось жизнь и свѣтъ: онъ „распялъ“ свою волю, умертвилъ ее: живетъ онъ только Христомъ, Христомъ хвалится, Ему приписываетъ свои дѣла, потому что всѣ эти дѣла дѣйствительно опредѣляются *живымъ образомъ Христовымъ*, Его „духомъ“, который апостоль въ себѣ находитъ и который онъ являетъ во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ, чтобы всѣ черезъ него *видѣли и слышали* самого Христа. Такъ понималъ Павелъ жизнь во Христвъ, которую онъ стремился сообщить и другимъ: „я родилъ васъ во Христвъ... вы дѣти мои, за которыхъ я до сихъ поръ въ мукахъ рожденія, доколѣ не *изобразится* въ васъ Христось“. Это истина второго рожденія, рожденія духомъ, которая была во всей своей силѣ открыта Христомъ и показана Имъ въ жизни Его истинныхъ учениковъ и послѣдователей. Такъ и для Него Самого все содержаніе, вся „пища“ Его воли—Его „Отець“, и Его слова и дѣла—дѣла отпа Его. Это не богословское разсужденіе—это реальные *факты*, которые имѣютъ все свое значеніе именно потому, что они испытаны. И всякій, кто захочетъ, можетъ убѣдиться въ реальности этихъ фактовъ, изучая ихъ.

Такимъ образомъ, хотя на практикѣ и невозможно рѣзко установить грань между различными началами, которыми опредѣляется каждый данный поступокъ,—мы можемъ установить такое различіе теоретически. Въ дѣйствительности нѣтъ ни безцѣльной воли, ни безвольнаго интеллекта, но различіе между двумя видами детерминизма—психофизическимъ детерминизмомъ воли и идеальной мотиваціей—можетъ быть столь же установлено въ принципѣ, какъ различіе между волей и тѣми идеями, которыми она опредѣляется, или, точнѣе, какъ различіе между волей болѣе или менѣе разумной.

Не лежит ли здѣсь ключъ къ занимающему насъ вопросу о свободѣ воли? Не освобождается ли она отъ физической необходимости властью идей, той духовной, разумной силой, которую онѣ въ себѣ заключаютъ? И свободна ли воля въ выборѣ между своими естественными хотѣніями и объективными цѣлями, или же она естественно опредѣляется тѣми и другими, своимъ характеромъ, заключающимъ въ себѣ равнодѣйствующую нашей воли, чувствъ и разума въ ихъ взаимоотношеніи? Возьмемъ самый высшій изъ всѣхъ идеаловъ, идеаль Богa правды и добра: свободна ли воля по произволу принять такой идеаль, т.-е. увѣровать въ него и выбрать между Богомъ и своей эмпирической, мірской дѣйствительностью, которая всячески такому идеалу противорѣчитъ? Тутъ дѣйствительно представляется выборъ, поскольку вѣрующій долженъ жизнью доказать, что Богъ для него реальнѣе міра, что идеаль его—не призракъ воображенія, не понятіе разсудка. И между тѣмъ, человѣкъ очевидно можетъ избрать Бога только въ томъ случаѣ, если онъ уже вѣритъ въ Него больше всего, если Богъ Ему открылся, вселился въ него. Отсюда тѣ богословскія ученія о благодати, избраніи, предопредѣленіи, которыя совершенно выходятъ за предѣлы эмпирической психологіи. Усвоивъ абсолютный идеаль, наполненная имъ, человѣческая воля совершенно освобождается отъ естественнаго детерминизма (подпадая детерминизму идеальному): но эмпирически нельзя рѣшить, существуетъ ли абсолютная цѣль для человѣка. А до тѣхъ поръ, очевидно, невозможно рѣшить, можетъ ли человѣкъ ее принять.

Разсматривая ближе отношеніе воли къ идеямъ, общимъ цѣлямъ или принципамъ поведенія, мы постоянно становимся передъ этимъ труднымъ вопросомъ: человѣкъ ли выбираетъ свои руководящія идеи, или же онѣ выбираютъ, естественно подбираютъ себѣ человѣка—въ силу особаго предрасположенія, устройства его воли и характера. Идеи, по видимому, универсальныя, истинныя дѣйствуютъ не на всѣхъ, усваиваются, вмѣщаются лишь „избранными“. Но въ то же

время и со стороны человѣка требуется не только выборъ, но сознательная, упорная борьба за избранную идею.

III.

Живые, практическіе идеалы, покоряющіе, дисциплинирующіе человѣческія воли, дѣйствуютъ всегда *черезъ посредство или по образу личнаго вліянія*, т.-е. вліянія одной личной воли на другую. Это основной законъ этическихъ явленій, который указываетъ на элементъ воли въ самомъ разумѣ нашемъ. Нравственное воспитаніе и нравственный прогрессъ обусловливаются въ самой значительной степени личными вліяніями, личнымъ примѣромъ, внушающимъ намъ тѣ или другіе принципы. Всякая жизненная идея, способная опредѣлять наше поведеніе, пріобрѣтаетъ какъ бы личность въ этомъ поведеніи. Нравственный принципъ живъ только тогда, когда онъ дѣйствительно *вдохновляетъ* человѣка, воплощается въ его поступкахъ. Такой принципъ или идея составляетъ *духъ* даннаго поступка, данной дѣятельности, даннаго человѣка, наконецъ. Возможно, что человѣческая личность всецѣло посвящаетъ себя одной великой общей цѣли, умственной или нравственной: она служитъ ей самоотверженно, она доказываетъ *мощь*, реальность этой цѣли всей своей жизнью, которую она ей приноситъ въ жертву. Жизнь человѣка принадлежитъ идеѣ: она является черезъ него другимъ, и въ то же время его личность, его образъ *одухотворяется*, т.-е. соединяется съ той идеей или духомъ, которому онъ служилъ, и самъ становится *духовною силой* въ общественномъ сознаніи. Онъ герой, мученикъ, полубогъ, живой примѣръ и учитель потомства; онъ вдохновляетъ своихъ послѣдователей и живетъ въ нихъ, какъ, наприм., образъ Сократа въ Платонѣ, или образъ того или другого религіознаго учителя въ его ученикахъ.

Такимъ образомъ, власть идеи является въ дѣйствительности прежде всего какъ *личная власть*, личный нравственный *авторитетъ*. Эта власть подчиняетъ себѣ нѣкоторыхъ не безъ борьбы и возстанія; она обращаетъ однихъ, возму-

щаетъ другихъ и воспитываетъ обращенныхъ путемъ внушенія имъ своей воли, энергическаго воздѣйствія на ихъ характеръ и воображеніе. Такъ воля одного человѣка подчиняется духу другого; ближайшіе послѣдователи дѣйствуютъ на другихъ людей, и такъ община или партія растетъ и развивается въ духѣ основателя, если только онъ достаточно силенъ, чтобъ ее дисциплинировать, и если его идея не упраздняется другими. Это основной фактъ, основное начало человѣческой ассоціаціи, которое мы наблюдаемъ не только въ нравственной и религіозной сферѣ, но и въ сферѣ государства, семьи, личныхъ отношеній. Ибо прежде, чѣмъ понимать какъ общіе принципы, государство, общество, семья — сводятся къ личнымъ отношеніямъ. Прежде, чѣмъ уважать власть, право, законъ, люди чтутъ начальника, судью, законодателя. Въ глазахъ народовъ сверхъестественное, абсолютное значеніе ихъ царей именно и состоитъ въ живомъ олицетвореніи идей закона, права, государства. Какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ человѣческая воля начинается съ того, что подчиняется силѣ и авторитету другихъ волей. Соціальная санкція нравственности, точно такъ же, какъ и религіозная санкція—откровенія высшей воли—основываются на личномъ авторитетѣ.

Отъ насъ ли зависитъ признаніе такого авторитета? Можемъ ли мы отказать въ невольномъ уваженіи личности, превосходство которой мы реально ощущаемъ, или общественному авторитету, внушившему намъ свои принципы? Тамъ, гдѣ подобное вліяніе особенно сильно, оно прямо ощущается какъ рабство, какъ неволя. Здѣсь наша воля въ буквальномъ смыслѣ *гетерономна*, т.-е. подчиняется закону другой воли. И если мы взглядемъ внимательно въ нравственное сознаніе человѣка, мы замѣтимъ безъ особаго труда, что авторитетъ большинства принциповъ, которыми она руководствуется, есть соціальный или личный авторитетъ его ближнихъ.

Вибрація, размноженіе, подражаніе, говоритъ Тардъ, суть законы всемірнаго повторенія,—три общія формы его. Под-

ражаніемъ опредѣляется нашъ языкъ, наше воспитаніе, понятія, вѣрованія, наши привычки, нашъ бытъ, наши нравы и обычаи, наше поведеніе. Подражаніемъ опредѣляется устойчивость общественныхъ формъ и учреждений, завѣщанныхъ намъ предшествовавшими поколѣніями; подражаніемъ иноземцамъ обусловливается ихъ измѣнчивость. Подражаніемъ изобрѣтенію, подражаніемъ личной оригинальности, гению обусловливается весь прогрессъ общества. Такое подражаніе сознательно лишь отчасти; отчасти оно совершается какъ бы помимо нашего сознанія, подъ вліяніемъ поразившаго насъ примѣра, запечатлѣвшагося образа, который живетъ въ насъ и становится принципомъ дѣйствія. Образецъ идеализируется, становится въ свою очередь творческой идеей.

IV.

Остается разсмотрѣть случаи, когда идеи вліяютъ на человѣка помимо личныхъ вліяній. Въ нравственной сферѣ случаи чисто-идеальнаго самоопредѣленія человѣка, разумѣется, не особенно часты. Однако человѣкъ опредѣляется не только помимо внѣшнихъ личныхъ вліяній, но и вопреки имъ, что мы наблюдаемъ всего ярче въ сильныхъ, энергическихъ личностяхъ, вдохновляющихся не людьми, а внушеніями собственнаго генія, собственныхъ идеаловъ. Представленія о гени и вдохновеніи соотвѣтствуютъ дѣйствительности; сама идея становится какъ бы „духомъ“, живою силою, вдохновляющею человѣка, переставая быть призрачною мыслью или представленіемъ. Она живетъ, развивается въ немъ. Конечно, и гениальная личность стоитъ въ опредѣленномъ отношеніи къ преданію, къ своимъ предшественникамъ. Такъ, религіозные гени стоятъ въ живомъ отношеніи къ религіозному преданію, культу своей страны: но образъ ихъ божества получаетъ въ нихъ такую мощь и развитіе, что они не только сами видятъ его, но въ словѣ и дѣлѣ открываютъ его другимъ. И они сознаютъ себя какъ бы органами такого откровенія, слугами, рабами сво-

его господина. Такимъ образомъ вліяніе идеи облекается и здѣсь въ форму личнаго отношенія. Я не буду останавливаться на явленіяхъ совѣсти, въ которыхъ мы также наблюдаемъ какъ бы самопроизвольное олицетвореніе нравственнаго сознанія. Я не буду останавливаться также на всеобщемъ стремленіи къ олицетворенію нравственныхъ идей, какое мы находимъ въ мифологіи и въ самомъ языкѣ нашемъ, и разсмотрю тѣ случаи, гдѣ, повидимому, мы не видимъ подобнаго олицетворенія, гдѣ идеи опредѣляютъ наши поступки, развитіе нашихъ страстей какъ бы совершенно непосредственно. Въ такихъ случаяхъ мы уже сами не отличаемъ ихъ отъ себя, отъ нашихъ страстей, нашей воли, нашего характера: повидимому, здѣсь и не можетъ быть рѣчи о самостоятельности идей въ ихъ воздѣйствіи на волю. Тѣмъ не менѣе всякое представленіе, всякая идея, опредѣляющая наше дѣйствіе, является какъ бы его источникомъ, его субъектомъ: на самомъ дѣлѣ, она только внушаетъ намъ опредѣленную *роль*, которую мы должны выполнить, или сама служить текстомъ этой роли. Драматическій актеръ усваиваетъ роль, живетъ въ ней, развиваетъ и воплощаетъ ее въ себѣ такъ совершенно, что она съ идеальной необходимостью опредѣляетъ собою всѣ движенія его голоса, его лица, его тѣла: онъ какъ бы одержимъ, вдохновленъ своею ролью. Такъ точно и каждый изъ насъ одержимъ той ролью, которую мы призваны играть въ жизни по нашему положенію и характеру. Актеръ, вошедшій въ роль, „создаетъ типъ“; роль, которую человѣкъ играетъ въ теченіе своей жизни, дѣлаетъ его типомъ. Въ какой мѣрѣ человѣкъ участвуетъ самъ въ созданіи своей роли, импровизируетъ ее, въ какой мѣрѣ она внушается ему другими? Я разумію здѣсь не то, чѣмъ хочетъ *казаться* человѣкъ, хотя и это стремленіе казаться вліяетъ на его поведеніе больше, чѣмъ онъ думаетъ. Я разумію ту роль, которая составляетъ его дѣйствительный жребій. Драма, представляющая художественное изображеніе человѣческаго жребія, показываетъ намъ, что роль человѣка состоитъ не въ одномъ его характерѣ, а въ его

дѣйствию. Самое дѣйствіе въ своемъ трагическомъ значеніи имѣетъ *роковую* завязку, которая частью независима отъ характера человѣка, частью начинается собою ту коллизію, въ которой окончательно *опредѣляется* или перерождается *его характеръ*.

Въ двухъ гениальнѣйшихъ драмахъ Шекспира—въ Макбетѣ и Гамлетѣ—завязка представляется сверхъестественной: въ одномъ случаѣ—это роковое предсказаніе будущаго, въ другомъ—это сверхъестественное разоблаченіе прошедшаго. Въ обѣихъ драмахъ видѣнія преслѣдуютъ героевъ, опредѣляютъ ихъ дѣйствія. И это самыя человѣчныя изображенія Шекспира, самыя глубокія по своей поэзіи и правдѣ. Образъ будущаго положенія, образъ царства является рокомъ Макбета, вѣдьмой стоитъ передъ нимъ; и жребій, съ которымъ борется Гамлетъ, который доводитъ его до умопомраченія,—тѣнь его убитаго отца. Отелло не ревнивъ по природѣ: *образъ* измѣнницы Дездемоны, создаваемый Яго, дѣлаетъ его ревновымъ, ведетъ его къ преступленію; онъ владѣлъ имъ, какъ образъ любимаго существа овладѣваетъ душою влюбленнаго.

Идеи, образы, опредѣляющіе наше поведеніе и отчасти самый нашъ характеръ, *внушаются* намъ — частью обстоятельствами, частью другими людьми. Точнѣе, тамъ, гдѣ они особенно ярки и сильны, они ощущаются нами какъ какія-то психическія внушенія. Мы нѣтъ нужды указывать на множество вѣрованій народныхъ, связанныхъ съ такими явлениями,—вѣру въ глазъ, порчу, одержимость, въ любовныя чары, внушенія добрыхъ и злыхъ духовныхъ силъ: всѣ эти вѣрованія, что бы имъ ни соотвѣтствовало, характерно выражаютъ самое ощущеніе психическаго вліянія или внушенія, связаннаго съ тѣми или другими образами, представленіями или идеями, опредѣляющими наше поведеніе. Съ самымъ *словомъ*, въ которомъ выражается правило дѣйствія, связывается такое представленіе предписанія, велѣнія, внушенія. Внушительное слово свое или чужое побуждаетъ насъ къ дѣятельности и опредѣляетъ ея направленіе: такое слово, которое не только слышится нами, но *живетъ* въ насъ.

V.

Повидимому, свобода человеческой воли выражается болѣе положительно въ художественномъ творествѣ, въ свободномъ произведеніи идеальныхъ образовъ. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи и такое творчество является далеко не произвольнымъ, подчиняясь идеальной необходимости. Характерно, что и художественное вдохновеніе нерѣдко понималось древними пневматически — по образу вдохновенія пророка или одержимаго *). Цѣль художника, опредѣляющая его творчество, есть совершенное выраженіе идеи, образа, имъ овладѣвшаго. Одинъ художникъ видитъ этотъ образъ съ самаго начала и въ борьбѣ съ своимъ матеріаломъ стремится дать ему полное законченное выраженіе: онъ идетъ къ своей цѣли съ какимъ-то ясновидѣніемъ генія, легко и просто, естественно преодолая всѣ трудности. Другому художнику творческій образъ, запавшій въ его душу, открывается постепенно въ своей красотѣ и жизни—по мѣрѣ работы; первоначальная концепція развивается, уясняется по мѣрѣ своей матеріализаціи: художникъ частью руководится инстинктивнымъ предчувствіемъ того, что онъ самъ еще не вполне видитъ, частью же подвигается впередъ путемъ упорнаго труда, изученія, обработки своего предмета, сознавая мучительно все несоотвѣтствіе своей работы невидимому образу — до полного его воплощенія. Здѣсь замѣчательный примѣръ чисто идеальнаго детерминизма. Идея и здѣсь индивидуализируется, осуществляется, живетъ самостоятельно въ воображеніи человѣка. Благодаря именно чудесной способности объективациі, творческой индивидуациі отрывочныхъ, несовершенныхъ образовъ міра явленій, художникъ не ограничивается воспроизведеніемъ этихъ эмпирическихъ образовъ, но сообщаетъ имъ такую идеальную цѣльность, какой они въ природѣ не могутъ имѣть. При полномъ сходствѣ съ оригиналомъ художественный портретъ можетъ быть цѣльнѣе, характернѣе, вырази-

*) Наприм., у Платона въ его «Федрѣ».

тельнѣе, *върнѣе* самой дѣйствительности въ частныхъ, случайныхъ ея воспріятіяхъ или представленіяхъ. Отсюда—одухотворенность художественнаго произведенія, та необычайная жизнь, которая свѣтится, дышетъ въ немъ. Ясновидѣніе художника есть *сверхприродная цѣльность его воспріятія природы*: въ своемъ творествѣ онъ опредѣляется не только внѣшней дѣйствительностью, а тѣмъ идеально-цѣльнымъ образомъ, который она ему внушаетъ, который онъ видитъ или предчувствуетъ въ ней и который по самой своей сверхъестественной цѣльности пріобрѣтаетъ такую власть въ его воображеніи, что стремится къ своему воплощенію.

Части всякаго истинно-художественнаго произведенія взаимно предполагаютъ другъ друга, какъ члены живого тѣла; такое произведеніе цѣльно по своей концепціи не только по своемъ совершенномъ осуществленіи, но и до такого осуществленія. Этимъ опредѣляется задача художественной критики, разсматривающей концепцію въ ея отношеніи къ достигнутой формѣ; этимъ опредѣляется и тщательная обработка формы самимъ художникомъ, обработка, иногда столь долгая и мучительная, столь трудная—несмотря на истинное вдохновеніе художника. Гёте рассказываетъ, какъ однажды, любуясь страсбургскимъ соборомъ, онъ открылъ въ немъ отсутствіе двухъ башенокъ, которыя онъ отыскалъ впоследствии въ планахъ собора. Такъ художникъ открываетъ и въ самой дѣйствительности отсутствующія, идеально-необходимыя черты, которыя онъ воспроизводитъ, возстановляетъ. Еще Аристотель сказалъ, что поэзія философичнѣе исторіи, такъ какъ она воспроизводитъ именно идеально необходимое, а не случайно бывающее. Тамъ же, гдѣ трудъ художника опредѣляется не такой идеальной необходимостью, а рабской копіей дѣйствительности или субъективной прихотью, нѣтъ и творчества, нѣтъ искусства. Но все же дѣятельность художника такъ или иначе *опредѣляется*.

VI.

Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли различныя формы вліянія идей на волю. Мы не знаемъ воли абсолютно безцѣльной или идей абсолютно безвольныхъ: тѣ или другія идеи, цѣли всегда опредѣляютъ содержаніе воли, и въ то же время всякая идея, поскольку она утверждаетъ себя въ нашемъ сознаніи, имѣетъ то или другое, положительное или отрицательное отношеніе къ нашей волѣ и можетъ разсматриваться какъ волевое внушеніе. Тѣмъ не менѣе, въ самой внутренней борьбѣ нашихъ чувствъ и стремленій, а равно и въ борьбѣ между эгоистическими цѣлями, усвоенными нашей волей, и новыми цѣлями, внушающимися ей извнѣ, мы отличаемъ свою волю отъ идей или цѣлей, какъ мы отличаемъ иногда свою волю отъ чужой, наприм., свою волю отъ „воли Божіей“.

Съ одной стороны, воля опредѣляется, *детерминируется* идеями. Съ другой—она какъ бы *освобождается* внутренне—не только отъ чисто физическаго детерминизма, но и отъ психологическаго детерминизма аффектовъ, подчиняясь разумнымъ цѣлямъ. Если сознаніе измѣняетъ самое *направленіе* чисто физическаго движенія, дѣлая его цѣлесообразнымъ, т.-е. полагая ему опредѣленную цѣль, то и въ самой сферѣ сознанія человѣкъ освобождается отъ естественнаго детерминизма внѣшнихъ побужденій, аффектовъ и влеченій, ставя себѣ идеальную цѣль, т.-е. дѣлая началомъ своего дѣйствія идею его конца. Мыслитель въ своемъ логическомъ мышленіи, художникъ въ своемъ творчествѣ освобождаются отъ случайныхъ психологическихъ ассоціацій, отъ гнета внѣшнихъ эмпирическихъ впечатлѣній. Человѣкъ, преслѣдующій нравственную цѣль, освобождается въ своей дѣятельности отъ господства чувственныхъ влеченій, отъ естественнаго эгоизма своей воли. Поэтому множество философовъ древнихъ и новыхъ полагали свободу воли въ разумѣ, способности человѣка опредѣляться идеями.

Но здѣсь возникаетъ затрудненіе. Мы видѣли, что идеи

опредѣляютъ человѣка къ дѣйствию по образу или черезъ посредство личнаго внушенія. Есть личности, есть идеи, въ которыхъ мы чувствуемъ нравственную силу, нравственное превосходство, внутреннюю правду или красоту; и мы развиваемся и освобождаемся, подчиняясь такимъ личностямъ и такимъ идеямъ. Но можно ли допустить, что подчиненіе сильнѣйшему духу, все равно олицетворенному или нѣтъ, человѣку или идеѣ, непременно освобождаетъ насъ нравственно? Для этого, разумѣется, прежде всего надо знать, что такое нравственность и свобода.

Идеи есть всякія и духи есть разные. Неподвижная идея, преслѣдующая помѣшаннаго, можетъ по своему совершенно измѣнить, переродить его характеръ. Человѣкъ, загипнотизированный какой-либо преслѣдуемой имъ цѣлью или подчинившійся авторитету сильной деспотической воли, можетъ быть также перевоспитанъ и порабошенъ. Подобное порабоженіе, подобная гипнотизація воли возможна въ служеніи всяческимъ политическимъ, социальнымъ, религиознымъ идеямъ, которыми цѣля общества бываютъ иногда столь же одержимы, какъ отдѣльныя лица. Этой одержимостью объясняется огромное множество явленій въ исторіи народовъ, ихъ политическаго и религиознаго строя, ихъ войнъ, ихъ вражды и фанатизма.

Какія же идеи могутъ освобождать человѣка? Должны существовать, очевидно, какіе-нибудь объективные признаки такихъ идей и объективный критерій для ихъ оцѣнки. Допустимъ, что существуютъ идеи, заключающія въ себя абсолютную нравственную правду, безусловную истину или красоту. Если существуютъ такіе идеалы, имѣющіе абсолютную цѣнность, то воля, сознательно опредѣляющаяся ими, имѣетъ сама абсолютно-цѣнное, идеальное содержаніе и постольку реально освобождается отъ господства эмпирическихъ чувственныхъ мотивовъ. Мало того, въ самомъ сознаниіи безусловной правды наша воля имѣла бы формальную, т.-е. чисто возможную свободу.

Этика, дѣлающая подобныя допущенія, явно оставляетъ

почву эмпиризма, который по необходимости лишенъ всякой абсолютной мѣрки для оцѣнки конечныхъ цѣлей или идеаловъ, рассматривая ихъ исключительно какъ эмпирическіе мотивы. Но если мы отвлечемся отъ ихъ содержанія и отъ объективной оцѣнки его (логической, эстетической, нравственной), мы должны совершенно отказаться отъ «освобождающаго дѣйствія» какихъ бы то ни было идей или идеаловъ. Остается эмпирическая зависимость, эмпирическая мотивация, которую, однако, вопросъ далеко не исчерпывается. Рассматривая одну психологическую мотивацию воли идеями, мы находимъ только различныя степени ихъ господства надъ нашей волей черезъ посредство нашего воображенія, т. е. различныя виды и степени одержимости, которая является тѣмъ сильнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ сильнѣе и живѣе идеаль, которому служить человѣкъ.

Такъ, наприм., извѣстный психологъ Маудсли въ своей «Патологіи духа» видитъ во всякой религіи болѣзнетворное начало. Каковы бы ни были частныя благотворныя вліянія религіи, ложной по существу своему, она является ему глубоко противной самой гигиенѣ человѣческой души, извращая всѣ наши понятія и приводя нерѣдко къ эмоціональному разстройству или къ болѣе или менѣе острой формѣ одержимости идеями бреда — болѣзненному разстройству, которое искусственно развивается и поддерживается цѣлой системой воспитанія и общественныхъ учреждений. Другіе психологи, исходя изъ поучительныхъ наблюдений, сближали геній съ безумствомъ, указывая патологическія особенности генія (къ числу которыхъ, несомнѣнно, относятся явленія экстаза, одержимости идеями, ясновидѣнія и пр.). Всякое сильное религіозное движеніе сопровождается въ своемъ началѣ нѣкоторыми однородными явленіями (изступленіе, экстазъ, галлюцинація, явленія телепатіи, парафазіи и т. д.). Очевидно, психопатологъ долженъ признать всѣ эти внѣшнія проявленія одинаково ненормальными. Разница между простымъ душевнымъ разстройствомъ и истиннымъ вдохновеніемъ религіознымъ, нрав-

ственнымъ, поэтическимъ — заключается, очевидно, не въ этихъ внѣшнихъ явленіяхъ, а въ той истинѣ, томъ духѣ, идеѣ, геніи, который въ нихъ выражается. Поэтому тотъ, кто изслѣдуетъ подобныя явленія и хочетъ понять ихъ, не можетъ ограничиваться внѣшнимъ наблюденіемъ, не входя во внутреннюю оцѣнку нравственныхъ фактовъ, сказывающихся въ нихъ.

Необходима, слѣдовательно, объективно - нравственная оцѣнка идей, чувствъ и стремленій, какъ принциповъ человѣческаго поведенія, подобно тому какъ необходима объективная логическая и эстетическая оцѣнка идей. Идеи можно разсматривать какъ эмпирическіе *мотивы* и въ то же время какъ разумныя *основанія* нашего поведенія. Наряду съ психологическимъ анализомъ мотивовъ, какъ двигателей, *инстинкторовъ* нашего дѣйствія, необходима ихъ критика въ качествѣ нравственныхъ *основаній*, сужденіе о нравственной безотносительной ихъ цѣнности, — о ихъ духѣ, если можно такъ выразиться. Идеи, какъ принципы человѣческаго поведенія, имѣютъ такимъ образомъ и психологическій, и этический характеръ.

VII.

Но если даже допустить, что существуютъ идеи, имѣющія безотносительное нравственное достоинство и постольку способныя освобождать внутренно ту волю, которая ими опредѣляется, мы не рѣшимъ вопроса о томъ, свободна ли воля въ самомъ выборѣ между идеями, которыя ей представляются? Безъ такого выбора свободы воли, очевидно, нѣтъ. Но съ точки зрѣнія эмпиризма, и на этотъ вопросъ нельзя дать никакого окончательнаго отвѣта.

Отдѣльныя инстанціи противъ свободы выбора еще ничего не могли бы доказать, если бы у насъ были достаточно вѣскія инстанціи въ пользу индетерминизма. Повидимому, мы имѣемъ въ пользу свободы свидѣтельство нашего самознания: нужно внутреннее признаніе, согласіе на представляющуюся цѣль или идею, нерѣдко нужно дѣйствіе; хотя-бы

самое незначительное, иногда просто символическое, чтобы поставить себя въ соотношеніе къ ней, опредѣлить новый курсъ своего поведенія. Но иногда самое такое согласіе, такой поворотъ воли представляется какъ бы *невольнымъ*. А во всѣхъ другихъ случаяхъ мы всегда сами знаемъ, *чѣмъ* опредѣляется наше согласіе. Нашъ выборъ, слѣдовательно, также мотивируется, „детерминируется“ тѣми или другими побужденіями, мотивами или основаніями, лежащими въ нашихъ чувствахъ, влеченіяхъ или въ нашемъ разумномъ сознаніи,—смотря по характеру. Эмпирически мы не можемъ найти той свободы, которую мы въ себѣ сознаемъ: мы находимъ лишь различные виды детерминизма—въ аффектахъ и влеченіяхъ воли, въ идеальной мотиваціи, въ основаніяхъ дѣйствія.

Но съ другой стороны, эмпирическая психологія еще не даетъ намъ никакого права отрицать свободу воли, или свободу выбора.

Прежде всего, если разумъ заключаетъ въ себѣ способность не только воспріятія, но и познанія идей, ихъ пониманія и объективной нравственной оцѣнки, то такое разумное сознаніе этического характера идей даетъ намъ силу нравственного *суда* надъ ними и освобождаетъ насъ отъ *безусловнаго* господства идей и состояній сознанія въ качествѣ исключительныхъ мотивовъ или *инстинкторовъ* дѣйствія. Человѣкъ, находящійся въ полномъ обладаніи этой разумной способности, свободенъ *нравственно*, чѣмъ бы ни опредѣлялся въ дѣйствительности его выборъ или его поступокъ: разъ онъ сознаетъ безотносительную нравственную цѣну мотивовъ, онъ уже не можетъ быть психологическимъ автоматомъ, опредѣляющимся всецѣло вліяніемъ сильнѣйшаго мотива; разъ онъ понимаетъ и цѣнитъ свои мотивы въ качествѣ разумныхъ *основаній* дѣйствія—его поступокъ, какъ сообразный, такъ и несообразный требованіямъ его разума, по необходимости опредѣляется уже *рѣшеніемъ*, а не простымъ *внушеніемъ*, инстинктивная сила котораго парализована разумнымъ сознаніемъ. Мотивъ перестаетъ быть инстинктив-

нымъ *двигателемъ* (causa efficiens) дѣйствія, превращаясь въ возможный *поводъ* его.

Разумъ, какъ способность мышленія, заключаетъ въ себѣ возможность безконечнаго множества идей. Всякая идея, всякій мотивъ, поскольку онъ сознается разумомъ, по необходимости полагается нами въ соотношеніе ко всей совокупности другихъ возможныхъ мотивовъ, другихъ мыслимыхъ принциповъ поведенія. Этимъ и обуславливается объективная оцѣнка мотива и заключающихся въ немъ правилъ или тенденцій въ связи съ совокупностью остальныхъ. Поэтому, пока человѣкъ владѣетъ разумомъ, никакой ограниченный, эмпирический мотивъ не можетъ быть въ немъ безотносительнымъ и опредѣлять его безусловно—безъ акта его воли, безъ ея внутренняго согласія. Ибо никакой эмпирический мотивъ не соизмѣримъ съ *формальной* (возможной) *универсальностью* разума; отсюда сознание (и самое чувство) вмѣняемости, сознание того, что мы обладаемъ формальной возможностью поступать иначе, чѣмъ мы поступаемъ.

Разсматривая данный мотивъ въ качествѣ *основанія* дѣйствія, разумъ принимаетъ или отвергаетъ его, смотря по тому, сообразенъ онъ или нѣтъ мыслимой имъ нравственной необходимости поведенія, т. е. можетъ ли онъ служить общимъ истиннымъ *правиломъ* поведенія, — откуда всѣ наши сужденія о правильномъ или неправильномъ, должномъ и недолжномъ, законномъ и незаконномъ *). Но въ то же время такое разумное сознание нравственной необходимости какого-нибудь дѣйствія не является само по себѣ двигателемъ нашихъ дѣйствій, помимо нашей воли: идеальная, нравственная необходимость дѣйствія, мыслимая или сознаваемая нами болѣе или менѣе ясно, не есть еще психологическая необходимость. Такимъ образомъ, намъ приходится выбирать не между двумя мотивами, а между реальнымъ

---

*) Формула Канта: „дѣйствуй такъ, чтобы внутреннее правило твоего дѣйствія могло служить принципомъ всеобщаго законодательства“—есть лишь обобщеніе требованій, заключающихся въ нравственныхъ сужденіяхъ нашего разума и вытекающихъ изъ его универсальности.

внушеніемъ мотива и идеальнымъ, разумнымъ сознаниемъ или оцѣнкой мотива.

Конечно, съ точки зрѣнія эмпиризма, самое нравственное сужденіе, сознание долга или нравственного закона можетъ разсматриваться какъ эмпирической мотивъ, подобный прочимъ. Но даже психологически не трудно замѣтить разницу въ способѣ дѣйствія на волю нравственного сознания въ отличіе отъ прочихъ мотивовъ. Ибо, если самыя идеи въ качествѣ мотивовъ сознания дѣйствуютъ на насъ по образу или черезъ посредство личныхъ внушеній, то сознание этического достоинства идей вноситъ въ опредѣленіе воли совершенно новый факторъ нравственной свободы отъ господства слѣпыхъ внушеній. Можно сказать поэтому, что мы имѣемъ здѣсь не два вида мотивации или опредѣленія воли, а два совершенно несоизмѣримыхъ между собою отношенія воли къ предметамъ ея хотѣнія или дѣйствія: въ одномъ случаѣ воля всегда отчасти *гетерономна*, опредѣляясь внушеніями мотива; въ другомъ она опредѣляется самостоятельной разумной *оцѣнкой* мотива, его *познаниемъ*. Мотивъ и нравственная оцѣнка его нерѣдко совпадаютъ въ нашемъ сознаниі: но не трудно убѣдиться путемъ простаго анализа, что это двѣ различныя и несоизмѣримыя между собою величины, которыя нельзя сопоставлять другъ другу: нравственная оцѣнка предполагаетъ, такъ сказать, новое измѣреніе воли. Въ каждомъ нравственномъ рѣшеніи разумной воли представляется выборъ не между двумя мотивами, а между двумя отношеніями воли къ мотивамъ—нравственнымъ или чувственнымъ, автономнымъ и гетерономнымъ. Выборъ между двумя мотивами всегда обусловленъ психологически; но выборъ между двумя коренными отношеніями воли къ мотивамъ не можетъ, очевидно, опредѣляться безусловно ни мотивами, ни основаніями (или оцѣнкой мотивовъ), поскольку наши поступки могутъ соответствовать категорическимъ требованіямъ нравственного сознания или идти имъ наперекоръ. Эмпирически нельзя доказать, чтобы выборъ опредѣ-

лялся тутъ чѣмъ-нибудь помимо произвола. По справедливому замѣчанію Канта, способность разума возвыщаться надъ внушеніемъ реальныхъ мотивовъ, господствовать надъ всѣми чувственными аффектами воли—одною чистой идеей нравственного закона, однимъ формальнымъ сознаниемъ правды,—столь же непонятна, какъ и противоположная способность чувственности—господствовать надъ разумомъ, повѣлывающимъ съ такой безусловной авторитетностью.

Итакъ, вопросъ о свободѣ воли тѣсно связывается съ вопросомъ о нравственной природѣ человѣка, о его нравственномъ сознаниі: обладаетъ ли онъ способностью чисто этического сужденія, универсальнаго познанія добра? Если да, то нравственное сознание формально обуславливаетъ свободу воли, даетъ намъ самую возможность выбора. Въ такомъ случаѣ, и вопросъ о нравственной свободѣ рѣшается, повидимому, утвердительно, какія бы ни возникали новыя метафизическія затрудненія и проблемы изъ такого рѣшенія.

Этическая оцѣнка поведенія, воли вообще, есть несомнѣнный фактъ, точно такъ же, какъ наприм., сознание добра есть фактъ. Но рѣшить, относительно ли такое сознание или же оно заключаетъ въ себѣ нѣчто абсолютное и универсальное, можно лишь путемъ внутренней критики человѣческаго разума въ его отношеніи къ волѣ и ея мотивамъ. Въ отличіе отъ эмпирическаго изслѣдованія идей или аффектовъ, какъ подобныхъ мотивовъ, Кантъ называлъ такую критику «трансцендентальной»: она изслѣдуетъ не факты, не явленія нравственнаго сознанія, а самыя внутреннія условія этого сознанія какъ такого.

Повторимъ еще разъ общіе выводы нашего разсужденія.

Человѣческое поведеніе, поскольку оно сознательно, не опредѣляется однимъ физическимъ детерминизмомъ, одними физиологическими и физическими причинами; сознательное человѣческое поведеніе, поскольку оно пѣлесообразно и разумно, не опредѣляется одними чувствами, аффектами,

но также и цѣлями или идеями, которыя внушаются ему своимъ или чужимъ сознаниемъ. Наконецъ, человѣческая воля, поскольку она разумна и нравственна, не опредѣляется одними внушениями своихъ мотивовъ по закону психологическаго детерминизма, но также внутренней оцѣнкой мотивовъ, нравственными и разумными основаніями, которыя человѣкъ сознаетъ, какъ нормы истиннаго и долгаго.

Такимъ образомъ, между причинами, мотивами, основаніями поведенія можно установить различіе, хотя эмпирически нравственное основаніе можетъ разсматриваться какъ простой мотивъ, а мотивъ—какъ причина поступка (его необходимое предшествующее). Въ этомъ смыслѣ всѣ наши дѣйствія могутъ разсматриваться какъ эмпирически обусловленные. Но такая эмпирическая необходимость имѣетъ однако совершенно условный характеръ, поскольку мотивы имѣютъ не только опредѣленное психологическое отношеніе къ нашей волѣ, но и нравственное содержаніе, подлежащее разумной оцѣнкѣ, и наряду съ психологическимъ измѣреніемъ допускаютъ измѣреніе нравственное.

Идея, какъ предметъ воли, можетъ разсматриваться: 1) какъ мотивъ и 2) какъ разумное или нравственное основаніе дѣйствій—что предполагаетъ два совершенно различныхъ опредѣленія воли, какъ психической и какъ этической, нравственной силы. Какъ разумно-нравственное существо, человѣкъ освобождается отъ безусловнаго детерминизма мотивовъ, познавая ихъ въ качествѣ основаній. Но несмотря на то, что основаніе, которымъ мы опредѣляемся, и можетъ разсматриваться какъ мотивъ, необходимый нравственно и психологически, — нравственная, чисто-идеальная необходимость нерѣдко расходится съ необходимостью психологической. *Мы можемъ дѣйствовать вопреки достаточному основанію, вопреки долгу и разуму или нравственной необходимости.*

Слѣдовательно, нашъ „практическій разумъ“, освобождая насъ отъ безусловнаго господства внушеній, отъ одержимости идеями или аффектами и давая намъ способность оцѣнки

и выбора по нравственнымъ разумнымъ основаніямъ, не подчиняетъ однако нашу волю безусловному детерминизму нравственного закона. Нравственный мотивъ, какъ достаточное основаніе для дѣйствія воли, не есть то, что рѣшаетъ, или то, что безусловно опредѣляетъ волю, — разъ воля можетъ дѣйствовать вопреки такому основанію. Положимъ, и въ случаѣ поступка, противнаго нравственной необходимости, воля опредѣляется тѣмъ или другимъ низшимъ психологическимъ мотивомъ. Но разъ человѣкъ есть нравственное существо, сознающее основанія своего дѣйствія и понимающее нравственный «духъ» своихъ мотивовъ, нельзя сказать, чтобы какой бы то ни было мотивъ былъ помимо его виновникомъ его поступка, или чтобы такой поступокъ объяснялся одною психологической причинностью, помимо ея произвольнаго, нравственнаго *рѣшенія*.

Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли можетъ быть рѣшенъ лишь въ связи съ вопросомъ о природѣ нашего нравственнаго сознанія, т.-е. въ связи съ «критикой практическаго разума».

Кн. С. Трубецкой.

О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ.

Комментаріи къ «Критикѣ Чистаго Разума» *).

Терминъ «воображаемый», въ обыденной рѣчи, въ примѣненіи къ писателю значитъ: искаженный подъ вліяніемъ не умысла, а предвзятыхъ мнѣній, привычныхъ мыслей, вошедшихъ намъ въ плоть и кровь, и т. под. Я буду говорить въ этой статьѣ о подобномъ неумышленномъ, и въ то же время крупномъ, искаженіи Кантовской философіи, которое очень легко допустить и представителемъ котораго служить, между прочимъ, г. Каринскій. Сопоставить воображаемаго имъ Канта съ дѣйствительнымъ значитъ написать далеко не лишніе для русской литературы (какъ доказываетъ уже самый фактъ появленія книги г. Каринскаго: «Объ истинахъ самоочевидныхъ») комментаріи къ «Критикѣ Чистаго Разума». Таково объясненіе заглавія моей статьи.

Упомянутая книга г. Каринскаго уже вызвала два отзыва: моего достопочтеннаго однофамильца (см. «Вопросы Филос. и Психол.» 1894, мартъ) и г. Серебренникова (тамъ же, 1894, май). Оба они въ главныхъ чертахъ согласны между собой относительно убѣдительности и доказанности окончательнаго вывода г. Каринскаго. Мой однофамилецъ находитъ, что г. Каринскому удалось сильно поколебать авторитетъ Канта. А г. Серебренниковъ идетъ значительно дальше и заканчиваетъ свой отзывъ такими словами: «она (т.-е. книга г. Каринскаго) должна пробудить философскую мысль отъ догматическаго (sic!) сна, навѣяннаго Кантомъ» («Вопросы», май, стр. 423). Я же не могу согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ рецензентомъ; по-

*) По поводу книги г. Каринскаго: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“.

Вопросы Философіи, кн. 25.

этому я думаю, что всё сочтутъ позволительнымъ для меня, если къ уже существующимъ отзывамъ я прибавлю еще новый. Къ тому же мой однофамилецъ какъ бы прямо приглашаетъ къ этому кого-либо изъ русскихъ представителей критической философіи: «особенно на представителяхъ нашей критической философіи, говоритъ онъ подъ конецъ своей рецензіи, лежитъ обязанность отнестись къ его (т.-е. г. Каринскаго) труду съ возможнымъ вниманіемъ: послѣ того какъ авторитетъ главы школы въ этой монографіи значительно поколебленъ, она (т.-е. школа). . . обязана принять обращенный къ ней вызовъ» («Вопросы», мартъ, стр. 272). А меня среди русскихъ философовъ считаютъ кантіанцемъ по преимуществу; поэтому я и рѣшаюсь принять вызовъ, сдѣланный «представителямъ нашей критической философіи» *).

Моя статья состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ я указываю основную ошибку г. Каринскаго, которая, въ большей или меньшей степени, объясняетъ всё особенности, даже странности, его книги, отмѣченныя мной въ двухъ первыхъ отдѣлахъ. Я могъ бы и прямо начать съ указанія, въ чемъ и почему именно я не согласенъ ни съ г. Каринскимъ, ни съ его только что упомянутыми рецензентами. Но при оправданіи моего мнѣнія мнѣ не избѣжать кое-какихъ замѣчаній объ особенностяхъ содержанія и даже изложенія книги г. Каринскаго, и чтобы не возвращаться къ нимъ по нѣскольку разъ и не растягивать этимъ своей статьи, я сдѣлаю ихъ теперь же.

I.

Что касается до изложенія, то хотя г. Серебренниковъ и называетъ рассматриваемую книгу, правда, «по мыслямъ» (?) ясной, простой и убѣдительною (см. «Вопросы», май, 423), но я присоединюсь къ болѣе раннему мнѣнію моего однофамильца, который

---

*) За мной есть еще долгъ: отвѣчать гг. Лопатину, Радлову и покойному Астафьеву, напечатавшимъ свои возраженія въ „Вопросахъ Фил. и Псих.“, кн. 19, въ отвѣтъ на мой „Вторичный вызовъ“, сдѣланный (въ Вопросахъ, кн. 18) по поводу закона одушевленія всѣмъ русскимъ философамъ. Я не забылъ объ этомъ долгѣ и уплачу его въ книгѣ, надъ которой я работаю въ настоящее время и которую надѣюсь выпустить въ эту зиму приблизительно подъ такимъ заглавіемъ: „Къ анализу вѣры въ эмпирическое знаніе. Неустрашимая поправка въ критической философіи“.

говорить, что читать эту книгу «весьма трудно», что онъ не припомнить «ни одной книги не только русской, но даже и нѣмецкой, чтеніе которой потребовало бы такого напряженія мысли» («Вопр.», мартъ, 272). Я выражусь даже сильнѣе: чтобы исполнѣ понять эту книгу, надо ее прочесть трижды. Въ первый разъ надо лишь ознакомиться съ общими взглядами автора и ихъ порядкомъ въ книгѣ; во второй разъ—затѣмъ, чтобы продѣлать всю ту работу, которую долженъ былъ бы исполнить, но не исполняетъ самъ авторъ; именно, у него отсутствуетъ то, что называется раздѣльностью мыслей. Такъ, хотя въ его книгѣ 196 стр. убористаго шрифта, но онъ нисколько не заботится о томъ, чтобы сдѣлать обзорѣніе и усвоеніе ея содержанія болѣе легкимъ: у него нѣтъ ни оглавленія, ни дѣленія на главы, которыя носили бы заглавія, указывающія ихъ содержаніе (взаимѣнъ того нѣмое подраздѣленіе на 28 параграфовъ), и абзацы по пяти или около того страницъ вовсе не рѣдкость. Далѣе, у г. Каринскаго обыкновенно нѣтъ никакихъ указаній—почему онъ отъ одной мысли переходитъ къ другой, повидимому, нисколько не связанной съ первой; почему въ порядкѣ своего разбора онъ часто отступаетъ отъ Кантовскаго порядка; почему разбираетъ его не всего, а дѣлаетъ важные пропуски (какіе именно,—укажу во второмъ отдѣлѣ); почему онъ разсматриваетъ его положенія только съ такихъ, а не другихъ точекъ зрѣнія и т. д. Все это долженъ пополнить самъ читатель, и лишь послѣ этого онъ можетъ читать эту книгу такъ же, какъ и другія. Но этимъ еще не закончится работа читателя. Такъ, при помощи какъ бы филологическихъ пріемовъ (вродѣ сопоставленія разныхъ мѣстъ и т. п.) онъ долженъ рѣшить, въ какомъ смыслѣ разумѣетъ г. Каринскій нѣкоторые термины; напримѣръ, послѣдній чуть не на каждой страницѣ употребляетъ слова: «умозрѣніе», «умозрительный», но нигдѣ не опредѣляетъ, что они у него означаютъ—одни ли *аналитическіе* процессы мысли и аналитическія сужденія, или же и *синтетическіе*, которые опирались бы на апіорный синтезъ. Далѣе, читатель долженъ будетъ замѣнить нѣкоторыя слова другими, чтобы сразу видѣть, куда они относятся, и избѣжать двухсмысленностей. Такъ, г. Каринскій почему-то никогда не употребляетъ словъ «апіорный», «апіорность» и т. п., хотя они (или подобныя имъ—«апіоричный» и т. д.) уже давно приняты въ русской литературѣ (см. сочине-

нія и переводы гг. Страхова, Лопатина, Грота и друг.) Нужно ли ему прилагательное, существительное, нарѣчіе, онъ повсюду употребляетъ одно и то же слово «а ргіогі». А оно для русскаго уха звучитъ всегда, какъ нарѣчіе; и при свободѣ, допускаемой русскимъ синтаксисомъ, оно одинаково можетъ относиться и къ предыдущимъ, и къ послѣдующимъ словамъ. Напримѣръ: чистыя понятія а ргіогі производятъ синтезъ содержанія представленій. Куда здѣсь относится слово а ргіогі—къ слову «понятіе» или же къ «производятъ»? Впрочемъ, кажется, точь-въ-точь такого выраженія нѣтъ въ книгѣ г. Каринскаго. За то вотъ другое, выписанное дословно изъ нея (стр. 80): «но дѣло идетъ не о происхожденіи понятія о синтезѣ, но о правѣ а ргіогі предугадывать необходимость» и т. д. Что тутъ апіорно—право предугадывать или же само предугадываніе? И послѣ всей этой работы въ книгѣ останется еще не мало запутанныхъ выраженій. Впрочемъ, опираясь на отзывъ моего однофамильца, я избавлю себя отъ подтвержденія своихъ словъ множествомъ примѣровъ; отчасти же они будутъ попадаться въ приводимыхъ мною цитатахъ. А вотъ относительно слова «а ргіогі» я рекомендую подумать и г. Каринскому, и всѣмъ моимъ читателямъ: не пора ли употреблять его только какъ нарѣчіе, и то съ осторожностью, чтобы сразу было видно, куда оно относится? Нѣмцы, синтаксисъ которыхъ гораздо болѣе строгъ къ порядку частей предложенія, чѣмъ русскій, и то онѣмечили это слово и употребляютъ наряду съ нимъ *argiorisch*, *Argiorität* и т. п.

Итакъ, книга г. Каринскаго по многимъ причинамъ не ясна; это налагаетъ на всѣхъ его рецензентовъ (не исключая и меня самого) обязанность относиться съ нѣкоторой осторожностью къ своему пониманію этой книги и къ доказанности выводовъ г. Каринскаго; а для этого надо сравнивать свои впечатлѣнія съ впечатлѣніями другихъ рецензентовъ, что я и буду дѣлать.

II.

Содержанія разсматриваемой книги я не стану излагать, такъ какъ это было уже сдѣлано г. Серебренниковымъ («Вопросы», май 1894 г., стр. 410—421), и сдѣлано, по моему, очень хорошо, т.-е. мысли г. Каринскаго переданы вполне правильно и во всякомъ случаѣ—не въ худшемъ видѣ, чѣмъ у самого автора.

Поэтому я ограничусь только кое-какими замѣчаніями, чтобы выставить на видъ нѣкоторыя особенности, которыя остаются незамѣтными въ изложеніи г. Серебренникова.

Г. Каринскій заканчиваетъ свою книгу такими словами: «догматизмъ проникаетъ насквозь не постановку только вопроса о самоочевидныхъ истинахъ въ «Критикѣ Чистаго Разума», а вмѣстѣ и все изслѣдованіе и рѣшеніе его. По моему мнѣнію, рѣшеніе вопроса о послѣднихъ послыкахъ знанія въ такъ называемой критической философіи относится не къ настоящему и не къ будущему философіи, а къ ея прошедшему». При этомъ (на стр. 10—16) г. Каринскій даетъ знать читателю, что термины: «догматическій» и «критическій» онъ будетъ понимать не въ ихъ исторически закрѣпившемся (по его собственнымъ словамъ, см. стран. 10) значеніи, а по своему *). Возникшее со времени Канта и въ теченіе столѣтія исторически установившееся значеніе этихъ терминовъ, — таково: критическій = Кантовскій, т. е. согласный съ принципами «Критики Чистаго Разума»; а поэтому догматическій = несогласный съ этими принципами (будетъ ли это эмпиризмъ, рационализмъ, позитивизмъ, и. д.). А г. Каринскій понимаетъ подъ «критическимъ» — научно провѣренный, подъ «догматическимъ» же — непровѣренный **). Поэтому его окончательный выводъ означаетъ вовсе не то, что Кантъ повременамъ не выдерживалъ своихъ принциповъ, сбивался съ нихъ на забраванныя имъ же самимъ точки зрѣнія (въ чемъ никто не сомнѣвается и что вполне естественно, ибо ни одна идея не возникаетъ сразу въ своемъ чистомъ видѣ — во всеоружіи истины, на подобіе Аѳины, выпрыгнувшей изъ головы Зевса). Приговоръ г. Каринскаго на общепринятомъ языкѣ можетъ быть сформулированъ такъ: вся «Критика Чистаго Разума» написана во всѣхъ своихъ частяхъ безъ всякой научной провѣрки и не имѣетъ никакого

*) Г. Серебренниковъ не обратилъ на это вниманія своихъ читателей, хотя и употребляетъ въ своемъ отзывѣ эти термины такъ же, какъ и г. Каринскій.

**) И къ чему было отступать отъ исторически сложившейся терминологіи? Сдѣлавъ это, г. Каринскій долженъ былъ затратить нѣсколько страницъ (10—16) на доказательство того, что житейская терминологія не мѣшаетъ ему такъ поступить. Неужели же его книга стала бы еще болѣе длинной или менѣе ясной, если бы онъ выдержалъ историко-философскую терминологію и вмѣсто словъ „догматическій“ и „критическій“ употреблялъ бы слова: провѣренный, непровѣренный и т. п.?

научнаго значенія ни для настоящаго, ни для будущаго. Я говорю: «во всѣхъ своихъ частяхъ», хотя г. Каринскій разбираетъ только два отрывка изъ нея; но вѣдь во всѣхъ частяхъ «Критики» разсматривается одинъ и тотъ же вопросъ—объ условіяхъ возможности и о предѣлахъ достовѣрнаго знанія, т.-е., говоря языкомъ г. Каринскаго, вопросъ о послѣднихъ посылкахъ нашего знанія, объ условіяхъ ихъ достовѣрности и о предѣлахъ ихъ значенія. Поэтому приговоръ г. Каринскаго можетъ быть распространенъ и на всю «Критику». А кто рѣшается высказать о Кантѣ столь суровый (если его произнести въ общепринятыхъ терминахъ) приговоръ, тотъ налагаетъ на себя этимъ значительныя обязанности относительно его оправданія. Но г. Каринскій не исполнилъ почти ни одной изъ нихъ. Именно:

1. Во всякомъ случаѣ, если это и не обязательно, то подкрѣпило бы его приговоръ, если бы онъ разъяснилъ загадку, которая невольно возникаетъ въ головѣ его читателя: какимъ же образомъ «Критика Чистаго Разума» могла реформировать философію и оказывать столь сильное вліяніе вплоть до нашихъ дней? Объ этомъ у г. Каринскаго не говорится ни слова, если не считать одного мѣста на 170 стр., въ которомъ онъ голословно утверждаетъ, что если взять одну изъ мыслей Канта (именно такую: «если бы явленія были вещами въ себѣ, то ни одинъ человѣкъ не могъ бы изъ послѣдовательности представленій многообразнаго постигнуть, какъ связано оно въ объектѣ»),—взять же ее «въ примѣненіи къ признанію извѣстныхъ состояній (внѣшнихъ ощущеній) за показателей внѣшней дѣйствительности»,—то эта мысль «будетъ составлять единственное основаніе живучести» философіи Канта. Больше ни одного слова на эту тему.

2. Распространимъ ли мы приговоръ г. Каринскаго на всю «Критику», или же ограничимъ его только тѣмъ вопросомъ, который его больше всего интересуетъ, вопросомъ о доказанности у Канта существованія апіорныхъ синтетическихъ принциповъ познанія, — и въ томъ, и въ другомъ случаѣ г. Каринскій долженъ бы, если не изложить всю «Критику Чистаго Разума», то все-таки выставить на видъ ея основную идею, тщательно разсмотрѣть ее и отправляться отъ нея въ своемъ дальнѣйшемъ разборѣ изслѣдованій Канта. Дѣйствительно: а) мысли Канта настолько отличаются отъ возрѣній обыденнаго мышленія, настолько сложны и (от-

части уже по одному этому) даже языкъ его настолько непри-
выченъ и неясенъ для насъ, что множество отдѣльно взятыхъ
мѣстъ «Критики» могутъ быть поняты только при свѣтѣ ея ос-
новной идеи. б) Г. Каринскій разбираетъ только нѣкоторыя
отрывки изъ «Критики»; и вотъ, мы не знаемъ, достаточно ли ихъ
для полученія его выводовъ; а узнать это можно не иначе, какъ
при помощи основной идеи «Критики». с) Далѣе, надо ее разсмо-
трѣть уже потому, что многіе изъ ея составныхъ элементовъ
могутъ быть сохранены даже и въ томъ случаѣ, если не довѣ-
рять цѣлой массѣ доказательствъ Канта. Напримѣръ, чрезъ «Кри-
тику», рассматриваемую въ ея цѣломъ, проведено слѣдующее
соображеніе: рационализмъ невѣренъ, (ибо принципы знанія син-
тетичны), и кромѣ того, переходя въ нативизмъ, онъ заканчи-
вается неограниченнымъ скептицизмомъ (см. § 27 «Критики»), чѣмъ
упраздняетъ самъ себя. Эмпиризмъ, сразу, непосредственно перехо-
дитъ въ неограниченный скептицизмъ, такъ что тоже упраздняетъ
самъ себя. Отсюда слѣдуетъ, что если знаніе возможно, то
оно основано на принципахъ апріорныхъ и въ то же время
синтетическихъ. А условія возможности существованія этихъ
принциповъ таковы, что послѣдніе будутъ имѣть значеніе толь-
ко для явленій, такъ что окончательный итогъ «Критики» можетъ
быть выраженъ, между прочимъ, и въ слѣдующей формулѣ (Куно-
Фишеръ такъ и дѣлаетъ; см. III т., 262 стр. русск. перев. его «Истор.
нов. фил.»): «или нѣтъ ровно никакого достовѣрнаго знанія, или же
оно ограничивается одними лишь явленіями, и изъ его состава
навсегда исключена трансцендентная метафизика». И такой вы-
водъ можетъ быть признанъ даже и въ томъ случаѣ, если не до-
казано, или совсѣмъ нельзя доказать существованія апріорныхъ
синтетическихъ принциповъ. d) А это обстоятельство приводитъ
къ тому; что опровергать Канта можно не иначе, какъ съ его соб-
ственной же точки зрѣнія (можно это и такъ формулировать:
не иначе, какъ понимая подъ словами: «критицизмъ и догматизмъ»
не то, что захочется намъ, а то, что подразумѣваль самъ Кантъ):
вѣдь ходомъ мыслей «Критики Чистаго Разума» всякое знаніе, кро-
мѣ формальной логики, вообще, а философское (не исключая
и психологическаго) въ особенности, уже забраковано; ибо этотъ
ходъ сводится къ такой мысли: или нѣтъ *никакого* знанія (кро-
мѣ формальной логики), или условія его возможности таковы,
что нѣтъ трансцендентной метафизики; а существуютъ ли эти

условія и что именно удовлетворяетъ имъ, рѣшается самой же «Критикой». Поэтому, или мы должны начать свой споръ съ Кантомъ съ разбора его основной идеи, или же сослаться только на такія соображенія, которыя уже оправданы предъ его «Критикой», т.-е. не упраздняются ея основной идеей; а для всего этого намъ надо имѣть въ виду ея основную идею. Словомъ, никоимъ образомъ нельзя обойтись безъ нея; съ нея-то и надо начинать дѣло. Но г. Каринскій общаго содержанія «Критики» не излагаетъ, ея основной идеи не выдѣляетъ и не рассматриваетъ, а ограничивается только разборомъ нѣкоторыхъ отрывковъ (изъ «Эстетики» съ пропускомъ ученія о времени, и изъ «Аналитики» съ пропускомъ II и III отдѣловъ 2-й книги, т.-е. ученія о схематизмѣ, о феноменахъ и ноуменахъ, а равно съ пропускомъ тѣхъ частей «Дедукціи», въ которыхъ говорится о внутреннемъ чувствѣ): онъ ограничивается только разборомъ доказанности существованія апріорнаго синтеза. Цитатъ для подтвержденія своихъ словъ, разумѣется, я не могу привести никакихъ: отсутствіе чего-либо цитатами не доказуемо. Сошлюсь взаимнъ того на довольно подробное изложеніе г. Серебренниковымъ содержанія разбираемой книги. На это изложеніе я тотчасъ же сошлюсь и для доказательства того, что вышло у г. Каринскаго вслѣдствіе его пренебреженія къ основной идеѣ Канта.

Но сперва я сдѣлаю кое-какія поправки не къ изложенію, а къ общей характеристикѣ труда г. Каринскаго, которою г. Серебренниковъ оканчиваетъ свой отзывъ. Изъ нея кстати читатель увидитъ, какъ благосклонно относится онъ къ книгѣ г. Каринскаго, такъ что врядъ ли онъ представилъ взгляды послѣдняго въ худшемъ видѣ, чѣмъ слѣдуетъ. Г. Серебренниковъ начинаетъ свою характеристику слѣдующими словами: «излагаетъ М. И. Каринскій Кантово ученіе съ образцовой добросовѣстностью. Онъ не навязываетъ Канту своихъ собственныхъ мнѣній, а уясняетъ Кантово ученіе на основаніи внимательнаго изученія произведеній Канта по различнымъ изданіямъ и тщательнаго сличенія различныхъ ихъ мѣстъ»... «Онъ выискиваетъ въ ученіи Канта основныя положенія съ ихъ генезисомъ» и т. д. («Вопросы фил.», май, 422)*). Вотъ этотъ-то отзывъ я и хочу исправить.

*) Подчеркнутыхъ мною словъ я не понимаю: если подъ поисками генезиса подразумѣвать отысканіе историческаго и психологическаго хода развитія мыслей Канта, то такихъ поисковъ нѣтъ въ книгѣ; если же что другое,

Выдѣленія, описанія и разбора основной мысли «Критики» во все нѣтъ въ книгѣ г. Каринскаго; это доказывается даже ея изложеніемъ у г. Серебренникова. Содержаніе «Критики» вообще, т.-е. въ ея цѣломъ, вовсе не излагается г. Каринскимъ. Онъ излагаетъ только тѣ отрывки, которые онъ разбираетъ, и то не всѣ: напримѣръ, ученіе о пространствѣ и «Дедукцію категорій» онъ предполагаетъ уже извѣстными читателю. Что же касается до добросовѣстности, то если это слово употреблено въ его прямомъ смыслѣ — разумѣтся, никому не придетъ въ голову подозрѣвать, что г. Каринскій недобросовѣстный человѣкъ,—да еще относительно того, кто жилъ сто лѣтъ назадъ *). Если же подъ добросовѣстностью подразумѣвается правильность пониманія и толкованія Канта, то объ этомъ скажу потомъ. Здѣсь же, пока я веду рѣчь о правильности отношенія г. Каринскаго къ своей работѣ, т.-е. объ ея планѣ и методахъ, скажу только одно: отъ искренняго признанія его добросовѣстности и уваженія къ нему до одобренія его научныхъ взглядовъ и пріемовъ—слишкомъ далеко. Поэтому, при всемъ моемъ уваженіи къ г. Каринскому, основанномъ на знакомствѣ съ его другими трудами, мнѣ ничто не мѣшаетъ дѣлать самыя стремительныя нападенія на его сочиненіе о Кантѣ.

Итакъ, г. Каринскій не рассматриваетъ основной идеи Канта и этимъ лишаетъ себя права разбирать Канта съ другихъ философскихъ точекъ зрѣнія, кромѣ какъ съ Кантовской же (ибо всѣ онѣ забракованы). Но, при всей неясности его изложенія, можно подмѣтить, что онъ нерѣдко выдвигаетъ противъ Канта такіе аргументы, которые опираются на предвзятія (и забракованныя основной идеей «Критики») философскія точки зрѣнія. Я не стану приводить анализовъ разныхъ мѣстъ книги: эти ана-

---

то я не знаю, что именно. Г. Серебренниковъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду § 3 (т.-е. стр. 10—16) рассматриваемой книги. Но послѣднія слова § 2 и начальныя § 3 ясно показываютъ, что § 3 долженъ быть рассматриваемъ не какъ изслѣдованіе генезиса Кантовской философіи, но что въ немъ поднимается вопросъ объ употребленіи терминологіи,—какое значеніе надо придать исторически сложившимся терминамъ, чтобы можно было примѣнить къ самому Канту слово „догматизмъ“ (и притомъ такъ, чтобы не становиться на его собственную точку зрѣнія).

*) Не говорю уже о законѣ литературной этики, который, конечно, извѣстенъ г. Серебренникову,—считать всякаго писателя въполнѣ добросовѣстнымъ, пока не накопятся явныя улики въ обратномъ.

лизы вслѣдствіе неясности изложенія г. Каринскаго неизбежно будутъ длинными и утомительными *). Взамѣнъ того я укажу, что даже г. Серебренниковъ, незамѣтно для самого себя, вынесъ такое же впечатлѣніе, какъ и я. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ изложеніи по поводу перваго же упрека Канту въ догматизмъ (упрека, помѣщенного въ книгѣ г. Каринскаго на стр. 10 и 16, тамъ, гдѣ онъ заводитъ рѣчь, какъ слѣдуетъ, чтобы можно было примѣнять къ Канту слово «догматизмъ»): «авторъ указываетъ, что, по ученію *современнаго эмпиризма* (даже *современнаго?* спрошу я. А Кантъ долженъ былъ его знать? Да и сильно ли отличается онъ отъ Юмовскаго?), убѣжденіе въ математическихъ аксіомахъ пріобрѣтается опытнымъ путемъ. Въ виду *этого* принимать аксіомы всеобщими и необходимыми безъ всякихъ доказательствъ нельзя. Кантъ же дѣлаетъ это, почему исходное положеніе и результатъ его изслѣдованій являются догматическими» («Вопросы», май, 410)**). Я знаю, что при неясности изложенія г. Каринскаго его кое-какъ еще можно защищать въ этомъ мѣстѣ; но очень поучительны впечатлѣнія г. Серебренникова. А чтобы еще лучше видѣть, каковы они, пусть читатель просмотритъ его изложеніе на стр. 419 и слѣд. («Вопросы» май). Онъ тотчасъ же замѣтитъ, что г. Каринскій часто возражаетъ Канту съ такой точки зрѣнія, которую Кантъ отвергаетъ и которая очень близка къ наивному реализму: по крайней мѣрѣ, такъ выходитъ по изложенію г. Серебренникова.

3. Далѣе, если и можно при разборѣ Канта оставаться исключительно въ предѣлахъ одного лишь вопроса о доказанности существованія апріорныхъ синтетическихъ принциповъ, то все-таки г. Каринскій не исполнилъ научныхъ требованій, чтобы оправдать свой приговоръ надъ Кантомъ. Онъ долженъ былъ бы поставить своего противника въ самыя выгодныя условія, но онъ это-

*) Я предлагаю самимъ читателямъ примѣнить разсужденіе г. Каринскаго на 21 стр. объ истинѣ математики ко всякимъ общимъ мыслямъ. Не окажется ли существованіе послѣднихъ (чего бы онѣ ни касались) невозможнымъ при такомъ способѣ разсужденія? А не значитъ ли это, что само-то разсужденіе ведется въ духѣ чистаго сенсуализма? Сверхъ того, на дальнѣйшихъ страницахъ моей статьи внимательный читатель и самъ замѣтитъ нѣкоторые другіе примѣры возраженій г. Каринскаго Канту съ забракованныхъ послѣднихъ, и не оправдываемыхъ г. Каринскимъ, точекъ зрѣнія.

***) Во всѣхъ цитатахъ курсивъ всегда мой.

го не дѣлаетъ. Такъ, напримѣръ, во всей книгѣ онъ проводитъ мысль, будто бы мышленіе по категоріямъ выставляется Кантомъ какъ что-то необъяснимое для мысли, роковое, вынужденное столь же необъяснимыми законами, какъ и законы мертвого вещества, такъ что нельзя объяснить, почему именно столько категорій или принциповъ эмпирическаго знанія и почему онѣ такія, а не другія (по содержанію). Это сразу поражаетъ читателя, который отъ самого же г. Каринскаго узнаетъ, что Кантъ доказываетъ про каждую категорію порознь ея примѣнимость къ опыту и даже необходимость ея примѣненія. Значитъ, дѣлая это, онъ волей-неволей указываетъ основанія, по которымъ намъ умъ долженъ мыслить согласно съ категоріями и съ какими именно. Все это дѣлается Кантомъ въ «Аналитикѣ основоположеній». Болѣе того, Кантъ постоянно утверждаетъ (о чемъ упоминаетъ и г. Каринскій), что мышленіе по указываемымъ имъ категоріямъ будетъ свойствомъ *каждою* ума, лишь бы онъ, подобно нашему, представлялъ вещи въ пространствѣ и времени. Значитъ, въ этомъ условіи онъ указываетъ одну изъ причинъ необходимости всѣхъ категорій вообще. А въ «Аналитикѣ основоположеній» онъ опирается на эту же причину (особенно же на свойство нашего ума—все безъ исключенія представлять себѣ во времени, ученія о чемъ г. Каринскій не рассматриваетъ) для объясненія необходимости каждой категоріи порознь. На чемъ же основываетъ свой упрекъ г. Каринскій? Въ «Аналитикѣ *понятій*», именно въ «Дедукціи категорій», которая (дедукція-то) назначена для доказательства того, что вообще должны существовать апіорныя категоріи (но пока еще безъ объясненія, сколько ихъ и какого онѣ содержанія), и въ которой Кантъ порознь о нихъ не говоритъ, а упоминаетъ только два-три, въ видѣ *примѣра*, всего лишь о категоріи причинности, находятся *приблизительно посрединн* всей «Дедукціи» (§ 21 второго изданія) такія слова Канта: «но относительно особенности нашего разсудка производитъ апіорнымъ путемъ единство самосознанія только посредствомъ категорій и именно—такого-то рода и числа (*nur vermittelt der Kategorien und nur gerade durch diese Art und Zahl*), такъ же мало можно указать дальнѣйшее основаніе, какъ и относительно того, почему мы имѣемъ такія, а не другія функціи сужденія, или почему пространство и время составляютъ единственные формы нашего воз-

можного представленія». Вотъ исключительно на эти - то слова и ссылается г. Каринскій въ оправданіе своего упрека (см. 50 стр. его книги). А ему даже и не приходится въ голову болѣе выгодное для Канта и вмѣстѣ съ тѣмъ самое простое и самое естественное (въ виду стремленій Канта доказать необходимость каждой категоріи) объясненіе этихъ словъ: они относятся не ко всей «Критикѣ», а только къ тому отдѣлу ея, который называется «Дедукціей категорій». Въ немъ, и только въ немъ, безъ связи его съ ближайшими послѣдующими отдѣлами (съ «Аналитикой основоположеній»), нельзя объяснить, сколько категорій и каково ихъ содержаніе: его задача (какъ сказано въ «Дедукціи» же, въ началѣ § 26 «Критики») — только въ томъ, чтобъ объяснить *возможность* существованія категорій, т.-е. апіорнаго знанія *). Въ столь же невыгодныя условія ставить г. Каринскій

*) Столь же простой взглядъ на „Критику“ проводитъ и Когенъ въ Kant's Theorie der Erfahrung. Г. Серебренниковъ говоритъ, что г. Каринскій принимаетъ во вниманіе всѣхъ важнѣйшихъ комментаторовъ. Врядъ ли такъ! Читаль-то онъ, можетъ быть, всѣхъ ихъ; но всякому извѣстно, что прочесть книгу и обращать на нее вниманіе при своей работѣ — двѣ вещи различныя. На мой взглядъ, г. Каринскій обращалъ вниманіе чуть не исключительно на однихъ лишь противниковъ Канта, особенно же на прославляемаго г. Лесевичемъ („Что такое научная философія“? Спб. 1892 г.) Лааса. Впрочемъ, послѣднее можетъ показаться страннымъ: г. Лесевичъ въ этой самой книгѣ проводитъ мысль, будто бы самъ Лаасъ очень близко къ Канту. Въ дѣйствительности же, Лаасъ въ своемъ Idealismus und Positivismus посвящаетъ 210 страницъ на полемику съ Кантомъ (а включая сюда и тѣхъ, кого онъ считаетъ кантіанцами, выйдетъ 420 стр. полемики) и сильно опасается, чтобъ его читатели не увлеклись кажущимся сходствомъ его ученія съ Кантовскимъ. По его же собственнымъ словамъ, чистый позитивизмъ былъ вполнѣ чуждъ всему мышленію и природѣ Канта (Id. u. Pos., III т., 270). А какъ осторожно нужно относиться къ историческимъ сопоставленіямъ г. Лесевича, доказываетъ даже его собственная книга. Въ ней дѣло представлено такъ, какъ будто бы новѣйшіе позитивисты образуютъ рядъ лицъ, каждое изъ которыхъ подхватываетъ работу своего предшественника и послѣдовательно развиваетъ ее нѣсколько дальше. (Въ этомъ — признакъ хорошо установившейся науки; и позитивизмъ выходитъ таковой наукой). Если же читатель обратитъ вниманіе на хронологію сочиненій, о которыхъ упоминаетъ самъ г. Лесевичъ, то сразу замѣтитъ, что этотъ рядъ надо значительно измѣнить: напримѣръ, Авенариусъ, который поставленъ г. Лесевичемъ на предпослѣднее мѣсто изъ числа восьми нѣмецкихъ позитивистовъ, займетъ хронологически, пожалуй, первое мѣсто. Это напоминаетъ, какъ Гегель подгонялъ подъ свою схему исторію философіи и объявлялъ логически предшествующимъ то, что хронологически было послѣдующимъ. Про Гегеля разсказываютъ, будто бы

своего противника также и тѣмъ, что рассматриваетъ его положенія въ произвольномъ порядкѣ: онъ этимъ невольно внушаетъ читателю мысль, будто бы въ распорядкѣ частей «Критики» нѣтъ никакой внутренней, логической послѣдовательности. Напримѣръ, онъ безъ всякихъ объясненій рассматриваетъ «Дедукцію категорій» въ самомъ концѣ книги, послѣ ученія объ основоположеніяхъ; а Кантъ предпосылаетъ ее «Аналитикѣ основоположеній». Также въ иномъ порядкѣ, чѣмъ у Канта, рассматриваетъ онъ и Аналогіи Опыта, объясняя это (стр. 86) только методическими удобствами; а въ чемъ именно состоятъ они и позволительно ли въ данномъ случаѣ примѣнять ихъ къ дѣлу, объ этомъ онъ молчитъ *). И все это, какъ я покажу въ III отдѣлѣ, г. Каринскій дѣлаетъ вслѣдствіе своеобразнаго пониманія Канта.

4. Рассматривая только нѣкоторыя части «Критики», г. Каринскій долженъ, по крайней мѣрѣ, не оставлять безъ разбора то, что, по словамъ самого Канта, важно для вопроса г. Каринскаго; а г. Каринскій не дѣлаетъ этого. Говоря очень часто о самознаниі, относительно котораго Кантъ требуетъ, чтобъ его от-

---

въ случаяхъ подобнаго несоотвѣтствія его теоріи съ фактами онъ угѣшался фразой: „тѣмъ хуже для фактовъ“.

*) Адикесъ (Kant's Systematik и т. д.) говоритъ, что Кантъ въ изложеніи своихъ изслѣдованій подражалъ системѣ формальной логики. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ это справедливо; но въ общемъ въ „Критикѣ“ порядокъ частей вполне естественный и логически зависящій отъ ея главнаго вопроса. Вопросъ этотъ (ему посвящено Введеніе Критики) таковъ: существуетъ ли достовѣрное знаніе и какъ далеко оно простирается, именно, возможна ли метафизика? Этотъ вопросъ возбуждаетъ другой: каковы условія достовѣрнаго знанія и существуютъ ли они въ нашемъ умѣ? Условія эти таковы: 1) все познаваемое должно быть насъвозь субъективнымъ (необходимость и дѣйствительное существованіе этого условія доказываются, особенно же второе—существованіе, въ „Эстетикѣ“); 2) должны существовать апіорныя категоріи (ихъ необходимость и дѣйствительное существованіе доказываются въ „Аналитикѣ понятій“, гдѣ еще сверхъ этого прибавляются новыя доказательства необходимости того, чтобы все было субъективно). Поэтому послѣ введенія сперва излагается „Эстетика“, а потомъ „Аналитика понятій“. Послѣ того надо показать, какъ именно эти условія порождаютъ достовѣрное знаніе. Этому и посвящены первые два отдѣла „Аналитики основоположеній“. А всѣ послѣдующія части „Аналитики“ и „Диалектики“ посвящены вопросу о предѣлахъ достовѣрнаго знанія, т. е. о возможности метафизики. Я думаю даже, что кто понимаетъ Кантовское ученіе о субъективности времени въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ этого требовалъ Кантъ (о чемъ послѣ), тотъ согласится со мной, что и въ перечнѣ Аналогій опыта соблюдается вполне естественный порядокъ.

нюдь не смѣшивали съ внутреннимъ чувствомъ, онъ нигдѣ не рассматриваетъ ученія о внутреннемъ чувствѣ. Еще лучше: г. Каринскій на стр. 179—184 рассматриваетъ вопросъ: можетъ ли самосознаніе подчинить явленія категоріямъ, и не соглашаясь съ Кантомъ, говоритъ: нѣтъ, не можетъ. А въ то же время нигдѣ не рассматриваетъ ученія о схематизмѣ чистаго разума, въ которомъ Кантъ объясняетъ, что это подчиненіе совершается чрезъ посредство времени.

Вотъ все, что я считаю нужнымъ прибавить къ характеристикѣ и къ изложенію рассматриваемой книги, сдѣланнымъ г. Серебренниковымъ. Можно было бы присоединить сюда и кое-что еще, напримѣръ—о противорѣчіяхъ, или по крайней мѣрѣ—о сильныхъ затрудненіяхъ, на которыя наталкиваются собственные взгляды г. Каринскаго, противопоставляемые имъ Кантовскимъ (см. объ этихъ затрудненіяхъ рецензію моего однофамильца. «Вопросы», мартъ, стр. 269—271). Но для цѣлей моей оцѣнки нападеній г. Каринскаго на Канта въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Во всемъ же прочемъ я примыкаю къ Серебренниковскому изложенію книги г. Каринскаго, но не къ характеристикѣ и не къ оцѣнкѣ этой книги, производимымъ г. Серебренниковымъ.

III.

Теперь я долженъ рассмотреть выводы г. Каринскаго по существу. Основная ошибка всей его критики Кантовскихъ воззрѣній состоитъ въ томъ, что онъ ведетъ борьбу не съ Кантомъ идеальнымъ *) (ибо онъ не старается рассматривать «Критику Чистаго Разума» съ болѣе выгодныхъ для ея автора точекъ зрѣнія) и не съ Кантомъ историческимъ, дѣйствительнымъ (т.-е. не такъ, чтобы понимать принципы Канта, какъ этого требуетъ самъ Кантъ, и слѣдить, насколько они выдержаны имъ), а съ

**) Г. Радловъ, отвѣчая мнѣ (въ кн. 19 „Вопросовъ“) на мой „Вторичный вызовъ“ по поводу закона одушевленія говоритъ, что со времени появленія сочиненія г. Каринскаго надо особенно тщательно отличать Канта историческаго (какъ онъ изложилъ самъ себя въ сочиненіяхъ) отъ Канта идеальнаго (освобожденнаго отъ неизбежныхъ при новизнѣ его дѣла недосмотровъ, ошибокъ, непоследовательностей и т. п.). Не знаю навѣрное, что именно хотѣлъ сказать этимъ г. Радловъ: то ли, что книга г. Каринскаго служитъ нагляднымъ примѣромъ, какъ дурно упускать изъ виду это различіе, или же что другое. Но, во всякомъ случаѣ, я думаю, что такая тщательность всегда одинаково нужна.

Кантомъ воображаемымъ. Г. Каринскій, какъ это видно изъ моихъ замѣчаній объ особенностяхъ содержанія его книги, во время своей борьбы съ Кантомъ не принялъ почти ни одной (рекомендуемой методологіей исторіи философіи) мѣры предосторожности для того, чтобы побѣдить самого Канта, а не другое лицо: онъ не разсматриваетъ ни основной идеи Канта, ни того, что, по словамъ самого Канта, важно для затронутого г. Каринскимъ вопроса и т. д. Поэтому онъ каждую минуту рисковалъ напасть на выдуманнаго имъ Канта. Такъ оно и случилось: г. Каринскій изо всѣхъ силъ борется съ кѣмъ-то (и надо замѣтить, что борется не только усердно, но и очень искусно: онъ столь тщательно осаждаетъ своего противника, что послѣднему некуда спрятаться отъ его выстрѣловъ, и послѣ того наносить ему удары по самымъ слабымъ мѣстамъ), а Кантъ все-таки остается въ сторонѣ отъ его ударовъ. Вотъ это-то обстоятельство и служитъ, по моему мнѣнію, *одной* изъ причинъ крайней трудности и неясности книги г. Каринскаго. Когда ее читаешь, то думаешь имѣть дѣло съ Кантомъ; а въ дѣйствительности-то его тамъ нѣтъ. И въ головѣ читателя, разумѣется, выходитъ путаница вплоть до тѣхъ поръ, пока не случится одно изъ двухъ: или онъ вскрыетъ основную ошибку г. Каринскаго, или же, наконецъ, самъ поддастся ея влиянію; только тогда онъ и можетъ вздохнуть посвободнѣе. А кто сразу поддается этой ошибкѣ, тому книга г. Каринскаго можетъ показаться не только убѣдительною, но даже простой и ясной, правда, — «по мыслямъ». (Ср. въ I отд. мнѣніе г. Серебренникова о ея изложеніи). Не отъ этого ли зависитъ и то, что мой достопочтенный однофамилецъ, по его собственнымъ словамъ, не припомнитъ ни одной даже *нѣмецкой* книги (значить, не исключена отсюда и сама «Критика Чистаго Разума»), чтеніе которой потребовало бы отъ него столь сильнаго напряженія мысли, какъ сочиненіе г. Каринскаго?

Эта замѣна дѣйствительнаго Канта воображаемымъ закралась въ книгу вслѣдствіе своеобразнаго пониманія, вѣрнѣе — полнѣйшаго искаженія г. Каринскимъ Кантовскаго ученія о времени; отсюда-то и возникли всѣ отмѣченныя мной особенности содержанія его книги. Этого ученія г. Каринскій, вообразивъ, что оно не касается очень близко того вопроса, которымъ онъ заинтересованъ, не сталъ разсматривать. А этого никакъ нельзя было дѣлать: ученіе о времени составляетъ центральный пунктъ

всей «Критики Чистаго Разума» и красною нитью связываетъ всѣ ея части. Дѣйствительно, всѣ безъ исключенія: и противники, и послѣдователи Канта—согласны въ томъ, что «Трансцендентальная Эстетика» служить краеугольнымъ камнемъ всей «Критики», да и самъ Кантъ ясно показалъ это. По собственнымъ же словамъ Канта, краеугольнымъ камнемъ всего этого камня (если можно такъ выразиться) служить ученіе о времени: 1) вѣдь, съ одной стороны, по его словамъ, всякій предметъ внѣшняго чувства сознается нами не иначе, какъ сдѣлавшись предметомъ внутренняго чувства; а формой внутренняго чувства служить именно время; 2) окончательный итогъ «Трансцендентальной Эстетики» тотъ, что все безъ исключенія субъективно; все (даже самихъ себя) мы познаемъ только въ видѣ *явленій*, а не какъ вещи въ себѣ; а почему это? Потому, говоритъ Кантъ, что и самихъ себя мы сознаемъ во времени, а время субъективно: оно не касается вещей въ себѣ.—Сверхъ того, при доказательствѣ необходимости и дѣйствительнаго существованія апріорныхъ принциповъ познанія Кантъ постоянно имѣетъ въ виду свое ученіе о времени (особенно, говоря объ аналогіяхъ опыта, которыя, главнымъ образомъ, и рассматриваются г. Каринскимъ), такъ что связываетъ имъ «Критику» въ одно цѣлое.—По всему этому для г. Каринскаго очень опасно пропускать въ своемъ разборѣ Канта ученіе о времени: отъ этого сразу можно было со всѣми орудіями борьбы забраться въ такую трущобу, откуда совсѣмъ не видно Канта. Г. Гротъ поступаетъ въ своей еще печатающейся статьѣ «О времени» вполне правильно въ томъ отношеніи, что желая подкопаться подъ Канта, онъ направляетъ свой подкопъ именно на его ученіе о времени. Каковы будутъ результаты трудовъ г. Грота, судить до окончанія его работы еще рано; но это дѣйствительно надежный способъ нападеній на Канта.

Но въ чемъ же именно состоитъ замѣна дѣйствительнаго Канта воображаемымъ у г. Каринскаго? Кантъ учитъ о *субъективности времени*, и г. Каринскій, можетъ быть, гдѣ-то повторяетъ подобное *выраженіе*. Но что оно *значитъ* у самого Канта и у г. Каринскаго? Можно ли понимать Кантовское ученіе о субъективномъ времени въ такомъ смыслѣ: въ вещахъ въ себѣ времени нѣтъ, ихъ оно не касается; а *течетъ* оно только въ насъ, въ нашемъ сознаніи въ видѣ *дѣйствительной* смѣны нашихъ душевныхъ состояній; а уже отсюда по разнымъ причинамъ (бу-

дутъ ли то апіорные принципы, или что другое — къ дѣлу не относится) мы переносимъ его на *все* остальное: вполне правильно (т.-е. такъ, что можно это научно оправдать) на *внѣшнія* явленія (а не только душевныя) и даже ошибочнымъ образомъ (т.-е. такъ, что этого нельзя оправдать) на вещи въ себѣ? — Въ этомъ описаніи я прошу читателей обратить усиленное вниманіе на подчеркнутыя мною слова. — Такое пониманіе будетъ, конечно, самымъ простымъ и легкимъ; противъ этого я не стану спорить. Оно будетъ очень легкимъ, — хотя бы потому, что чрезъ это Кантовскій идеализмъ будетъ очень похожъ на Берклеевскій (хотя и не вполне совпадетъ съ нимъ); а извѣстно, что легче Берклеевского идеализма не придумаешь никакого другого. Къ тому же такое пониманіе времени не слишкомъ рѣзко отличается и отъ взглядовъ обыденнаго мышленія; а въ то же время его изложеніе довольно сильно напоминаетъ и Канта. Въдъ въ описаніи этого пониманія времени попадается множество Кантовскихъ *словъ*: «вещи въ себѣ», «время — внутри насъ», «мы сами его переносимъ» и т. д. (Но жаль, что одни лишь слова, а не мысли Канта.) Словомъ, при чтеніи Канта такое пониманіе времени легко можетъ придти въ голову *прежде* всякаго другого, и даже, пожалуй, покажется, что, съ точки зрѣнія Канта, никакого иного и быть не можетъ. Особенно же легко можетъ сложиться это убѣжденіе въ томъ случаѣ, если мы читаемъ Канта съ предвзятымъ рѣшеніемъ, будто бы для нашего вопроса намъ незачѣмъ подвергать разбору его ученіе о времени. Такъ вотъ и случилось съ г. Каринскимъ. *Но такое ученіе о субъективности времени принадлежитъ не дѣйствительному Канту, а воображаемому.* Дѣйствительный же Кантъ, узнавъ, что зачастую не вмѣщаютъ въ себя его ученія о времени, а стараются замѣнить его только что описаннымъ, принялъ противъ этого самую рѣшительную мѣру; а изъ нихъ воочію обнаруживается, какого пониманія самъ онъ *требуетъ* отъ своихъ читателей.

И объ этомъ требованіи, какъ я покажу потомъ; онъ неоднократно напоминаетъ своимъ читателямъ. Но если бы даже совсѣмъ не было въ «Критикѣ» и «Prolegomena'хъ» ни этихъ напоминаній, ни этого требованія, то мы все-таки могли бы ясно видѣть, что описанное пониманіе субъективности времени содержитъ одни лишь Кантовскія слова, но не Кантовскія мысли. Въ самомъ дѣлѣ, сообразно съ описаннымъ пониманіемъ наход-

деніе времени только внутри меня, моего сознания, а не въ вещахъ въ себѣ, означаетъ вотъ что: во мнѣ, въ моемъ сознаниіи время *дѣйствительно* течетъ; ибо я переживаю *дѣйствительную* смѣну душевныхъ состояній (а она безъ времени невозможна); а во всемъ прочемъ нѣтъ времени. Но Кантъ, какъ извѣстно, трактуетъ пространство и время вполне однороднымъ способомъ; даже время онъ разсматриваетъ *посль* пространства. Поэтому для усвоенія его взглядовъ на время можно обращаться къ пространству. И вотъ я спрашиваю, можно ли понимать субъективность пространства вотъ какъ: въ вещахъ въ себѣ пространства нѣтъ; но оно *дѣйствительно* находится внутри насъ, въ нашемъ я или сознаниіи, въ видѣ дѣйствительной протяженности нѣкоторыхъ факторовъ сознания, и растягиваетъ cadaго изъ насъ до безконечности во всѣ стороны; а уже отсюда, изнутри самихъ себя, мы переносимъ его на все прочее и т. д.? Словъ-то здѣсь много Кантовскихъ; но здѣсь не только нѣтъ Кантовской мысли о пространствѣ, а прямо-таки какая-то бессмыслица. Достаточно уже указать на то, что въ виду необходимости отличать наше я, сознание, мысль и т. п. отъ протяженности по тремъ измѣреніямъ, дѣло сведется къ тому, что фактически не получится ровно никакой разницы отъ ученія объ объективномъ пространствѣ. Нѣтъ, субъективность пространства (по Канту дѣйствительному) означаетъ то, что пространства, въ смыслѣ *дѣйствительной* протяженности, нѣтъ ровно нигдѣ, ни внутри насъ, ни помимо насъ — *praeter nos* *). Оно всего только *представляется* намъ, *сознается*

*) Еще въ 40-хъ годахъ этого столѣтія Лихтенбергъ (въ *Vermischte Schrift*.) не безъ основанія предлагалъ нѣмцамъ для ясности пользоваться выраженіями: *extra nos* и *praeter nos*; первымъ — для обозначенія того, что существуетъ внѣ насъ, въ смыслѣ внѣшняго *явленія*; а вторымъ — для обозначенія всего того, что лежитъ даже внѣ сознания. Дѣйствительно, у Канта есть нѣкоторыя неясности, когда онъ говоритъ о внѣшнихъ вещахъ; и онъ самъ справедливо объясняетъ ихъ неизбежной двусмысленностью выраженія: „*ausser uns*“ — *внѣ насъ*. Но намъ нашъ языкъ позволяетъ избѣгать этой двусмысленности безъ помощи иностранныхъ выраженій: мы можемъ условиться подразумевать подъ „*внѣ насъ*“ — *extra nos*, а подъ „*помимо*“ (сообразуясь же со стилистическими требованіями иногда и подъ „*кромѣ*“) насъ — *praeter nos*; а ихъ общей противоположностью будетъ „въ насъ“ или „внутри насъ“. Я бы рекомендовалъ *всѣмъ русскимъ комментаторамъ и переводчикамъ Канта подумать объ этомъ прозкъ*. Нѣкоторые нѣмцы, напримѣръ, Дробишъ (въ его *Kant's Dinge an sich* и т. д., откуда я и заимствовалъ это свѣдѣніе о Лихтенбергѣ), а сколько, помнится и Когенъ и Файгингеръ, уже исполняютъ совѣтъ Лихтенберга.

нами, какъ бы существующее во внѣшнемъ мірѣ и какъ бы охватывающее насъ самихъ, вмѣщающее насъ въ себя. Вотъ мысль Канта; противъ этого никто не станетъ спорить. Поэтому, когда онъ говоритъ, что пространство субъективно и что оно существуетъ исключительно лишь *въ насъ*, то это надо *только такъ* понимать: внутри насъ существуетъ *всею лишь представленіе* пространства (а не оно само, не дѣйствительная протяженность); а отъ этого пространство намъ неизбежно *кажется* существующимъ во всемъ томъ, что мы сознаемъ не иначе, какъ при посредствѣ этого представленія; на самомъ же дѣлѣ, пространства нѣтъ нигдѣ—ни внутри насъ, ни помимо насъ. (По предложенному мной, въ послѣднемъ подстрочномъ примѣчаніи, проэктору русско-кантовской терминологіи надо будетъ говорить, что пространство находится только *внѣ* насъ) *).

При полнѣйшей же однородности взглядовъ Канта на пространство и время, совершенно такъ же надо понимать и его ученіе о субъективности времени. Времени, т.-е. *дѣйствительнаго теченія* времени или дѣйствительной *смѣны* событій, какихъ бы то ни было, нѣтъ нигдѣ: ни внутри, ни помимо насъ. Взамѣнъ того мы *неволью* только *представляемъ* самихъ себя (именно *себя*, а ужъ *отъ этого* и все остальное) пережившими и переживающими разнообразныя смѣны событій, т.-е. живущими во времени; а поэтому намъ *неволью кажется*, будто бы все безъ исключенія находится во времени. Слѣдовательно, Кантовскія слова: «время находится исключительно внутри насъ», надо понимать только такъ: внутри насъ находится всего *лишь представленіе*, теченія времени, т.-е. смѣны событій, а не само теченіе времени, не сама смѣна **). Въ противномъ случаѣ, мы логически обязаны будемъ понимать субъективность пространства и времени въ духѣ только-что забракованнаго ученія о пространствѣ. Мы должны будемъ сказать: подобно тому, какъ время, находясь хотя бы

*) Такимъ образомъ, предлагаемая мной русская Кантовская терминологія въ этомъ случаѣ (равно какъ и относительно времени) вполне совпадетъ съ русскою рѣчью здраваго смысла. Уже по одному этому стоитъ подумать о моемъ проэктѣ.

***) По моему же проэктору терминологіи выйдетъ, что нѣтъ самого времени ни въ насъ (въ нашемъ я), ни помимо насъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ смѣна событій находится (въ смыслѣ: *неволью сознается нами*) и *внутри* насъ, и *внѣ* насъ. Опять получится полное совпаденіе съ выраженіями здраваго смысла.

только внутри насъ, до безконечности растягиваетъ насъ по одному измѣренію—въ прошлое и будущее, такъ точно и пространство, находясь внутри насъ, до безконечности растягиваетъ насъ по тремъ измѣреніямъ. А въ этомъ случаѣ, хотя мы и будемъ *называть* пространство и время субъективными, идеальными, на дѣлѣ-то они будутъ объективными, составятъ какія-то метафизическія реальности (по Канту Undinge).

Итакъ, если бы дѣйствительный Кантъ и не принялъ ровно никакихъ другихъ мѣръ, то мы все-таки ясно видѣли бы, что его нельзя понимать въ духѣ воображаемаго Канта (иначе какъ подъ тѣмъ условіемъ, что *субъективное* пространство какъ бы раздуетъ наше я). Но дѣйствительный Кантъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры противъ воображаемаго; и этимъ онъ выставилъ вполне ясное требованіе или толкованіе относительно того, какъ именно понимать его ученіе о субъективности времени (да еще неоднократно напоминаетъ объ этомъ требованіи, о чемъ, впрочемъ, послѣ). *Предъ этимъ требованіемъ должны склонить свои головы всѣ комментаторы, не исключая и г. Каринскаго, и отправляться отъ него въ своихъ толкованіяхъ дѣйствительнаго Канта.* Это требованіе находится въ «Критикѣ Чистаго Разума», откуда я и выпишу его (по переводу Владиславлева, исправивъ въ послѣднемъ всѣ важнѣйшія неточности; въ скобкахъ же я помѣщу свои замѣчанія; курсивъ вездѣ мой). Вотъ это требованіе (см. § 7 «Критики»):

«Эта теорія, усвояющая времени эмпирическую реальность, но отрицающая у него абсолютную и трансцендентальную, встрѣтила со стороны выдающихся людей столь единодушное возраженіе, что на основаніи этого я думаю,—подобное же возраженіе естественно возникаетъ у всякаго читателя, *непривыкшаго* къ такимъ изслѣдованіямъ. (Я, по окончаніи, цитаты объясню, что это за выдающіеся люди и какъ это они поспѣли еще до появленія «Критики» возражать Канту.) Это возраженіе звучитъ такъ: измѣненія (Veränderungen) *дѣйствительно* существуютъ—это доказываетъ уже *смѣна* (Wechsel) нашихъ собственныхъ *представленій*, хотя бы мы и отрицали всѣ внѣшнія явленія *вмѣстѣ съ ихъ измѣненіями*. Но измѣненія возможны только во времени; слѣдовательно, время есть нѣчто дѣйствительное. (Такимъ образомъ, выдающіеся люди возражали Канту, что хотя времени нѣтъ *помимо* насъ, но *внутри*-то насъ оно все-таки течетъ, ибо *внутри* насъ *происходитъ* смѣна *представленій*; т.-е. они понимали

время въ духѣ воображаемаго Канта, а дѣйствительный Кантъ опровергаетъ послѣдняго). Отвѣтъ не труденъ. Я допускаю это доказательство всецѣло. (Всякій, прочитавъ дальше, согласится, что это допущеніе Кантъ дѣлаетъ иронически.) Время во всякомъ случаѣ есть *нѣчто* дѣйствительное, именно *дѣйствительная* форма внутренней интуиціи (Anschauung: вотъ въ сопоставленіи двухъ неодинаковыхъ значеній слова «дѣйствительный» и состоитъ иронія Канта по поводу сейчасъ допущеннаго доказательства). Такимъ образомъ, время имѣетъ *по отношенію къ внутреннему опыту* субъективную реальность; т.-е. у меня дѣйствительно есть *представленіе* (Vorstellung) о времени и моихъ опредѣленій (Bestimmungen) въ немъ. (Для читателя уже и теперь замѣтно, что подлинный Кантъ не допускаетъ дѣйствительной смѣны душевныхъ *состояній*, а одно лишь *представленіе* объ этой смѣнѣ, и говоритъ поэтому не о нашихъ состояніяхъ, а объ опредѣленіяхъ насъ во времени, т.-е. какъ бы о логическихъ признакахъ *представленія* времени.) Итакъ, время надо въ дѣйствительности разсматривать *не какъ объектъ*, но какъ *способъ представленія* обо мнѣ самомъ какъ объектѣ *). Еслибъ я самъ или какое другое существо могло имѣть интуиціи (anschauen, дополненія же къ этому глаголу въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого) безъ этого условія чувствительности (Sinnlichkeit), то *эти же самыя* опредѣленія (Bestimmungen), которыя мы теперь *представляемъ* себѣ, какъ измѣненія (Veränderungen), дали бы такое познаніе, въ которомъ уже совсѣмъ не было бы *представленія* времени, а слѣдовательно не было бы и *измѣненій* (т.-е. если бы можно было удалить изъ нашего ума неизбежное *представленіе* времени, то въ этомъ умѣ уже никто, *даже другое существо*, не замѣтилъ бы *ничего похожего на измѣненія*). Такимъ образомъ, у времени остается только эмпирическая реальность, какъ у условія всякаго нашего опыта. Только абсолютной реальности я не могу признать за нимъ на основаніи выше приведенныхъ соображеній. Оно есть не что иное, какъ

*) Sie ist also wirklich nicht als Object (въ первоначальныхъ изданіяхъ „Критики“ стоитъ nicht Object), sondern als die *Vorstellungsart* meiner selbst als Objects anzusehen. Адикесъ въ своемъ изданіи „Критики“ справедливо указываетъ, что между словами nicht и Object надо вставить слово als (которое послѣ also и предъ двумя еще другими als могло быть легко пропущено и въ типографіи и въ корректурѣ); въ противномъ случаѣ вторая половина этой фразы, послѣ слова sondern, выйдетъ черезъ чуръ грубо построенной. Сравн. стр. 85, изд. Адикеса. Berlin, 1889 г.

только форма нашей внутренней интуиціи (Anschauung)». Къ этимъ строкамъ въ «Критикѣ» тотчасъ же прибавлено такое поучительное подстрочное примѣчаніе: «Хотя я и могу сказать: мои *представленія слѣдуютъ* другъ за другомъ; но это значитъ *только то*, что мы ихъ *сознаемъ какъ бы* во временной послѣдовательности, т.-е. сознаемъ ихъ сообразно съ формой внутренняго чувства» и т. д. (Ich kann zwar sagen: meine Vorstellungen folgen einander; aber das heisst nur, wir sind uns ihrer, als in einer Zeitfolge, d. i. nach der Form des inneren Sinnes bewusst).

Теперь уже ясно, въ чемъ состоитъ субъективность времени у дѣйствительнаго Канта. Но все-таки я прибавлю справку о томъ, что же это за выдающіеся люди (einsehende Männer), о которыхъ упоминаетъ Кантъ. Какъ извѣстно, Кантъ впервые обнародовалъ свое ученіе о субъективности времени въ диссертациі 70-го года (на должность ординарн. профес.), а «Критику»—въ 81 г. И вотъ изъ его переписки (особенно же изъ его письма къ Герцу отъ 21 февр. 1772 г. и изъ письма Мендельсона къ Канту отъ 23 дек. 1770 г.) видно: 1) что этими людьми были Ламбертъ, Мендельсонъ, Шульцъ; 2) что они дѣлали по поводу диссертациі тѣ самыя возраженія, которыя онъ разсматривалъ въ цитированномъ мною отрывкѣ «Критики». Въ письмахъ же, кромѣ того, онъ высказываетъ изумленіе, почему его противники не примѣняютъ своего разсужденія и къ пространству, т.-е. почему они, заключая отъ *одного лишь сознанія* того, что мы существуемъ во времени (т.-е. отъ *одной лишь* неизбѣжности для человѣческаго ума *представлять* самого себя во времени) къ дѣйствительному существованію времени, тѣмъ не менѣе не рѣшаются сдѣлать вполнѣ однородное заключеніе отъ *одного лишь* сознанія того, что внѣшній міръ существуетъ въ пространствѣ (т.-е. отъ *одной лишь* неизбѣжности *представлять* себѣ внѣшнія вещи не иначе, какъ въ пространствѣ) къ дѣйствительному существованію пространства, а подыскиваютъ для этого заключенія еще другія посылки (вродѣ психологическаго генезиса пространства и т. п.)^{*)}. Кантъ объясняетъ это тѣмъ, что всѣ уже черезчуръ привыкли къ Берклеевскому идеализму, превращающему весь внѣшній міръ въ представленіе, но сохраняющему абсолютную реаль-

^{*)} Читатель легко замѣтитъ, что мой аргументъ о растягиваніи нашего я субъективными пространствомъ и временемъ воображаемаго Канта есть не что иное, какъ перифразъ этого изумленія дѣйствительнаго Канта.

ность времени. Такимъ образомъ, по словамъ самого же Канта, не слишкомъ удивительно, что г. Каринскій, сопоставляя Канта съ эмпиризмомъ и сочувствуя послѣднему (первый выпускъ книги г. Каринскаго посвященъ Канту, а второй будетъ посвященъ эмпиризму; о сочувствіи же его послѣднему см. отзывъ моего однофамильца), сбился нѣсколько въ сторону эмпириста Берклея.

Итакъ, по подлинному Канту время существуетъ *только какъ представленіе*: оно всего лишь *представляется* намъ существующимъ, а на дѣлѣ нигдѣ не течетъ *). Пусть мнѣ не возражаютъ, что Кантъ *иногда* (дальше этого никто не можетъ идти въ своемъ возраженіи) называетъ время не представленіемъ, а какъ бы созерцаніемъ, интуиціей — *Anschauung*. На это я отвѣчу: 1) Кантъ въ то же время употребляетъ иногда оба слова: интуиція (*Anschauung*) и представленіе (*Vorstellung*) одно *вмѣсто* другого (напр., § 4 «Критики», 4-ый аргументъ времени); 2) у Канта, да и вообще у нѣмцевъ (о послѣднемъ см. философскій словарь, приложенный къ «Исторіи нов. филос.» Фалькенберга, русск. перев., слово «интуиція») интуиція означаетъ единичное представленіе (спеціально для Канта см. II томъ «Комментарія» Файгингера, стр. 29 и слѣд., или русск. перев. III тома «Истор. нов. филос.»

*) Чтобы было проще мыслить объ этомъ, можно употребить такой приемъ: допустимъ, что Богъ только-что создалъ міръ (въ то самое мгновеніе, когда мы думаемъ о времени), но создалъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть сейчасъ, значить—со всѣми моими представленіями, не исключая и представленій о прошломъ. Тогда все прошлое, несомнѣнно, будетъ лишь нашимъ представленіемъ; но мы можемъ *выражаться*, говоря о прошломъ, такъ, какъ будто бы оно было въ дѣйствительности. Подробнѣе эти соображенія развиты мной (для другихъ цѣлей) въ статьѣ «О видахъ вѣры» („Вопросы“ 1893, декабрь). Г. Каленовъ въ своей статьѣ „Споръ разсудка съ вѣрой“ („Вопр.“ 1894, мартъ) обозвалъ ихъ „малопоучительными“. Понятія: мало и много, конечно, очень неопредѣленны и могутъ быть употребляемы по произволу. Но эти соображенія, все-таки, нѣсколько поучительны, ибо (представляя собой перифразъ первой космологической антиноміи Канта, т.-е. оставаясь вѣрными дѣйствительному Канту), они наглядно иллюстрируютъ ученіе Канта о субъективности времени: вѣдь въ нашемъ приемѣ можно добавить, что Богъ, создавши міръ, тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ уничтожаетъ его; тогда и будущее обратится въ одно лишь наше представленіе, а настоящее — въ безконечно малый (исчезающій) мигъ. На другой способъ намекаетъ опять-таки самъ Кантъ—въ письмахъ, говоря, что можно умѣстить весь міръ въ орѣховую скорлупу, а любой періодъ времени свести къ мгновенію, —мы же вслѣдствіе относительности всѣхъ мѣръ не замѣтимъ никакихъ перемѣнъ.

Куно-Фишера, стр. 277, заголовокъ); и терминъ Anschauung, при невозможности удачно передать его вполне русскимъ словомъ, всегда мы вправѣ замѣнить для ясности въ изложеніяхъ (но не говорю: въ переводахъ) Канта болѣе общимъ терминомъ—представленіе, какъ это дѣлаетъ и самъ Кантъ (на что сейчасъ было уже указано)*). Пусть мнѣ также не возражаютъ, что самъ Кантъ не всегда выдерживалъ свою точку зрѣнія, что онъ даже говорилъ о разныхъ процессахъ, совершающихся во времени, приписывая ихъ нашему сознанию, таковы: воспріятіе, воспроизведеніе представленія по частямъ (Reproductio) и т. п. — все это въ «Дедукціи категорій». На это я отвѣчу: 1) Если самъ Кантъ нерѣдко и уклонялся отъ своего взгляда, или же употреблялъ неточныя выраженія и т. п., то опровергая его, надо не придирааться къ этимъ неизбѣжнымъ при новизнѣ дѣла промахамъ; напротивъ—надо одно изъ двухъ: или исправить ихъ**), или же не обращать на нихъ никакого вниманія. (Не забудемъ еще, что двѣнадцатилѣтнія размышленія были переданы въ видѣ «Критики» на бумагу 57-лѣтнимъ старикомъ, уже опасавшимся, что ему не дожить до окончанія своего дѣла, и всего только въ 4 или 5 мѣсяцевъ и, какъ говоритъ онъ самъ: «съ величайшимъ вниманіемъ къ содержанію и съ малой заботливостью объ изложеніи». См. объ этомъ письмо къ Мендельсону отъ 18 авг. 1783 г.—А все-таки это изложеніе, по отзыву моего однофамильца, у Канта вышло яснѣй, чѣмъ у г. Каринскаго. Почему

*) Г. Каринскій погнался за передачей самыхъ словъ Канта и вездѣ употребляетъ для передачи Anschauung слово „созерцаніе“. Но оно оказываетъ ему плохую услугу: оно сбиваетъ его мысль въ сторону отъ дѣйствительнаго Канта даже въ ученія о пространствѣ. Когда онъ говоритъ о послѣднемъ, то у него нерѣдко выходитъ, какъ будто бы по Канту есть два пространства: одно въ смыслѣ апіорнаго представленія (продуктъ созерцанія), а другое само по себѣ (какъ объектъ созерцанія), и мы можемъ сравнивать первое со вторымъ. Такъ, онъ говоритъ о возможности добывать аксіомы геометріи не только апіорнымъ путемъ, но и эмпирическимъ. На мой взглядъ, если гдѣ нельзя обойтись безъ особаго термина для понятія Anschauung, то лучше будетъ (какъ я и дѣлалъ при релактированіи Фалькенберга) употреблять слово интуиція. Это слово, какъ заимствованное изъ мертваго языка, да еще имѣющее разнообразныя значенія, не такъ прочно связано съ чуждыми для Канта мыслями, какъ созерцаніе и т. п.; а въ то же время оно составляетъ этимологическій переводъ слова Anschauung.

**) Но я-то, конечно, не стану этого дѣлать, потому что моя задача только въ томъ, чтобы доказать, чѣмъ не слѣдуетъ считать Канта и чѣмъ онъ выходитъ у г. Каринскаго.

это?). 2) Кантъ имѣлъ полное право употреблять для краткости слова, обозначающія временныя процессы, коль скоро онъ своимъ заявленіемъ: «время и всевозможныя смѣны только представляютъ намъ существующими», уже показалъ, что всѣ эти слова должны имѣть у него *переносное* значеніе. Иначе какимъ же языкомъ говорить ему? Всѣ эти названія, сообразно съ его ученіемъ, должны обозначать у него не психологическіе процессы, совершающіеся во времени (о нихъ у него не можетъ быть никакой рѣчи), даже не состоянія сознанія (о временныхъ состояніяхъ тоже не можетъ быть рѣчи), а всего только опредѣленія (Bestimmungen) нашего сознанія во времени, т.-е. такія *представленія* о самихъ себѣ, что мы сознаемъ себя *какъ бы* переживающими временныя смѣны *). Такъ, воспроизведеніе представленія по частямъ (Reproductio) должно обозначать вовсе не продолжающійся нѣкоторое время процессъ (ибо нигдѣ нѣтъ объективнаго времени), а только представленіе самого себя, сознаніе себя *какъ бы* переживающимъ этотъ процессъ, т.-е. одно лишь *опредѣленіе* нашего сознанія во времени. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно другихъ терминовъ, вродѣ аппрегенсіи, послѣдовательныхъ воспріятій и т. д. Специально же про воспріятіе (Wahrnehmung) замѣчу еще, что оно вовсе не означаетъ на языкѣ дѣйствительнаго Канта того, что называется этимъ терминомъ у большинства современныхъ психологовъ, не исключая и г. Каринскаго: вѣдь современные психологи, почти поголовно, завязтые метафизики, особенно же психологи-врачи, такъ что имъ неизбѣжно чужда антиметафизическая терминологія Канта. У него воспріятіе обозначаетъ всего только или сознаніе, или связанное съ сознаніемъ ощущеніе, т.-е. простой façon de parler (сравн. о воспріятіи II т. «Коммент.» Файгингера, стр. 30). 3) Кантъ тѣмъ болѣе имѣлъ право пользоваться обыденными выраженіями, что онъ самъ нерѣдко тотчасъ же напоминаетъ, какъ къ нимъ относиться.

Я уже говорилъ объ этихъ напомниманіяхъ, теперь дошла оче-

---

*) Владиславлевъ вездѣ перевелъ Bestimmungen словомъ „состоянія“, что бы, какъ онъ говоритъ, отличить это понятіе отъ логическаго опредѣленія (definitio). Напрасно: это не въ духѣ «Критики». Кантъ, напротивъ, хочетъ этимъ словомъ отмѣтить что-то напоминающее логическое опредѣленіе, именно—опредѣленія апіорнаго, т. е. необходимаго, представленія (времени) его случайными или апостеріорными признаками (ощущеніями—Empfindung и чувствованіями—Gefühl).

редь до того, чтобъ указать ихъ. Первое находится въ § 13 «Критики», *въ самомъ началѣ* «Дедукціи категорій». Тамъ говорится, что «Дедукція категорій» должна быть трансцендентальнымъ, а не физиологическимъ изслѣдованіемъ; «физиологическій» же, по образцу англичанъ (предъ этимъ рѣчь только-что шла о Локкѣ), употреблено здѣсь въ смыслѣ «психологическій». Второй разъ упоминается объ этой же разницѣ въ серединѣ «Дедукціи»—въ § 24, тотчасъ послѣ термина «воспроизводительное воображеніе»; при этомъ говорится уже не о физиологіи, а прямо о психологіи. Правда, оба эти напоминанія сдѣланы во 2-мъ изданіи «Критики», въ которомъ «Дедукція» подвергалась значительной переработкѣ, изложена совсѣмъ заново; но за то при этой переработкѣ у нея осталось и гораздо меньше сходства съ психологическими изслѣдованіями, и въ ней уже гораздо рѣже попадаются психологическіе термины, чѣмъ въ 1-мъ изданіи *). Неужели это случайное совпаденіе, да еще наряду съ заявленіемъ самого Канта (въ Предисловіи), что 2-ое изданіе представляетъ *умлученное изложене* тѣхъ же мыслей, что и 1-е? А въ «Prolegomena'хъ» находится еще третье напоминаніе, именно въ § 21 а. говорится, что вездѣ (при толкованіи аналитики въ «Prolegomena'хъ») идетъ рѣчь «не о происхожденіи опыта, а объ его составѣ». А такъ какъ для Канта

*) Ср. съ этимъ стр. 93 книги г. Каринскаго, особенно его подстрочное примѣчаніе. Спрашивается, научно ли поступаетъ въ этомъ случаѣ г. Каринскій? Онъ повсюду, даже говоря о дедукціи (см. выше упрекъ въ допущеніи необъяснимыхъ законовъ мысли) пользуется 2-мъ изданіемъ «Критики» и въ *одномъ лишь* пунктѣ переходитъ къ первому, объясняя это тѣмъ, что *все* доказательства Канта предполагаютъ именно теорію, содержащуюся въ первой обработкѣ дедукціи, хотя, прибавляетъ онъ тотчасъ же, «предположенія, лежащія въ ихъ основаніи, стали менѣ ясны для читателя, сдѣлались для него менѣ опредѣленными, а поэтому для него оказывается *несравненно труднѣе усмотрѣть ихъ основной недостатокъ*». Г. Серебренниковъ называетъ именно этотъ приемъ (ибо больше некуда отнестъ его слова) «изученіемъ Канта по различнымъ изданіямъ», а по-моему это просто-на-просто—беззаботность насчетъ убѣдительности своихъ выводовъ. Г. Каринскій понимаетъ время въ духѣ воображаемаго Канта, вслѣдствіе чего онъ повсюду ожидаетъ видѣть у Канта взамѣнъ теоріи познанія одни лишь психологическія изслѣдованія; поэтому онъ, при подходящемъ случаѣ, и ухватился съ радостью за первую обработку дедукціи, хотя, по отзыву самого Канта, его мысли изложены въ ней менѣ удачно, чѣмъ во второмъ изданіи. А въ то же время про эту переработку «Дедукціи» нельзя сказать, какъ про «Опроверженія идеализма», будто бы въ ней Кантъ увлекся споромъ.

весь опытъ есть только представленіе, то, значитъ, у него идетъ рѣчь не о происхожденіи представленій, не объ ихъ смѣнѣ, а (какъ и должно быть при его ученіи о времени) только объ ихъ составѣ.

Теперь уже несомнѣнно, что при разборѣ Канта нельзя допускать никакого другого времени, кромѣ какъ въ смыслѣ представляющагося намъ. «Критика Чистаго Разума» состоитъ въ очисткѣ нашего научнаго мышленія отъ всѣхъ трансцендентно-метафизическихъ примѣсей. Для этого Кантъ исходитъ исключительно изъ *чистѣйшихъ* фактовъ, изъ того, что должно быть принято независимо отъ всякой метафизической теоріи. Онъ какъ бы такъ говоритъ намъ: прошлаго вы не видите, не осязаете и т. д., а всего только *представляете* его бывшимъ; будущаго тоже не видите и т. д., а всего только *представляете* его грядущимъ; настоящее же есть всего только не имѣющая никакой продолжительности *граница* между прошлымъ и будущимъ. Значитъ, время, а съ нимъ и всякая смѣна душевныхъ и другихъ событій, только *представляется* существующимъ. Вотъ *это* несомнѣнный фактъ; за него и надо держаться въ теоріи познанія тому, кто хочетъ искренно избавиться отъ *всякой* трансцендентной метафизики. А какъ только мы скажемъ, что время и смѣна событій существуютъ и сами по себѣ, въ дѣйствительности, хотя бы всего только внутри насъ, то мы тотчасъ становимся метафизиками; ибо 1) мы допускаемъ реальность того, что *не можетъ быть* дано намъ въ опытѣ (реальность прошлаго и будущаго, а настоящаго нѣтъ безъ нихъ); и 2) дѣлаемъ это совершенно по методу трансцендентныхъ метафизиковъ, именно—отъ способовъ *представлять* себѣ вещи заключаемъ къ способу ихъ *существованія* (отъ неизбѣжности *представлять* себя во времени заключаемъ къ тому, что мы и на самомъ дѣлѣ существуемъ во времени). Такъ, напримѣръ, поступалъ Платонъ, который отъ того факта, что мы сознаемъ общія понятія на-ряду съ единичными представленіями, заключилъ къ существованію, на-ряду съ единичными чувственными вещами, еще особыхъ сверхчувственныхъ идей, которыя также соотвѣтствуютъ общимъ понятіямъ, какъ единичныя вещи—представленіямъ *).

*) Не мѣшаетъ все это напомнить *тѣмъ* врачамъ и натуралистамъ, которые пользуются всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы выкрикнуть слово «метафизика» и съ важностью объявить, будто бы ихъ психологическіе взгляды вполне чужды *всякой* метафизики. Въ дѣйствительности воззрѣнія *такихъ* (но не всѣхъ) врачей и натуралистовъ, вслѣдствіе присущаго имъ грубаго пони-

Но г. Каринскій самъ лично, когда излагаетъ свои собственныя воззрѣнія, рассматриваетъ время въ духѣ воображаемаго Канта, т.-е. допускаетъ время внутри насъ въ видѣ *дѣйствительной* смѣны представленій и т. п.; лишь въ послѣдствіи, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ опыта и другихъ причинъ, мы заключаемъ о существованіи перемѣнъ во внѣшнемъ мірѣ. Смотри всѣ его сужденія въ § 18, а въ немъ особенно такія слова на стр. 112: «изъ темнаго *періода* своей недоступной *воспоминанію* жизни наше *развитое* сознание выносить уже убѣжденіе» и т. д., убѣжденіе въ томъ, что мускульныя ощущенія могутъ служить средствомъ для распознаванія, произошла ли перемѣна только въ насъ, или же и внѣ насъ (ср. изложеніе г. Серебренникова: «Вопросы», май, 415). Такой же взглядъ, какъ у него самого, г. Каринскій втихомолку (ибо не разбираетъ ученія о времени) приписываетъ, какъ я покажу дальше, и Канту (ср. съ этимъ отзывъ г. Серебренникова объ отсутствіи навязыванія Канту своихъ мнѣній. См. выше поправки его отзывовъ послѣ указанія 2-ой особенности содержанія). А отсюда становятся вполне понятными всѣ отмѣченныя мной особенности содержанія его книги, кромѣ развѣ первой (см. выше).

Замѣнивъ центральный пунктъ философіи Канта другимъ, самодѣльнымъ, г. Каринскій уже не могъ уловить основной идеи «Критики Чистаго Разума» (см. выше 2-ую особенность). Этотъ пунктъ связываетъ въ одно цѣлое всю «Критику», и съ устраненіемъ его она должна была показаться г. Каринскому конгломератомъ разрозненныхъ частей, которыя можно переставлять въ какомъ угодно порядкѣ и рассматривать любую отдѣльно отъ другихъ (3-ья особ.). По той же причинѣ ему должно было показаться, будто бы для Канта апріорные принципы являются чѣмъ-то вродѣ необъяснимыхъ законовъ мертваго вещества (3-ья особ.). Что же касается до пропущенныхъ имъ ученій о внутреннемъ чувствѣ и о схематизмѣ чистаго разума, то г. Каринскій попалъ въ такое положеніе, что волей-неволей долженъ былъ смолчать объ этихъ ученіяхъ, какъ бы ни были они важны для его вопроса (см. 4-ую особенность). Говоря о внутреннемъ чувствѣ, Кантъ утверждаетъ, что посредствомъ этого чувства мы воспри-

---

манія времени, обыкновенно пропитаны скрытымъ матеріализмомъ, который и долженъ обнаружиться при послѣдовательномъ развитіи ихъ взглядовъ; они же сами искренно не замѣчаютъ его, ибо не вѣдаютъ того, что творятъ.

нимаемъ сами себя не какъ мы существуемъ въ дѣйствительности, а всего только какъ явленіе. Съ точки зрѣнія дѣйствительнаго Канта, это вполнѣ понятно: времени и дѣйствительной смѣны событій нигдѣ нѣтъ (даже и въ моей душѣ); а посредствомъ внутренняго чувства мы сознаемъ себя такъ, какъ бы мы были во времени, какъ бы мы переживали дѣйствительную смѣну душевныхъ событій. Но съ точки зрѣнія воображаемаго Канта, единственнаго, съ которымъ воюетъ г. Каринскій, здѣсь получается какая-то непозволительная бессмыслица: съ одной стороны, я вчера дѣйствительно сердился и представлялъ себѣ (хотя бы ошибочно) солнце существующимъ, и т. д., ибо вчерашній день былъ въ дѣйствительности; а съ другой стороны — ничего этого (даже моихъ представлений) не было, ибо я знаю себя только какъ явленіе. То же самое и въ ученіи о схематизмѣ. Въ немъ Кантъ спрашиваетъ: какъ могутъ апріорныя понятія, т.-е. дѣятельность разсудка, подчинять себѣ продукты чувствительности (Sinnlichkeit), напримѣръ — ощущенія? И рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ (правильно или нѣтъ, къ дѣлу не относится): это совершается чрезъ посредство времени. Съ точки зрѣнія дѣйствительнаго Канта, здѣсь нѣтъ ничего нелѣпаго, ибо для него время всего только *представленіе*, а понятіе — тоже *представленіе*, но общее, а не единичное (см. объ этомъ начало «Аналитики» и сравн. II т. «Комментарія» Файгингера, стр. 28)*); обще-

* Не знаю, что будетъ дальше, но въ напечатанной части своей статьи „О времени“ г. Гротъ уже слѣлалъ маленькій промахъ относительно Канта. Г. Гротъ упрекаетъ его за то, что онъ не хочетъ считать представлений пространства и времени понятіями, и это только отъ того, что они единичны, а между тѣмъ, говоритъ г. Гротъ, существуютъ не только общія, но и единичныя понятія (какъ мысли не о какихъ попало, но о самыхъ важныхъ признакахъ какаго-нибудь единаго предмета, напримѣръ — Бога, вселенной, и т. д. См. „Вопросы“, 1894 г., май, стр. 253 и слѣд.). Все это такъ, но на языкѣ Канта, равно какъ и у множества нѣмцевъ (см. объ этомъ „Философскій Словарь“, приложенный къ „Истор. нов. философіи“ Фалькенберга подъ словомъ: понятіе) понятіемъ называется вовсе не то, что у г. Грота: для Канта — понятіе есть *общее* представленіе. Разницу же между мыслью о всякихъ признакахъ предмета и мыслью объ однихъ лишь болѣе важныхъ признакахъ Кантъ не счелъ нужнымъ отмѣтить особыми, для той и другой мысли, названіями (вѣроятно потому, что во всей „Критикѣ“ сплошь ему надо имѣть въ виду мысли объ однихъ лишь важныхъ для его изслѣдованія признакахъ). Поэтому г. Гроту слѣдовало не упрекать Канта (ибо терминологія зависитъ отъ автора), а поступить такъ: заявить, что онъ счита-

му же представленію вполне естественно подчиняются другія менѣе общія и единичныя (въ числѣ которыхъ находится и время). Но съ точки зрѣнія воображаемаго Канта, во всемъ отдѣлѣ «Аналитики», посвященномъ ученію о схематизмѣ, долженъ оказаться безсмысленный наборъ словъ: время есть *дѣйствительное теченіе* чего-то; какъ же, спрашивается, общія понятія могутъ *подчинять* его себѣ? Явная нелѣпость, если только не допускать предустановленной гармоніи между этимъ теченіемъ и понятіями нашего разсудка; но (о чемъ пришлось упомянуть и г. Каринскому) Кантъ въ рѣшительныхъ словахъ отвергаетъ и осмѣиваетъ такую гипотезу, и притомъ тутъ же, въ «Критикѣ»—и почти какъ разъ предъ ученіемъ о схематизмѣ (§ 27). Такимъ образомъ, г. Каринскому оставалось на выборъ одно изъ двухъ: или смолчать объ этихъ двухъ теоріяхъ (внутренняго чувства и схематизма), или же откровенно, но *голосовно*, заявить, что въ нихъ, несмотря на то значеніе, которое почему-то приписывается имъ самимъ Кантомъ, высказана такая бессмыслица, о которой не стоитъ толковать *). Не легко было, разумѣется, для г. Каринскаго объяснить и историческое вліяніе Канта (см. 1-ю особенность).

Такимъ образомъ, теперь вполне понятны всѣ особенности содержанія книги г. Каринскаго. А для тѣхъ, кто читалъ ее, прибавлю еще пару замѣчаній. Въ ней можно замѣтить, что, согласно съ г. Каринскимъ, какъ будто бы не выходитъ никакой разницы между апіорными и прирожденными идеями; тѣ и другія во взглядахъ г. Каринскаго сливаются между собой до неразличимости. А, какъ извѣстно, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго Канта, между ними огромная разница; ибо эта точка зрѣ-

---

еть болѣе удобнымъ словами „понятіе“ и „представленіе“ обозначить не то, что обозначалъ Кантъ, а то-то и то-то; а чтобы не смѣшивали его терминовъ съ кантовскими, замѣнить послѣдніе какими-нибудь другими.

Примѣчаніе. Я рѣшительно не понимаю, почему я не имѣлъ права указать на одностороннее и невѣрное опредѣленіе Кантомъ природы „понятій“. Вообще не слишкомъ ли велико преклоненіе г. Введенскаго предъ авторитетомъ Канта и его терминологіей? Если Кантъ имѣлъ право опредѣлять понятіе *по своему*, то тѣмъ большее право имѣю я указать на болѣе вѣрное опредѣленіе понятій, принятое въ „Логикѣ“.

Н. Гротъ.

*) Сравни съ этимъ мнѣніе г. Серебренникова („Вопросы“, май, стр. 422), будто бы г. Каринскій поступаетъ не какъ другіе писатели, наприм., Куно-Фишеръ (на него-то ошибочно и указываетъ г. Серебренниковъ), и не обходить молчаніемъ трудныхъ пунктовъ въ ученіи Канта.

нія одинаково упраздняетъ какъ нативизмъ, такъ и оспаривающій его сенсуализмъ, или эмпиризмъ (замѣняя ихъ оба апіоризмомъ). Споръ между этими двумя теоріями касался вотъ чего: возникли ли въ насъ такія-то и такія-то идеи (принципы познанія) *раньше* или *позже* опыта (и подъ его вліяніемъ)? Но какъ скоро мы говоримъ, что дѣйствительнаго времени (а виѣстѣ съ нимъ никакого «позже» и «раньше») нигдѣ нѣтъ, то мы уже не вправѣ рѣшать этотъ вопросъ; по крайней мѣрѣ, нельзя этого дѣлать до окончанія «Критики Чистаго Разума». Теперь уже для насъ всѣ идеи существуютъ не раньше или позже опыта, но *вмѣстѣ съ* опытомъ (хотя еще это не значитъ *изъ* опыта, т.-е. подъ его вліяніемъ); и мы должны говорить уже не объ ихъ психологическомъ *происхожденіи*, а объ ихъ *гносеологическомъ значеніи* для опыта и для познанія (сравни знаменитыя первыя строки введенія въ «Критику» 2-го изданія и вышеприведенныя напominанія Канта, а равно его знаменитую оговорку, что «Критикѣ» нѣтъ дѣла до прирожденныхъ идей). Но съ точки зрѣнія воображаемаго Канта, такое обособленіе теоріи познанія отъ психологіи невозможно, и неизбѣжно возникаетъ споръ между нативизмомъ и эмпиризмомъ, причемъ апіорныя идеи, будучи не-эмпирическими (но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорилъ дѣйствительный Кантъ: его точка зрѣнія уже скрылась отъ насъ), должны слиться съ прирожденными. Другое замѣчаніе: г. Каринскій непрерывно упрекаетъ Канта, будто бы онъ впадаетъ въ противорѣчія или съ самимъ собой, или съ самоочевидными фактами, и чтобы уйти отъ нихъ, на каждомъ шагѣ прибѣгаетъ къ помощи словесной діалектики и т. п. Все это и должно было такъ показаться г. Каринскому: коль скоро мы смѣшаемъ *анти-метафизическіе* взгляды дѣйствительнаго Канта съ отрицаемымъ имъ, но признаваемымъ нами, метафизическимъ ученіемъ о времени, то, разумѣется, у насъ возникнетъ масса самопротиворѣчій; его доказательства превратятся въ чисто словесныя ухищренія, и очень часто онъ будетъ противорѣчить тому, что намъ, съ нашей метафизической точки зрѣнія, *кажется* чистѣйшимъ фактомъ.

Но, спросятъ меня, какъ я-то узналъ, что г. Каринскій приписываетъ дѣйствительному Канту ученіе о времени воображаемаго Канта, коль скоро, по моимъ словамъ, онъ не разбираетъ этого ученія? Вопросъ научно-законный, и я обязанъ отвѣчать на него, чѣмъ и закончится моя задача. Узналъ это я, разумѣется, не изъ

прямого заявленія г. Каринскаго по поводу не рассматриваемаго имъ ученія о времени, а изъ всего его отношенія къ Канту: изъ тѣхъ вопросовъ, какіе онъ приписываетъ Канту; изъ тѣхъ толкованій, которыя онъ придаетъ его ученіямъ и т. п. Укажу нѣсколько крупныхъ, и притомъ разнородныхъ, примѣровъ.

1. Кантъ занятъ—и долженъ заниматься—не психологическими, а исключительно гносеологическими изысканіями, о чемъ, какъ уже показано мной, онъ самъ ясно говоритъ и напоминаетъ читателю; и его ученіе о времени исключаетъ изъ «Критики» психологическую постановку его вопросовъ. А г. Каринскій на каждомъ шагу предполагаетъ у Канта психологическія изслѣдованія о генезисѣ представленій и другихъ душевныхъ фактовъ. Такъ, на стр. 70 у него прямо говорится: «предполагая вѣрность Кантова описанія *генезиса* представленія объ опредѣленномъ пространствѣ и времени и проводя его послѣдовательно» и т. д. Онъ даже рѣшается сдѣлать Канту упрекъ въ несовершенствѣ его *психологическаго* анализа; именно, на стр. 86 написано: «но какъ самыя эти *процессы* (рѣчь идетъ объ активныхъ процессахъ, сказывающихся въ аналогіяхъ опыта), такъ и предположенія, какъ бы скрытно подразумевающіяся въ нихъ, наконецъ, самое гносеологическое значеніе этихъ скрытыхъ предположеній *)»,—все это сплошь совершенно перетолковано Кантомъ, съ одной стороны, вслѣдствіе *крайняю несовершенства психологическаго анализа*, съ другой, подъ рѣшительнымъ вліяніемъ предвзятой тенденціи описать эти процессы такъ, чтобы отсюда получались доказательства предполагаемыхъ имъ основоположеній отношенія». И любопытное дѣло: г. Каринскій разбираетъ §§ 18—21 «Prolegomen'ъ», но о томъ, что слѣдующій § 21 а. начинается съ уже приведеннаго мной напомниманія Канта, какъ понимать его въ предшествующихъ

*) Для объясненія этихъ словъ (начиная со словъ: „такъ и предположенія“) надо принять во вниманіе фразу, предшествующую цитируемой: „не ошибается, по моему мнѣнію, Кантъ и тогда, когда онъ предполагаетъ, что эти активныя процессы, тѣсно и неразрывно сплетшіяся съ пассивными состояніями духа, если признавать ихъ аналогическими съ процессами сознательной рефлексіи и анализировать ихъ съ этой точки зрѣнія, окажутся такими процессами, въ которыхъ какъ бы скрытно подразумеваются нѣкоторыя предположенія, которыми какъ бы руководится сознаніе при активномъ усвоеніи даннаго ему матеріала“ (стр. 85—86). Для внимательнаго читателя, который сумѣетъ одолѣть неясность изложенія г. Каринскаго, уже и здѣсь замѣтно, что послѣдній смѣшиваетъ теорію познанія съ психологіей.

параграфахъ, не говоритъ ни одного слова, равно какъ ни разу не сводитъ счетовъ со всѣми подобными напоминаніями. Впрочемъ, этихъ умолчаній я не могу доказать никакими цитатами. Но пусть читатель обратится къ изложенію г. Серебренникова и къ отзыву моего однофамильца и посмотритъ: видны ли въ нихъ слѣды того, чтобы г. Каринскій не смѣшивалъ гносеологическихъ задачъ Канта съ психологическими. Умолчаніе же о § 21 а. «Prolegomen'ъ» важно еще и вотъ почему: въ немъ Кантъ очень ясно показываетъ, что, по его теоріи, психологическія изслѣдованія должны опираться на гносеологическія, а не наоборотъ. Вотъ его слова: «чтобы соединить все предыдущее въ одно понятіе, прежде всего необходимо напомнить читателю, что здѣсь рѣчь идетъ не о происхожденіи опыта, а объ его составѣ. Первое принадлежитъ эмпирической психологіи; но и въ ней оно никогда не могло бы быть какъ слѣдуетъ развито безъ изслѣдованія состава опыта, что составляетъ задачу критики познанія» (русск. перев. Влад. Соловьева). Не смотря на это, г. Каринскій ровно нигдѣ не разбираетъ вопроса, насколько вѣрна и обязательна для Канта высказанная здѣсь мысль о зависимости психологіи отъ критической теоріи познанія; а взамѣнъ того онъ вполне голословно (въ только-что приведенной цитатѣ; тотъ же взглядъ проходитъ и чрезъ всю его книгу) утверждаетъ между строкъ, что выводы Канта были бы тверже, если бы они основывались на болѣе тщательномъ предварительномъ (но, разумѣется, развитомъ уже безъ помощи «Критики» познанія, т. е., говоря языкомъ не г. Каринскаго, а самого Канта—на чисто-догматическомъ) психологическомъ анализѣ *).

*) Кстати, напоминанія § 21 а. Prolegomen'ъ относятся къ ихъ предшествующимъ параграфамъ, именно къ 17—21, которые часто цитируются г. Каринскимъ. Но кромѣ того, что онъ, рассматривая ихъ, не обращаетъ никакого вниманія на это напоминаніе, онъ еще неправильно истолковываетъ отношеніе этихъ параграфовъ (или же Prolegomen'ъ въ ихъ цѣломъ) къ «Критикѣ». Какъ показываетъ уже самое заглавіе Prolegomen'ъ, а равно — ихъ общій характеръ и первыя строки ихъ предисловія («Прологомены должны служить руководствомъ не для преподаванія науки уже существующей, но для созданія этой науки»), они назначены отнюдь не для исправленія промаховъ, допущенныхъ въ «Критикѣ», а для популяризаціи ея идей и для подготовки къ «Критикѣ». А г. Каринскій на стр. 57 и слѣд. высказываетъ ту мысль, будто бы въ Prolegomen'ахъ Кантъ пополняетъ пропускъ, допущенный имъ въ «Критикѣ» при изложеніи классификаціи сужденій. Но почему же тогда во 2-мъ изданіи «Критики» эта классификація повторяется въ томъ же

2. Чтобы не было сомнѣній въ томъ, не употребляетъ ли часто и самъ г. Каринскій временные термины въ переносномъ значеніи и не смотритъ ли вообще онъ на дѣло глазами Канта, но оставляетъ все это незамѣтнымъ для своихъ читателей (вѣдь его изложеніе, по отзыву моего однофамильца, темнѣ Кантовскаго), посмотримъ, какъ онъ разбираетъ Кантовскія доказательства аналогіи опыта, напримѣръ—принципа причинности. Существенная мысль при доказательствахъ этого принципа у дѣйствительнаго Канта при его ученіи о времени можетъ быть только такой: для нашего ума неизбежно представлять все во времени, т.-е. въ видѣ смѣны событій. Но мы *сознаемъ* не просто беспорядочную смѣну, а опредѣленный *порядокъ* событій: напримѣръ, мы сознаемъ не только то, что среда и вторникъ смѣняются какъ попало, а еще то, что среда (т.-е. всѣ ея событія) *была послѣ* вторника (т.-е. всѣхъ его событій), а не раньше. Какъ же и почему это происходитъ, коль скоро нѣтъ не только самого времени, но даже и представленія времени самого по себѣ, т.-е. представленія *пустого* времени, которое было бы раздѣлено какими-нибудь перегородками на нумерованныя отдѣленія—такъ, чтобы мы могли сознавать порядокъ событій, сообразуясь съ нумерами тѣхъ отдѣленій, въ которыхъ помѣщены событія? (Ср. въ «Критикѣ» 2-й абзацъ доказательства 2-й аналогіи). Говоря вкратцѣ, мы находимъ у Канта такой отвѣтъ на этотъ вопросъ: рассмотрите потщательнѣе, чѣмъ же отличается среда (т.-е. *вся совокупность* событій, называемая средой) отъ вторника (т.-е. *всей совокупности* событій, называемыхъ вторникомъ),—и вы увидите, что разница *только* въ томъ, что совокупность событій, называемая средой, *мыслится* вами, какъ такая совокупность, которая не могла бы существовать безъ событій вторника, а совокупность событій, называемая вторникомъ, *мыслится, какъ порождающая* событія среды *). Другими словами:

видѣ, въ какомъ она изложена и въ 1-мъ, который, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Каринскаго, Кантъ уже призналъ ошибочнымъ?

*) Кантъ пользуется другимъ примѣромъ, именно—лодки, несущейся по теченію рѣки; но суть дѣла отъ этого не измѣняется. Кстати, такъ какъ *вся совокупность* событій среды стоитъ въ причинной зависимости отъ *всей совокупности* событій вторника, то, зная это, мы еще не знаемъ, какое именно событіе вторника служитъ причиной какого именно событія среды. Это можетъ быть вскрыто только путемъ особаго (такъ называемаго индуктивнаго) анализа тѣхъ и другихъ событій. Вотъ и отвѣтъ г. Каринскому, который думаетъ, что, съ точки зрѣнія Канта, нельзя объяснить, почему, имѣя апіорное

сознаніе порядка смѣны событій состоитъ только въ неустранимомъ (т.-е. апіорномъ, обусловленномъ организациею нашего сознанія) присоединеніи къ продуктамъ внутренней и внѣшней чувствительности (*Sinnlichkeit*), къ ощущеніямъ и т. п., такой мысли, которая уже ни на какіе продукты чувствительности не разлагается (и называется поэтому чистымъ или апіорнымъ понятіемъ), именно—мысли о причинѣ и дѣйстви, или о причинной связи *). Эта-то мысль (не одна, а въ связи со *всѣми другими чистыми понятіями, или категоріями*) и придаетъ объективный характеръ нашему представленію о времени, а съ нимъ и всему тому (какъ внутреннему, такъ и внѣшнему), что представляется чрезъ его посредство; она-то и заставляеть все это *являться* намъ какъ бы существующимъ само по себѣ, независимо отъ факта своей представляемости намъ. Сравни конецъ 4-го абзаца доказательства 2-й аналогіи: «это правило (т.-е. правило причинной связи) должно во всякомъ случаѣ (*jederzeit*) встрѣчаться при воспріятіяхъ (т.-е. при сознаніи вообще и при сознательныхъ ощущеніяхъ) того, что случается; оно-то и дѣлаеть неизбѣжнымъ порядокъ слѣдующихъ другъ за другомъ воспріятій».

знаніе о существованіи въ опытѣ причинной зависимости, мы для каждаго отдѣльнаго случая причинной связи должны обращаться къ анализу данныхъ опыта. Что же касается до примѣра съ лодкой, то г. Каринскій, утверждая (стр. 119), что этотъ примѣръ свидѣтельствуетъ лишь исключительно объ умѣнши Канта подбирать благоприятные для него примѣры (вотъ почему я и перемѣнилъ примѣръ), *повидимому*, неправильно понимаетъ его: онъ какъ будто бы полагаетъ, что одинъ лишь фактъ нахождения лодки въ верхней части рѣки уже составляетъ причину ея нахождения въ нижней части. Но не одно лишь это, а *вся совокупность* предшествующихъ фактовъ служитъ причиной *всей совокупности* послѣдующихъ. Впрочемъ, при неясности изложенія г. Каринскаго, можетъ быть, я и ошибаюсь относительно этого пункта.

*) Конечно, представленія о времени и о пространствѣ, по Канту, тоже не разлагаются ни на какія ощущенія и т. п. Но 1) эти представленія стоятъ въ непосредственной связи съ ощущеніями и т. п.; а связь съ послѣдними чистыхъ понятій, или категорій, опосредствована представленіями о времени и пространствѣ; 2) категоріи—общія представленія, а время и пространство—чисто единичныя, ибо въ нихъ представляются только одно время и одно пространство (сравн. въ „Эстетикѣ“ метафизическій анализъ пространства и времени); 3) они размножаются въ представленія (*pluralis*) объ опредѣленныхъ пространствахъ и временахъ именно чрезъ присоединеніе категорій, причѣмъ категорія количества заставляеть ихъ сознаваться, какъ протяженныя величины. Въ виду такой разницы въ роляхъ, Кантъ долженъ категоріи и представленія о пространствѣ и времени называть разными именами, а не сплошь понятіями.

Вотъ тотъ взглядъ, который дѣйствительный Кантъ старается и (при его ученіи о времени) обязанъ всячески стараться провести въ доказательствѣ второй аналогіи. Конечно, у него можно найти кое-какія уклоненія отъ этого взгляда, особенно же легко ихъ вычитать въ *популярнѣйшихъ и подготовляющихъ къ «Критикѣ» Prolegomenaхъ*. Въ исторіи философіи эти уклоненія должны быть отмѣчены, какъ историческій фактъ. Но при полемикѣ съ Кантомъ ихъ надо или игнорировать, или исправлять въ его же духѣ; и это еще болѣе обязательно для того, кто, подобно г. Каринскому, заканчиваетъ свою книгу приговоромъ надъ критической философіей вообще. А какъ поступаетъ г. Каринскій? Разбору Кантовскаго доказательства этой аналогіи онъ посвящаетъ §§ 16—20 (стр. 93 и слѣд.). Изъ нихъ въ § 16 находится изложеніе доказательства съ указаніемъ нѣкоторыхъ затрудненій встрѣчающихся при его пониманіи; въ §§ 18 и 19—объясненіе собственныхъ взглядовъ г. Каринскаго по поводу вопроса: какъ именно, имѣя непосредственно дѣло лишь съ временнымъ порядкомъ своихъ *внутреннихъ* событій (представленій, воспріятій и т. д.), мы отъ этого порядка *заключаемъ* къ порядку *внѣшнихъ* событій, и разные упреки Канту за то, что онъ не раздѣляетъ взглядовъ г. Каринскаго. Въ §§ 17 и 20 содержится критика Кантовскаго доказательства съ точки зрѣнія трехъ толкованій, предлагаемыхъ г. Каринскимъ. Каковы же эти толкованія? Первое (стр. 96—102) приписываетъ Канту *тотъ же* вопросъ, какой рѣшаетъ уже по-своему и самъ г. Каринскій въ §§ 18 и 19. Это видно изъ двухъ мѣстъ въ началѣ § 17 (стр. 97). Въ первомъ изъ нихъ г. Каринскій высказываетъ убѣжденіе, что кто держится Кантовскаго взгляда на причинность, «тотъ несомнѣнно тѣмъ самымъ формулируетъ общій законъ жизни сознанія, который долженъ предполагать опредѣленный взглядъ на ея *исходные* пункты». А про эти исходные пункты на той же страницѣ встрѣчаемъ такое выраженіе: «итакъ, сознаніе въ *исходномъ* пунктѣ своего *развитія*, когда однако же передъ нимъ предполагается *уже* данной *чередой* не ощущеній, а тѣхъ состояній, которыя называются воспріятіями», и т. д. Въ заключеніе же разбора Канта при этомъ толкованіи говорится, что Кантомъ въ сознаніи допускается «нерѣшительное колебаніе въ *толкованіи смѣны* въ воспріятіи» и что «потребуется особаго доказательства даже и та мысль, что вообще *когда-либо* есть *періодъ* въ жизни духа, когда

это состояніе дѣлается господствующимъ и требуетъ особыхъ условій для выхода изъ него» (см. стр. 102). Словомъ, здѣсь вездѣ Канту навязывается раздѣляемый самимъ г. Каринскимъ взглядъ воображаемаго Канта на время; и въ связи съ этимъ гносеологическія задачи дѣйствительнаго Канта замѣнены сплошь психологическими, развиваемыми на почвѣ трансцендентно-метафизическаго ученія о времени.—Второе же толкованіе г. Каринскаго (стр. 102—110) допускаетъ, что, по мнѣнію Канта, категорія причинности нужна не только для открытія порядка *внѣшнихъ* событій посредствомъ наблюденія надъ *порядкомъ* внутреннихъ, а сверхъ того и для объективированія самихъ внѣшнихъ воспріятій. Это толкованіе охарактеризовано г. Каринскимъ въ такихъ словахъ (изъ нихъ еще разъ виденъ и смыслъ перваго толкованія) на стр. 104: «пусть не объективный только порядокъ представленій во времени, но и *объективность самихъ представленій* должна ставиться сознаниемъ чрезъ установку необходимыхъ связей между ними. Въ такомъ случаѣ не будетъ затрудненій *) признать, что первоначальное сознаніе должно принимать *череду воспріятій* за простую череду *представленій*, такъ какъ вѣдь на то, что *чередуется*, оно будетъ смотрѣть только какъ на свои представленія».—Третье толкованіе (въ § 20) состоитъ въ предположеніи, что, по мнѣнію Канта, причинность нужна всего только какъ критерій, обезпечивающій научную законность нашихъ взглядовъ на внѣшній міръ. Вотъ и всѣ подвергаемая г. Каринскимъ разбору толкованія; среди нихъ нѣтъ, однако, того взгляда, который неизбежно и яснѣе всѣхъ другихъ требуется ученіемъ подлиннаго Канта о субъективности времени. Объ этомъ взглядѣ г. Каринскій дѣлаетъ лишь мимоходомъ одно замѣчаніе, когда онъ, излагая доказательство 2-й аналогіи, указываетъ еще раньше его разбора возбуждаемая этимъ доказательствомъ недоумѣнія. И изъ этого замѣчанія тотчасъ же видно, какой взглядъ на время приписываетъ онъ Канту. Именно, г. Каринскій такъ рассуждаетъ (конечно, не въ примѣненіи къ моему примѣру, а въ общемъ видѣ): если мѣсто среды во временномъ ряду опредѣляется посредствомъ

*) Для объясненія прибавлю: г. Каринскій увѣренъ (хотя и не доказываетъ этого, а только бранитъ обратный взглядъ именемъ „поверхностной философской рефлексіи“, см. стр. 104), что въ ощущеніи и воспріятіяхъ мы имѣемъ дѣло съ „живой (какъ онъ говоритъ) реальностью“. Вотъ, съ точки зрѣнія этого (близкаго къ наивному реализму) взгляда, онъ и находитъ у Канта множество затрудненій.

мѣста вторника, то и мѣсто вторника, въ свою очередь, опредѣляется чрезъ мѣсто понедѣльника и т. д. до безконечности. А такъ какъ мы не можемъ же пройти безконечный рядъ предшествующихъ событій, то, значить, — заключаетъ г. Каринскій — и мѣсто среды остается для насъ неопредѣленнымъ. (См. стр. 95.) Конечно, если бы, по ученію Канта, мы должны были проходить *дѣйствительно* протекшее безконечное время, то среда не получила бы своего опредѣленнаго мѣста въ этомъ ряду; но коль скоро эту безконечность надо всего только *мыслить* протекшей, а не *осуществлять* на дѣлѣ ея теченія, то для опредѣленія мѣста среды уже нѣтъ тѣхъ препятствій, на которыя указываетъ г. Каринскій. Ибо нигдѣ нѣтъ того *безконечнаго* времени, которое надо было бы возвращать назадъ *постепенно*, имѣя въ своемъ распоряженіи *конечную* человѣческую жизнь. Словомъ, очевидно, что, говоря о доказательствѣ 2-й аналогіи, г. Каринскій повсюду навязываетъ Канту ученіе о времени воображаемаго Канта, повсюду предполагаетъ время *объективнымъ*. (Съ моимъ описаніемъ полемики г. Каринскаго сравни ея изложеніе у г. Серебренникова. «Вопросы», май, стр. 414—416).

3. Въ «Дедукціи категорій» Кантъ утверждаетъ, что явленія должны быть подчинены какимъ-нибудь апріорнымъ категоріямъ, какъ условію тождества самосознанія. Съ его точки зрѣнія, въ этомъ подчиненіи нѣтъ ничего логически *невозможнаго*: категоріи суть понятія, т.-е. общія *представленія*, а явленія — единичныя *представленія*; и послѣднія, разумѣется, *могутъ* подчиняться первымъ. Это ученіе самъ г. Каринскій справедливо считаетъ очень важнымъ для Канта (см. стр. 184); и поэтому, вѣроятно, онъ откладываетъ разборъ «Дедукціи» подъ конецъ, въ надеждѣ нанести Канту послѣдній и уже неотразимый ударъ. Въ виду всего этого очень важно, какой взглядъ на время приписывается г. Каринскимъ Канту именно при разборѣ этого ученія. Г. Каринскій отрицаетъ самую возможность подчиненія явленій апріорнымъ категоріямъ. Почему же? На стр. 179 онъ спрашиваетъ, какъ при попыткахъ подчиненія относится къ явленіямъ дѣятельность самосознанія: 1) «выдѣляетъ ли только она изъ всей массы сырого матеріала ощущеній тѣ, которыя оказываются удовлетворяющими требованіямъ единства самознанія»... или 2) «она свободно накладываетъ сѣти своего синтеза на этотъ матеріаль?» Первую гипотезу онъ находитъ не въ ~~у~~ Канта, ибо, говоритъ онъ, «если бы мы предположили не-

зависимое отъ чистаго самосознанія *теченіе* представленій», то понадобилась бы отвергаемая Кантомъ предустановленная гармонія между этимъ теченіемъ и дѣятельностью самосознанія (см. стр. 180). А ужъ изъ одной этой цитаты видно, что въ глазахъ г. Каринскаго оба вопроса сводятся къ такому: происходитъ ли *теченіе* или смѣна представленій въ зависимости или независимо отъ самосознанія; значить, существованіе самой-то смѣны онъ, какъ и воображаемый Кантъ, не подвергаетъ никакому сомнѣнію, а спрашиваетъ только объ ея зависимости или независимости. Это же самое видно и изъ того, какимъ путемъ онъ опровергаетъ способность самосознанія производить синтезъ явленій. Препятствіе этому онъ видитъ въ томъ, что производимый самосознаніемъ синтезъ (т. е. категоріи) имѣетъ всего только *общій* характеръ: этотъ синтезъ требуетъ, напимѣръ, только того, чтобы не было ни одного явленія безъ причины; а какое именно явленіе будетъ связано съ другимъ и съ какимъ именно, какъ со своей причиной, это еще остается неопредѣленнымъ. Слѣдовательно, заключаетъ г. Каринскій, надо допустить одно изъ двухъ: 1) или отъ самосознанія зависятъ и эти частности; но тогда, вопреки мнѣнію Канта, апіорному познанію будутъ доступны не только общіе законы связи явленій (вродѣ закона причинности), но даже и всѣ частные законы; 2) или же эти частности не зависятъ отъ самосознанія; а такъ какъ въ нихъ-то и воплощается общій синтезъ (напимѣръ, законъ причинности), то значить, и онъ также не зависитъ отъ дѣятельности самосознанія. (См. стр. 182 и слѣд.). Такое разсужденіе вполне убѣдительно, но *только* въ томъ случаѣ, *если* явленія подвергаются *дѣйствительной, независящей отъ нашего представленія, смѣнѣ*; ибо въ этомъ случаѣ опредѣленный во всѣхъ частностяхъ порядокъ ихъ смѣны уже существуетъ и самъ по себѣ, независимо отъ того, сознаемъ ли и представляемъ ли мы его, или нѣтъ. Поэтому или наше самосознаніе совсѣмъ не можетъ опредѣлить этого порядка (ибо частности этой самостоятельно существующей смѣны явленій легко могутъ оказаться несоотвѣтствующими общему синтезу, налагаемому на нихъ самосознаніемъ), или же оно должно опредѣлять его не только вообще, но и во всѣхъ частностяхъ (чтобы въ ихъ временномъ теченіи не оказалось несоотвѣтствія съ общимъ строемъ, или синтезомъ, вносимымъ въ нихъ нашимъ самосознаніемъ). Но если смѣна сознаваемыхъ нами явленій всего только *представляется* нами,

то, разумѣется: 1) она, какъ и всякое представленіе, *должна* подчиняться тѣмъ условіямъ, безъ выполнения которыхъ не можетъ быть и сознано представленіе о ней; и 2) такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь уже не о подчиненіи объективнаго теченія времени нашимъ понятіямъ, а всего только о подчиненіи содержанія одного *представленія* другому, болѣе общему, то и *нѣтъ* логическихъ *препятствій* для подчиненія явленій (т.-е. единичныхъ представленій) категоріямъ (т.-е. синтезу самосознанія). Препятствія, указываемыя г. Каринскимъ, теперь уже не существуютъ: вѣдь въ общемъ представленіи никогда не содержатся тѣ частности, которыми отличаются другъ отъ друга подчиненныя ему частныя представленія (напримѣръ, въ представленіи млекопитающаго нѣтъ тѣхъ частныхъ, которыми отличаются собака, кошка, корова и т. д.); а это, однако, не мѣшаетъ послѣднимъ подчиняться первому.—Такимъ образомъ, очевидно, что и здѣсь, равно какъ и прежде, г. Каринскій разсматриваетъ время, а съ нимъ и все сознаніе, глазами воображаемаго Канта.

Итакъ, пусть г. Каринскій опровергъ или сильно поколебаль Канта, но Канта воображаемаго, а не дѣйствительнаго: таковъ мой отвѣтъ на тотъ вызовъ, который, по словамъ моего однофамильца, сдѣланъ г. Каринскимъ русскимъ представителямъ критической философіи. По мнѣнію г. Каринскаго выходитъ, будто бы Кантъ имѣетъ всего только историческое значеніе и что его надо сдать въ архивъ. А я говорю: нѣтъ, подождите это дѣлать. Сдайте туда только Канта воображаемаго, не отличающаго теоріи познанія отъ психологіи, а не того Канта, который, хотя еще и не вполне раздѣлилъ ихъ, но все-таки правильно намѣтилъ между ними рѣзкую границу: вѣдь всѣ выстрѣлы г. Каринскаго (уже сдѣланные, а не будущіе, о которыхъ я не могу говорить) направлены въ воображаемаго Канта; и никакъ нельзя сдѣлать, чтобъ они попадали и въ дѣйствительнаго. Если даже мнѣ возразятъ, что г. Каринскій, можетъ быть, имѣлъ вѣскія основанія (кромѣ трудности Кантовскаго ученія) не обращать вниманія на требованія и напоминанія Канта о томъ, какъ понимать его, и поэтому имѣлъ право толковать его въ духѣ воображаемаго Канта, то я все-таки отвѣчу: зачѣмъ же онъ не упомянулъ *ни одного слова* объ этихъ основаніяхъ? Пусть онъ объяснитъ ихъ; тогда мы и посмотримъ, какъ намъ быть съ Кантомъ. Словомъ, для опроверженія Канта дѣйствительнаго г. Каринскій долженъ написать или сполна новую книгу, или же значительное прибавленіе къ прежней. Вотъ, до той поры и подождемъ сдавать Канта въ архивъ.

Александръ Введенскій.

Густавъ Тейхмюллеръ.

(Окончаніе)*).

Изъ двадцати пяти, а со статьями въ журналахъ, можетъ быть, и болѣе сочиненій Тейхмюллера, представляющихъ большую частью объемистыя книги въ 20—25 и болѣе печатныхъ листовъ, я выберу только немногія и *важнѣйшія* по содержанію для того, чтобы дать самыя краткія указанія о предметѣ ихъ.

Во первыхъ, я считаю нужнымъ упомянуть объ обширномъ сочиненіи, носящемъ заглавіе: «*Studien zur Geschichte der Begriffe*» V и напечатанномъ въ 1874 году. Къ этому сочиненію примыкають въ качествѣ *продолженія* его, три тома, изданные въ 1876, 1878 и 1879 годахъ подъ общимъ заглавіемъ: «*Neue Studien zur Geschichte der Begriffe*». Эта мысль «исторіи (философскихъ) понятій» составляетъ, сколько мнѣ извѣстно, *спеціальную принадлежность* Тейхмюллера.

При поверхностномъ взглядѣ на «исторію понятій» ее легко отождествить съ общеизвѣстною философскою дисциплиною, называемою *исторіей философіи*; но Тейхмюллеръ полагаетъ между ними различіе, хотя и не ярко бросающееся въ глаза, но тѣмъ не менѣе существенное. Исторія философіи есть, по его мнѣнію, исторія *философскихъ системъ* и, какъ таковая, составляетъ необходимое предположеніе и главный *источникъ* для исторіи понятій. «*Исторія же (философскихъ) понятій*» изучаетъ *происхожденіе и развитіе*—не системъ въ ихъ историческомъ движеніи, а только — понятій въ ихъ зарожденіи и развитіи въ то время, какъ они проходятъ черезъ многія философскія системы. Въ исторію философіи входятъ и обстоятельства личной жизни философовъ, и религіозное и политическое состояніе общества,

*) См. „Вопросы Фил. и Псих.“, кн. 24.

среди которыхъ они жили и которыя, конечно, имѣли вліяніе на выработку философскихъ системъ. Однако все это, какъ бы оно ни было интересно само по себѣ, есть нѣчто второстепенное для философіи. Существенное же для ея прогресса суть ея понятія, потому что «*философія состоитъ изъ понятій*», или «*выражается въ понятіяхъ*». Слѣдовательно, исторія понятій и есть самый главный предметъ для изслѣдованія философа-историка.

Самый терминъ «развитіе» въ исторіи понятій получаетъ *особый* смыслъ и значеніе. Слѣдя за этимъ развитіемъ, она смотритъ на понятія, говоря фигурально, какъ на нѣчто вродѣ *живыхъ* организмовъ и рассматриваетъ ихъ развитіе не съ той точки зрѣнія, съ какой рассматриваютъ, напримѣръ, анатомія и физиологія — ростъ и движеніе организмовъ къ ихъ совершеннѣйшей формѣ. Для «исторіи философскихъ понятій» не столько важно логическое *совершенство*, сколько область *господства* того или другого понятія надъ духомъ человѣческимъ въ той или другой сферѣ его приложенія и въ той или другой его связи и столкновеньяхъ съ другими понятіями. Для исторіи понятій одну изъ важныхъ задачъ представляетъ изслѣдованіе, такъ сказать, *странствованія понятія*, причемъ, оставаясь по существу однимъ и тѣмъ же, оно, ради приноровленія къ той средѣ, гдѣ оно прилагается, можетъ принимать нѣсколько *анормальный* и даже *фантастическій* видъ. Такое преобразование вида понятій можетъ произойти вслѣдствіе столкновенья между собою тѣхъ истинъ, въ которыя они входятъ, такъ что, когда понятія совершенно теряютъ ту сферу, въ которой они прежде прилагались и господствовали, то они наконецъ разлагаются и превращаются въ пустыя слова. Отсюда ясно, что предметъ исторіи понятій совсѣмъ иной, чѣмъ предметъ исторіи философскихъ системъ, потому что одно и то же понятіе можетъ проходить въ разныхъ формахъ и образованіяхъ черезъ различныя, съ точки зрѣнія исторіи философіи, системы и даже черезъ совершенно различныя области знанія, каковы, напримѣръ, философская и религиозная. Тейхмюллеръ въ своихъ вышеозначенныхъ сочиненіяхъ указываетъ на примѣры, гдѣ понятіе возникшее на почвѣ, напримѣръ, греческой миеологіи или перенесенное изъ азіатской миеологіи (египетской или вавилонской), принимало философскую форму, входило въ различныя системы древне-греческой философіи и

наконецъ получало послѣднюю обработку у Платона или Аристотеля. Потомъ это понятіе, приспособленное отцами церкви къ догмѣ религіи, проходило въ такомъ видѣ черезъ схоластику въ новую философію, гдѣ и пребывало даже до позднѣйшаго времени; и когда новѣйшія философскія системы стали приноравливаться къ религіозному ученію, то тѣ же самыя понятія, сбросивши свою религіозную, такъ сказать, одежду и окраску, снова входили въ философію и появлялись въ системѣ кого-нибудь изъ философовъ послѣдняго времени, на примѣръ, Шлейермахера, Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Такъ какъ всѣ наши философскія направленія получили начало въ Греціи, а вмѣстѣ съ направленіями если не всѣ, то большинство основныхъ философскихъ понятій были также выработаны вообще древними и затѣмъ черезъ патристическую философію вошли въ схоластику, вся задача которой заключалась въ томъ, чтобы сблизить съ философіей (на примѣръ, съ Аристотелемъ) основные христіанскіе догматы или придать имъ философскую форму, то весьма естественно, что исторія понятій у Тейхмюллера, главнымъ образомъ, состоитъ въ указаніи *строенія* и *вида*, которые эти понятія принимали и переживали въ древности, въ средніе вѣка и наконецъ въ новой философіи. Поэтому, думаетъ Тейхмюллеръ, безъ исторіи понятій возникаетъ и распространяется вредная *ошибка* или *иллюзія*, что будто бы философія съ каждымъ новымъ философомъ и съ новою школою начинается заново и что будто бы философскихъ системъ существуетъ несомнѣстимое множество. Дѣло же гораздо проще. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, *кажуціяся новыми* направленіе и система пользуются уже давно извѣстными понятіями, только преобразованными, притомъ большею частью внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, переодѣтыми въ новый костюмъ и съ новыми украшеніями, такъ что дѣйствительно новые элементы, входящіе въ системы и присоединяющіеся къ унаслѣдованному богатству, составляютъ очень малую часть сравнительно съ этимъ наслѣдіемъ.

Теперь я считаю не бесполезнымъ указать на *большую часть* понятій, исторія которыхъ изслѣдована Тейхмюллеромъ въ вышеозначенныхъ сочиненіяхъ. Но для удобства обозрѣнія этихъ понятій я *отъ себя раздѣлю ихъ* на слѣдующіе отдѣлы: I) понятія *существъ* (принциповъ или началъ бытія, по-гречески *ἀρχαί*); II) понятія *свойствъ* (дѣятельностей и состояній); III) понятія *процессовъ*

и IV) понятія *категорій* (принциповъ познанія, точекъ зрѣнія, по терминологіи Тейхмюллера).

I. Существа. Все (*das All*) и соотнositельное *) съ нимъ *что-либо* (конечное), *душа, духъ*; *матерія* (въ смыслѣ начала), *атомъ, богъ, λόγος*.

II. Свойства (дѣятельности, состоянія). *Актъ и потенція, чувственное и духовное, истинное и кажущееся* (мнимое), *бeзсмертіе, разумъ **)* (активный и пассивный, теоретическій и практический, *φρόνησις* или практическая мудрость, которую однако не нужно смѣшивать съ житейскимъ благоразуміемъ въ эгоистическомъ смыслѣ), *мышленіе, любовь, гармонія, счастье*.

III. Процессы. *Кружоворотъ жизни* (переселеніе душъ), *отпаденіе* отъ *разума* (отъ нормы и проч.), *борьба* (въ мірѣ), *вѣчное движеніе* (теченіе).

IV. Категоріи. *Возникновеніе и исчезновеніе; трансценденція и имманенція; свобода и необходимость; телеологія и дѣйствующая причина; матерія* (въ познаніи) и *форма*.

Такъ какъ эти и другія понятія, за исторіей которыхъ слѣдитъ Тейхмюллеръ, обнимаютъ *обширныя сферы знанія и жизни*, то онъ разсматриваетъ каждое понятіе въ его связи не только съ цѣлыми философскими системами, куда оно входитъ, но также и въ связи съ специальными знаніями разныхъ наукъ. При этомъ онъ обнаруживаетъ обширное и солидное знакомство, во-первыхъ, съ *науками естественными* (физикой, химіей, анатоміей, физиологіей), во-вторыхъ, съ *науками историческими* (собственно исторіей, антропологіей, археологіей и проч.) и наконецъ, съ науками филологическими. Въ филологіи поражаютъ читателя не только его знаніе нѣсколькихъ новыхъ языковъ, но и рѣдкое обладаніе языками греческимъ и латинскимъ, а также знакомство съ памятниками и письменами египетской литературы. Что касается до меня, то я въ его «Исторіи понятій» сдѣлалъ столь цѣнныя пріобрѣтенія, что ставлю пользу, полученную отъ нея для окончательной выработки и установки собственныхъ философскихъ воззрѣній, никакъ не ниже пользы отъ упорнаго труда надъ изученіемъ многихъ сочиненій по исторіи философіи, написанныхъ авторами разныхъ направлений.

*) Въ большинствѣ случаевъ эти понятія не мыслимы безъ своихъ соотнositельныхъ.

***) Употребляется и въ смыслѣ существа, логоса.

Теперь я перейду къ другимъ сочиненіямъ Тейхмюллера и укажу, во-вторыхъ, на сочиненіе, имѣющее самое важное значеніе для его собственной системы. Оно носитъ заглавіе: «Die wirkliche und die scheinbare Welt. Neue Grundlegung der Metaphysik» von Gustav Teichmüller. Breslau, 1882 Тейхмюллеръ, ссылаясь на него, вездѣ называетъ его *своей метафизикой*, но онъ съ такимъ же правомъ могъ бы назвать это сочиненіе и своей *теоріей познанія*. Дѣло въ томъ, что, по-моему, двѣ философскія дисциплины: *метафизика* и *теорія познанія*, по ихъ непрерывному отношенію другъ къ другу, не могутъ, безъ нѣкоторой путаницы отъ постоянныхъ повтореній одного и того же, быть излагаемы раздѣльно, такъ что въ сущности не важно, назоветъ ли философъ выраженіе *основоположеній* своей системы метафизикой или же теоріей познанія*).

Однако, если отнестись къ содержанію этого, такъ сказать, двуликаго Януса вполне абстрактно, что, впрочемъ, трудно выполнить на практикѣ, то можно опредѣлить относительно почти каждаго отдѣльнаго положенія, входящаго въ общее изложеніе философской системы, принадлежитъ ли оно къ ея метафизикѣ, или же къ ея теоріи познанія. Если въ положеніи *центр тяжести* лежитъ въ понятіи бытія, реальности, то оно относится къ метафизикѣ; если же онъ лежитъ въ идеѣ познанія (мышленія), обращеннаго на сущее, то положеніе относится

*) Здѣсь со мной вступитъ въ рѣзкое *противорѣчіе* философскій позитивизмъ, принципиально отрицающій метафизику и, повидимому, признающій только теорію познанія. Но протестъ и противорѣчія позитивизма оказались бы стоящими на мнимомъ, только кажущемся основаніи, потому что съ отрицаніемъ метафизики, т.-е. ученія о бытіи или дѣйствительно сущей реальности, на самомъ-то дѣлѣ отрицается и теорія познанія, ибо *познавать*, въ точномъ смыслѣ слова, *можно только сущее*. Что же касается до многихъ выраженій, въ которыхъ у позитивистовъ рядомъ съ признаніемъ *непознаваемости сущаго*, все-таки утверждается о возможности познанія, то эти выраженія суть только *софизмы*, стоящіе на игрѣ словами и фразами, въ сущности не имѣющими логическаго смысла, но по грамматической формѣ правильными и будто бы заключающими въ себѣ *дѣйствительную* мысль. Такъ, напр., довольно обыкновенное въ позитивизмѣ положеніе, „что мы не познаемъ сущностей, а только явленія“—скрываетъ въ себѣ логическія ошибки и противорѣчія, незамѣтныя, благодаря отчасти грамматической правильности фразы, отчасти же—бесознательно подставляемымъ подъ терминъ: „явленіе“ метафизическимъ понятіямъ, принадлежащимъ къ наивному или же къ научному материализму.

къ теоріи познанія. Если мы теперь, съ этой абстрактной точки зрѣнія, посмотримъ на указанную сейчасъ книгу Тейхмюллера, то изъ двухъ частей, на которыя она *весьма искусно* раздѣлена внѣшнимъ образомъ, одна относится болѣе къ метафизикѣ, а другая—къ теоріи познанія.

Эти *два* части суть «*онтологія*», или ученіе о мірѣ дѣйствительномъ, и «*феноменологія*», или ученіе о «мірѣ кажущемся». Въ первой рѣшается вопросъ о бытіи и отыскиваются критеріи для различенія существующаго отъ несуществующаго и только кажущагося существующимъ. Вѣрный своему методу «исторіи понятій», Тейхмюллеръ сперва указываетъ, что у философовъ, съ древнѣйшаго и до послѣдняго времени, *опредѣленіе понятія бытія* было «въ большомъ пренебреженіи», а если кѣмъ-либо и затрогивалось (напр., Кантомъ и другими), то большею частью поверхностно, а потому какъ опредѣленія этого понятія были у нихъ неудовлетворительны, такъ и указанія на его источники ошибочны. Далѣе, разсуждая объ источникахъ для правильнаго понятія бытія, Тейхмюллеръ прежде всего объясняетъ, что такими источниками не могутъ быть *ни языкъ* съ его формами, ни общее *ходячее мнѣніе*, хотя и въ томъ, и въ другомъ есть какъ-бы инстинктивное и смутное предчувствіе истины. Такимъ образомъ, Тейхмюллеръ прежде всего опровергаетъ *ходячее признаніе реальности*, такъ называемыхъ, внѣшнихъ вещей (пространственныхъ) и доказываетъ, что это признаніе стоитъ на *ложномъ выводѣ*, въ основѣ котораго лежитъ наивный, не сознаваемый *проективизмъ*, т.-е. совокупность актовъ отнесенія людьми (и даже животными) продуктовъ своей собственной психической дѣятельности изъ себя *во-внѣ* или *наружу*. Точно такъ же онъ оспариваетъ хотя болѣе вѣрный, но все-таки *односторонній* взглядъ, что понятіе бытія почерпается въ сознаніи нашихъ *душевныхъ дѣятельностей*: чувствованія, желанія, ощущенія, дѣйствія (въ частности), мышленія*).

— *Источникъ* идеи бытія заключается, по выраженію Тейхмюллера, въ «*интеллектуальной интуиціи*», т.-е. въ актѣ, соотносящемъ другъ къ другу различные *элементы непосредственнаго сознанія*, общіе у насъ съ животными, по крайней мѣрѣ, высши-

*) Представителями этого взгляда служатъ, напр., Фихте старшій или въ наше время Лотце, который употребляетъ терминъ *жизнь* въ смыслѣ реальной дѣятельности вообще.

ми, и соединяющемъ ихъ въ одно неразрывное цѣлое. У животныхъ это соединеніе совершается вполне безсознательно (механическая ассоціація ощущеній въ образы) и остается въ этой формѣ навсегда; у людей же интуиція съ этой низшей ступени переходитъ на высшую, т.-е. становится *понятіемъ бытія*, которое можетъ быть болѣе или менѣе ясно сознано и точно опредѣлено, чего, по справедливому, какъ мнѣ думается, мнѣнію Тейхмюллера, въ философіи и до сихъ поръ надлежащимъ образомъ не сдѣлано. Это понятіе, взятое вообще и въ цѣломъ, у людей протекаетъ, по Тейхмюллеру, «три ступени развитія: до обладанія языкомъ оно признано, но смутно», какъ и у животныхъ; потомъ «сознательно выдѣлено въ словѣ» и наконецъ уже «мыслящій (философствующій) человѣкъ его опредѣляетъ» (стр. 43). Для того, чтобы человѣкъ могъ образовать правильное понятіе бытія, ничего другого не нужно, кромѣ предположенія, что онъ *обладаетъ элементами простого, непосредственнаго сознанія*. Однако эти элементы составляютъ только, такъ сказать, внѣшній сырой матеріалъ: къ нему должна присоединиться еще *діалектика*, или трудная работа *соединяющаго, разлагающаго и соотносящаго мышленія*, состоящая въ томъ, чтобы логически правильно отдѣлить первоначальные элементы сознанія отъ сложныхъ и производныхъ, сравнить ихъ другъ съ другомъ, раздѣлить на различные области и классы, затѣмъ посмотрѣть, какъ они относятся другъ къ другу въ безсознательной интеллектуальной интуиціи и тѣмъ самымъ повѣрить ее, привести къ ясному сознанію и дать окончательному результату всѣхъ этихъ діалектическихъ операций отчетливо формулированное *опредѣленіе**).

Эта діалектическая работа приводитъ насъ, по Тейхмюллеру, къ *тремъ* областямъ бытія, относящимся: *во-первыхъ, къ пятьлѣ-*

---

*) Такъ какъ у Тейхмюллера и цѣлая система, и частные ея пункты, какъ напр., теорія мышленія, опредѣленія и проч., значительно разнятся отъ господствующихъ въ современной философіи и логикѣ, и такъ какъ при этомъ онъ весьма точный мыслитель, то краткое изложеніе его возрѣній представляетъ большія затрудненія, особенно же тѣмъ, что онъ для выраженія своихъ теорій употребляетъ особую терминологию. Не имѣя свободнаго времени и мѣста для подробнаго изложенія его опредѣленія понятія бытія, я постараюсь, насколько это возможно, избѣгать его терминологіи и въ то же время остаться вполне вѣрнымъ его мысли.

ностямъ (или, по его терминологіи, къ «реальному бытію»); во-вторыхъ, къ какому-либо *содержанію* (или, по его терминологіи, «идейному, идеальному бытію» — *ideelles Sein*), и въ-третьихъ — къ субстанции (по его терминологіи, «субстанціальному бытію»).

Дѣятельности многочисленны и могутъ быть классифицированы въ разныя большія и меньшія *группы*. Онѣ смѣняются, никогда не повторяясь и не оставаясь тождественными, и различаются по времени (теперь, прежде, послѣ) и по содержанію, такъ какъ никогда не являются (не сознаются) въ отдѣльности отъ него. Содержаніе же (напр., элементарныя ощущенія, первоначальныя категоріи, отдѣльныя мысли и, далѣе, сложныя изъ ощущеній, образы и цѣлыя системы понятій, мыслей и т. под.), различающееся только по дѣятельностямъ, съ которыми оно соединено, само по себѣ остается всегда однимъ и тѣмъ же, сколько бы разъ оно ни повторялось въ дѣятельностяхъ, и не имѣетъ ничего общаго съ временемъ, а потому должно быть понимаемо *безвременнымъ*. Что касается до третьяго элемента или субстанции, то прежде всего мы находимъ его въ собственномъ индивидуальномъ сознаніи и называемъ своимъ «я», которое и составляетъ необходимую основу для соединенія дѣятельностей съ содержаніемъ, напр., дѣятельности видѣнія съ содержаніемъ ея—цвѣтами, дѣятельности слышанія съ содержаніемъ ея—звуками и т. под., дѣятельности мышленія съ содержаніемъ ея—различными мыслями, дѣятельности желанія съ содержаніемъ ея—различными состояніями и предметами. Все это сливается въ «я», которое *обнимаетъ* собою *всѣ* дѣятельности и *все* содержаніе. Это «я» и видитъ цвѣта, и слышитъ звуки и проч., и мыслитъ понятія, и желаетъ тѣ или другія состоянія и отношенія къ предметамъ. «Я», подобно содержанію, безвременно и, относя одни элементы сознанія къ другимъ, «во всемъ остается *единнымъ и тождественнымъ*».

Понятіе бытія и опредѣляется у Гейхмюллера посредствомъ указанія на *единство* «я», какъ субстанции, въ отношеніи къ ея дѣятельностямъ и содержанію. Это *опредѣленіе* можетъ быть выражено такъ: «*бытіе состоитъ въ непосредственномъ сознаніи субстанціею самой себя, своихъ дѣятельностей и ихъ содержанія въ ихъ взаимномъ отношеніи и единствѣ*».

Такъ какъ единство и тождество «я» могутъ быть понимаемы различно и на самомъ дѣлѣ понимались и опредѣлялись различ-

но въ разныхъ системахъ философіи, то Тейхмюллеръ разъясняетъ этотъ пунктъ весьма подробно. Во первыхъ, спрашивается: какъ понимать единство «я»? Повидимому, прежде всего нужно понимать это единство *численнымъ* («нумерическимъ»); это значить, что «я» — *одно* сравнительно со *многими* его дѣятельностями или *одно въ его отношеніи къ «ты», «онъ»* («она», «оно»), вообще *къ другимъ* существамъ. Конечно, это вѣрно, но только въ томъ смыслѣ, что число можетъ быть прилагательно и къ «я», или что «я», взятыя *in abstracto*, могутъ быть *считаемы*. Но такъ какъ «я» само по себѣ *не есть число*, то и численное единство вовсе не составляетъ *его сущности*, такъ что единое «я» нельзя поставить на-ряду съ *единичными* чувственными предметами, или съ понятіями, или съ рѣшеніями воли и т. п., потому что единство всѣхъ этихъ вещей зависитъ только отъ мыслящаго «я», имѣющаго ихъ въ своемъ сознаніи и ставящаго едиными въ счетѣ. Дѣйствительное же единство «я» ни отъ чьей мысли *не зависитъ*, ибо оно едино и недѣлимо по своей *субстанціальной* природѣ. Поэтому-то и ошибается Кантъ, когда думаетъ, что «я» нельзя назвать субстанціей, потому что оно не дано, подобно другимъ вещамъ, въ чувственномъ созерцаніи.

Далѣе, единство «я» нельзя понимать въ смыслѣ *суммы многихъ слагаемыхъ* (дѣятельности съ содержаніемъ), ибо сумма есть особое понятіе отъ слагаемыхъ; они — части, данныя каждая о себѣ, а сумма есть только понятіе, въ которомъ мы выражаемъ наше мнѣніе о цѣломъ, составляющемся изъ сосчитыванія слагаемыхъ. Сумма, какъ цѣлое, обуславливается его частями; «я» же насколько не зависитъ отъ его дѣятельностей и содержанія и, по понятію своему, предшествуетъ имъ, хотя въ то же время и заключаетъ всѣ ихъ въ себѣ, какъ *субстанція*, заключающая въ себѣ свои *акциденціи*. Поэтому единству «я», для отличія его отъ всякихъ другихъ единствъ, всего болѣе приличествуетъ имя «субстанціального единства».

Что касается до термина: «тождество я», то Тейхмюллеръ различаетъ «тождество *квалитативное*» *) и «численное». «Я» не можетъ быть квалитативно различнымъ, потому что всѣ

*) Такъ, напр., всѣ четныя, а также и нечетныя числа другъ съ другомъ квалитативно (по качеству) тождественны, но численно различны: 5 не 7, 4 не 6.

различія, которыя можно было бы сдѣлать между «я» видящимъ, слышащимъ, мыслящимъ различныя мысли и т. п., нисколько не касаются самого «я», а суть только *различія дѣятельностей*, которыя, конечно, многія и различны. Итакъ, значить, «я» — *едино* (численно) и *тождественно* (квалитативно) при всемъ различіи его дѣятельностей и содержанія. И не только одно «я», но и всѣ другія «я» также квалитативно *тождественны* другъ съ другомъ, численно же, наоборотъ, *различны*.

Дѣятельность, посредствомъ которой образуется всякое понятіе, есть *мышленіе*, сравнивающее и соотносящее уже данные элементы сознанія и объединяющее ихъ въ одно понятіе, составляющее, сравнительно съ элементами, *новую единицу* познанія. При этомъ для мышленія совершенно безразлично, во множествѣ ли и часто, или же въ-одиночку и рѣдко встрѣчались элементы, подлежавшіе объединенію въ одно и то же понятіе *). Что касается до понятія бытія, то совершенно *достаточную* почву для его образованія составляетъ только *одинъ примѣръ* непосредственнаго сознанія каждымъ мыслящимъ существомъ себя самого и своихъ дѣятельностей съ содержаніемъ. Но, при какихъ бы условіяхъ ни образовалось понятіе, оно имѣетъ свойство *отрываться* отъ почвы своего образованія (что, въ сущности, и должно соотвѣтствовать ходячему термину: абстракція) и затѣмъ прилагаться ко всякимъ другимъ примѣрамъ или экземплярамъ, въ какомъ угодно числѣ ихъ. Число такихъ приложений и составляетъ то, что называется *объемомъ понятія*. Точно такъ же и понятіе бытія *отрывается* отъ родной почвы каждаго индивидуальнаго сознанія, и мы, имѣя на то право, въ силу *идеи* и *закона* причинности, распространяемъ, по аналогіи, образовавшееся, при посредствѣ примѣра, даннаго въ насъ самихъ, понятіе бытія на множество другихъ существъ (которыя суть для насъ «ты» и «онъ, она, оно») съ принадлежащими имъ дѣятель-

---

*) Поэтому неосновательно то ходячее требованіе, по которому для понятія нужно *множество* экземпляровъ или примѣровъ этого понятія, данныхъ въ опытѣ и наблюденіи. Конечно, множество примѣровъ можетъ, такъ сказать, *укрѣпить понятіе* въ сознаніи, но существенно то, чтобы образовавшееся на многихъ ли, или даже на одномъ примѣрѣ понятіе было *вѣрно* и *правильно*. Если же это требованіе не выполнено, то отъ наибольшаго укрѣпленія въ сознаніи неправильнаго понятія ничего, кромѣ вреда, не будетъ.

ностями съ содержаніемъ и представляющихъ также «субстанціальное единство».

По недостатку времени и мѣста, я долженъ ограничить мое изложеніе онтологіи Тейхмюллера этимъ сравнительно подробнымъ указаніемъ на—составляющее важнѣйшій пунктъ ея—образованіе понятія бытія. Теперь я сдѣлаю только *простое перечисленіе* тѣхъ весьма важныхъ проблемъ, которымъ онъ посвящаетъ эту часть своей метафизики и которая поставленъ и рѣшены у него съ несомнѣнною оригинальностью и глубиною. Эти проблемы, напримѣръ, суть: «происхожденіе понятія внѣшняго міра»; далѣе идетъ, сколько я знаю, *впервые* систематически обработанное въ философіи ученіе «о значковомъ или символическомъ познаніи (semiotische Erkenntniss)».

Это ученіе такъ важно, что, несмотря на чрезвычайную *трудность* передать его въ нѣсколькихъ словахъ, я все-таки сдѣлаю на то попытку, хотя и съ рискомъ, что она не будетъ имѣть успѣха. Дѣло въ томъ, что наши различныя дѣятельности: чувствовательно-волевая, двигательная (ощущающая) и познавательная, даютъ въ результатъ различные, не приводимые другъ къ другу продукты. *Чувства, желанія и движенія* только *сознаются*, но вовсе не суть познанія, которыя состоятъ изъ образовъ (Anschauungsbilder), *понятій, сужденій и умозаключеній*; а между тѣмъ мы постоянно говоримъ, думаемъ, разсуждаемъ о первыхъ такъ, какъ будто бы и они были *тоже* познаніями. Отсюда *возникаетъ* весьма трудная для разрѣшенія *проблема*: какъ возможно тому, что, по самому существу своему, не есть *объектъ* познавательной дѣятельности (а есть просто состояніе субъекта—чувствуемое чувство или желаніе, ощущаемое движеніе), какъ-либо стать познаніемъ, т.-е. какъ бы противостать субъекту въ качествѣ объекта. Эта проблема и разрѣшается у Тейхмюллера теорією *значковаго (semiotisch) или символическаго познанія*, гдѣ въ обычные элементы *специфическаго познанія* какъ бы вплетается *значекъ* или *намекъ* на то, что всѣмъ и каждому мыслящему доступно изъ его индивидуальнаго сознанія и чѣмъ каждый дополняетъ отъ себя образы, понятія, сужденія, умозаключенія, т.-е. *намекъ* на чувство, волю и движеніе (ощущеніе) *). Примѣ-

*) Для примѣра, приглашаю читателей сравнить почти тождественныя сужденія: „я иду, онъ (т.-е. чужое я) *идетъ*“. Сужденіе: я иду, кромѣ феномен-

рами такого значковаго познанія особенно богата наша практическая жизнь, состоящая изъ бесконечно разнообразныхъ общественныхъ отношеній людей другъ къ другу (обычаи, приличія, вѣжливость, внѣшніе знаки внутреннихъ отношеній и проч., и проч.).

Продолжая далѣе прерванное мною перечисленіе пунктовъ, содержащихся въ онтологіи, отмѣчу еще ученіе объ отношеніяхъ *субстанцій* и *акциденцій* и цѣлую главу, трактующую о понятіи *ничто*—въ его противоположности къ понятію *бытія*. Затѣмъ обращаюсь къ феноменологіи, или ко второй части метафизики Гейхмюллера.

Я могу, къ сожалѣнію, сдѣлать лишь весьма краткій намекъ на содержаніе феноменологіи; она состоитъ въ чрезвычайно оригинальныхъ и основательныхъ теоріяхъ времени, пространства и движенія, составляющихъ *перспективныя* формы, въ которыхъ наше мыслящее «я» располагаетъ образы вещей, составляющихъ міръ кажущійся, созидаемый нашими дѣятельностями, вслѣдствіе нашего реального взаимодействія съ дѣйствительнымъ міромъ субстанцій, между которыми имѣетъ свое мѣсто и наше безвременное и безпространственное «я». Мы уже видѣли, что такъ называемыя *вещи* внѣшняго міра не имѣютъ реальности и суть только *проэцированныя* вовнѣ наши же продукты, а между тѣмъ, повидимому, пространство и время обнимаютъ ихъ собою, а движеніе какъ-бы обусловливаетъ всѣ совершающіяся въ нихъ *перемѣны*. Отсюда возникаетъ важный вопросъ: что же такое время и пространство? Такъ какъ, по понятію бытія, существуютъ только субстанціи и ихъ дѣятельности съ соотвѣтствующими содержаніями, то къ какой-же изъ этихъ трехъ областей бытія слѣдуетъ

нальной стороны, состоящей въ перемѣнѣ мѣста, заключаютъ еще множество различныхъ, непосредственно сознаваемыхъ мною состояній, какъ-то: ритмическую смѣну разнообразнѣйшихъ мускульно-осязательныхъ ощущеній какъ въ цѣломъ тѣлѣ, такъ и въ обѣихъ его половинахъ; далѣе—постоянное видоизмѣненіе въ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеніяхъ (свѣта, цвѣта и тѣней, приближающіеся и удаляющіеся стуки и шумы и проч.), наконецъ—разныя видоизмѣненія въ температурныхъ ощущеніяхъ и т. д., и т. д. Въ сужденіи же: *онъ идетъ*, кромѣ явленія (кажущейся) перемѣны мѣста, ничего изъ всего вышеозначеннаго моему сознанію прямо не дано; и когда это нужно, то я долженъ въ сужденіи: *онъ идетъ*—все вышеозначенное подставить изъ себя, что и составитъ уже *значковое, символическое* познаніе, гдѣ въ элементахъ спеціально познавательныхъ подразумеваются связанные съ ними реальные акты другихъ нашихъ дѣятельностей.

отнести время и пространство съ движеніемъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, феноменологія Тейхмюллера доказываетъ, что время и пространство *не суть* субстанціи и сами по себѣ не существуютъ. Далѣе онъ показываетъ, что они *не суть также* и дѣятельности, или свойства вещей. Значитъ, для нихъ остается только область содержанія дѣятельностей, къ какимъ они и могутъ принадлежать. Но, спрашивается далѣе, содержаніе какихъ дѣятельностей и чихъ субстанцій представляютъ пространство и время? На это феноменологія Тейхмюллера отвѣчаетъ, что таковая дѣятельность принадлежитъ мыслящимъ, т.-е. человѣческимъ субстанціямъ. Отсюда же само собою слѣдуетъ, что другимъ извѣстнымъ намъ субстанціямъ, напримѣръ, животнымъ,—время и пространство неизвѣстны, потому что они не мыслятъ. Далѣе, такъ какъ нѣкоторое время и люди (въ раннемъ дѣтствѣ) не обнаруживаютъ мыслящей дѣятельности, то идеи времени и пространства принадлежатъ людямъ не первоначально, т.-е. не врождены имъ, а развиваются постепенно, начиная съ ранняго дѣтства, и проходятъ, по Тейхмюллеру, различныя стадіи, напримѣръ, *субъективную, объективную и абстрактную*. Этимъ, конечно, устраняется теорія Канта, по которому время и пространство суть а ріогі готовые, «чистыя формы созерцанія» вещей. Однако, есть и въ ученіи Тейхмюллера о пространствѣ и времени пунктъ, въ которомъ онъ приближается къ воззрѣніямъ Канта. Хотя идеи, или понятія времени и пространства суть продукты мышленія, но это понятія особаго рода, а именно тѣ, что у Канта называются *категоріями*, т.-е. такія общія *схемы*, которыя служатъ для образованія и пониманія множества частныхъ продуктовъ мышленія. Тейхмюллеръ называетъ такія категоріальныя понятія *точками зрѣнія*; таковы, напримѣръ, сходство, различіе, причина, слѣдствіе, цѣль, средство и т. под.

Время и пространство, по опредѣленію Тейхмюллера, суть не что иное, какъ *перспективныя формы порядка* (теперь, прежде, послѣ—во времени; рядомъ, вверху, внизу, спереди, сзади, направо, налѣво—въ пространствѣ) *для идейнаго содержанія, возникающаго вслѣдствіе нашихъ реальныхъ дѣятельностей*. Разница же между ними состоитъ въ томъ, что форма времени несравненно *обширнѣе* и *богаче* пространства. Время обнимаетъ идейное содержаніе *всѣхъ нашихъ дѣятельностей*: и мыслящей, и представляющей, и чувствительно-волевой, и двигательной (ощущающей);

пространство же имѣетъ малую область приложенія. Пространственному порядку первоначально подлежатъ только области *зрительныхъ* и *осязательно-мускульныхъ ощущеній*; и только потомъ, вслѣдствіе такъ называемой ассоціаціи идей, локализируются въ пространствѣ продукты и другихъ дѣятельностей ощущенія. Кромѣ того, время дѣетъ основной *базисъ* для идеи пространства, а именно—въ идеѣ одновременности: *пространство* есть прежде всего *одновременность*.

Теперь я, путемъ простаго перечисленія, обращаю вниманіе читателей на различные пункты двухъ обширныхъ главъ феноменологии Гейхмюллера, заключающихъ въ себѣ его теоріи времени и пространства. Въ главѣ о времени мы находимъ ученія: о происхожденіи идеи времени въ человѣческомъ сознаніи, о трехъ его измѣреніяхъ (прошедшее, будущее и настоящее время) и объ отношеніи этихъ измѣреній; ученіе о наличности прошедшаго и будущаго времени въ настоящемъ, зависящей отъ нашего безвременнаго «я», полагающаго и различающаго всѣ времена съ ихъ содержаніемъ, и наконецъ, ученіе о свободномъ или оторвавшемся отъ своей почвы понятіи времени и о возникновеніи, вслѣдствіе того, идеи безконечности времени. Далѣе слѣдуютъ: замѣчательное по глубинѣ различеніе понятій времени и временной продолжительности и ученіе объ абсолютной относительности этого послѣдняго понятія и о приложеніи его къ цѣлому міру. Точно также оригиналенъ отдѣлъ о дедукціи различныхъ понятій, относящихся къ времени, особенно же замѣчательно ученіе о *мировой технической системѣ*, составляющей основаніе перспективнаго, временнаго слѣдованія въ сознаніи каждаго человѣческаго субъекта, и наконецъ, ученіе о *безвременной связи* причины и слѣдствія.

Почти тѣ же пункты разсматриваются и въ главѣ о пространствѣ, какъ, на примѣръ, приложеніе количества къ пространству, и далѣе, вопросы: о безконечности пространства и о конечности или безконечности міра, о геометрическомъ пространствѣ и ддукціи его измѣреній.

Особую главу посвящаетъ также Гейхмюллеръ и движенію, для котораго время и пространство составляютъ *необходимое предположеніе*. Не считая ихъ реальными, онъ, конечно, отказываетъ въ реальности и движенію и понимаетъ его также какъ перспективную форму, вполнѣ объясняющуюся изъ мыслящаго субъекта. *Движеніе есть не больше, какъ замѣтная въ теченіе извѣстнаго вре-*

мени, постоянная перемѣна объекта зрительной или мускульно-осязательной дѣятельности, при сравненіи возникающихъ вслѣдствіе ея образовъ въ сознаниі безвременнаго и тождественнаго субъекта.

Довольно обычный взглядъ на движеніе, какъ на количество само по себѣ, Тейхмюллеръ, конечно, отвергаетъ и признаетъ только, что количество можетъ прилагаться и къ движенію, какъ оно прилагается къ времени и пространству, но что, по своей природѣ, движеніе совсѣмъ не связано съ количествомъ. Точно также Тейхмюллеръ считаетъ не точнымъ обычное въ практикѣ воззрѣніе, по которому *скорость движенія* есть отношеніе времени къ пространству, и думаетъ, что понятіе скорости возникаетъ не изъ этого отношенія (такъ какъ время и пространство несоизмѣримы), но вслѣдствіе сравненія одного движенія съ другимъ (медленнѣйшаго съ быстрѣйшимъ).

Въ послѣдней главѣ феноменологіи Тейхмюллеръ какъ бы подводитъ *итогъ* всему ея содержанію. То, что обыкновенно называется *предметомъ* или *объектомъ* (напримѣръ, этотъ камень, это дерево, эта собака, этотъ человекъ) состоитъ только изъ испытываемыхъ нами и слагаемыхъ въ единство нашимъ же *актомъ воображенія ощущеній*.*) Затѣмъ, путемъ *безсознательной проэкции* эти воображаемыя единства размѣщаются въ нашей же перспективной формѣ пространства. Конечно, и эти единства (вещи) также имѣютъ *только перспективное* значеніе, потому что каждому всѣ они кажутся *различно* (что у одного—направо, то у

---

*) Кстати, я долженъ замѣтить, что, по моему, и Тейхмюллеръ, подобно другимъ мыслителямъ, обнаруживаетъ нѣсколько колеблющееся отношеніе къ этой, общей намъ съ высшими животными, дѣятельности. Въ послѣднее время, по отношенію къ *воображенію* или *фантазій* вышелъ на вѣрную, по моему, дорогу недавно умершій философъ Фрошаммеръ тѣмъ, что призналъ *самостоятельное значеніе* этой дѣятельности, хотя онъ въ то же время и преувеличилъ это значеніе. Вмѣсто того, чтобы поставить воображеніе на ряду съ чувствованіемъ, волей, мышленіемъ, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ него, какъ Шопенгауэръ изъ воли, *основную дѣятельность*, что, конечно, невѣрно. Хотя воображеніе и не можетъ быть сведено, по моему, къ другимъ нашимъ дѣятельностямъ, но, съ другой стороны, и онѣ вовсе не происходятъ изъ него. Такъ какъ фантазія всего родственнѣе съ мышленіемъ, то ее постоянно смѣшиваютъ съ нимъ, и наоборотъ, производятъ его изъ нея. Вообще же отъ неясныхъ и неопредѣленныхъ воззрѣній на фантазію, возникаютъ, по моему, многіе затруднительные и спорные пункты въ философіи, какъ, напримѣръ, разногласіе въ опредѣленіяхъ художественной дѣятельности и ея задачи, или же спорный вопросъ о томъ, существуетъ ли мышленіе у животныхъ и проч.

другого—налѣво, что одному кажется малымъ, то другому — большимъ и т. д., и т. д.) Въ этой же главѣ Тейхмюллеръ указываетъ, какъ недостаточное или же ложное пониманіе процессовъ образованія этихъ кажущихся вещей, ведетъ къ ложнымъ философскимъ направленіямъ. Матеріализмъ исходитъ изъ *вѣры въ реальность* нашихъ собственныхъ проектированныхъ образовъ и, желая далѣе открыть то, что объединяетъ эти непрестанно смѣняющіеся, разнообразно раздѣляющіеся и слагающіеся, видимые и осязаемые образы, онъ, въ качествѣ послѣдняго основанія и причины ихъ, предполагаетъ, по аналогіи съ этими же образами, подъ именемъ *атомовъ, гомоіомерій и молекулъ*, невидимыя и неосязаемыя реальности, изъ которыхъ и хочетъ построить и объяснить цѣлый міръ вещей. Конечно, при этой постройкѣ никакъ не можетъ найти и признать своего мѣста самъ *мыслящій и строящій* субъектъ, конечно, вовсе не подлежащій чувственному воспріятію, потому что это воспріятіе и есть только его дѣйствіе. Въ свою очередь, и противоположный матеріализму идеализмъ, уже понявшій отсутствіе реальности въ постоянно измѣняющихся чувственныхъ образахъ, ищетъ ее въ *общихъ понятіяхъ*: и въ этомъ заблужденіи, какъ и въ матеріализмѣ, точно такъ же теряется реальность вообще и въ частности *реальность* того самаго индивидуальнаго «я», которое воображаетъ этотъ видимый міръ вещей и своей мыслящей дѣятельностью производитъ мнимыя реальности идеализма, т. е. роды, виды, законы, порядки, идеи и т. п. Наконецъ, по обнаруженіи несостоятельности матеріализма и идеализма, повидимому, болѣе благоразумный позитивизмъ *отказывается* отъ всякихъ сущностей и субстанцій, видимыхъ и невидимыхъ, и выступаетъ съ проповѣдью о существованіи *явленій* безъ ихъ коррелята, дѣйствительныхъ существъ *), и слѣдуя за идеализмомъ, упорядочиваетъ въ роды, виды, законы и понятія эти явленія или, вѣрнѣе сказать, какія-то *тѣни*, неизвѣстно какъ, кѣмъ и чѣмъ отбрасываемыя. «Позитивизмъ», говоритъ Тейхмюллеръ, «есть пустое ученіе**). Онъ имѣетъ дѣло только съ явленіями и отрицаетъ суще-

*) Напомню читателямъ, что часто этотъ коррелятъ втихомолку берется на прокатъ у научнаго матеріализма въ видѣ атомовъ, молекулъ, физическихъ силъ и проч.

***) Здѣсь у него по-нѣмецки каламбуръ: „der Positivismus ist keine Lehre, sondern nur eine Leere“.

ствъ: и то, которое является, и то, которому что-либо является. Онъ измѣряетъ тѣнь и отрицаетъ солнце и тѣло, которое бросаетъ тѣнь. Позитивисты суть дѣти безъ родителей и не только какъ по римскому праву: *quasi sine patre filii*,—но и безъ матери; или иначе—они ученики безъ учителей, знающіе безъ познающаго духа, объекты безъ субъекта. Однимъ словомъ, позитивизмъ есть просто мнѣніе, которое не можетъ дать никакого отчета въ своемъ содержаніи» (стр. 345).

Итакъ, самая общая черта всѣхъ *трехъ* философскихъ направленій, отрицаемыхъ Тейхмюллеромъ, заключается въ томъ, что они *либо совсѣмъ отрицаютъ, либо искажаютъ* того несомнѣннаго носителя всяческой реальности и реального *дѣятеля*, который данъ каждому человѣческому, отчасти же и животному, существу въ его непосредственномъ сознаніи, и котораго мы, люди, называемъ словомъ: «я». Матеріализмъ совсѣмъ обращаетъ его въ *ничто*, идеализмъ же подставляетъ на мѣсто живого «я» *общее* понятіе «я», и наконецъ, позитивизмъ отказывается отъ подлиннаго знакомства съ нимъ и обращаетъ его въ *пустое слово*, въ грамматическую форму предложенія.

Третье, вышедшее въ 1889 году, сочиненіе Тейхмюллера, на которое слѣдуетъ указать, какъ на *весьма важное* для знакомства съ его системою, есть «*Neue Grundlegung der Psychologie und Logik*». Но такъ какъ обстоятельное изложеніе этого сочиненія сдѣлано другимъ лицомъ, а именно Е. А. Бобровымъ, въ этомъ, же журналѣ, то я и отсылаю читателей къ 9-й книгѣ «*Вопросовъ философіи и психологіи*», стр. 78 и слѣд. спеціальнаго отдѣла.

Наконецъ, я не могу не упомянуть, *въ четвертыхъ*, объ обширномъ сочиненіи Тейхмюллера, появившемся въ 1886 году подъ заглавіемъ «*Religionsphilosophie*» и представляющемъ весьма оригинальныя *опредѣленіе* и *классификацію* понятія религіи, а также и подробную *характеристику* всѣхъ формъ религій, кромѣ христіанскихъ. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ вообще много матеріала для разныхъ частей философской системы Тейхмюллера, а кромѣ того представляетъ какъ бы введеніе въ его *теологію*, которая осталась невыработанною и не появилась въ свѣтъ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о томъ сочиненіи Тейхмюллера, которое *послужило поводомъ* къ моей настоящей статьѣ. Оно, какъ видно изъ предисловія и редактора перевода Е. А. Боброва, и самого Тейхмюллера, возникло, такъ сказать, по *внѣшнему* пово-

ду, а именно, ради выполнения возложенной на Гейхмюллера университетомъ обязанности — сказать въ 1876 году *актовую* рѣчь. Предметъ рѣчи былъ выбранъ Гейхмюллеромъ въ воспоминаніе его бесѣдъ съ знаменитымъ естествовѣдомъ, Карломъ Эрнстомъ Бэромъ, жившимъ послѣднее время своей жизни въ Дерптѣ и умершимъ незадолго передъ празднествомъ университета.

Эти бесѣды имѣли своимъ предметомъ преимущественно теорію Дарвина, которою занимался Бэръ, интересовавшийся тѣмъ, какъ относится къ ней Гейхмюллеръ, философъ, знакомый и съ естествовѣдѣніемъ. Вспоминая эти бесѣды, Гейхмюллеръ и высказалъ въ актовой рѣчи свое отношеніе къ дарвинизму, конечно, съ точки зрѣнія философской системы, которой онъ слѣдовалъ, впрочемъ, тогда еще не получившей той окончательной формы*), въ какой она явилась въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ.

Содержаніе сочиненія: «Дарвинизмъ и философія» относится къ той дисциплинѣ, которая подъ именемъ *философіи природы* всегда входитъ въ *кругъ* частей, составляющихъ полную философскую систему. Конечно, далеко не у каждаго отдѣльнаго философа есть вполнѣ выработанная и законченная *натуръ-философія*: иногда она ограничивается только немногими положеніями, входящими, напримѣръ, въ центральныя части системы: метафизику и теорію познанія. Что же касается до Гейхмюллера, то этой философской дисциплины *въ отдѣльности* у него нѣтъ, но *основныя ея начала* достаточно выражены именно въ этой рѣчи о дарвинизмѣ и кое-гдѣ въ другихъ его сочиненіяхъ. Тѣмъ не менѣе, для читателя, незнакомаго съ философіей Гейхмюллера и вообще съ лейбниціанскимъ направленіемъ, эта *краткая и сжатая* рѣчь, гдѣ Гейхмюллеръ долженъ былъ въ теченіе не болѣе полутора часа высказаться съ своей точки зрѣнія о такомъ серьезномъ и сложномъ ученіи, какъ дарвинизмъ, — представляетъ большую *трудность* для пониманія **).

*) Такъ, напримѣръ, понятія *матеріи* и *формы*, которыя легли въ основу этого сочиненія, какъ бы напоминаютъ, по способу выраженія ихъ, тѣ же понятія въ философіи Аристотеля, хотя, конечно, по сущности системы Гейхмюллера, его ни подъ какимъ видомъ нельзя считать аристотеликомъ.

**) Эта трудность, къ сожалѣнію, немножко увеличена и русскимъ переводомъ, а потому я, по пословицѣ: „amicus Plato, sed magis amica veritas“, дол-

Этому пониманію мѣшаетъ даже и то обстоятельство, что теорія Дарвина, путемъ множества популярныхъ сочиненій и статей въ журналахъ, сдѣлалась болѣе или менѣе извѣстною въ средѣ образованной публики вообще, не только за-границей, но и у насъ, а потому критика дарвинизма, съ точки зрѣнія философіи Тейхмюллера, можетъ показаться чѣмъ-то *дикимъ* и даже *безсмысленнымъ*. Дѣло въ томъ, что *дарвинизмъ*, какъ и *всякая другая* естественно-научная, чисто эмпирическая теорія по физикѣ, химіи или біологіи, предполагаетъ реальность времени, пространства, движенія и, наконецъ, матеріи, съ чѣмъ никакъ не можетъ помириться философія лейбниціанскаго типа, а слѣдовательно, и Тейхмюллера. Отсюда, какъ скоро дарвинизмъ выходитъ изъ сферы частныхъ біологическихъ наукъ: *ботаники*, *зоологіи* и, пожалуй, *антропологіи*, на почву натуръ-философіи, то онъ естественно можетъ быть *разновидностью* только одного философскаго направленія, именно, *материализма*, что молча-

---

женъ сдѣлать маленькій упрекъ редактору перевода, Е. А. Боброву. Стараясь сдѣлать „переводъ чрезвычайно близкимъ къ оригиналу, почти слово въ слово“ (см. предисловіе, стр. V), онъ иногда насилывалъ русскій языкъ, вводя неупотребительные въ литературномъ языкѣ неологизмы и давая русской фразѣ ненадлежащую конструкцію, такъ что переводъ, хотя вполнѣ вѣрный, вышелъ мѣстами тяжеловатымъ и даже затемняющимъ мысль. Въ видѣ примѣра я укажу на нѣкоторыя мѣста, которыя возьму наудачу изъ первыхъ страницъ книги. Въ предисловіи Тейхмюллера на стр. 2-й мы имѣемъ фразу: „ни о наружи оставленной вещи по себѣ“, представляющую буквальный переводъ нѣмецкой: „um das draussen gelassene Ding an sich“, но, по связи фразы съ предъидущимъ и по мысли автора, ее слѣдовало, по моему, перевести такъ: „ни объ оставленной безъ вниманія вещи самой въ себѣ“. На той-же стр. мы имѣемъ: „я считаю все это (кантовское) направленіе за остановку“—фразу, которою переведена нѣмецкая: „ich halte diese ganze Richtung für eine Stagnation“; по моему, вѣрнѣе было-бы передать эту фразу такъ: „я считаю все это направленіе застоємъ или остановкою“, но прибавить для ясности: „въ развитіи философіи.“ На стр. 6-й мы имѣемъ фразу: „философія, чтобы оглядѣть себѣ міровую связь“, которою переведена нѣмецкая: „um den Zusammenhang der Welt zu überschauen“. Я-бы предпочелъ перевести такъ: „чтобы яснѣе понять міровую связь“. На стр. 7-й мы имѣемъ фразу: „всѣ эти теоріи относятся къ забавамъ материализма“, которою переведена нѣмецкая: „Alle diese Theorien sind Spielarten des Materialismus“. По моему, это даже невѣрно, и слѣдовало-бы перевести такъ: „всѣ эти теоріи суть разновидности материализма“. Но довольно этихъ примѣровъ; въ цѣлой же книжкѣ такихъ можно набрать и еще *малую толику!*

ливо и безотчетно предполагается и естественниками—дарвинистами *).

Такъ какъ Гейхмюллеръ принципиально не могъ входить въ частные споры по поводу наблюдаемыхъ фактовъ изъ области эмпирической біологіи или по поводу толкованія специалистами-палеонтологами остатковъ въ земной корѣ отъ живого міра, существовавшего за миллионы лѣтъ, то онъ, молчаливо принимая эти факты, долженъ былъ объяснить ихъ съ точки зрѣнія своей натуръ-философіи. Но такъ какъ, съ другой стороны, его натуръ-философія не могла стоять въ противорѣчій съ его же метафизикой и теоріей познанія, то онъ, конечно, не могъ раздѣлять съ дарвинизмомъ его *исходныхъ предположеній*, т.-е. реальности времени, пространства, движенія и матеріи, а также и реальности проектированныхъ въ пространство образовъ вещей. Значитъ, Гейхмюллеру оставалось только преобразовать—не эмпирическіе факты біологіи, а—философское объясненіе этихъ фактовъ и вытекающее изъ него натуръ-философское ученіе о происхожденіи міра живыхъ существъ. Такъ, напримѣръ, вмѣсто реальности времени, по которой *дѣйствительно-сущее* сперва *не есть*, потомъ *есть*, а потомъ опять *не есть*, ему слѣдовало поставить принципъ безвременности всяческаго дѣйствительнаго бытія; вмѣсто происхожденія существъ однихъ отъ другихъ—поставить теорію вѣчныхъ и неизмѣнныхъ *типовъ* всяческихъ существъ міра и *вывести* все разнообразіе ихъ формъ въ различныя эпохи изъ законовъ, царствующихъ въ цѣлой системѣ природы и видоизмѣняющихъ ея основныя типы въ силу ихъ взаимодействія. Эту *теорію* и *дедукцію* и разрѣшается окончательно *кажущаяся антиномія* между *разумомъ* (т.-е. понятіями) и *чувственностью* (т.-е. чувственными образами, данными въ воспріятіи). Изложить вкратцѣ весь ходъ разсужденій Гейхмюллера при этомъ совсѣмъ невозможно, потому что все

---

*) Этому нисколько не мѣшаетъ то, что Дарвинъ и нѣкоторые другіе дарвинисты, особенно изъ англичанъ, могутъ быть деистами, христіанами, вообще людьми религиозными. Въ такихъ случаяхъ обнаруживается только явленіе весьма обычнаго *дуализма*, по которому богъ, духъ, бессмертная душа вращаются въ какомъ-то «эпифеноменальномъ» мірѣ, а міръ, изслѣдуемый эмпирическою, точною наукою, подлежитъ *желтымъ законамъ* матеріи и ея энергій. По существу же своему, философствующій дарвинизмъ неизбѣжно принадлежитъ къ матеріализму.

сочиненіе его уже и безъ того сжато до послѣдней возможности.

Заканчиваю мою статью *надеждою*, что если, по прочтеніи ея и вышеуказанной статьи Е. А. Боброва, читатель заинтересуется философіей Тейхмюллера, то не испугается и трудностей, которыя придется преодолѣть при чтеніи сочиненія: «Дарвинизмъ и философія». Затѣмъ, можетъ быть, читатель перейдетъ и къ другимъ трудамъ Тейхмюллера, которые, позволяю себѣ утверждать, если и не привлекутъ его совсѣмъ къ *четвертому*, лейбниціанскому направленію, то во всякомъ случаѣ значительно расширятъ горизонтъ его философскаго мышленія.

А. Козловъ.

Натуралистическая теорія познанія.

(По поводу статей проф. И. М. Сѣченова.)

И. М. Сѣченовъ въ послѣднее время напечаталъ нѣсколько статей, тракующихъ о гносеологическихъ вопросахъ. Мы имѣемъ именно въ виду три его статьи: «Впечатлѣніе и дѣйствительность» («Вѣстникъ Европы», 1890 г., май), «Предметная мысль и дѣйствительность» («Помощь голодающимъ». Москва, 1892, стр. 194—209) и рѣчь, произнесенную при открытіи IX-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей; эта рѣчь помѣщена въ «Русской Мысли» за январь 1894 года и озаглавлена: «О предметномъ мышленіи съ фізіологической точки зрѣнія». Эти три взаимно одна другую дополняющія статьи имѣютъ своимъ предметомъ весьма важную философскую проблему, а именно — вопросъ объ отношеніи нашей мысли къ дѣйствительности и о нашемъ правѣ объективировать наши субъективныя состоянія.

Проф. Сѣченовъ занимаетъ совершенно особое мѣсто въ русской наукѣ, — вотъ почему и слѣдуетъ обратить вниманіе на его статьи. Дѣло въ томъ, что профессоръ-фізіологъ служитъ выразителемъ опредѣленнаго философскаго направленія, которое онъ высказывалъ съ большою твердостью и догматичностью и которое имѣетъ среди натуралистовъ большое число поклонниковъ. Извѣстность, которую пріобрѣлъ И. М. Сѣченовъ своими превосходными работами по фізіологіи, заставляетъ читателей предполагать, что и философскія сочиненія И. М. Сѣченова столь же основательны, и относиться къ этимъ сочиненіямъ съ меньшею долей критики, чѣмъ необходимо. Поэтому я и считаю не лишнимъ высказать нѣсколько замѣчаній по поводу статей проф. Сѣченова.

Во всякомъ случаѣ, уже одно то, что проф. Сѣченовъ поднялъ

философскій вопросъ о познаніи и старается его рѣшить, дѣлаетъ почтенному физиологу великую честь: его единомышленники-натуралисты, чувствуя всю трудность рѣшенія подобныхъ вопросовъ съ ихъ точки зрѣнія, обыкновенно предпочитаютъ обходить ихъ молчаніемъ. Натурализмъ силенъ въ физикѣ, слабъ въ этикѣ и совершенно, кажется, безсиленъ въ гносеологіи.

Значеніе разсужденій проф. Сѣченова, однако, умаляется въ значительной мѣрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ поднимаетъ гносеологическіе вопросы не во всей ихъ глубинѣ и обширности, а исходитъ изъ догматическихъ предположеній, которыя не только подвергались критикѣ, но и дѣйствительно нуждаются въ критикѣ. Такъ, статью «Впечатлѣніе и дѣйствительность» проф. Сѣченовъ заканчиваетъ словами: «нечего и говорить, что въ основаніе всѣхъ разсужденій положено мною присущее всякому человеку непреложное убѣжденіе въ существованіи внѣшняго міра,— непреложное въ той же или даже значительно большей мѣрѣ *), чѣмъ увѣренность всякаго въ томъ, что завтра, послѣ сегоднешней ночи, будетъ день». Я нисколько не сомнѣваюсь въ существованіи этого убѣжденія у всѣхъ людей, но теорія познанія должна выяснить, откуда взялось это убѣжденіе и какую оно имѣетъ цѣну. Утверждать непреложность этого убѣжденія значитъ предрѣшать самый существенный вопросъ; къ тому же это догматическое утвержденіе влечетъ за собой цѣлый рядъ другихъ. Внѣшній міръ потому и есть «внѣшній» для меня, что находится въ пространствѣ,— слѣдовательно, нужно предположить существованіе и пространства въ той именно формѣ, въ тѣхъ трехъ измѣреніяхъ, которыя обыкновенно ему приписываются. Сдѣлать это допущеніе можетъ только тотъ, кто не придаетъ никакого значенія ученію современной психологіи объ образованіи пространственной схемы въ сознаніи, или же тотъ, кто думаетъ, что помимо пространства и времени, создаваемыхъ нашимъ сознаніемъ, есть еще реальное пространство и время, тождественныя съ первыми, въ которыхъ существуютъ предметы. Въ послѣднемъ случаѣ придется приписать реальность и всѣмъ тѣмъ понятіямъ, которыя вытекаютъ изъ пространства и времени, т. е. понятіямъ движенія, границы, положенія etc., etc. Это именно и дѣлаетъ проф. Сѣченовъ. Самое послѣдовательное было бы говорить о реальности всѣхъ

*) Неужели непреложное имѣетъ степени?

качествъ вообще. Этого, однако, проф. Сѣченовъ, конечно, сдѣлать не можетъ; поэтому ему приходится различать, подобно Локку, первичныя качества, принадлежащія самимъ предметамъ, отъ вторичныхъ, субъективныхъ, которыя мы имъ приписываемъ. Сдѣлать же это различіе, т.-е. провести границу между двумя мірами, весьма трудно, а на мой взглядъ, который я, впрочемъ, никому не навязываю, невозможно: мы живемъ въ мірѣ нашего познанія и нигдѣ никогда не соприкасаемся съ предметнымъ міромъ, слѣдовательно, и объективныхъ качествъ предмета найти, особенно въ опытѣ, не можемъ. Это, однако, нисколько не исключаетъ того, чтобы наше познаніе возникало по поводу какихъ-то побужденій, идущихъ изъ предметнаго міра, который мы называемъ внѣшнимъ — въ сущности, совершенно напрасно, потому что, когда предметъ воздѣйствовалъ на меня, то онъ этимъ самымъ перестаетъ быть внѣшнимъ для меня. Ученіе, утверждающее, что «міръ есть представленіе», вовсе не отрицаетъ разности между чисто субъективными представленіями и такими, которымъ мы придаемъ объективное значеніе; слѣдовательно, и съ точки зрѣнія этого ученія очень хорошо можно различать объективныя качества отъ субъективныхъ; нельзя только говорить о томъ, что мы гдѣ-либо и когда-либо, соприкасаясь съ предметами, можемъ узнать ихъ качества. Въ этомъ противорѣчьи (предметнаго міра и субъективнаго) находятся весьма многіе, и не одни натуралисты, а потому исканіе объективныхъ качествъ предмета производится весьма часто, хотя всегда съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Любопытно прослѣдить, какъ первое нами указанное догматическое положеніе проф. Сѣченова влечетъ за собой цѣлый рядъ другихъ догматическихъ утвержденій, очевидно ложныхъ. Вотъ что говоритъ г. Сѣченовъ: «Познаніе внѣшняго можетъ быть и безусловнымъ, если законы духа, по которымъ строится наука о внѣшнемъ мірѣ, имѣютъ одинаковые корни съ законами внѣ насъ сущаго и совершающагося; или если—по крайней мѣрѣ—законы эти стоятъ въ опредѣленномъ, строгомъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Первое доказать еще нельзя; поэтому въ настоящее время признается лишь послѣднее, но это—уже какъ безспорное. Этимъ мы и воспользуемся, чтобы сдѣлать слѣдующіе два вывода. Краеугольными камнями компромисса должны быть признаны слѣдующія положенія: тождеству чувственныхъ знаковъ отъ внѣшнихъ предметовъ должно соотвѣтствовать тождество ре-

альностей, сходству знаковъ — сходство реальностей и наконецъ разницѣ знаковъ — разница въ дѣйствительности. Если между законами представляемаго и дѣйствительнаго существуетъ строгое соотвѣтствіе, то этимъ самымъ уже признается возможность частныхъ сходствъ между ними, какъ наиболѣе простыхъ случаевъ соотвѣтствія.»

Совершенно непонятно, почему первое положеніе, вполне ясное и необходимое, «теперь еще не можетъ быть доказано, а второе, сложное и мало понятное, должно быть признаваемо безспорнымъ. Въдѣ ученіе о двухъ мірахъ хорошо только въ поэзіи, въ научной же теоріи оно влечетъ за собой путаницу, и одинъ міръ отлично можно признать для насъ несуществующимъ (*Ding an sich*). Это, въ сущности, думаетъ и проф. Сѣченовъ, ибо говоритъ, что ученіе о единствѣ міра *еще* не доказано. Два положенія, которыя «выводить» (хотя вывода, собственно, нѣтъ, а есть простое сопоставленіе утверждений) проф. Сѣченовъ, конечно, ложны, ибо тожество чувственныхъ знаковъ и обозначаетъ для насъ тожество реальностей, а не «должно ему соотвѣтствовать». Проф. Сѣченову, напротивъ, слѣдовало бы отрицать даже всякое соотвѣтствіе: напримѣръ, свѣтовое ощущеніе можетъ произойти отъ удара кулакомъ по глазу, и отъ электрическаго тока, и отъ свѣтовыхъ лучей, — здѣсь мы имѣемъ, повидимому, тожество знаковъ, но никакъ не тожество реальностей. Во второмъ положеніи проф. Сѣченовъ на мѣсто строгаго соотвѣтствія подставляетъ частное сходство, что вовсе не одно и то же. Законъ можетъ соотвѣтствовать извѣстной категоріи случаевъ, но вовсе на нихъ не походить: напримѣръ, законъ о тѣлесномъ наказаніи вовсе не походить на объектъ, къ которому примѣняется. Вооружившись этими двумя положеніями, проф. Сѣченовъ ищетъ сходства предметовъ и ихъ качествъ съ ощущеніями. Онъ находитъ, что въ зрительномъ образѣ контуръ представляетъ нѣчто такое, что принадлежитъ и предмету, и субъекту... «кто рѣшится утверждать, что зрительный контуръ есть, можетъ быть, фикція безъ реальной подкладки. Какъ понятіе, контуръ есть, конечно, отвлеченность, но какъ чувственный знакъ—это раздѣльная грань двухъ реальностей» и т. д. Далѣе, «то, что въ зрительной картинѣ называютъ перспективой, имѣетъ основаніе въ дѣйствительности» и «помимо линейныхъ очертаній, глазъ передаетъ приблизительно вѣрно, т.-е. согласно съ дѣйствительностью, относительное размѣщеніе предметовъ на неболь-

шихъ участкахъ земной поверхности». «Согласны съ дѣйствительностью показанія и относительно величины предметовъ». Наконецъ, и «представляемое и дѣйствительное движеніе совпадаютъ другъ съ другомъ». Итакъ, вотъ что реально: контуръ, перспектива, размѣщеніе, величина и движеніе. Никто собственно не сомнѣвался, что перспектива *имѣетъ основаніе* въ дѣйствительности, подобно тому, какъ никто не въ состоянїи понять, что бы могло значить, что дѣйствительное движеніе совпадаетъ съ представляемымъ. Объясненіе же проф. Сѣченова и выводъ изъ него столь оригинальны, что я долженъ ихъ выписать: «Фактъ этотъ (т. е. что глазъ, слѣдя за движеніемъ предмета, самъ двигается) имѣетъ глубокое значеніе, представляя въ организмѣ человѣка единственный случай, гдѣ воспринимаемое внѣшнее и перемѣщающійся по тому же пути чувствующій органъ, совпадаютъ другъ съ другомъ въ своихъ дѣятельностяхъ... Отсюда само собой слѣдуетъ, что въ отношенїи движеній, за которыми глазъ въ силахъ слѣдить, представляемое и дѣйствительное совпадаютъ другъ съ другомъ». И о величинѣ предмета мы, конечно, судимъ по зрительнымъ и осязательнымъ ощущеніямъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы ощущенія были показателями дѣйствительности, ибо величина одного и того же предмета можетъ быть въ ощущеніяхъ весьма различной, и всѣ эти величины соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Легко замѣтить, что перечисленные качества, которыя проф. Сѣченовъ приписываетъ предмету, принадлежатъ вовсе не ему, а пространству и времени, т. е. формамъ дѣйствительности, которыя реальны въ иномъ смыслѣ, чѣмъ предметы; слѣдовательно, никакого соотвѣтствія, а тѣмъ паче сходства съ дѣйствительностью проф. Сѣченовъ не нашелъ.

Во второй статьѣ: «Предметная мысль и дѣйствительность», служащей продолженіемъ разобранной нами, проф. Сѣченовъ задается вопросомъ о томъ, въ какомъ отношенїи къ дѣйствительности стоитъ наша мысль, всѣ ея элементы, т. е. предметы, признаки и ихъ взаимныя отношенія. Съ нѣкоторымъ напряженіемъ можно еще понять, что ощущеніе можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности и походить на нее; гораздо труднѣе понять, какая реальность можетъ соотвѣтствовать тремъ членамъ сужденія, не говоря уже о томъ, что и самый предметъ внѣ его качествъ есть простая фикція. И я думаю, что на два вопроса

проф. Сѣченова: «въ какой мѣрѣ чувствуемая (?!) нами связи и отношенія между внѣшними предметами представляют *сколокъ* съ дѣйствительности, и насколько они суть продукты организаціи человѣка и навязаны умомъ его внѣшнему міру», всякій съ спокойной совѣстью можетъ отвѣтить, что мысль есть процессъ, совершающійся въ сознаніи человѣка, и связь, въ которую въ мысляхъ человѣкъ ставитъ предметы, нисколько не есть *сколокъ* съ дѣйствительности, хотя и выражаетъ собой дѣйствительность. Всѣ отношенія, какъ-то сходства, различія, причинной связи etc., etc., конечно, находятъ сознаніе человѣка; человѣкъ говоритъ о нихъ по поводу состояній сознанія, которыя и представляютъ собой всю дѣйствительность; другой дѣйствительности для человѣка, кромѣ состояній сознанія, нѣтъ и быть не можетъ. Проф. Сѣченовъ думаетъ иначе: онъ полагаетъ, что воспринимающій органъ не творитъ, а заимствуетъ изъ дѣйствительности элементы сложныхъ впечатлѣній, которые зовутся въ словесномъ образѣ мыслей связкой. Самыя связки проф. Сѣченовъ сводитъ къ слѣдующимъ: обособленіе предметовъ, различеніе въ нихъ признаковъ, узнаваніе по примѣтамъ, сравненіе по сходству и ставленіе въ причинную связь. Разобравъ эти связи, проф. Сѣченовъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Всѣмъ элементамъ предметной мысли, насколько она касается чувствуемыхъ нами предметныхъ связей и отношеній въ пространствѣ и времени, соотвѣтствуетъ дѣйствительность».

Такимъ образомъ, эта вторая статья—«Предметная мысль и дѣйствительность»—представляетъ второй шагъ натуралистической гносеологіи. Сначала было доказано, что нѣкоторыя свойства дѣйствительности въ точности воспроизводятся ощущеніями; теперь доказывается, что и связи, въ которыя мысль ставитъ явленія между собой, тождественны со связями самихъ явленій. Опять-таки и здѣсь было бы послѣдовательнѣе утверждать, что дѣйствительность внѣшняя и внутренняя во всемъ тождественны, но этого, очевидно, утверждать нельзя, ибо мысль о предметѣ не есть самый предметъ, и поэтому проф. Сѣченовъ прибѣгаетъ къ двусмысленному термину «соотвѣтствія», который, какъ мы видѣли, онъ подмѣниваетъ иногда сходствомъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что мысль, когда она вѣрна, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но отнюдь съ нею не сходна. Совершенно справедливо, что чувствуемая и мыслимая раздѣльность предметовъ въ пространствѣ навязана нашему уму извнѣ (т.-е. пред-

ставленіями о внѣшнемъ мірѣ), но непонятно, что можетъ значить утвержденіе, что «чувственное обособленіе соотвѣтствуетъ реальному, насколько зрительные и осязательные акты передаютъ контуры предметовъ сходно съ дѣйствительностью». Совершенно то же самое слѣдуетъ сказать и о сходствѣ. Само собой разумѣется, что, подмѣчая сходство или различіе въ своихъ представленіяхъ, человѣкъ руководится находимыми имъ признаками, но совершенно непонятно, что могло бы означать, что «сходство и различіе, находимыя человѣкомъ между чувствуемыми имъ предметами, суть сходства и различія дѣйствительныя». Легко показать совершенную бесполезность этой мысли. Допустимъ это двоякое сходство—предметовъ между собой и мыслей о предметахъ между собой. Вѣдь проф. Сѣченовъ не станетъ же утверждать, что дѣйствительнаго сходства достаточно для того, чтобы человѣкъ его тотчасъ замѣтилъ (если бы это было такъ, то всемірное тяготѣніе было бы открыто не Ньютономъ, а Адамомъ), какъ не станетъ спорить противъ того, что часто видятъ сходство (или различіе) тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ (стоитъ припомнить только разнообразныя научныя толкованія однихъ и тѣхъ же явленій). Слѣдовательно, предметы могутъ быть сходны между собой сколько угодно, но это сходство никого не можетъ прельстить, пока сходства или различія представленій, т.-е. единственной доступной человѣку дѣйствительности, не найдены. Такимъ-то образомъ *πρώτον ψεύδος* отражается роковымъ образомъ на разсужденіяхъ проф. Сѣченова. Устранивъ основную проблему гносеологіи о правѣ объективации нашихъ представленій, натурализмъ вполне естественно долженъ дѣлать цѣлый рядъ недоказанныхъ, ненужныхъ и непонятныхъ допущеній.

Третья статья: «О предметномъ мышленіи съ физиологической точки зрѣнія» представляетъ собой частью повтореніе содержанія первыхъ двухъ въ болѣе полной и законченной формѣ, частью же касается новаго вопроса, именно—объ отношеніи мысли къ физиологическимъ элементамъ, а не къ элементамъ дѣйствительности вообще. Ежели мы въ предшествующемъ остановились только на руководящихъ идеяхъ проф. Сѣченова, то теперь разберемъ поподробнѣе эту рѣчь съ цѣлью характеристики образа мышленія почтеннаго физиолога. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы будемъ прибѣгать къ содержанію предшествовавшей статьи «Предметная мысль и дѣйствительность».

Изложимъ сначала содержаніе рѣчи.

Всякая мысль состоитъ изъ трехъ элементовъ: сказуемаго, подлежащаго и связки. Мысль у всѣхъ и всегда сводится къ этимъ тремъ элементамъ,—нужно подыскать ихъ физиологическіе эквиваленты. Для этого нужно установить общій смыслъ этихъ трехъ элементовъ: сказуемое и подлежащее суть продукты внѣшнихъ воздѣйствій на наши органы чувствъ, связка же означаетъ отношеніе. Отношенія бываютъ троякія: сосуществованія, послѣдовательности и сходства. Предметная мысль представляетъ членораздѣльную группу, въ которой члены съ предметнымъ характеромъ могутъ быть связаны на три разныхъ лада: сходствомъ, сосуществованіемъ, послѣдовательностью. Мысли, какъ членораздѣльной группѣ, соотвѣтствуетъ членораздѣльное чувственное впечатлѣніе, въ которомъ представлены чувственно не только эквиваленты подлежащаго и сказуемаго, но и эквивалентъ связки. Подъ членораздѣльнымъ впечатлѣніемъ авторъ разумѣетъ такое, которое дается упражненнымъ органомъ чувствъ, въ составъ котораго входятъ, кромѣ главной части, приатки, отъ числа и разнообразія коихъ зависитъ богатство впечатлѣнія по содержанію. Физиологическими эквивалентами подлежащаго и сказуемаго являются раздѣльныя реакціи упражненнаго органа чувствъ на сложное внѣшнее воздѣйствіе. Эквивалентомъ связки является двигательная реакція упражненнаго органа чувствъ, входящая въ составъ акта воспріятія. Память сопоставляетъ предметы по сходству. Память сохраняетъ и воспроизводитъ. Для воспроизведенія стараго должно быть всегда какое-нибудь новое впечатлѣніе, болѣе или менѣе сходное съ воспроизведеннымъ. Память—корень умственной жизни. «Итакъ, элементами безсловесной предметной мысли служатъ продукты воздѣйствія внѣшняго міра на наши органы чувствъ, а факторами, изъ коопераціи которыхъ мысль возникаетъ,—повторяющееся внѣшнее воздѣйствіе, упражненный органъ чувствъ и органы памяти. Что же касается процесса мысли, то въ случаѣ, когда она родится непосредственно изъ реального впечатлѣнія, акту мышленія соотвѣтствуетъ физиологически рядъ раздѣльныхъ реакцій упражненнаго чувства на сложное внѣшнее воздѣйствіе. Когда же мысль является въ видѣ воспоминанія, то ея физиологическую основу составляетъ повтореніе прежняго нервнаго процесса, но уже исключительно въ центральной нервной системѣ».

Таково содержаніе рѣчи И. М. Сѣченова, какъ она напечатана въ «Русской Мысли». Несмотря на точность и отчетливость, которыми она, повидимому, отличается, эта рѣчь не совсѣмъ понятна. На нѣкоторыя изъ вызванныхъ ею недоумѣній я и постараюсь здѣсь указать.

Лѣтъ 30 тому назадъ Д. С. Милль высказалъ мысль, что фізіологія, въ сравненіи съ психологіей и въ соотвѣтственныхъ главахъ, отстала отъ послѣдней, т.-е. вмѣсто объясненія психологическихъ явленій сама нуждается въ психологическихъ указаніяхъ. Правда, за послѣднее время фізіологія сдѣлала громадныя успѣхи, но стала ли, благодаря имъ, связь души и тѣла понятной? Можетъ ли фізіологія указать на эквиваленты психической дѣятельности? Не беру на себя смѣлости отрицать это, но думаю, что эта задача очень и очень трудная. Проф. Сѣченовъ, взявшись за нее, во-первыхъ, обязанъ опредѣлить предметъ своего изслѣдованія. Этого онъ не сдѣлалъ. Онъ говоритъ о предметномъ мышленіи, но что это такое? Нельзя считать опредѣленіемъ указанія, что «это—мышленіе предметами внѣшняго міра (! ?), воспринимаемыми органами чувствъ», и что это «простѣйшая форма мысли, возникающая въ дѣтскомъ возрастѣ и свойственная въ извѣстныхъ предѣлахъ даже животнымъ». Тщетно мы стали бы искать опредѣленія предметнаго мышленія и въ другихъ статьяхъ проф. Сѣченова. Очевидно, что этотъ терминъ кажется столь яснымъ и общеизвѣстнымъ проф. Сѣченову, что онъ не считаетъ нужнымъ давать его опредѣленіе. Можно было бы подумать, что проф. Сѣченовъ говоритъ о воспріятіяхъ, т.-е. о томъ, какъ слагаются образы предметовъ въ нашемъ сознаніи, но содержаніе рѣчи лишь отчасти подтвердило бы такую догадку: воспріятіе, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ можно назвать мыслью, и въ образованіи его участвуетъ мыслительная дѣятельность нашего сознанія, но въ такомъ случаѣ непонятно, какимъ образомъ проф. Сѣченовъ, перечисляя элементы мысли, указываетъ на три: подлежащее, сказуемое и связку. Это дѣленіе, несомнѣнно, относится къ отвлеченному мышленію, и въ актѣ воспріятія эти элементы могутъ быть найдены лишь съ большою натяжкой. Нужно, слѣдовательно, предположить, что подъ предметнымъ мышленіемъ И. М. разумѣетъ такое мышленіе, въ которомъ подлежащее есть образъ предмета, а сказуемое тоже или образъ предмета, или качество его. Но въ такомъ случаѣ разницы между предметнымъ мышле-

нѣмъ и мышленіемъ вообще—нѣтъ, ибо самое простое сужденіе, напримѣръ: «это дерево зелено»,—представляетъ собою соединеніе конкретнаго (предметнаго) образа съ отвлеченнымъ представленіемъ (зеленый). Слѣдовательно, проф. Сѣченовъ въ дѣйствительности ищетъ физиологическихъ эквивалентовъ для всякаго мышленія. Въ такомъ случаѣ, однако, мы вправѣ спросить автора, на какомъ основаніи онъ считаетъ возможнымъ утверждать, что всякая мысль имѣетъ три элемента. Авторъ ссылается только на всеобщее признаніе, что у всѣхъ народовъ это такъ. Но это, во-первыхъ, не такъ, а во-вторыхъ, еслибъ и было такъ, то ссылка на всеобщее признаніе или распространенность факта вовсе не служила бы доказательствомъ и оправданіемъ его необходимости. Это не такъ, ибо въ безличныхъ предложеніяхъ, какъ болѣе простыхъ, повидимому, нѣтъ трехъ элементовъ, и я не знаю, можно ли думать, что у дѣтей и животныхъ необходимо встрѣчаются эти три элемента *). Но если бы даже и изъ безличнаго предложенія удалось путемъ анализа получить три элемента, то указаніе на общераспространенность (которой, кстати, невозможно и доказать) въ мышленіи этихъ трехъ элементовъ не заключало бы въ себѣ доказательства необходимости трехъ, а не большаго или меньшаго количества. Такимъ образомъ, начавъ съ дурнаго опредѣленія, проф. Сѣченовъ продолжаетъ свой анализъ ничѣмъ не доказаннымъ, догматическимъ утвержденіемъ. Такимъ же ничѣмъ не доказаннымъ утвержденіемъ должно показаться и слѣдующее положеніе проф. Сѣченова, устанавливающее смыслъ этихъ трехъ элементовъ. Нельзя, во-первыхъ, утверждать о подлежащемъ и сказуемомъ, что только они суть продукты внѣшнихъ воздѣйствій на наши органы чувствъ, ибо въ такомъ же самомъ отношеніи можно сказать то же самое и о связкѣ,—и связки (т.-е. отношеній) не возникло бы въ мышленіи безъ внѣшнихъ воздѣйствій; во-вторыхъ, ни подлежащее, ни сказуемое не возникли бы, только благодаря внѣшнимъ воздѣйствіямъ, ибо и въ возникновеніи обра-

*) Академикъ Миклошичъ и проф. Brentano считаютъ возможнымъ говорить не только о безличномъ *предложеніи*, но и *сужденіи*, слѣдовательно, допускаютъ возможность мысли, состоящей изъ меньшаго числа элементовъ, чѣмъ изъ трехъ, обыкновенно указываемыхъ. У нѣкоторыхъ народовъ встрѣчаются формы рѣчи, которыя соединяютъ въ одно слово цѣлое предложеніе, т.-е. сказуемое, подлежащее и связку. Не будетъ ли натяжкой утверждать, что и у нихъ мы должны предположить существованіе этихъ трехъ раздѣльныхъ элементовъ? Во всякомъ случаѣ, это требовало бы разъясненія и доказательства.

зовъ участвуетъ дѣятельность сознанія; напримѣръ, какому внѣшнему воздѣйствію соотвѣтствуетъ сказуемое: хорошій, красивый? Проф. Сѣченовъ признаетъ иногда сознательную дѣятельность въ ощущеніяхъ; такъ, онъ говоритъ: «Сравненіе осмысленно, если утверждаемое въ трехчленномъ предложеніи сходство кажется нашему чувству таковымъ. Оно осмысленно, если говорятъ напримѣръ, что человѣкъ на длинныхъ ногахъ, съ длиннымъ носомъ, похожъ на журавля, и не будетъ имѣть смысла, если ту же форму сравнить съ черепахой» *). Собственно, оба сравненія имѣютъ смыслъ, и второе только менѣе удачно; но это мелочи, важно—только, что проф. Сѣченовъ признаетъ осмысленность ощущеній и отрицаетъ ее, какъ мы увидимъ, въ болѣе высокихъ актахъ душевной дѣятельности.

Ничѣмъ не доказано и утвержденіе, что значеніе связки, которой соотвѣтствуютъ отношенія, исчерпывается сосуществованіемъ, преемственностью и сходствомъ. Гдѣ же остались другія отношенія, не сводимыя къ указаннымъ тремъ, напримѣръ, количество, подобіе, причинность, цѣлесообразность (которая не есть только преемственность) и т. д.? Проф. Сѣченовъ ничѣмъ не доказалъ утвержденія, что отношеній только три. Откуда возникаетъ связка или въ чемъ ея фізіологическій эквивалентъ? На это проф. Сѣченовъ даетъ весьма странный отвѣтъ: въ мышечномъ чувствѣ. Мускульныя или мышечныя ощущенія съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ обратила вниманіе англійская психологія, играютъ въ ней весьма важную роль. Имъ приписывается образованіе пространственной и временной схемъ. Много было спора по этому вопросу: двѣ школы—эмпирическая и нативистическая—выставили прямо противоположныя воззрѣнія: первая утверждала, что представленіе о пространствѣ не прирождено и что оно возникаетъ въ сознаніи, благодаря ассоціаціи мускульныхъ, зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній; вторая школа говоритъ, что въ первоначальной дѣятельности сознанія (напримѣръ, въ противопоставленіи объекта субъекту) **) долженъ заключаться пространст-

*) «Помощь голодающимъ», стр. 207.

**) Защитникамъ этого воззрѣнія пришлось бы выяснитъ не то, почему мы нѣкоторыя ощущенія проэктируемъ, т.-е. помѣщаемъ въ пространствѣ, а, наоборотъ, пришлось бы показать, почему мы не всѣ ощущенія проэктируемъ, въ то время какъ различеніе субъекта и объекта есть общая форма сознательной дѣятельности. Причину этого пришлось бы искать въ качествѣ ощущеній, т.-е. защищать мысль Лотце о локальныхъ знакахъ, — въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

венный элементъ, и дѣятельностью ощущеній онъ созданъ быть не можетъ, ибо сами ощущенія уже предполагаютъ внѣшнее воздѣйствіе, предполагаютъ пространство, т.-е. то, возникновеніе чего они хотятъ объяснить. Не отрицая значенія мускульнаго ощущенія, нативисты ограничиваютъ лишь приписываемую ему роль творца изъ ничего. И я полагаю, что нативисты правы. Въ особенности слѣдуетъ указать на то, что мускульному ощущенію приписываютъ функціи, принадлежащія гораздо болѣе высокимъ актамъ сознанія, а именно — памяти и мышленію. Напримѣръ, для того, чтобы заключить о скорости движенія какого-либо предмета, мускульное ощущеніе, сопровождающее движеніе, должно ассоціироваться съ зрительнымъ образомъ предмета и съ мыслью, что это одинъ и тотъ же предметъ занималъ различныя положенія въ различные моменты времени; это отождествленіе можетъ сдѣлать только мысль, руководствующаяся данными памяти. Это же самое слѣдуетъ сказать и относительно сходства, которое, по мнѣнію проф. Сѣченова, устанавливается памятью. Не отрицая участія памяти въ нѣкоторыхъ случаяхъ отождествленія или признанія сходства, слѣдуетъ однако сказать, что признаніе сходства можетъ иногда обходиться и безъ участія памяти, напримѣръ, когда въ воспріятіи даны два предмета, сходство которыхъ я могу подмѣтить непосредственно однимъ взглядомъ (какъ сходство двухъ капель воды); но безъ чего никакого признанія сходства никогда произойти не можетъ, это—безъ участія мысли, находящей сходство. Въ изложеніяхъ законовъ ассоціаціи дѣлаютъ обыкновенно ошибку, ставя на одну доску ассоціацію по смежности и сходству, въ то время какъ вторая вовсе не есть ассоціація, а актъ дѣятельнаго сознанія человѣка и начало ассоціаціи по смежности.

Итакъ, проф. Сѣченовъ коснулся весьма сложнаго и интереснаго вопроса и разсмотрѣлъ его, согласно натуралистической точки зрѣнія, весьма односторонне. Онъ не выставилъ всѣхъ трудностей, а предложилъ готовое рѣшеніе тамъ, гдѣ необходимъ самый тщательный психологическій анализъ. Догматичность въ такихъ случаяхъ приноситъ только вредъ, особенно если догматическія утвержденія произносятся такимъ авторитетомъ, какъ проф. Сѣченовъ. вмѣсто того, чтобы будить мысль и двигать ее впередъ, готовые рѣшенія могутъ служить лишь тому, что Кантъ назвалъ *ignava ratio*.

Э. Радловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

Alexander Bain, emeritus professor of Logic in the University of Aberdeen. *The Senses and the Intellect*. Fourth edition. London. 1894. XXXII+793 стр. 15 шиллинговъ.

Классическій трудъ проф. Бэна вышелъ теперь 4-мъ изданіемъ, значительно переработаннымъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ.

Въ виду очень почтеннаго возраста проф. Бэна (ему болѣе 80 лѣтъ) и большого промежутка, прошедшаго со времени появленія послѣдняго, 3-го изданія (въ 1868 г.; 1-е изд.—въ 1855, 2-е—1864), это новое изданіе его труда является пріятною неожиданностью.

Почти всѣми учеными признано капитальное значеніе сочиненій проф. Бэна: это — *канонъ эмпирической психологіи*; въ нихъ сведены важнѣйшіе, основные результаты сдѣланныхъ ею до сихъ поръ анализовъ. Часто считаютъ труды проф. Бэна систематизацией исключительно интроспективного матеріала, данныхъ аналитическаго самонаблюденія. Такъ, проф. В. Джемсъ говоритъ, что «въ трактатахъ проф. Бэна мы имѣемъ, можетъ быть, послѣднее слово этого (т. е. субъективнаго) метода, *взятаго въ отдѣльности*, послѣдній моментъ *юности* психологіи, еще не технической и общедоступной, вродѣ химіи у Лавуазье или зоологіи до употребленія микроскопа» *). Это мнѣніе очень неточно: хотя

---

*) Признакомъ совершеннолѣтія психологіи, какъ науки, проф. Джемсъ считаетъ, какъ извѣстно, введеніе эксперимента, «спрашивающаго въ каждый моментъ о данныхъ самонаблюденія, но устраняющаго ихъ недостовѣрность болѣе широкой провѣркой и статистическими вычисленіями».

основу трудовъ проф. Бэна и составляютъ данныя интроспективнаго, или субъективнаго анализа, производимаго согласно всѣмъ требованіямъ строго-научной методологіи (что и должно составлять настоящее и существенное содержаніе *психологіи, какъ науки о данныхъ сознанія*), но авторъ отнюдь не принадлежитъ къ принципиальнымъ противникамъ объективныхъ методовъ — наблюденія и эксперимента. Напротивъ, многія главы и отдѣлы его труда основаны на данныхъ и выводахъ, добытыхъ этими методами, поскольку эти методы практиковались въ то время, когда выходили первыя изданія настоящаго труда.

Главные достоинства сочиненій проф. Бэна — продуманность и стройность плана, полнота, исчерпывающая все существенное въ данной области; въ тонкости, глубинѣ, строгости анализа, въ ровной и обильной ясности изложенія, въ согласіи теоретическихъ выводовъ съ данными повседнежнаго опыта не только нельзя отказать Бэну, но, вѣроятно, трудно его превзойти. Иногда его упрекаютъ въ многословіи, затрудняющемъ изученіе, въ излишнемъ обиліи примѣровъ и т. п. По нашему мнѣнію, детальная разработка вопросовъ и обиліе примѣровъ, напротивъ, въ высшей степени важное преимущество для такой теоріи, которая имѣетъ основною цѣлью научную истину и приложимость своихъ выводовъ къ практикѣ, а не только эфемерную славу ея изобрѣтателя. Только ту теорію и можно признать вполне укрѣпившейся и основательною, которая разработана до такихъ частностей, проверена на такой массѣ частныхъ случаевъ, какъ теорія эмпирической психологіи.

Эмпирическая психологія подвергается, какъ извѣстно, критикѣ и нападеніямъ со многихъ точекъ зрѣнія. Одни говорятъ, что она, ставя въ основу всѣхъ операций духа *законы ассоціаціи*, тѣмъ самымъ отрицаетъ или, по крайней мѣрѣ, игнорируетъ несомѣнно присущую духу творческую способность, область его свободныхъ, не подчиненныхъ никакимъ законамъ, проявленій и тѣмъ сводитъ жизнь духа къ нѣкоторой «механической», безусловно предопределенной этими законами, «желѣзной» необходимости. Такое мнѣніе уже обсуждалось въ психологической литературѣ, и указывалось, что *законы* духа, какъ и всякіе «законы природы», не представляютъ собою чего-либо извнѣ, насильственно наложеннаго на извѣстныя явленія. Это — тѣ *дѣйствительно* существующія, единообразія явленій, случаи постоянныхъ и безусловныхъ

последовательностей ихъ; если духъ и подчиняется въ нихъ чему-либо, то *только собственной своей природѣ*, а не какому-то внѣшнему, насильственному воздѣйствию; не подчиняться же своей природѣ — совершенно немислимо: это чистый *nonsens*. Далѣе, указывалось, что и при наличности «законовъ» ассоціаціи остается въ полной силѣ творческая, постройтельная способность духа и что у проф. Бэна эти явленія нисколько не игнорированы, — имъ отведено надлежащее мѣсто въ его теоріи.

Укажемъ здѣсь еще на одно обстоятельство, недостаточно выдвинутое въ спорѣ. Если можно сказать, что ассоціація по смежности налагается извнѣ, навязывается чѣмъ-то независимымъ отъ самодѣятельности нашего духа, то про ассоціацію по сходству никакъ нельзя сказать того же. Вообще, этотъ законъ «ассоціаціи по сходству» не всегда понимается правильно: иногда его считаютъ только неопредѣленнымъ, ничего не говорящимъ, иногда же совсѣмъ отрицаютъ, говоря, что тутъ нѣтъ никакой операціи духа, что каждая вещь, каждое явленіе сходно въ какомъ-нибудь отношеніи со всѣми другими вещами и явленіями... Здѣсь скрыто крупное недоразумѣніе: духъ не только находитъ, что «все сходно въ какомъ-либо отношеніи со всѣмъ прочимъ», но и *точно* опредѣляетъ эти сходныя отношенія, находитъ *степени* сходствъ, анализируетъ предметы, выдѣляя сходное изъ различного и т. д. Это раздѣльное и точное усмотрѣніе сходствъ составляетъ, несомнѣнно, самостоятельную операцію духа: въ предметахъ *нѣтъ* сходствъ; есть лишь признаки, которые признаемъ сходными мы сами. Между тѣмъ, важность ассоціаціи сходства видна изъ того, что на усмотрѣніи сходствъ основаны всякіе процессы группировки и классификаціи какъ отдѣльныхъ состояній нашего духа, такъ и ихъ агрегатовъ: естественныхъ предметовъ и явленій. Здѣсь корень такихъ процессовъ, какъ обобщеніе, отвлеченіе, опредѣленіе, и такъ какъ, какъ извѣстно, всякій прогрессъ въ наукѣ сводится къ перемѣнамъ въ опредѣленіяхъ и классификаціи, то, думается, «свободной дѣятельности духа» остается надлежащее поле и при *законѣ* ассоціаціи по сходству.

Мы не можемъ детально прослѣдить тѣ измѣненія, которыя внесъ проф. Бэнъ въ это новое изданіе своего труда, и въ этой краткой замѣткѣ лишь отчасти изложимъ, отчасти переведемъ его предисловіе. — «Спустя значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго психологическія изслѣдованія и изученія про-

изводились какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ энергичнѣе, чѣмъ въ какой-либо прежній періодъ исторіи философіи, я теперь вновь издаю,—говоритъ проф. Бэнъ,—это сочиненіе съ тѣми добавленіями, перемѣнами и поправками, какія я счелъ нужнымъ сдѣлать. Я старался воспользоваться всѣми многочисленными указаніями современной философской литературы и, оставаясь вѣрнымъ большей части пунктовъ теоріи и общему плану построенія сочиненія, я улучшилъ изложеніе и исправилъ то, что мнѣ казалось неясно или неточно выраженнымъ». Глава о нервной системѣ вся написана вновь д-ромъ В. Лесли Меккензи; онъ же давалъ указанія и для отдѣла о физиологіи чувствъ. Эта физиологическая часть, вопреки мнѣнію многихъ, совѣтовавшихъ вовсе выкинуть ее, оказалась на практикѣ очень полезной для уясненія многихъ чисто психологическихъ вопросовъ.

Далѣе, проф. Бэнъ переходитъ къ опредѣленію области психологіи. «Въ настоящее время всѣми признано, говоритъ онъ, что систематическая психологія должна быть отдѣлена отъ метафизики,— т. е. проблемы знанія и бытія,— какъ бы тѣсно онѣ ни были другъ съ другомъ связаны. Анализъ субъекта и объекта есть чисто психологическая задача, но природа нашего воспріятія матеріальнаго міра есть нѣчто совсѣмъ другое. Такимъ же образомъ и то, что теперь называютъ «эпистемологіей», хотя имѣетъ родство съ психологіей, но приводитъ къ результатамъ особаго рода, лежащимъ внѣ чистой психологіи».

Изъ отдѣльныхъ частей сочиненія глава объ инстинктѣ значительно переработана, съ цѣлью болѣе яснаго различенія физической стороны отъ психической и отведенія должнаго значенія каждой изъ нихъ.

«Вопросъ о происхожденіи тѣхъ психическихъ продуктовъ,— продолжаетъ проф. Бэнъ,—которые мы знаемъ только вполне сложившимися, занимаетъ вообще большое мѣсто въ психологическихъ изслѣдованіяхъ. Инстинктивны ли нѣкоторыя основныя понятія, каковы: пространство, время, причина, нравственное чувство, «я» или личность,—или же они являются продуктами опыта и воспитанія,— все это долго было главнымъ предметомъ борьбы въ области философіи духа. Быть можетъ, спору придается важность нѣсколько искусственнымъ образомъ; во всякомъ случаѣ, къ нему относились съ болѣе, чѣмъ просто теоретическимъ, любопытствомъ. Какъ бы то ни было, на изученіе и

доказательство вопроса пролила новый свѣтъ теорія эволюціи, указывающая на возможность наслѣдственной передачи ранѣ выработанныхъ способностей и приобрѣтеній. Теперь вопросъ идетъ уже не о кантовскомъ стремленіи доказать, что понятіе пространства, какъ «формы мышленія», предшествуетъ всякому индивидуальному опыту, а о томъ, имѣемъ мы отъ рожденія способность вполнѣ реализовать всѣ три измѣренія внѣшняго міра, или нѣтъ. Такой взглядъ на сущность вопроса мѣняетъ весь характеръ изслѣдованія этихъ основъ, такъ какъ онъ лишаетъ насъ права опредѣлять абсолютное начало какого-либо изъ крупныхъ основныхъ понятій и заставляетъ насъ только изучать ихъ ростъ и развитіе въ сферѣ, доступной нашему наблюденію, и лишь заключать по аналогіи о ихъ вѣроятномъ ростѣ или способѣ развитія ранѣ вступленія ихъ въ эту сферу. Во всякомъ случаѣ, уже теперь можно, не боясь возраженій, доказывать, что опытъ или приспособленіе (acquisition) представляютъ собой конечную причину того, изученіе чего выходитъ изъ предѣловъ доступныхъ намъ источниковъ знанія».

Указавъ затѣмъ важнѣйшія перемѣны и дополненія, введенныя въ изложеніе, проф. Бэнъ переходитъ къ методологической сторонѣ дѣла и выясняетъ свое отношеніе къ такъ называемой, экспериментальной психологіи.

«Я признаю, въ самомъ широкомъ смыслѣ, — говоритъ онъ, — возможность прогресса психологическихъ ученій при помощи хорошо придуманнаго эксперимента. Изслѣдованія, обыкновенно называемыя психо-физическими, уже принесли нѣкоторые плоды и возбуждаютъ еще большія ожиданія относительно будущаго. Но даже въ лучшемъ случаѣ они могутъ охватить лишь небольшую часть обширной области психологическихъ изученій; производимыя, впрочемъ, на ряду съ интроспекціей, они могутъ ускорить прогрессъ психологическаго изслѣдованія и особенно въ области практическихъ приложеній».

«Психологія Аристотеля», написанная Гротомъ, въ этомъ изданіи не помѣщена, такъ какъ она вошла въ посмертное сочиненіе автора объ Аристотелѣ.

Надо надѣяться, что теперь трудъ проф. Бэна будетъ переведенъ на русскій языкъ и найдетъ хорошій приемъ не только среди специалистовъ, но и вообще въ читающей публикѣ, такъ какъ во всей психологической литературѣ мало сочиненій, кото-

рыя бы давали такое количество знаній и такъ сильно вліяли на выработку способности самонаблюденія и психологическаго анализа дѣйствительности, какъ труды проф. Бэна.

В. Ивановскій.

✓ **Benjamin Kidd. Social Evolution, p. 348 in 8-vo. London, 1894.**

Книга пользуется успѣхомъ въ Англии: выйдя въ свѣтъ въ началѣ текущаго года, она выдержала уже нѣсколько изданій и была замѣчена серіозною критикою; поэтому на ней стоитъ остановиться.

Съ самаго начала авторъ заявляетъ о необходимости послѣдовательнаго проведенія въ области науки объ обществѣ тѣхъ научныхъ приѣмовъ изслѣдованія, которымъ обязана своимъ настоящимъ прогрессомъ современная біологія. Эти методы и приемы привели послѣднюю къ столь плодотворной эволюціонной теоріи. Да и самыхъ основъ социальныхъ явленій слѣдуетъ искать въ явленіяхъ біологическихъ, такъ какъ человѣческое общество тоже одно изъ разнообразныхъ проявленій жизни,—притомъ самое сложное изъ доступныхъ нашему научному изслѣдованію.

Данныя современной біологіи и широкія обобщенія эволюціонной теоріи—вотъ чѣмъ хочетъ пользоваться авторъ при изученіи общественной эволюціи; онъ изъявляетъ стремленіе руководиться вполнѣ безпристрастнымъ наблюденіемъ общественныхъ явленій и избѣгать всякихъ предвзятыхъ взглядовъ. Такая задача, конечно, настолько трудна, что нельзя и ожидать чего-либо вполнѣ цѣльнаго и стройнаго при попыткахъ ея рѣшенія: приходится довольствоваться отдѣльными остроумными сопоставленіями и смѣлыми догадками.

Основная тема книги та, что біологъ, наблюдая, въ чемъ состоитъ эволюція общества, долженъ придти къ заключенію, что она состоитъ, вовсе не въ развитіи интеллекта, а въ развитіи альтруистическихъ чувствъ и что это вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу естественнаго подбора, такъ какъ ведетъ къ тому, что борьба за существованіе—неизбѣжное условіе всякаго прогресса, всякаго развитія—все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ борьбы *при болѣе равныхъ условіяхъ, вслѣдствіе уравниванія людей разныхъ положеній и разнаго происхожденія.* Въ этомъ направленіи движется вся современная цивилизація, улучшая такимъ образомъ условія

борьбы и естественнаго подбора, а слѣдовательно, и условія прогресса. Развитіе же альтруистическихъ чувствъ имѣло своимъ источникомъ всегда религіозныя системы, такъ какъ не оправдываемый разумомъ (которымъ, по мнѣнію автора, можно оправдать только эгоистическія стремленія индивидуума) альтруизмъ находилъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, всегда противорѣчащихъ разуму, тотъ или другой смыслъ всѣхъ тѣхъ жертвъ, которыя налагаетъ на индивидуума міровой процессъ и для которыхъ разумъ не можетъ никакимъ образомъ найти ни малѣйшаго оправданія.

Міровой процессъ въ своей общей эволюціи доходитъ до человѣка, существа одареннаго новою силою—разумомъ. Человѣкъ, участвуя въ міровомъ процессѣ и въ общей эволюціи органической жизни, хочетъ, какъ существо разумное, дать себѣ отчетъ, *при чемъ* самъ онъ лично въ этомъ общемъ міровомъ процессѣ, какой смыслъ его существованія, какъ индивидуальнаго существа, не могущаго получить ничего отъ будущихъ послѣдствій какой бы то ни было его дѣятельности. Этого разрѣшить разумомъ нельзя, религіи же это разрѣшаютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ появился человѣкъ, какъ существо одаренное разумомъ, неизбѣжно явились и религіи, т.-е. тѣ или другіе не рациональныя, не постигаемыя разумомъ объясненія смысла жизни, отношенія нашей индивидуальной личности къ міровому процессу.

Это значеніе религій въ исторіи человѣчества было, по мнѣнію автора, до сихъ поръ мало еще оцѣнено, а только такое важное значеніе ихъ можетъ объяснить біологу-эволюционисту выдающійся фактъ господствующаго значенія религій въ общественной эволюціи. Религіи—необходимые факторы этой эволюціи, примиряющіе разумныя стремленія эгоиста-индивидуума съ неразумными цѣлями общаго процесса развитія міровой жизни, не имѣющаго, можетъ быть, ничего общаго съ человѣческими цѣлями.

Объясненія происхожденія религій изъ чувства страха, боязни и пр. (Спенсера, Летуэрно и др.) авторъ считаетъ невѣрными, доказывая, что разумъ, видя безсмыслицу индивидуальнаго существованія, создаетъ непостигаемыя разумомъ религіозныя понятія, вызывающія этическое поведеніе отдѣльнаго лица.

Чему современное человѣчество обязано идеей равенства людей, идеей людской равноправности?

Разумъ и его высшее выраженіе—наука—придумать этого не

могли; вѣдь все, что извѣстно изъ научныхъ изслѣдованій о зачатіи, развитіи, наслѣдственности людей, о физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ качествахъ различныхъ индивидуумовъ—все это противъ людского равенства, противъ равноправности людей. И исторія человѣчества подтверждаетъ, что дѣйствительность людского неравенства не только признавалась, но и поддерживалась всѣми законами, и о какой-либо несправедливости этого неравенства не было и помину.

Никакая утилитарная мораль тоже не можетъ оправдать неразумныхъ альтруистическихъ стремленій отдѣльнаго лица. Останавливаясь на основной формулѣ утилитаристовъ: «наибольшее счастье наибольшаго числа людей», которой Гербертъ Спенсеръ въ «Data of Ethics» далъ какъ бы научное основаніе, авторъ отрицаетъ вѣрность этого ученія, какъ несогласнаго съ данными эволюціонной науки. Все ученіе утилитаристовъ разбивается о несомнѣнно наблюдаемый фактъ, что эволюціонная сила, дѣйствующая въ человѣческомъ обществѣ, направлена *на прогрессъ социальнаго организма, какъ цѣлаю*, причемъ интересы еще не родившихся, имѣющихъ родиться черезъ сотни, тысячи лѣтъ, даже невысказанныхъ грядущихъ поколѣній, до которыхъ никому изъ существующихъ въ данное время индивидуумовъ нѣтъ никакого дѣла, играютъ выдающуюся, первенствующую роль.

Только религіозныя вѣрованія, всегда недоступныя разуму, не постигаемыя, часто совсѣмъ внѣразумныя, давали, даютъ и будутъ давать неразумныя, альтруистическіе идеалы.

Въ общественной эволюціи эти альтруистическіе идеалы вели и продолжаютъ вести человѣчество по пути прогресса, такъ какъ, уравнивая людей разныхъ положеній и разнаго происхожденія, они дѣлаютъ все болѣе и болѣе справедливыми условія борьбы за существованія. Это велеть къ дифференцированію человѣческихъ типовъ, ко все большей и большей индивидуализаціи отдѣльныхъ членовъ общества, ко все большому обособленію индивидуальностей и большому удаленію отъ стадной жизни; а при такихъ условіяхъ борьба за существованіе «даетъ все лучшіе и лучшіе результаты», въ чемъ и состоитъ социальный прогрессъ.

Можно, впрочемъ, закончить эту замѣтку тѣмъ, чѣмъ В. Kidd начинаетъ свою книгу: «Несмотря на тѣ большіе успѣхи, которые сдѣлала наука въ послѣднее столѣтіе почти во всѣхъ другихъ

направленіяхъ, надо сознаться, что дѣйствительной науки о человѣческомъ обществѣ вовсе еще не существуетъ».

Николай Абриносовъ.

1793—1893. Празднованіе Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевскаго. Казань, 1894. 210 стр.

22-го октября 1893 г. исполнилось, какъ извѣстно, сто лѣтъ со дня рожденія геніальнаго рускаго геометра Н. И. Лобачевскаго, память о которомъ всегда жила и высоко чтилась въ Казанскомъ университетѣ; здѣсь Н. И. получилъ высшее образованіе, и ему онъ отдалъ всю свою жизнь, въ должностяхъ профессора, а потомъ и ректора. По инициативѣ проф. Ковальскаго, было предпринято еще въ 1868 году изданіе Полнаго собранія сочиненій Н. И. Лобачевскаго по геометріи—въ 2 т.; оно вышло, впрочемъ, только въ 1883—6 гг. Въ 1891 г. Физико-математическое Общество въ Казани испросило черезъ Совѣтъ Университета разрѣшеніе на составленіе по подпискѣ капитала имени Н. И. Лобачевскаго на учрежденіе премии и постановку бюста Н. И. Затѣмъ, самый день годовщины былъ торжественно отпразднованъ совмѣстно Университетомъ, Физико-математическимъ Обществомъ и Казанскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ; празднества продолжались три дня (22—24 октября 93 г.). Теперь вышло подробное описаніе этихъ празднествъ, изданное по единогласному рѣшенію Совѣта Университета, согласно предложенію ректора.

Книга состоитъ изъ описанія празднествъ, рѣчи ректора Университета, заключающей въ себѣ біографію Н. И., привѣтствій, адресовъ, поздравительныхъ телеграммъ и писемъ (III), полученныхъ въ дни торжествъ отъ разныхъ лицъ, обществъ и учреждений, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и изъ рѣчей профессоровъ: Ф. М. Суворова, А. В. Васильева и А. И. Смирнова и директора реального училища И. А. Износкова. Къ книгѣ приложенъ также очень хорошій портретъ покойнаго ученаго.

Мы попытаемся сейчасъ на основаніи рѣчей профессоровъ Суворова и Смирнова указать коротко на заслуги Лобачевскаго въ дѣлѣ критики основныхъ положеній и предположеній геометріи и на значеніе его трудовъ для психологіи и теоріи познанія.

Обычно употребляемая геометрія впервые была систематически изложена, какъ извѣстно, Эвклидомъ за 270 лѣтъ до Р. Х., но первыя геометрическія понятія и аксіомы были выработаны, конечно, гораздо раньше—совокупнымъ опытомъ всего древняго человѣчества. Этотъ фактъ *опытною* происхожденія аксіомъ геометріи ни тогда, ни долго послѣ не былъ замѣченъ. Въ виду чрезвычайной простоты, наглядности и, можно сказать, безконечной повторяемости нашихъ пространственныхъ воспріятій, индуктивная, опытная основа геометріи совсѣмъ исчезала изъ вида,—и она считалась наукой чисто-дедуктивной изъ приращенныхъ духу и необходимыхъ аксіомъ, касающихся пространства. Забывали, что эти аксіомы — не что иное, какъ нѣкоторыя изъ нашихъ первыхъ и наиболѣе очевидныхъ обобщеній, касающихся естественныхъ предметовъ, и что геометрія есть «точная» и необходимо достовѣрная наука лишь постольку, поскольку ея теоремы необходимо вытекаютъ изъ лежащихъ въ ея основаніи аксіомъ. Разъ эти аксіомы вѣрны, вся геометрія вѣрна; разъ мыслимы другія аксіомы, мыслима и другая геометрія: «аксіомы, какъ первичныя допущенія, выражающія основные законы пространства, лежатъ въ основѣ всякихъ построеній и доказательствъ»; «это — гипотезы, какъ ихъ называлъ Риманъ, или факты, лежащіе въ основаніи геометріи, какъ называетъ ихъ Гельмгольцъ». Повторяющійся безконечное количество разъ въ жизни каждаго индивидуума опытъ *дѣйствительнаю*, Эвклидова пространства такъ укрѣплялъ и упрочивалъ въ умахъ основныя характеристики этого пространства, что оно считались отнюдь не *дѣйствительностью* только, получаемой изъ опыта и теоретически не исключавшей возможности пространствъ съ совсѣмъ другими основными свойствами, а чѣмъ-то *единственно возможнымъ*, какою-то *необходимою* формой нашего воспріятія внѣшняго міра.

Изъ трехъ положеній, которыя Эвклидъ положилъ въ основаніе своей геометріи: 1) фигуры на плоскости и въ пространствахъ могутъ быть перемѣщаемы безъ складокъ и разрыва, 2) прямая линія вполнѣ опредѣляется какими угодно двумя ея точками, и 3) если изъ какой-либо точки прямой линіи будетъ проведенъ къ ней перпендикуляръ, а изъ другой точки той же прямой проведена будетъ какая-либо наклонная линія, то перпендикуляръ и наклонная необходимо встрѣтятся,—первыя два казались вполнѣ очевидными, оправдывающимися всѣми ежедневными

опытами и наблюденіями, а потому и были признаны безусловно истинными,—аксіомами, не требующими доказательствъ, врожденными человѣку. Третье же положеніе не было столь очевидно, и представлялось необходимымъ убѣдиться на опытѣ или дедуктивно доказать, что, какъ бы наклонная ни была близка къ перпендикуляру, она необходимо пересѣчется съ нимъ, хотя бы на разстояніи очень далекомъ отъ прямой и для насъ недоступномъ. Такъ какъ такая непосредственная повѣрка невозможна въ виду ограниченности нашего чувственного опыта, то Эвклидъ и призналъ это послѣднее положеніе необходимымъ допущеніемъ, *постулатомъ* геометріи. Но большинство геометровъ послѣ Эвклида, стремясь къ возможной строгости и систематичности, приходили къ выводу, что нѣтъ необходимости считать это положеніе недоказуемымъ постулатомъ, что можно и должно найти для него надлежащее доказательство, котораго и искали въ обоихъ направленіяхъ—отвлеченно-логическомъ и конкретно-эмпирическомъ. Сообразно съ общимъ направленіемъ теоретической мысли, сначала шли первымъ путемъ: искали дедуктивныхъ доказательствъ этого положенія, которыхъ, по общему убѣжденію, не усмотрѣлъ Эвклидъ. Но всѣ эти попытки потерпѣли рѣшительную неудачу, и вотъ въ связи съ блестящими успѣхами *опытныхъ* знаній и теоретическою разработкой научной методологии, мало-по-малу приходятъ къ мысли—искать доказательства путемъ непосредственнаго наблюденія и опыта. Съ этого именно и началъ свои работы по геометріи Н. И. Лобачевскій.

Однимъ изъ слѣдствій положенія, о которомъ идетъ вопросъ,—«слѣдствіемъ вполне замѣняющимъ самое положеніе,—является теорема, что сумма угловъ всякаго треугольника равна двумъ прямымъ, если только положеніе Эвклида справедливо; если же, вопреки положенія Эвклида, допустить существованіе наклонныхъ, которыя не встрѣчаютъ перпендикуляра, то сумма угловъ треугольника будетъ менѣ двухъ прямыхъ, и притомъ, чѣмъ размѣры треугольника будутъ болѣе, тѣмъ болѣе сумма угловъ будетъ уклоняться отъ двухъ прямыхъ. Вотъ этимъ послѣдствіемъ и хотѣлъ воспользоваться Лобачевскій для провѣрки третьяго положенія Эвклида. Для этой цѣли онъ бралъ наибольшіе изъ доступныхъ нашему измѣренію треугольниковъ, именно треугольники, основаніемъ которыхъ служитъ діаметръ земной орбиты, а противоположною вершиною—неподвижная звѣзда, и нахо-

диль, насколько въ такихъ треугольникахъ сумма угловъ можетъ отступать отъ двухъ прямыхъ. Оказалось, что даже въ наибольшихъ треугольникахъ сумма угловъ такъ мало можетъ отличаться отъ двухъ прямыхъ, что эта разность скрывается въ погрѣшностяхъ наблюдений». Такимъ образомъ, непосредственное наблюдение потерпѣло неудачу, не разрушило геометріи Эвклида; оно и не могъ удаться, такъ какъ, разъ дѣйствительное пространство есть пространство Эвклидово и всѣ наши геометрическія представленія и измѣрительные инструменты построены на основаніи аксіомъ этого пространства, то нельзя, пользуясь ими, получить опроверженія этихъ аксіомъ. Итакъ, оказалось, что дѣйствительное пространство, въ доступныхъ нашему наблюдению предѣлахъ, есть пространство Эвклидово.

Но эта неудача не охладила Лобачевского, — онъ перешелъ только теперь къ другому методу научной мысли: онъ рѣшилъ дедуцировать и построить рядъ теоремъ, исходя изъ предположенія, противоположнаго третьему Эвклидову, и оставляя въ силѣ два первыхъ. «Оказалось, что ни одна изъ такихъ теоремъ, совершенно отличныхъ отъ теоремъ геометріи Эвклида», не представляетъ никакой нелогичности. «Такимъ образомъ, Лобачевскій создаетъ, параллельно съ геометріей Эвклида, новую геометрію, которая съ такимъ же удобствомъ можетъ служить для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, относящихся къ плоскости и пространству, какъ и геометрія Эвклида. Хотя Лобачевскій и называетъ свою геометрію «воображаемой», но она настолько же воображаема, какъ и геометрія Эвклида; которая изъ нихъ справедлива, какое въ дѣйствительности существуетъ пространство (во всемъ его цѣломъ, а не въ однихъ доступныхъ нашему наблюдению предѣлахъ), измѣренія не даютъ отвѣта, такъ какъ нашему измѣренію доступны только весьма малыя части пространства, и какъ вообще малыя части кривыхъ поверхностей кажутся плоскими, то и весьма малыя части пространства или плоскости Лобачевского (плоскость Лобачевского, построенная въ нашемъ, Эвклидовомъ пространствѣ, получаетъ форму нѣкоторой кривой поверхности, небольшая часть которой имѣютъ форму сѣдла; это — такъ называемая, «поверхность съ постоянной отрицательной кривизной») не даютъ уклоненій отъ Эвклидовыхъ пространства и плоскости. Такимъ образомъ, если бы пространство Лобачевского и было истиннымъ, дѣйствительнымъ

пространствомъ, то все же Эвклидова геометрія могла бы быть разсматриваема какъ приближенный способъ для рѣшенія задачъ, относящихся къ геометрическимъ формамъ небольшихъ размѣровъ, какъ это практикуется и теперь при измѣреніи небольшихъ частей земной поверхности, когда мы не обращаемъ вниманія на шарообразную форму земли». (Рѣчь проф. Суворова).

Значеніе этихъ открытій и построений Лобачевского очень велико. Прежде всего, они являются замѣчательнымъ успѣхомъ въ математическомъ смыслѣ, такъ какъ открываютъ обширныя перспективы для анализа—обобщеніемъ понятія пространства, низведеніемъ нашего, Эвклидова пространства со степени единственно возможнаго, необходимаго — до степени просто дѣйствительнаго на-ряду со многими другими, *возможными*; работы новѣйшихъ геометровъ создали на основаніи трудовъ Лобачевского цѣлую особую вѣтвь математики—*геометрію многихъ измѣреній*. Во-вторыхъ, работы Лобачевского и созданное имъ направленіе геометріи служатъ однимъ изъ замѣчательныхъ доказательствъ индуктивнаго возникновенія аксіомъ геометріи; разъ Эвклидово пространство—не необходимая форма нашего воспріятія, разъ на-ряду съ нимъ теоретически возможны и многія другія, то чѣмъ же объясняется наличность въ нашемъ духѣ именно этой формы пространства? Очевидно, тѣмъ, что именно оно дается опытомъ (во вѣсѣхъ его какъ субъективныхъ, такъ и объективныхъ условіяхъ), именно оно складывается мало-по-малу изъ опыта, дѣлаясь *дѣйствительною* формой нашего воспріятія внѣшняго міра. Иначе говоря, геометрія, какъ естественная наука, необходимо, такъ сказать, навязываемая намъ нашимъ опытомъ, не терпитъ ни малѣйшаго ущерба, не теряетъ ничего изъ своей основанной на *всеобщемъ* опытѣ человечества обязательности, и, конечно, въ случаяхъ несогласія ея теоремъ съ данными опыта, мы должны прежде заподозрѣть показанія послѣдняго или найти новыя, измѣняющія дѣло условія, чѣмъ отказаться отъ достовѣрности аксіомъ нашей геометріи.

Но, съ математической стороны, благодаря этимъ изслѣдованіямъ, геометрія обобщилась такъ, какъ ариѳметика ранѣе обобщилась въ алгебру;—отсюда вышла разработка новыхъ аналитическихъ приѣмовъ, и добытые здѣсь результаты нашли приложение въ разныхъ отдѣлахъ математики и явились усовершенствованными орудіями изслѣдованія. Они могутъ быть полезны и для геометріи, потому что, представляя собою обобщеніе геометріи-

ческихъ соотношеній, могутъ указывать на такія связи и зависимости между предложеніями геометріи, подмѣтитъ которыя безъ ихъ помощи было бы невозможно, и такимъ образомъ могутъ открывать новые пути для изслѣдованій о дѣйствительномъ пространствѣ.

Вотъ какъ резюмируетъ проф. Смирновъ значеніе работъ, основаніе которымъ положено трудами Н. И. Лобачевского: «Къ такого рода идеямъ возможно двоякое отношеніе. Во-первыхъ, это суть предположенія, для которыхъ нѣтъ никакихъ основаній въ тѣхъ явленіяхъ или движеніяхъ, которыя составляютъ объектъ научнаго наблюденія. Слѣдовательно, придавать имъ значеніе научныхъ гипотезъ, которыя сейчасъ же должны подлежать повѣркѣ, или которыя могли бы оказать вліяніе на научныя наблюденія и теоріи, едва ли слѣдуетъ... Но, съ другой стороны, въ соображеніяхъ Римана и другихъ негеометровъ, собственно, высказывается глубокая мысль объ ограниченности человѣческаго знанія, въ силу чего самыя, повидимому, достовѣрнѣйшія наши сужденія могутъ включать ошибку, или оказаться ошибочными при совершенно новыхъ условіяхъ наблюденія и опыта... Негеометры выражаютъ протестъ противъ всякаго догматизма, т.-е. противъ всякаго некритическаго предположенія абсолютной достовѣрности хотя бы лишь нѣкоторыхъ отдѣловъ нашего знанія». Они отрываютъ, такъ сказать, мысль отъ наличной дѣйствительности, умственно построая, хотя бы даже и не существующія нигдѣ реально, возможности.

Такимъ образомъ, идеи и труды Лобачевского, этого «Коперника геометріи», являютъ одной изъ величайшихъ побѣдъ за послѣднія столѣтія того міровоззрѣнія, которое ближе всего опредѣляется терминомъ «эмпирическаго идеализма»; они ставятъ его имя въ одинъ рядъ съ великими родоначальниками современной намъ «эпохи эмпирическаго изученія природы». Съ другой стороны, они являютъ и торжествомъ отвлеченной, математической, построяющей мысли, торжествомъ той способности человѣческаго духа, которую иногда называютъ «свободнымъ творчествомъ, разумно-творческой свободой» его и которая надъ *дѣйствительнымъ* создаетъ еще *возможное*. Если въ области ума эта способность проявляется въ такихъ завоеваніяхъ мысли, каковы результаты работъ Лобачевского, то въ сферѣ руководимой чувствомъ воли она выражается въ построеніи идеаловъ.

В. Иваковскій.

G. Dumas. Les états intellectuels dans la mélancolie. Paris, Alcan. 142 стр. in 16. 1895.

Авторъ начинаетъ съ разбора вопроса, что предшествуетъ у меланхолика, — чувство удрученности или же печальныя мысли? Большинство наблюдений говоритъ за первое предположеніе, — «у больного печальныя мысли потому, что онъ печаленъ» (стр. 13); больной какъ бы старается постоянно объяснить себѣ свое удрученное состояніе; онъ подыскиваетъ то тотъ, то другой фактъ въ своей жизни, чтобъ объяснить себѣ свое состояніе; удрученное состояніе направляетъ мысль именно въ эту сторону, а мысль о печальномъ въ свою очередь усиливаетъ удрученное состояніе больного. Одно изъ доказательствъ того, что чувство предшествуетъ мысли, авторъ видитъ въ несоотвѣтствіи интенсивности чувства съ причинами, приводимыми больнымъ (стр. 48).

Мы не думаемъ, что въ этомъ фактѣ можно видѣть доказательство того, что чувство предшествуетъ мысли; вѣдь, меланхоликъ отчасти тѣмъ и отличается отъ нормальнаго человѣка, что малѣйшая причина, которая на здороваго человѣка почти не повліяла бы, дѣлаетъ его печальнымъ. Мы не знаемъ, происходитъ ли это оттого, что у больного есть уже чувство печали и малѣйшій толчокъ въ состояніи его усилить, или же подобнаго чувства нѣтъ совсѣмъ, но оно развивается весьма легко.

Рядомъ съ случаями меланхолии, начинающимися съ расстройства чувства, авторъ указываетъ на то, что встрѣчаются также меланхолии съ интеллектуальнымъ началомъ; онѣ являются послѣ какого нибудь душевнаго потрясенія, и въ этихъ случаяхъ больные объясняютъ свое удрученное состояніе всегда одной и той же причиной, именно тѣмъ фактомъ, послѣ котораго произошла меланхолия. Далѣе авторъ изучаетъ абупію (*aboulie*), почти постоянно сопровождающую меланхолию; въ большинствѣ случаевъ больной задумываетъ что-нибудь сдѣлать, на примѣръ, написать письмо, но не можетъ на это рѣшиться и оправдываетъ себя какою-нибудь причиной, тѣмъ на примѣръ, что письмо можетъ прочесть кто-нибудь другой, и т. д. Въ меланхоліяхъ вообще всѣ психическіе акты замедляются.

Въ заключеніе авторъ приходитъ къ выводу, что въ меланхолии мысль постоянно подвергнута закону синтеза, т. е. больной постоянно даетъ себѣ объясненіе своихъ чувствъ и дѣйствій. Эта

координація безсознательна,—больной безсознательно самъ себя обманываетъ.

Во второй части своего сочиненія авторъ старается на 30 страницахъ доказать теорію Ланге и Джемса, что чувство есть сознание органическихъ измѣненій и, слѣдовательно, обуславливается ими. Онъ показываетъ, что въ меланхоліи всѣ процессы органической жизни ослаблены, больной чувствуетъ себя усталымъ, разбитымъ. Когда меланхоликъ старается разъяснить свое состояніе, то онъ и указываетъ на эту усталость и на разныя органическія измѣненія. Изъ всего этого и изъ того факта, что когда дѣятельность организма становится нормальной, меланхолія проходитъ, авторъ заключаетъ, что чувство меланхоліи есть не что иное, какъ сознание этихъ измѣненій организма, т.-е. есть совокупность ощущеній, сопровождающихъ эти измѣненія. Эти разсужденія, думаемъ мы, недостаточны, чтобы сдѣлать общій выводъ въ пользу теоріи Ланге.

Викторъ Анри.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціею.

И. С. Андреевскій. Генезисъ науки, ея принципы и методы. Часть II. Кіевъ, 1894. 32 стр.

В. К. Бартъ. Исслѣдованія объ ощущеніи мѣста и о памяти этого ощущенія. Диссертация на степень д-ра мед. Юрьевъ, 1894. 40 стр.

Д-ръ Георгій Бертенсонъ. Новое міровоззрѣніе. Спб. 1894. 54 стр.

Н. Я. Гротъ. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Изд. Посредника для интеллигентныхъ читателей. XXXVI. М. 1894. 256 стр. Ц. 60 к.

М. Демковъ. О нравственномъ воспитаніи (отд. отт. изъ Педагогич. Сборника 1894, № 6).

Ив. Ивановъ. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII в. М., 1895. XXII+748 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. А. Кирпичниковъ. Достоевскій и Писемскій. Опытъ сравнительной характеристики (двѣ публичныя лекціи). Одесса, 1894. 88 стр.

Д-ръ К. Кръстевъ. Етюди и критики. София. 1894. 278 стр. Ц. 3 лева.

Paul Leuckfeld. Zur logischen Lehre von der Induction. Sonderabdruck aus dem Archiv f. Geschichte d. Philosophie.

Международная библиотечка. Изданіе Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. 1894. — № 15. **Ф. Штрайслеръ.** Происхожденіе семьи. 30 стр. Ц. 15 к. — №№ 16 и 17. **А. Фуллье.** Психологія мужчины и женщины и ея фізіологическія основанія. 62 стр. Ц. 25 к. — № 18. **А. Шопенгауэръ.** О возрастахъ челоуѣка. 32 стр. Ц. 15 к. — № 19. По **Лабанду.** Государственный строй Германской имперіи. 32 стр. Ц. 15 к. — № 20. **Густавъ Шенбергъ.** Новая политическая экономія. 39 стр. Ц. 15 к. — № 21. **Альфредъ Бинэ.** Механизмъ мышленія (пер. съ англійскаго). 32 стр. Ц. 15 к.

Проф. И. Г. Оршанскій. Позитивизмъ и контизмъ. Спб. 1894. 148 стр.

Отчетъ о дѣятельности комитета Тобольскаго Общества трезвости за 189³/₄ (первый) годъ. Тобольскъ, 1894. 48+11 стр.

В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ **Θ. М. Достоевскаго.** Опытъ критическаго комментарія. Спб., 1894. Ц. 1 р. 50 к. 234 стр.

Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ. Юбилейное изданіе (1794--1894). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. 7-й томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ, 1894 г. СXXXI+132+352 стр. Ц. 4 р.

Альфредъ Фулье. Декартъ. Пер. съ франц. А. П. Татариновой, подъ ред. проф. Н. Я. Грота. Съ приложеніемъ главы изъ «Исторіи новой философіи» В. Виндельбанда: «Барухъ Спиноза». Изд. Посредника для интеллигентныхъ читателей. ХЛІ. М., 1895. 384 стр. 80 коп.

Н. Шевченко. Положеніе логики среди другихъ предметовъ гимназическаго курса. Харьковъ. 1894. 59 стр.

II. Обзоръ журналовъ.

Philosophische Studien, т. 10, кн. 1, стр. 1—125.

Wundt. О психической причинности и принципѣ психофизическаго параллелизма.

Въ этой статьѣ Вундтъ подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о психической причинности съ спеціальною цѣлю — указать правильныя основанія для психологіи; при этомъ онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, новое направленіе въ физиологической психологіи, принимающее явственно матеріалистическій характеръ (Мюнстербергъ, Цигенъ и др.).

Сначала Вундтъ объясняетъ, какъ онъ понимаетъ принципъ *психофизическаго параллелизма*. Принципъ психофизическаго параллелизма въ исторіи науки появлялся въ двойной формѣ: какъ *метафизическое* предположеніе, выходящее за предѣлы опыта, такъ какъ оно разсматриваетъ внѣшнюю природу и духовное бытіе, какъ параллельно другъ другу идущія формы проявленія одной абсолютной субстанции, — и какъ *эмпирический* постулатъ, къ которому приходитъ физиологія, съ одной стороны, и психологія, съ другой, коль скоро онѣ пытаются на основаніи понятія причинности, выработаннаго естественною наукой, дать отчетъ о взаимныхъ отношеніяхъ между физическими и психическими процессами въ живомъ организмѣ. Метафизическій взглядъ (у Спинозы) оставляется Вундтомъ безъ разсмотрѣнія. Онъ говоритъ только о томъ принципѣ параллелизма, который вытекаетъ изъ разсмотрѣнія естественной причинности — какъ эмпирический постулатъ.

Психофизическія взаимодействія, согласно опыту, возможны въ двухъ направленіяхъ: въ *физико-психическомъ* и *психофизическомъ*. Первое мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда какое-

либо физическое дѣйствіе на организмъ мы рассматриваемъ какъ причину, которая производитъ какое-либо психическое дѣйствіе, напимѣръ, ощущение. Вторая форма осуществляется въ томъ случаѣ, когда какой-либо волевой импульсъ, рассматриваемый какъ причина, порождаетъ какое-либо движеніе.

По мнѣнію Зигварта, допущеніе, что физическая причинность есть нѣчто въ себѣ замкнутое, есть индукція сомнительной цѣнности, которая падаетъ, какъ только мы сталкиваемся съ фактами, говорящими намъ о воздѣйствіи психическихъ причинъ на физическую жизнь или физическихъ причинъ на психическую. По мнѣнію Вундта, принципы, доказанные при анализѣ простыхъ явленій, должны быть приложены къ изслѣдованію сложныхъ процессовъ, если только нельзя привести прямыхъ доводовъ противъ такого перенесенія. Такихъ прямыхъ доводовъ нельзя получить изъ разсмотрѣнія психофизическихъ взаимодействій, такъ какъ они вполне подчиняются тому предположенію, что и они образуютъ замкнутый въ себѣ кругъ естественныхъ процессовъ; но съ опредѣленными физиологическими процессами одновременно и закономерно связываются извѣстные психическіе процессы, которые, находясь внѣ круга естественныхъ процессовъ, не противорѣчатъ также принципу замкнутости послѣднихъ. При этомъ допущеніи остается тотъ постулатъ, что физическіе процессы могутъ быть объяснены только изъ другихъ физическихъ процессовъ, о закономерной же связи опредѣленныхъ психическихъ элементарныхъ явленій съ физиологическими процессами дается отчетъ при допущеніи прямой какъ психико-физической, такъ и физико-психической причинности. Положеніе, сформулированное такимъ образомъ, есть не что иное, какъ принципъ *психофизическаго параллелизма*, и именно въ томъ его пониманіи, въ которомъ онъ открывается опытомъ безъ всякаго отношенія къ метафизическимъ гипотезамъ.

Если согласиться, что съ опредѣленными физическими процессами въ чувственныхъ центрахъ законообразно возникаютъ опредѣленные ощущенія, то, очевидно, допущеніе, что оба процесса, физическій и психическій, идутъ другъ другу параллельно, и допущеніе, что физическій процессъ дѣйствуетъ на душу и побуждаетъ ее къ ощущеніямъ, суть только различныя выраженія для одного и того же факта, которыя по отношенію къ физической сторонѣ процессовъ ничѣмъ не отличаются, а

по отношенію къ психической сторонѣ отличаются только тѣмъ, что второе выраженіе, на-ряду съ замкнутой цѣпью физическихъ событій, принимаетъ еще воздѣйствіе послѣднихъ на душу, въ какомъ воздѣйствіи эмпирично только лишь закономѣрное сосуществованіе психическихъ элементарныхъ процессовъ съ опредѣленными членами фізіологической причинной связи. Принципъ *параллелизма* ограничивается выраженіемъ этого эмпирическаго факта, принципъ же *физико-психической причинности* присоединяетъ къ нему еще метафизическое допущеніе, по которому душа есть какъ бы особаго рода *субстанція*, доступная физическимъ воздѣйствіямъ и производящая въ свою очередь также опредѣленные физическія воздѣйствія. Эта субстанція только въ томъ уклоняется отъ другихъ матеріальныхъ субстанцій, что воздѣйствіе силы на нее не пропадаетъ изъ общей связи физическихъ силъ; дѣло обстоитъ такимъ образомъ, какъ если бы этотъ источникъ психическаго превращенія возбужденія совѣмъ не существовалъ.

Такимъ образомъ, только въ одной формѣ можетъ быть допущено положеніе *психофизической причинности* особаго рода, именно въ той формѣ, въ которой она идентична, съ одной стороны, съ принципомъ замкнутой естественной причинности, а съ другой—съ принципомъ параллелизма. Ничто не мѣшаетъ намъ сказать, что *психическія дѣйствія физическихъ причинъ* суть *психическіе* процессы, которые изъ *физическаго* причиннаго ряда вытекаютъ такимъ образомъ, что ихъ возникновеніе не производитъ никакого измѣненія въ ходѣ этихъ *физическихъ* рядовъ; *физическія дѣйствія психическихъ причинъ* суть *физическіе* процессы, которые закономѣрно связаны съ *психическими* условіями, но при этомъ, рассматриваемыя *физически*, могутъ быть вполне выведены только изъ *физическаго* причиннаго ряда. Это и есть тотъ смыслъ, въ которомъ мы вездѣ въ психологіи говоримъ о психофизическихъ причинныхъ отношеніяхъ; это—другая форма выраженія для принципа параллелизма.

Для эмпирическаго приложенія *принципа параллельности* въ области психологіи руководящими являются слѣдующія положенія:

1. Послѣдніе элементы нашихъ представленій состоятъ въ ощущеніяхъ, которыя, постоянно получая начало отъ впечатлѣній, идутъ параллельно съ физическими процессами, закономѣрно сосуществующими съ ними во времени.

2. О способѣ соединенія этихъ элементовъ, т. е. о формѣ представленія, изъ нихъ возникающаго, принципъ параллельности не можетъ дать никакого заключенія. Единственное слѣдствіе, которое онъ допускаетъ, заключается въ томъ, что закономѣрному сосуществованію или слѣдованію въ одной области соотвѣтствуютъ такія же закономѣрныя сосуществованія и послѣдовательность въ другой области. Нашъ способъ пониманія этихъ психическихъ формъ есть всегда продуктъ процесса сознанія, который, какъ таковой, совершенно несравнимъ съ какими-либо физическими процессами, такъ что эти послѣдніе о немъ не могутъ дать никакого отчета.

Съ точки зрѣнія этихъ основныхъ своихъ взглядовъ на законъ психофизическаго параллелизма, Вундтъ подвергаетъ критикѣ матеріалистическую психологію Мюнстерберга и Цигена. Матеріалистическая психологія дѣйствуетъ на основаніи двухъ постулатовъ: 1) все содержаніе сознанія состоитъ изъ отдѣльныхъ ощущеній и 2) всѣ связи ощущеній могутъ быть объясняемы только физиологически. Отдѣльныя попытки объясненій матеріалистической психологіи всѣ согласуются въ томъ, что онѣ психическіе процессы сводятъ на физиологическіе и думаютъ, что такимъ образомъ ихъ психологическое объясненіе вполнѣ закончено.

Послѣ обстоятельной критики отдѣльныхъ положеній психологіи Мюнстерберга и Цигена, Вундтъ переходитъ къ изложенію своего взгляда на *психическую причинность*.

О причинности въ психической жизни можно говорить постольку, поскольку мы имѣемъ дѣло съ законосообразностями психическихъ событій, которыя принуждаютъ нашу логическую мысль къ примѣненію принципа основанія и слѣдствія. Связь психическихъ событій исключаетъ примѣненіе *уравненій причинности*. Именно это послѣднее обстоятельство, — что принципы психической причинности, какъ это зараңѣе нужно ожидать на основаніи свойствъ духовныхъ явленій въ сравненіи съ физическими отношеніями причинности, представляютъ собою нѣчто абсолютно отличное отъ причинности физической, — и дѣлаетъ для насъ понятнымъ, что обѣ формы причинности могутъ быть наблюдаемы на одномъ и томъ же реальномъ субстратѣ, психическомъ индивидуумѣ, что онѣ при этомъ не мѣшаютъ другъ другу и не относятся къ различнымъ фактамъ, но доставляютъ дополняющія основоположенія для объясненія одной и той же фактической связи.

Принципы, которые рассматриваются какъ специфическій признакъ психической причинности въ сравненіи съ физической причинностью, суть слѣдующіе: 1) *принципъ чистой актуальности дѣйствія или событія* (des Geschehens); 2) *принципъ творческаго синтеза*; 3) *принципъ относящаго анализа*. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Принципъ чистой актуальности дѣйствія. Подъ нимъ Вундтъ разумѣетъ тотъ фактъ, что каждое психическое содержаніе есть процессъ (Actus), что, слѣдовательно, постоянныхъ предметовъ, какіе естественная наука должна предполагать въ своей сферѣ, не существуетъ въ психической области, т.-е. въ предѣлахъ нашихъ непосредственныхъ переживаній. Изъ этой актуальности дѣйствія слѣдуетъ, что и принципъ психической причинности есть принципъ чисто актуальной причинности. Въ качествѣ причины опредѣленнаго единичнаго событія поэтому здѣсь всегда можетъ быть какое-нибудь другое событіе или извѣстная сумма событій безъ всякаго участія постоянныхъ предметовъ. Необходимость этого принципа слѣдуетъ непосредственно изъ того, что въ каждой опытной наукѣ—какъ въ качествѣ причинъ, такъ и въ качествѣ слѣдствій—можетъ быть принимаемо только лишь содержаніе опыта. Если въ психической области все содержаніе опыта—чистыя событія, то отсюда ясно, что только таковыя и могутъ входить здѣсь въ отношенія причинности. Чтобы ясно распознать, что такое «чистое событіе», мы должны отвлечься отъ всѣхъ психофизическихъ отношеній и стать на чисто-психологическую точку зрѣнія, т.-е. мы должны предполагать данными простые элементы психическихъ процессовъ и постараться отвѣтить на вопросъ, по какимъ законамъ эти элементы соединяются и дѣйствуютъ другъ на друга въ своихъ соединеніяхъ. Но если мы желаемъ объяснить это психологически, то мы никогда не должны подставлять вмѣсто психическихъ процессовъ физиологическіе, параллельные имъ, процессы.

Субъектъ всякаго психическаго событія есть психическій индивидуумъ со всѣми его реальными свойствами, а это дано просто въ совокупности всѣхъ психическихъ переживаній; поэтому *психическій индивидуумъ есть постоянная связь самаго психическаго событія*. Съ непрерывной связью событія, посредствомъ котораго соединены всѣ психическія переживанія индивидуума другъ съ другомъ, находится въ связи дальнѣйшее важное свойство пси-

хической причинности. Ближайшія и именно рѣшающія причины единичнаго событія не должны быть непременно событіями, которыя непосредственно предшествуютъ по времени слѣдствію, но онѣ могутъ быть произвольно удаленными во времени отъ принимаемаго событія. Близкое и отдаленное одинаково образуютъ составныя части связи, каждое звено которой въ каждый моментъ можетъ слѣлаться актуальнымъ.

Каждый психическій индивидуумъ въ формѣ такъ называемыхъ *предрасположеній* (Anlagen) приноситъ съ собою извѣстное число первоначальныхъ условій, которыя опредѣляютъ только особую дѣйствительность собственно психическихъ причинъ. Въ психической области несравненно труднѣе, чѣмъ въ физической, провести границу между ближайшими и болѣе отдаленными причинами опредѣленнаго событія, такъ что мы въ большинствѣ случаевъ сложной психической причинности истинныя причины можемъ опредѣлить только въ очень неопредѣленныхъ чертахъ. Существованіе и важное вліяніе подобныхъ первоначальныхъ предрасположеній несомнѣнно, но достовѣрно и то, что имъ присуща всегда только роль болѣе отдаленныхъ *условій*, а не прямыхъ *причинъ*. Напримѣръ, если мы возьмемъ самую сложную область сложныхъ человѣческихъ волевыхъ дѣйствій, то какое-нибудь преступное дѣйствіе, по всей вѣроятности, 9 разъ въ 10 случаяхъ опредѣляется первоначальнымъ предрасположеніемъ; но это послѣднее само по себѣ такъ же не можетъ произвести непосредственно какого-либо дѣйствія, какъ земля сама по себѣ не можетъ произвести паденія какого-либо тѣла, если только оно не будетъ приведено въ соотвѣтствующее положеніе. Есть существенное различіе между такими первоначальными способностями и постоянными условіями естественныхъ событій. Эти предрасположенія дѣйствуютъ всегда неизмѣннымъ образомъ, но опытъ учитъ, что онѣ сами, вслѣдствіе присоединяющихся актуальныхъ причинъ, подчинены постоянному видоизмѣненію. Поэтому и онѣ должны быть разсматриваемы только какъ измѣнчивыя условія, которыя какимъ-либо образомъ видоизмѣняютъ актуальныя психическія условія, но при этомъ, съ своей стороны, постоянно видоизмѣняются каждымъ отдѣльнымъ событіемъ. Если поэтому эти измѣняющіяся предрасположенія не лишаютъ психическую причинность ея актуальнаго характера, то это бываетъ еще меньше при тѣхъ сложныхъ продуктахъ многихъ единичныхъ происшествій, которыя мы обо-

значаемъ какъ пріобрѣтенныя способности. Дѣйствующій субъектъ не есть какое-либо постоянное условіе, но сумма причинъ и условій, изъ которыхъ первая состоятъ въ психическихъ событіяхъ, послѣднія въ постоянно видоизмѣняющихся способностяхъ, обладающихъ характеромъ измѣнчивыхъ состояній, а не постоянныхъ свойствъ. Различіе между *причинами* и *условіями* въ психической области заключается въ томъ, что мы психическими причинами признаемъ такія основанія событій, которыя сами суть событія; психическими условіями мы признаемъ тѣ состоянія, видоизмѣняемая новыми событіями, которыя мы называемъ врожденными или пріобрѣтенными предрасположеніями.

Въ этихъ свойствахъ заключаются существенные признаки различія *психической* и *физической* причинности. Физическая причинность также исходитъ изъ понятія событія, ибо гдѣ не происходитъ никакого событія, тамъ вопросъ о причинности не можетъ возникать. Но въ каждой физической причинѣ принимаютъ непосредственно участіе постоянныя условія, исходящія отъ неизмѣнныхъ объектовъ природы и входящія поэтому въ каждое уравненіе причинности; они и дѣлаютъ впервые возможными прочныя отношенія между причинами и слѣдствіями. Характеръ физической причинности субстанціальный. Совсѣмъ иначе въ психической причинности, потому что тамъ нѣтъ психическихъ объектовъ, какъ постоянныхъ носителей событій. Въ измѣнчивости условій, входящихъ въ психическую причинность, лежитъ самое очевидное внѣшнее отличіе ея отъ физической причинности, а именно, — невозможность причинное отношеніе подобнаго рода представить въ формѣ причинныхъ уравненій. Есть и еще различіе между психической и физической причинностью. Между тѣмъ какъ физическая причинность можетъ быть найдена посредствомъ ряда *умозаключеній* и предположеній, которыя мы присоединяемъ къ содержанію воспріятія, — нахожденіе психическихъ причинъ есть дѣло непосредственнаго *психологическаго анализа содержанія сознанія*, такъ какъ послѣдніе факторы психической причинности суть непосредственные факты сознанія, а не какія-либо гипотетическія силы или субстанціи, которыя принимаются на основаніи анализа. Въ психической области причинное отношеніе дано во внутреннемъ воспріятіи непосредственно. На этомъ же основывается и то, что *психическая причинность есть первоначальная, физическая причинность выводная*.

Принципъ творческаго синтеза. Подъ этимъ Вундтъ разумѣтъ тотъ фактъ, что психическіе элементы посредствомъ причинныхъ взаимодействій производятъ соединенія, которыя, хотя изъ своихъ составныхъ частей могутъ быть психологически объяснены, но въ то же время обладаютъ новыми свойствами, которыя не заключались въ элементахъ. Поскольку психическій синтезъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ производитъ нѣчто новое, Вундтъ называетъ его творческимъ. Каждое воспріятіе разложимо на элементарныя ощущенія. Но оно никогда не есть простая сумма этихъ ощущеній, такъ какъ изъ соединенія ихъ возникаетъ всегда нѣчто новое, обладающее своеобразными признаками, не заключающимися въ ощущеніяхъ. Такъ, на примѣръ, мы изъ множества свѣтовыхъ впечатлѣній складываемъ представленіе пространственной формы.—Принципъ творческаго синтеза содержитъ важный отличительный признакъ психической причинности отъ физической. Качество физическихъ дѣйствій постоянно предобразовано въ ихъ причинахъ. Въ противоположность этому, продуктъ всякаго психическаго синтеза содержитъ новыя свойства, что объясняется изъ того, что уже въ индивидуальной духовной жизни проявляется прогрессивность психическаго развитія. Это сдѣленіе творческихъ синтезовъ въ одинъ прогрессивный рядъ развитія, въ противоположность закону постоянства физической энергіи, Вундтъ называетъ *принципомъ возрастанія духовной энергіи*.

Принципъ относящаго анализа обнаруживается въ расчлененіи какихъ-либо образованій на отдѣльныя части. Это расчлененіе совершается не такимъ образомъ, чтобы части, выдѣленные изъ цѣлаго, образовали самі по себѣ существующія единицы, но всегда такимъ образомъ, что онѣ съ цѣлымъ, изъ котораго происходятъ, остаются въ связи и, вслѣдствіе этого постоянного отношенія, пріобрѣтаютъ свое собственное значеніе. Подобно принципу творческаго синтеза, и принципъ соотносящаго анализа можетъ быть раскрытъ на всѣхъ ступеняхъ психическаго развитія.

Изъ такого пониманія *психической причинности* легко сдѣлать выводъ относительно того, каковы должны быть у Вундта взгляды на истинныя задачи психологическаго изслѣдованія. Оно, по его мнѣнію, есть «постоянное соединеніе изслѣдованій физическихъ и психическихъ причинныхъ отношеній». Сложность психическаго дѣйствія не только не исключаетъ *экспериментальнаго*

метода, а напротивъ, дѣлаетъ его вполне необходимымъ. Задача экспериментальнаго метода состоитъ въ «усовершенствованіи наблюденія посредствомъ произвольнаго повторенія и варіированія условій». «Услуга, которую онъ можетъ оказывать, состоитъ въ томъ, что онъ совершенствуетъ внутреннее наблюденіе или даже, говоря точнѣе, только онъ и дѣлаетъ его возможнымъ». «Еслибъ меня спросили, — говоритъ Вундтъ, — въ чемъ для меня заключается психологическая цѣна экспериментальнаго наблюденія, то я на это отвѣтилъ бы, что оно создало во мнѣ совершенно новое воззрѣніе на природу и зависимость духовныхъ процессовъ». «Еслибъ я хотѣлъ резюмируя сказать, чѣмъ я въ моихъ психологическихъ воззрѣніяхъ обязанъ экспериментальному методу, то я могу только отвѣтить: всѣмъ тѣмъ, что я въ этой области считаю истиннымъ и неопровержимымъ. И еслибъ далѣе спросили, доставили ли мнѣ эти психологическія воззрѣнія какія-либо точки зрѣнія для обсужденія предметовъ духовныхъ наукъ, т.-е. языка, нравовъ, искусства, исторіи и т. п., то я на это долженъ отвѣчать: поскольку я имѣю вообще самостоятельное мнѣніе въ этихъ областяхъ, я обязанъ всѣмъ существеннымъ, что касается не самихъ фактовъ, но общихъ точекъ зрѣнія, тѣмъ воззрѣніямъ, какія я приобрѣлъ въ психологіи».

Г. Челпановъ.

The Monist. Vol. 3. №№ 3—4.

Lloyd Morgan. Три стороны монизма. Монистическое міросозерцаніе выражается, главнымъ образомъ, въ трехъ областяхъ; въ теоріи познанія оно отвергаетъ всякую реальную разницу между субъектомъ и объектомъ, видя въ этихъ послѣднихъ лишь продукты дифференціаціи нашего непосредственнаго опыта; въ истолкованіи природы (interpretation of nature) оно считаетъ духъ не чѣмъ-то сверхъестественнымъ или внѣестественнымъ (not extra-natural nor supra-natural), но такимъ же продуктомъ эволюціи, какъ и его фізіологической коррелятъ — мозгъ. Наконецъ, въ духѣ и тѣлѣ оно видитъ двѣ равноправныя стороны той реальности, которую мы называемъ человѣческимъ организмомъ. Этимъ послѣднимъ монизмъ отличается отъ «генистическихъ» (одностороннихъ) ученій матеріализма (къ которому Морганъ относитъ и теорію Лестера Уорда) и психизма.

Н. Н. Williams. Ученіе Канта о схемахъ. Авторъ старается освѣтить одинъ изъ темныхъ пунктовъ «Критики чистаго разума» — ученіе о схемахъ. Гринъ и Кэръ находили это ученіе совершенно лишнимъ; схемы безъ надобности вставляются между категоріями и содержаніемъ опыта, какъ *tertium quid*. Вильямсъ доказываетъ, насколько неполно было бы въ анализѣ ограничиться категоріями и фактами, къ которымъ категоріи прилагаются. Факты воспріятія и категоріи мышленія общи у всѣхъ людей и во всѣ времена; эволюція человѣческой мысли состоитъ въ измѣненіи точекъ зрѣнія, руководясь которыми, люди подводятъ факты подъ категоріи, въ измѣненіи типовъ мышленія; эти типы мышленія и суть схемы. Авторъ иллюстрируетъ свое положеніе исторіей различныхъ научныхъ понятій; подробнѣе онъ останавливается на исторіи понятія субстанціи, — категоріи, которая была присуща и уму Аристотеля, и уму Гельмгольца, но прилагалась ими различнымъ образомъ.

Paul Carus. Этика и космическій порядокъ. Статья представляетъ критику извѣстной рѣчи Гексли «Эволюція и этика», но авторъ попутно разбираетъ и аналогичные взгляды Милля, выраженные въ его опытѣ «о природѣ». Сущность критики сводится къ тому, что и Гексли, и Милль смѣшали вѣчные, неизмѣнные законы природы съ временнымъ и случайнымъ положеніемъ вещей. Безполезно критиковать первые, потому что они представляютъ изъ себя условія *sine qua non* всякаго бытія, только исходя изъ которыхъ, мы можемъ производить субъективную расцѣнку окружающихъ насъ явленій. Успѣхъ въ борьбѣ за существованіе не обусловленъ всегда и исключительно физическимъ превосходствомъ и отсутствіемъ нравственныхъ, слерживающихъ принциповъ; борьба, какъ и нравственная жизнь, требуетъ самообузданія, и посредствомъ этого понятія авторъ думаетъ перекинуть мостъ отъ эволюціи къ этикѣ. Обѣщавшись предварительно не писать ни теодицеи, ни космодицеи, авторъ, однако, въ концѣ представляетъ теодицею, основанную на монистическомъ міросозерцаніи («it becomes apparent, that not God is guilty of the evil conditions of our state of being, but we ourselves»).

Williams Thayer. Леонардо-да Винчи, какъ пионеръ знанія. Эпоха крушенія средневѣкового міросозерцанія, сдѣлавшаяся началомъ эпохи новаго европейскаго просвѣщенія,

выставила цѣлый рядъ блестящихъ и глубокихъ умовъ, предвосхитившихъ результаты позднѣйшей научной работы. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ и Леонардо-да-Винчи. Авторъ перечисляетъ его заслуги въ механикѣ (открытіе центра тяжести пирамиды, изобрѣтеніе динамометра), въ ботаникѣ (открытіе законовъ расположенія листьевъ на стволѣ, способа опредѣлять возрастъ дерева по разрѣзу его ствола), въ геологіи (гдѣ Л. Винчи положилъ начало палеонтологіи), оптикѣ, акустикѣ, астрономіи и химіи. Выводъ автора тотъ, что научная мощь Леонардо-да-Винчи не уступала его художественному гению. Очень хороша у автора характеристика зародившагося интереса къ природѣ, натуралистическаго міросозерцанія, характернаго для Италіи 15-го и 16-го вѣковъ и явившагося реакціей противъ средневѣковаго аскетизма.

Clark Murray. Философія и промышленная жизнь. Авторъ указываетъ, что спекулятивная философія и промышленная техника не только не враждебны другъ другу, но являются взаимно-необходимыми условіями, двумя необходимыми сторонами мирнаго прогресса. Вторая часть статьи посвящена разсмотрѣнію связи между экономическими и нравственными вопросами и критикѣ взглядовъ классической экономіи на этотъ предметъ.

С. К.

Rivista Italiana di filosofia. Августъ и октябрь 1894 года.

F. Sarlo. Прежняя и новая френологія.

Статья представляетъ изъ себя довольно обстоятельный и безпристрастный разборъ главнѣйшихъ положеній френологіи. Возникновеніе этой науки объясняется изъ старой, до сихъ поръ неразрѣшенной проблемы объ отношеніи между духомъ и тѣломъ; съ другой стороны, на ея образованіе вліяли науки анатомическія, которыя должны были выяснить функціи каждаго органа и такимъ образомъ поставили вопросъ объ отношеніи мозга къ душевной дѣятельности. Характерную особенность прежней френологіи, опиравшейся на рационалистическія доктрины XVII в. (Декартъ), составляетъ то, что она понимала душу, какъ нѣчто единое, и потому стремилась найти ея сѣдалище въ какомъ-нибудь одномъ органѣ. Затѣмъ, подъ вліяніемъ Вольфовой школы, которая расчленяла душу на отдѣльныя способности, являет-

ся новое направленіе, стремящееся объяснить различныя психическія явленія движеніями въ различныхъ центрахъ; такъ, Галль полагаетъ, что мозгъ состоитъ изъ органовъ, аналогичныхъ внѣшнимъ органамъ чувствъ. Авторъ высказывается рѣшительно противъ френологіи въ обоихъ ея направленіяхъ. Всѣ подобныя теоріи основываются не на фактахъ, а на предположеніи, что изъ анатомическаго изученія органовъ можно узнать ихъ функціи. Желаніе — во что бы то ни стало отыскать сѣдалище души — не имѣетъ никакого смысла, потому что основывается на смѣшеніи понятій внѣшняго и внутренняго опыта. Объектамъ внѣшняго опыта должна быть придана нашимъ духомъ форма, соотвѣтствующая его природѣ, между тѣмъ какъ наша мысль и наше чувство даны намъ непосредственно. Нельзя говорить о матеріальномъ сѣдалищѣ души, потому что сѣдалище есть мѣстонахожденіе въ пространствѣ; пространство же есть элементъ *внѣшняго* опыта, а душа есть объектъ опыта *внутренняго*.

Р. d'Ercole. Карлъ Мишелетъ и гегельянство.

Заслуги Мишелета заключаются, главнымъ образомъ, въ прирненіи философіи Гегеля съ новыми реалистическими тенденціями. Въ своихъ общихъ метафизическихъ воззрѣніяхъ онъ является настолько независимымъ отъ своего учителя, что его можно разсматривать какъ самостоятельнаго философа. Большой интересъ представляютъ его сочиненія по теоріи морали, ибо эта сторона гегелевской системы меньше всего разработана. Его взгляды на право и государство отличаются либерализмомъ и отражаютъ въ себѣ политическія стремленія нѣмецкаго народа въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Л. Ambrosi. Классификація чувствъ въ исторіи философіи.

По мнѣнію автора, существуетъ тѣснѣйшая связь между психологіей и метафизикой: психологическое ученіе о чувствахъ бываетъ совершенно различно, смотря по тому, строится ли оно на принципахъ монистической или дуалистической философіи. Наиболѣе плодотворны были тѣ теоріи, которыя признавали въ человѣкѣ два начала — физическое и духовное и не стремились подчинять ихъ одно другому. Въ исторіи вопроса о классификаціи чувствъ можно намѣтить три періода. Къ первому періоду, продолжающемуся до Канта, относятся ученія, не ставяшія никакого различія между чувствами удовольствія и страданія и

эмоціями, которыя изъ этихъ чувствъ развиваются. Во второй періодъ удовольствіе и страданіе отдѣляются отъ тѣхъ явленій, которыя ихъ сопровождаютъ, но эти явленія служатъ, однако, основаніемъ для классификаціи. Такъ, Булле различаетъ удовольствія инстинкта, привычки, ума и воли; но между нѣсколькими удовольствіями, взятыми отрѣшенно отъ этихъ формъ дѣятельности, онъ не видитъ никакого качественного различія. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ удовольствіе и страданіе разсматриваются, какъ явленія, не выводимыя изъ другихъ фактовъ психической дѣятельности, и классификація чувствъ изъ искусственной превращается въ естественную. Типичнымъ представителемъ этого направленія авторъ считаетъ Грота. Авторъ полагаетъ, что одна изъ главныхъ задачъ для современныхъ психологовъ состоитъ въ построеніи „общей эмбриологіи“ (*embriologia generale*) удовольствія и страданія, которая должна выяснить ихъ зарожденіе въ простыхъ организмахъ и постепенное осложненіе при переходѣ къ организмамъ болѣе сложнымъ.

Г. Ferri. Позитивная школа уголовного права.

Статья написана по поводу появившейся два года тому назадъ книги Э. Ферри: *I nuovi orizzonti di diritto*. Здѣсь предлагается читателямъ довольно популярный очеркъ контрoверзъ, которыя неизбежны для юриста, стоящаго на точкѣ зрѣнія итальянской школы. Авторъ, не высказывая опредѣленно своихъ симпатій ни философіи, ни антропологии, разсматриваетъ всѣ возраженія одно за другимъ. Уголовный позитивизмъ прежде, чѣмъ разрѣшить чисто юридическіе вопросы, долженъ основательно изслѣдовать соотношенія между физической и нравственной сторонами человѣка, между органами и ихъ функциями, между мозгомъ, умомъ и нравственностью. Нѣсколько подробнѣе разобранъ вопросъ объ отношеніи юридическаго понятія о преступленіи къ патологическому состоянію преступности. Значительная доля недостатковъ антропологической школы должна объясняться, по мнѣнію автора, не ложнымъ ея направленіемъ, а неразработанностью самой науки.

Кромѣ этихъ, относятся къ философіи статьи: *Феррари*: О книгѣ G. Cesca (*La religione della morale*) и *Бенини*: о Спенсерѣ.

В. Вальденбергъ.

Отъ редакціи.

Въ № 43 уважаемой газеты «Врачъ» помѣщено слѣдующее письмо проф. В. Θ. Чижа, касающееся редакціи «Вопросовъ Философіи и Психологіи»:

Письмо въ редакцію.

М. Г.! Позвольте на страницахъ «Врача» рассказать, какъ нѣкоторые наши ученые не умѣютъ и не хотятъ цѣнить заслугъ русскихъ нейропатологовъ.

Около 15 лѣтъ тому назадъ врачъ-философъ *Wundt* основалъ въ *Leipzig*'ѣ лабораторію опытной психологіи. Первымъ изъ Европы, помимо Германіи, ученикомъ въ этой лабораторіи былъ я, въ 1884 г.; затѣмъ въ этой лабораторіи работало немало русскихъ врачей. Съ 1885 г. въ Россіи врачами устроены были лабораторіи опытной психологіи—въ Петербургѣ, Казани, Москвѣ, Харьковѣ и, кажется, въ Кіевѣ; въ Дерптѣ проф. *Kraepelin* устроилъ такую же лабораторію, унаслѣдованную въ 1891 г. мною. Изъ этихъ лабораторій вышло нѣсколько работъ; нѣкоторыя изъ этихъ работъ получили почетную извѣстность и за границей. Не говоря, по понятнымъ соображеніямъ, о моихъ работахъ и объ изслѣдованіяхъ моихъ учениковъ, упомяну о работахъ *Бехтерева*, *Валицкой*, *Воротынскаго*, *Мендельсона*, *Краинскаго*, *Грана* и *Останкова*.—Казалось бы, что русскимъ психологамъ нужно знать о заслугахъ русскихъ врачей въ опытной психологіи,—тѣмъ болѣе, что именно мы, русскіе нейропатологи, раньше всѣхъ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, за исключеніемъ, конечно, Германіи, стали работать по опытной психологіи. Оказалось, къ сожалѣнію, что о работахъ русскихъ врачей наши философы не знаютъ и—что еще прискорбнѣе—и знать не хотятъ.

Преподаватель философіи въ Одесскомъ университетѣ *Н. Н. Ланге*, въ своей работѣ «Психологическія изслѣдованія» (1893)

подробно описываетъ лабораторіи опытной психологіи въ Европѣ и Америкѣ и не упоминаетъ ни объ одной изъ существующихъ въ Россіи. Подробно объяснивъ пользу такихъ лабораторій, онъ заканчиваетъ положеніемъ: «при русскихъ университетахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, необходимо основать психологическія лабораторіи!» Такое незнаніе того, что дѣлается въ этой области въ Россіи, или, вѣрнѣе, пренебреженіе, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы г. *Ланге* не зналъ о лабораторіяхъ опытной психологіи въ Россіи, со стороны преподавателя философіи, спеціально работающаго по опытной психологіи, производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе, — тѣмъ болѣе потому, что въ той же работѣ г. *Ланге* преклоняется передъ тѣмъ, что сдѣлано въ этой области за границей. Это восторженное преклоненіе привело г. *Ланге* къ тому, что онъ сообщаетъ далѣе прямо невѣрныя свѣдѣнія и ошибочно оцѣниваетъ явленія. Такъ, по словамъ г. *Ланге*, *Münsterberg* обладаетъ «основательнымъ медицинскимъ образованіемъ»; въ дѣйствительности же, *Münsterberg* только сдалъ экзаменъ на «доктора медицины» и далѣе медициной не занимался, а мы знаемъ, что лица, получившія въ Германіи степень доктора медицины, не всегда сдаютъ удачно экзаменъ на лѣкаря, а у себя дома не имѣютъ права практики. По мнѣнію г. *Ланге*, *Münsterberg* можетъ быть поставленъ рядомъ съ *Müller*'омъ, *Stumpf*'омъ, *Sully*, *Ribot*; между тѣмъ *Münsterberg*'у пришлось взять кафедру въ Америкѣ, потому что онъ не могъ получить таковой въ Германіи: очевидно, или *Münsterberg* не такой уже крупный ученый, какъ это кажется г. *Ланге*, или въ Германіи не умѣютъ цѣнить крупныхъ ученыхъ. Говоря о 2-мъ международномъ съѣздѣ по вопросамъ опытной психологіи, г. *Ланге* не упоминаетъ ни объ одномъ изъ русскихъ ученыхъ, а между тѣмъ двое изъ нихъ прочли тамъ свои сообщенія (интересно, что оба — нѣйропатологи), но за то совершенно ошибочно утверждаетъ, будто бы «въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ, дѣлавшихъ сообщенія или ихъ доставившихъ» были *Spencer* и *James*; именно отсутствіе этихъ корифеевъ и *Wundt*'а лишило съѣздъ того значенія, которое приписываетъ ему г. *Ланге* *). Если бы г. *Ланге* познакомился хотя бы съ моимъ отчетомъ объ этомъ съѣздѣ («Вопросы Философіи» 1892 г.), то

*) Въ своей вступительной рѣчи при защитѣ диссертация г. *Ланге* еще разъ повторилъ эту ошибку.

онъ имѣлъ бы болѣе правильное представленіе о дѣлѣ. Въ своемъ описаніи лабораторій опытной психологіи въ Германіи г. Ланге не упоминаетъ о весьма важномъ и характерномъ обстоятельстве: только въ Leipzig'ской лабораторіи непрерывно одни работники смѣняютъ другіхъ, всѣ же другія лабораторіи имѣютъ лишь немногихъ, случайныхъ сотрудниковъ. *Henri (Binet: «Introduction à la psychologie» 1894)*, болѣе объективно, чѣмъ г. Ланге, описавшій лабораторіи опытной психологіи въ Германіи, приводитъ и объясненіе, почему только Leipzig'ская лабораторія имѣетъ много сотрудниковъ: Leipzig'скій университетъ принимаетъ работы по опытной психологіи въ качествѣ диссертаций на степени доктора. Прибавлю, что *Henri* совершенно правъ. Значитъ, и въ Германіи, какъ и у насъ, мало безкорыстныхъ работниковъ по опытной психологіи. У насъ болѣе всего вышло работъ изъ Дерптской (нынѣ Юрьевской) лабораторіи, потому что Юрьевскій университетъ принимаетъ работы по опытной психологіи, какъ диссертации на степень доктора медицины; поэтому же, если не ошибаюсь, изъ Юрьевской лабораторіи вышло работъ болѣе, чѣмъ изъ какой-либо лабораторіи въ Германіи, за исключеніемъ, конечно, Leipzig'ской.

Пренебреженіе г. Ланге къ тому, что сдѣлано въ Россіи, тѣмъ болѣе странно, что въ Россіи по опытной психологіи *относительно* работаютъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, кромѣ Германіи, и притомъ больше всѣхъ работаютъ именно нейропатологи. Извѣстное сочиненіе *Wundt*'а было переведено въ Россіи много лѣтъ раньше, чѣмъ во Франціи, и переведено психіатромъ (покойнымъ д-ромъ *Кандинскимъ*); учебникъ физиологической психологіи *Ziehen*'а переведенъ въ Россіи ранѣе, чѣмъ въ Англіи, и, опять-таки, психіатромъ. Самый полный обзоръ сочиненій по психологіи ведется психіатромъ въ органѣ психіатріи (въ «Вѣстникѣ Психіатріи» проф. *И. П. Мержеевскаго*). Въ Россіи въ трехъ университетахъ психіатры читаютъ лекціи по физиологической психологіи, а именно: проф. *Сикорскій* въ Кіевѣ, ч. пр. *Токарскій* въ Москвѣ и я въ Юрьевѣ; въ Германіи такія лекціи читаетъ только одинъ психіатръ *Ziehen*. Наконецъ, Московскій университетъ назначилъ оппонентомъ при защитѣ работы, представленной г. Ланге для полученія степени доктора, многоуважаемаго *С. С. Корсакова*—профессора психіатріи.

Если бы г. Ланге умышленно не обходилъ работъ русскихъ

врачей, то, быть можетъ, въ его изслѣдованіи не было бы той крупной ошибки, на которую указалъ ему одинъ изъ его оппонентовъ, *А. С. Бѣлкинъ*: г. *Ланге*, на основаніи своихъ *немногочисленныхъ* опытовъ и притомъ произведенныхъ только надъ самимъ собою, утверждаетъ, будто бы сознание сходства—болѣе основной актъ духа, чѣмъ сознание различія; *А. С. Бѣлкинъ* нарочно продѣлалъ съ д-ромъ *Трайниномъ* опыты г. *Ланге* и получилъ совершенно противоположное, т.-е. что «чувство различія есть болѣе основной актъ духа, чѣмъ чувство сходства». Именно это положеніе было доказано мною еще въ 1887 г., на основаніи 11.920 опытовъ на 14 лицахъ *).

Многоуважаемый *С. С. Корсаковъ* на диспутѣ **) указалъ г. *Ланге* на существованіе лабораторій опытной психологіи въ Россіи и на работы, вышедшія изъ этихъ лабораторій. На это г. *Ланге* отвѣчалъ, что онъ «умолчалъ не только о дѣятельности психофизическихъ кабинетовъ при кафедрахъ психіатріи, но и о дѣятельности физиологическихъ лабораторій, изъ которыхъ, однако, выходитъ, конечно, гораздо большее число психологическихъ работъ». Такое объясненіе было бы удивительнымъ, если бы не было ошибочно по существу. Что въ данномъ случаѣ г. *Ланге* еще разъ ошибся, не нуждается въ доказательствахъ. Между тѣмъ, стоило бы г. *Ланге* просмотрѣть «Вопросы Философіи и Психологіи», чтобъ узнать, что у насъ по психологіи работаютъ болѣе всего именно нейропатологи: въ этомъ журналѣ сотрудничаютъ: *Буцке*, *Баженовъ*, *Миноръ*, *Корниловъ*, *С. С. Корсаковъ*, *Токарскій*, *Сербскій*, *Россолимо* и я; при нашемъ небольшомъ числѣ нейропатологовъ это очень много; ни одной статьи физиолога въ этомъ журналѣ нѣтъ. Не правда ли, что такое отношеніе г. *Ланге* къ работамъ русскихъ нейропатологовъ весьма характерно? Конечно, не я буду отрицать большія заслуги русскихъ физиологовъ; мы всѣ знаемъ, какъ много сдѣлалъ *И. М. Сѣченовъ* для психологіи, но это не умаляетъ заслугъ и нашихъ нейропатологовъ; впрочемъ, г. *Ланге* нашелъ нужнымъ умолчать о работахъ и физиологовъ, и нейропатологовъ.

Хотя мы, русскіе врачи, и не избалованы вниманіемъ, но такое упорное замалчиваніе заслугъ нашихъ нейропатологовъ превышаетъ мѣру всякаго долготерпѣнія. Поэтому я и написалъ въ

*) „Архивъ психіатріи“, 1887.

**) „Вопросы философіи“, книга 24-я.

редакцію «Вопросовъ Философіи и Психологіи» письмо, въ которомъ указаль на существованіе у насъ психофизическихъ лабораторій и на ошибки, вкравшіяся въ описаніе г. Ланге состоянія опытной психологіи за границей. Хотя я членъ Психологическаго Общества въ Москвѣ, а «Вопросы Философіи»—изданіе этого Общества, и, кромѣ того, я сотрудникъ этого журнала, но все-таки редакція не нашла возможнымъ напечатать моего письма. Въ случаѣ надобности, я могу сообщить и причины, почему редакція отказала мнѣ въ напечатаніи моего письма, но теперь, изъ уваженія къ почтенной редакціи этого органа, я не хочу оглашать полученнаго мною отвѣта. Хотя для моего личнаго самолюбія могло бы быть пріятнымъ, что редакція «Вопросовъ Философіи» для защиты г. Ланге прибѣгла къ столь необычному средству, какъ «замалчиваніе», но такъ какъ отказъ въ напечатаніи моего письма лишилъ меня возможности выяснить передъ читающею публикой заслуги русскихъ нейропатологовъ, то я и рѣшилъ на страницахъ «Врача» рассказать все вышеизложенное.

Умалчиваніе о сдѣланномъ русскими нейропатологами со стороны г. Ланге, преклоняющагося передъ Münsterberg'омъ, такъ характерно, а отказъ журнала «Вопросы Философіи» напечатать письмо своего сотрудника, указавшаго на ошибки г. Ланге, такъ необычаенъ, что едва ли можно отрицать систематическое нежеланіе нашихъ философовъ признать заслуги русскихъ нейропатологовъ. Мало того: видно стремленіе скрыть эти заслуги и отъ читающей публики.

В. Ф. Чижъ.

Мы крайне удивлены, какъ могла у проф. В. Θ. Чижа явиться мысль о «замалчиваніи», для защиты проф. Н. Н. Ланге, его краткаго письма, когда въ сентябрьской книжкѣ «Вопросовъ Философіи и Психологіи» помѣщенъ подробный отчетъ о диспутѣ Н. Н. Ланге, въ которомъ, между прочими сдѣланными ему возраженіями, находится одно замѣчаніе проф. С. С. Корсакова, подходящее къ тому, что хотѣлъ высказать и проф. В. Θ. Чижъ *). Во всякомъ случаѣ, чтобы не было и тѣни подозрѣнія относительно того, что редакція «Вопросовъ» прибѣ-

*) Вотъ, оно: „Говоря о необходимости устройства кабинетовъ для экспериментальной психологіи, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ, Вы высказываетесь такъ, какъ будто бы этого до сихъ поръ нѣтъ. А между тѣмъ, такіе кабинеты есть. Есть, наприм., психофизиологическая лабораторія,

гаеть къ замалчиванію, мы печатаемъ ниже и текстъ письма проф. В. О. Чижа въ редакцію «Вопросовъ», въ виду важности, придаваемой ему почтеннымъ профессоромъ. Мы это дѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что, напечатавъ его рядомъ съ письмомъ профессора къ редактору «Врача», мы даемъ возможность нашимъ читателямъ узнать, что замѣчанія В. О. Чижа по адресу Н. Н. Ланге могли быть болѣе обстоятельно обоснованы, чѣмъ это сдѣлано въ его письмѣ къ намъ. Само собою разумѣется, что забота о достоинствѣ журнала заставляетъ редакцію «Вопросовъ Философіи и Психологіи» печатать лишь такія полемическія статьи и замѣтки, которыя—независимо отъ направленія, котораго держатся ихъ авторы—достаточно обоснованы.

Редакція „Вопросовъ Философіи и Психологіи“.

Письмо въ Редакцію „Вопросовъ Философіи и Психологіи“.

Г. Редакторъ!

Многоуважаемый Н. Н. Ланге въ своемъ сочиненіи «Психологическія изслѣдованія» (1893) полагаетъ, «что при русскихъ университетахъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ необходимо основать психологическія лабораторіи». Въ виду того, что многіе могутъ повѣрить г. Ланге, который какъ преподаватель психологіи и извѣстный ученый, долженъ знать состояніе этой науки въ своемъ отечествѣ, считаю необходимымъ напомнить, что такія лабораторіи имѣются уже въ Петербургѣ при Университетѣ и

устроенная проф. В. М. Бехтеревымъ въ Казани. Записка о ней даже съ фотографіей есть въ изданіяхъ международныхъ конгрессовъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1892 году; есть лабораторія въ Юрьевѣ, устроенная Крепелиномъ и въ настоящее время руководимая проф. Вл. О. Чижомъ; есть приспособленія для психометрическихъ изслѣдованій и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ. Изъ этихъ лабораторій выходили и выходятъ работы, которыя, конечно, Вамъ извѣстны (работы проф. Чижа, работы Валицкой, Воротынского, Краинскаго, Заборскаго и другихъ). Правда, эти лабораторіи находятся въ завѣдованіи не профессиональныхъ психологовъ, т.-е. не составляютъ учреждений историко-филологическаго факультета, но вѣдь отъ этого врядъ ли дѣло страдаетъ, такъ какъ психологія, по моему глубокому убѣжденію, есть наука натуралистическая, и для производства экспериментовъ, которые могутъ быть дѣйствительно цѣнны для психологіи, должна быть, конечно, значительная доля спеціальнаго экспериментаторскаго навыка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что значеніе Вундтовской лабораторіи для психическихъ изслѣдованій потому и велико, что онъ по первоначальной своей профессіи—физиологъ и сотрудникъ Гельмгольца («Вопросы», № 24, стр. 597).

при Военно-Медицинской Академіи, въ Москвѣ, Казани, Харьковѣ и Юрьевѣ. Изъ всѣхъ этихъ лабораторій вышли печатные труды и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ немалую цѣнность. Я не говорю о лабораторіи въ Одессѣ, потому что самая работа г. Ланге доказываетъ ея существованіе. Такое удивительное незнаніе автора о томъ, что происходитъ въ его отечествѣ, — фактъ, заслуживающій вниманія. Такое пренебреженіе г. Ланге къ тому, что дѣлается въ его отечествѣ, производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе рядомъ съ его восторженнымъ отношеніемъ къ тому, что дѣлается за границей; описывая состояніе экспериментальной психологіи за границей, многоуважаемый профессоръ увлекается до того, что говоритъ о томъ, чего очевидно не знаетъ: напр., по г. Ланге Мюнстербергъ обладаетъ «основательнымъ медицинскимъ образованіемъ»: это невѣрно; Мюнстербергъ сдалъ экзаменъ на *Dt. med.* и только; далѣе г. Ланге, говоря о 2-мъ международномъ конгрессѣ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ, утверждаетъ, что въ числѣ лицъ присутствовавшихъ, дѣлавшихъ сообщенія или ихъ доставившихъ были г. Спенсеръ, Джемсъ; это тоже невѣрно. Какъ это ни грустно, но нужно отмѣтить, что и до сихъ поръ наши ученые не знаютъ и не хотятъ знать, что дѣлается у насъ и преувеличиваютъ прелести всего заграничнаго. Напр., г. Ланге описывая психологическія лабораторіи въ Геттингенѣ, Боннѣ, Берлинѣ, не упоминаетъ, что въ этихъ лабораторіяхъ очень мало работающихъ, а между тѣмъ, если бы г. Ланге обратилъ вниманіе на это самое важное обстоятельство, то онъ долженъ былъ бы признать, что и въ Германіи не такъ ужъ все хорошо, какъ онъ изображаетъ. Въ этихъ лабораторіяхъ нѣтъ работающихъ, потому что въ этихъ Университетахъ не принимаютъ работъ по экспериментальной психологіи, какъ диссертаций на степень Доктора. Оттого же и у насъ такъ мало работающихъ по экспериментальной психологіи; только пока въ одномъ Юрьевѣ работы по экспериментальной психологіи принимаются какъ докторскія диссертации, почему больше всего работъ вышло именно изъ этой лабораторіи.

Намъ нужны не психологическія лабораторіи: онѣ уже есть — а самоуваженіе, знаніе и желаніе знать то, что дѣлается у насъ; пренебреженіе ко всему своему и преклоненіе передъ чужимъ вотъ что болѣе всего давитъ нашу науку.

В. Чижъ.

Психологическое Общество.

СХV. Пренія по реферату кн. Д. Н. Цертелева: „Пространство и время, какъ формы явленій“ *).

Л. М. Лопатинъ сначала остановился на первой части реферата, относящейся къ вопросу о воспріятіи нами *пространства*. По мнѣнію оппонента, во взглядахъ докладчика замѣчается нѣкоторая неясность: онъ отказывается приписать пространству абсолютную реальность, какъ это дѣлалъ Декартъ, но онъ также не хочетъ видѣть въ пространствѣ (подобно Канту) чисто субъективной формы нашей чувственности; все это заставляетъ думать, что онъ—сторонникъ третьяго, средняго взгляда на предметъ, родоначальникомъ котораго былъ Лейбницъ. Дѣйствительно, кн. Цертелевъ высказываетъ свое полное сочувствіе тому воззрѣнію, по которому пространство есть результатъ взаимодѣйствія сознающаго субъекта и воспринимаемаго объекта, ихъ необходимое отношеніе, неустранимое условіе воспріятія нами явленій внѣшняго міра, причемъ однако ни субъектъ, ни объектъ сами въ себѣ не протяженны. Но въ то же время онъ въ своихъ поясненіяхъ утверждаетъ, что взаимодѣйствіе субъекта и объекта было бы немислимо безъ реального движенія въ пространствѣ. Не говоритъ ли такое утвержденіе въ пользу чисто Декартоваго взгляда?

Кн. Цертелевъ объяснилъ, что реальное пространство онъ понимаетъ гипотетически; его законы должны совпадать съ нашей

---

*) Напечатанъ № 23 «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (май 1894 г.).

Къ сожалѣнію, редакція не успѣла, за позднимъ поступленіемъ возраженій, получить обстоятельные отвѣты на нихъ отъ референта.

мыслью. Онъ беретъ наиболѣе общее выраженіе, объединяющее, по его мнѣнію, всѣ эти гипотезы.

Переходя ко второй части реферата—о времени, Л. М. Лопатинъ высказалъ рядъ сомнѣній по поводу утвержденій кн. Цертелева, что «время не вмѣщается въ нашемъ сознаниі», что «для сознаниа, какъ такового, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а единственная форма его — настоящее», что поэтому время не есть форма сознаниа, но характеръ его внѣвременный и т. д. Оппонентъ настаиваетъ на односторонности такого рода опредѣленій. Если настоящее есть только «математическая точка, въ которой не можетъ умѣститься ни одно явленіе, какъ бы оно ни было скоротечно», и если для сознаниа всегда существуетъ одна эта точка, то въ такомъ случаѣ какъ мы можемъ сознавать разнообразіе и сложность явленій нашей душевной жизни? И далѣе, если наше сознание всецѣло поглощено неуловимымъ настоящимъ и оно одно для него реально, какимъ образомъ мы способны имѣть понятія о времени, о смѣнѣ, о какихъ бы то ни было событіяхъ? На всѣ подобные вопросы едва ли можно дать ясный отвѣтъ съ той точки зрѣнія, которую защищаетъ референтъ. Кн. Цертелевъ напрасно пренебрегъ въ своихъ окончательныхъ выводахъ указаннымъ въ его рефератѣ различіемъ отношенія временныхъ опредѣленій къ бытію физическому, съ одной стороны, и психическому—съ другой. По отношенію къ внѣшнему міру настоящее дѣйствительно «можно сравнить съ узкою щелью, сквозь которую мы видимъ быстро мелькающіе предметы, мгновенно появляющіеся и мгновенно исчезающіе». Въ физическомъ мірѣ, въ каждый данный моментъ, существуетъ только настоящее, только то расположеніе вещества, которое *есть теперь*, но прошлое или будущее расположеніе вещества въ этотъ моментъ въ немъ совсѣмъ и очевидно отсутствуетъ. Не то наблюдаемъ въ жизни духа. Строго говоря, для нашего сознаниа вовсе не существуетъ того недѣлимаго, абсолютно мгновеннаго настоящаго момента, о которомъ мы разсуждаемъ, когда отвлеченно мыслимъ природу времени. И въ нашихъ ощущеніяхъ, и въ нашихъ внутреннихъ состояніяхъ мы всегда воспринимаемъ нѣкоторый *процессъ*, т.-е. нѣчто длительное, объединяющее въ себѣ и прошлое, и настоящее, и будущее. Въ любомъ актѣ сознаниа мы усваиваемъ прошлое, потому что стараемся понять и различить то, что намъ *уже дано*, въ любомъ усиліи мы предвосхищаемъ будущее, потому что стремимся къ

тому, чего еще нѣтъ. Поэтому не будетъ никакой неточности утверждать, что нашъ духъ реально относится не только къ настоящему, но и къ прошлому, и къ будущему. Иначе нельзя объяснить факта нашихъ воспоминаній. Что такое воспоминаніе? Въ настоящій моментъ это есть мое представленіе о чемъ-то, чего теперь нѣтъ; и, тѣмъ не менѣе, я знаю, что это представленіе есть только весьма тусклое и приблизительное изображеніе того, что прежде имѣло не менѣе полную и яркую реальность, какъ и все, что я сейчасъ переживаю и испытываю. Откуда могла бы возникнуть такая увѣренность, еслибъ время не имѣло дѣйствительности для духа во всѣхъ своихъ составныхъ моментахъ?

Такая реальность времени для нашего сознанія есть лучшее ручательство за сверхвременную природу нашего сознающаго субъекта, какъ это старался показать оппонентъ въ своихъ «Положительныхъ задачахъ философіи». Если бы сознаніе было только явленіемъ во времени, оно въ самомъ дѣлѣ было бы всецѣло поглощено настоящимъ, оно исчезало бы съ каждымъ протекающимъ моментомъ и возникало бы вновь съ каждымъ наступающимъ. Но въ такомъ случаѣ пребывающее единство сознанія, которое представляетъ наиболѣе несомнѣнный фактъ нашего внутренняго опыта, было бы совсѣмъ невысказанною вещью.

Кн. Цертелевъ отвѣчалъ, что дѣло въ томъ, что всѣ представленія, для того, чтобы быть таковыми, должны представляться, т.-е. быть настоящими, присутствующими въ духѣ, хотя онъ и не отрицаетъ того, что они различаются по степени интенсивности.

Затѣмъ были сдѣланы замѣчанія референту дѣйствит. членами: А. А. Токарскимъ, Н. Я. Гротомъ, Н. В. Бугаевымъ и Н. А. Звѣревымъ. Замѣчанія Н. Я. Грота въ значительной степени совпадаютъ съ взглядами, изложенными имъ въ его статьяхъ «О времени» (май, сентябрь и ноябрь 1894 г. «Вопросовъ»).

СХVI. Отчетъ о закрытомъ засѣданіи 9 апрѣля 1894 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 40 м. вечера въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. А. Абрикосова, Н. А. Абрикосова, А. В. Адольфа, В. Р. Буцке, В. А. Гольцева, З. С. Горской, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова,

М. С. Корелина, С. С. Корсакова, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россоломо, Э. А. Савей-Могилевича, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго и члена-соревнователя А. Э. Гартвига. Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Читанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

Дѣйствительный членъ А. А. Токарскій прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей».

Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе дѣйств. члены: С. С. Корсаковъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. Н. Ивановскій и Л. М. Лопатинъ. Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 45 м. вечера.

Изложеніе преній по реферату А. А. Токарскаго: «Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей» *).

С. С. Корсаковъ. Сколько я могъ себѣ представить, взглядъ А. А. Токарскаго на ассоціаціи по одновременности таковъ:

Воспріятія, по его мнѣнію, локализируются въ отдѣльныхъ участкахъ мозговой коры, причемъ каждому воспріятію соотвѣтствуетъ опредѣленная группа нервныхъ элементовъ. Въ одномъ и томъ же участкѣ могутъ локализоваться нѣсколько воспріятій, причемъ каждому изъ нихъ будетъ соотвѣтствовать своя опредѣленная фигура въ группировкѣ нервныхъ элементовъ. Полученіе воспріятій всегда сопровождается функціональною гипереміей. Если два воспріятія получились одно за другимъ, то вслѣдъ за гипереміей одного участка—того, гдѣ локализовано первое воспріятіе — произойдетъ гиперемія другого, въ которомъ локализовано второе воспріятіе.

Соотвѣтственно этому, смѣна мыслей объясняется такъ: разъ явится возбужденіе клѣтокъ даннаго участка при какомъ-нибудь воспріятіи, то возникаетъ функціональная гиперемія этого участка, а такъ какъ когда-то прежде за функціональною гипереміей этого участка слѣдовала функціональная гиперемія другого участка, хранящаго слѣды воспріятія, бывшаго одновременнымъ или смежнымъ, то и теперь повторится такая же смѣна гиперемій: слѣдается гиперемія второго участка, произойдетъ усиленное притяженіе плазмы къ элементамъ, хранящимъ слѣды прежняго

*) Помѣщенъ въ № 23 „Вопросовъ Фил. и Псих.“. (Май 1894 г.).

возбужденія, и они возстаноятся въ сознаниі. Подобной, послѣдовательно смѣняющеюся гипереміей то того, то другого участка мозговой коры и объясняетъ А. А. Токарскій послѣдовательную смѣну мыслей.

То обстоятельство, что въ одномъ случаѣ будутъ возстановляться въ сознаниі однѣ группы впечатлѣній, въ другомъ—другія, объясняется при этомъ тѣмъ, что дѣятельность сосудодвигательнаго центра въ продолговатомъ мозгу регулируется мозговою корою такъ, что только тѣ участки коры получаютъ большее количество крови и слѣдовательно, питательнаго матеріала, которые были когда-то прежде одновременно возбуждены. А. А. Токарскій въ своемъ докладѣ отвергаетъ гипотезу, объясняющую смѣну представленій непосредственнымъ переходомъ иннервационнаго процесса отъ одного нервнаго элемента, хранящаго слѣды представленій, къ другому—по соединяющимъ ихъ нервнымъ волокнамъ, потому что онъ считаетъ существованіе такихъ волоконъ недоказаннымъ.

Я долженъ на это возразить, что, по моему мнѣнію, объясненіе послѣдовательной смѣны представленій и мыслей не можетъ обойтись безъ предположенія непосредственнаго перехода возбужденія отъ одной группы нервныхъ элементовъ коры къ другой группѣ. Съ того времени, когда Мейнертъ впервые изложилъ свой взглядъ на мозговую механику, мы придаемъ, конечно, очень большое значеніе и функциональной гипереміи въ процессахъ, которые составляютъ фізіологическій субстратъ мышленія, но все-таки нѣтъ достаточныхъ оснований отвергать существованіе непосредственнаго перехода возбужденія по ассоціационнымъ волокнамъ отъ одного элемента, хранящаго слѣды представленій, къ другому. Во-первыхъ, хотя соединеній между собою нервныхъ клѣтокъ при посредствѣ ассоціационныхъ волоконъ нельзя пока *видѣть*, но все-таки тотъ фактъ, что отдѣльные участки мозговой коры, какъ близкіе, такъ и отдаленные, соединены между собою волокнами, принадлежитъ къ общепринятымъ и достаточно доказаннымъ. Слѣдовательно, предположеніе перехода возбужденія отъ одной группы элементовъ, хранящихъ въ себѣ представленія, къ другой—весьма вѣроятенъ. Непосредственный переходъ возбужденія гораздо лучше, по моему мнѣнію, объясняетъ смѣну мыслей, чѣмъ одна смѣняющаяся по рефлексу гиперемія различныхъ участковъ мозговой коры, такъ какъ мнѣ думается, что *быстрота смѣны мыс-*

лей (а тѣмъ болѣе быстрота смѣны сочетаній, происходящихъ ниже уровня сознанія) значительно больше, чѣмъ можно было бы ожидать, если бы смѣна эта зависѣла только отъ рефлекторнаго измѣненія дѣятельности сосудодвигательнаго центра въ продолговатомъ мозгу, въ зависимости отъ иннервационнаго возбужденія или угнетенія регуляторовъ кровообращенія въ мозговой корѣ.

Это—первое. Второе обстоятельство, которое заставляетъ меня считать объясненіе А. А. Токарскаго въ томъ видѣ, какъ оно было изложено намъ въ только-что прослушанномъ докладѣ, не-удовлетворительнымъ, это—то, что для меня неясно, какъ при гипереміи (усиленномъ притокѣ крови) къ тому или другому участку коры,—гипереміи, зависящей отъ измѣненія калибра *артерій*,—можетъ возбуждаться *только* та группа нервныхъ клѣтокъ, которая хранитъ слѣды даннаго воспріятія, а не какого-либо другаго. Артеріи, какъ бы онѣ ни были мелки, питаютъ цѣлыя участки мозговой коры, а нѣтъ отдѣльной артеріи для каждой клѣтки: поэтому измѣненіе калибра мозговыхъ артерій будетъ обусловливать усиленный приливъ крови къ множеству нервныхъ элементовъ, хранящихъ *различныя* воспріятія. Почему же возстановится въ сознаніи одно опредѣленное воспріятіе, а не другія, локализованныя въ этомъ участкѣ? Для меня это непонятно. Несравненно легче это объясняется предположеніемъ распространенія иннервационнаго процесса по изолированнымъ проводникамъ отъ однихъ клѣтокъ къ другимъ. Вѣдь подобнымъ же образомъ физиология объясняетъ явленія, относящіяся къ мускульной дѣятельности: тамъ тоже предполагается непосредственный переходъ возбужденія къ центрамъ тѣхъ или другихъ движеній и этимъ удачно объясняются весьма сложныя сочетанія движеній. Почему же не держаться этого предположенія и по отношенію къ смѣнѣ представленій?

Дѣлая эти возраженія, я однако вовсе не имѣю въ виду отрицать значенія функциональной гипереміи. Напротивъ, въ мое воззрѣніе на смѣну мыслей и особенно на смѣну состояній, слѣдующихъ за той или другою мыслью, измѣняющаяся въ своей степени гиперемія мозговой коры входитъ какъ важный факторъ. Но я придаю этой гипереміи совершенно особое значеніе. У А. А. Токарскаго гиперемія является первичнымъ явленіемъ, обусловливающимъ возстановленіе воспріятій, у меня же она есть явленіе вторичное. Она является какъ слѣдствіе возбужденія тѣхъ элементовъ,

которые хранят слѣды представлений, и притомъ она можетъ быть очень различна по своей степени въ зависимости отъ свойства представлений. Особенно рѣзкія колебанія въ количествѣ притекающей къ участкамъ коры крови происходятъ, по моему мнѣнію, при представленіяхъ *эмоціональныхъ*; наоборотъ, при индифферентныхъ представленіяхъ колебанія кровообращенія не такъ интенсивны. Почему эмоціональныя представленія вызываютъ большее колебаніе въ кровообращеніи, чѣмъ индифферентныя, это я объяснялъ (въ моемъ «Курсѣ психіатріи», стр. 35) такъ: «нужно думать, что мало-по-малу въ теченіе жизни многія представленія и понятія человѣка ассоціируются съ представленіемъ о боли, о страданіи; а потому если когда-либо одно изъ такихъ представленийъ возникаетъ въ сознаніи, то сейчасъ возникнетъ по ассоціаціи и представленіе о страданіи, а за нимъ явится и представленіе физически непріятнаго чувства, а затѣмъ по ассоціаціи явится то, что такъ тѣсно фізіологически связано съ физически-непріятнымъ чувствомъ, — *сжатіе кровеносныхъ сосудовъ* и обѣдненіе кровью и кислородомъ участковъ коры полушарій; результатомъ этого будетъ заторможеніе психическихъ процессовъ, а это будетъ *ощущаться* какъ непріятное чувство. Наоборотъ, другія представленія и понятія болѣе тѣсно ассоціированы съ представленіемъ физическаго довольства, а это представленіе тѣсно связано съ увеличеніемъ калибра мозговыхъ сосудовъ: сосуды коры расширяются, кровь приливаетъ въ большомъ количествѣ, а съ нею и кислородъ; отсюда облегченіе функціи мозговой коры, уменьшеніе задержекъ, что и ощущается въ формѣ чувства удовольствія. Смотри по качеству представленія, смотри по отношенію его къ нашей личности, послѣдовательныя измѣненія въ кровообращеніи мозговой коры будутъ различны какъ по характеру, такъ и по силѣ и интенсивности; если возникнетъ въ сознаніи такое представленіе, которое имѣетъ чрезвычайно живое отношеніе къ нашей личности, то можетъ явиться очень сильное расстройство кровообращенія, рѣзко нарушающее дѣятельность мозговую, что и вызываетъ явленія аффековъ».

Признавая такимъ образомъ значеніе измѣненія кровообращенія, связаннаго съ переходомъ отъ одной мысли къ другой, я однако придаю ему значеніе вторичнаго акта и важнаго, главнымъ образомъ, для объясненія эмоціональныхъ представленийъ и слѣдующихъ за ними состояній. Правда, этотъ, хотя и вторичный,

процессъ имѣеть очень важное значеніе, такъ какъ эмоціи являются главными факторами въ нашихъ дѣйствіяхъ и въ направленіи мыслей, но все-таки самая смѣна мыслей, хотя бы и подъ вліяніемъ эмоцій, происходитъ, благодаря непосредственному переходу возбужденія отъ однихъ клѣтокъ, хранящихъ слѣды воспріятій, къ другимъ такимъ же.

Другое возраженіе, которое я имѣлъ въ виду сдѣлать А. А. Токарскому, касается того, что, останавливаясь на значеніи апперцепціи, онъ полагаетъ, что взглядъ Вундта на вниманіе и апперцепцію характеризуетъ и всѣхъ сторонниковъ того мнѣнія, что существуетъ опредѣленная направляющая функція. Я долженъ возразить противъ этого, потому что, напримѣръ, мой личный взглядъ не совпадаетъ со взглядомъ Вундта, хотя я и сторонникъ мнѣнія о существованіи направляющей функціи. Я признаю, въ отличіе отъ Вундта, что направляющая функція существуетъ и ниже порога сознанія, а потому она и не всегда совпадаетъ съ тѣмъ, что обычно называется вниманіемъ.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе. Мнѣ совсѣмъ непонятнымъ осталось то, что говоритъ А. А. Токарскій о смѣнѣ идей при творческихъ актахъ. Если все объяснять тѣмъ, что кровь то болѣе, то менѣе приливаетъ—то къ одному, то къ другому участку мозговой коры, и въ зависимости отъ этого будутъ возстановляться (частью точно, частью неточно) хранящіеся въ этихъ участкахъ слѣды воспріятій, то получится только хаотическій беспорядокъ, спутанность. Для правильной, послѣдовательной смѣны необходимъ регуляторъ, черпающій свою силу не только изъ вліянія внѣшней среды, но и изъ энергіи, накопленной внутри насъ какъ личнымъ развитіемъ, такъ и наслѣдственностью.

А. А. Токарскій. Я нисколько не отрицаю перехода возбужденія по нервнымъ ассоціаціоннымъ волокнамъ. Такое отрицаніе невозможно въ настоящее время уже по одному тому, что ассоціаціонныя волокна существуютъ несомнѣнно и притомъ въ весьма большомъ количествѣ; ихъ можно видѣть даже простымъ глазомъ, не говоря уже о безчисленныхъ соединеніяхъ, которыя открываетъ намъ микроскопъ.

Я утверждаю лишь, что принимать передачу возбужденій только по волокнамъ отъ одной клѣтки къ другой, какъ предполагается по существующему взгляду на ассоціаціи идей, недостаточно для объясненія психическаго процесса, въ которомъ мы

имѣемъ частые случаи смѣны цѣлыхъ сложныхъ группъ идей и состояній сознанія, причемъ отъ предшествующаго психическаго содержанія иногда не остается никакого слѣда. Такая смѣна группъ, равно какъ и ассоціація группъ представлений, болѣе частая, чѣмъ ассоціація отдѣльныхъ представлений, требуетъ участія такого фактора, который одновременно объяснялъ бы намъ и возникновеніе новыхъ представлений и исчезновеніе старыхъ. Такимъ факторомъ я и считаю функциональную гиперемію.

То обстоятельство, что измѣненіе притока крови обусловливается измѣненіемъ калибра артерій и что кровь, приносимая артеріями, распредѣляется въ мозгу участками, не можетъ служить возраженіемъ въ виду того, что мы рѣшительно не можемъ заключить воспріятіе, а тѣмъ болѣе группу воспріятій въ одну клѣтку. Всякое воспріятіе и еще болѣе того представленіе и понятіе составляется изъ возбужденія клѣтокъ, иной разъ весьма удаленныхъ другъ отъ друга. При вторичномъ возникновеніи ранѣе полученныхъ впечатлѣній (при посредствѣ функциональной гипереміи) играетъ главную, даже единственную роль не количество притекающей крови и не то, къ участку или къ клѣткѣ приливаетъ кровь, а лишь относительное распредѣленіе крови въ мозгу по различнымъ отдѣламъ. Количество участковъ, снабжаемыхъ артеріями мелкаго калибра, чрезвычайно велико, такъ что безъ всякаго затрудненія было бы возможно принять цѣлый такой участокъ за единицу возбужденія, что нисколько не измѣнило бы основного значенія функциональной гипереміи. Однако, и такая необходимость не вытекаетъ изъ того обстоятельства, что кровь распредѣляется по участкамъ, такъ какъ нисколько не исключается возможность различнаго распредѣленія крови внутри одного и того же участка—по клѣткамъ, въ зависимости отъ ихъ дѣятельности и отъ того, что Мейнертъ называлъ нутритивнымъ притяженіемъ.

Что же касается значенія гипереміи по отношенію къ возникновенію аффектовъ, то при этомъ имѣется въ виду не правильно измѣняющееся распредѣленіе крови по различнымъ частямъ мозга, т. е. не та функциональная гиперемія, которая сопровождаетъ и обусловливаетъ правильное, покойное теченіе психическихъ процессовъ, а бурный притокъ крови къ извѣстнымъ участкамъ подъ влияніемъ аффегирующихъ моментовъ. Это уже нарушеніе правильной функциональной гипереміи, вслѣдствіе чего наступаетъ

и нарушение функции, что мы и видимъ въ аффектѣ какъ правило; возникновение аффекта нарушаетъ обыкновенно правильное течение идей именно потому, что излишне возбужденный сосудистый центръ въ теченіе извѣстнаго времени не въ состояніи выполнять свою нормальную функцию. Вслѣдствіе этого принимать функциональную гиперемію за условіе лишь для возникновения аффектовъ, на мой взглядъ, значитъ принимать отрицательную сторону явленія за положительную.

Относительно апперцепціи я привелъ только потому взглядъ Вундта, что онъ можетъ служить типомъ тѣхъ взглядовъ, которые принимаютъ апперцепцію за направляющую силу. Этимъ я не хотѣлъ сказать, что нѣтъ другихъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Характеристика же, которую даетъ апперцепціи С. С. Корсаковъ, распространяющій значеніе направляющей силы еще далѣе, чѣмъ Вундтъ, по существу не отличается отъ взгляда Вундта; а такъ какъ я имѣлъ въ виду именно характеристику апперцепціи по существу, т.-е. лишь какъ направляющей силы, то и не имѣлъ повода останавливаться на взглядѣ С. С. Корсакова.

Творческіе акты отличаются отъ другихъ сложныхъ психическихъ актовъ только своимъ результатомъ и къ функциональной гипереміи не имѣютъ никакого особаго отношенія. Я и не говорилъ этого. Что же касается необходимости регулятора, то я не только не отрицаю ея, но вполне опредѣленно указываю, что этотъ регуляторъ есть внѣшній міръ, сама внѣшняя среда, послѣдовательно измѣняющаяся. И необходимость принять существованіе регулятора никакъ не заключаетъ въ себѣ необходимости принять ученіе объ апперцепціи, какъ о такомъ регуляторѣ.

В. Р. Буцке. Введеніе Вами, А. А., понятія о функциональной гипереміи клѣтокъ мозговой коры, какъ физиологической основѣ ассоціаціи идей, представляется мнѣ объясненіемъ неизвѣстнаго посредствомъ еще болѣе неизвѣстнаго.

А. А. Ткачскій. Такъ; но это болѣе неизвѣстное одно замѣняетъ собою пять или болѣе неизвѣстныхъ и сводитъ ихъ на ихъ общую и болѣе глубокую причину.

В. Р. Буцке. Далѣе, апперцепція, насколько я знаю, значительно старше, чѣмъ это представлено Вами; это понятіе является уже у Лейбница, есть оно и у Канта, и у Гербарта. Поэтому, въ критикѣ апперцепціи недостаточно ограничиваться теоріей Вундта.

Наконецъ, по поводу Вашего предположенія о накладываніи, такъ сказать, одного на другое—двухъ или нѣсколькихъ образовъ воспоминанія, локализуемыхъ нами въ одной и той же точкѣ пространства, я хотѣлъ напомнить Вамъ общій психологическій фактъ, что для сравненія между собою двухъ воспріятій вовсе не нужно, чтобы впечатлѣнія, такъ сказать, накладывались другъ на друга, и что вообще для акта отождествленія или различенія не нужно, чтобы впечатлѣнія происходили въ однихъ и тѣхъ же периферическихъ концахъ органовъ чувствъ. Такъ, я узнаю правымъ глазомъ то, что я видѣлъ лѣвымъ, узнаю предметъ, виданный вблизи (большимъ), если вижу его издали (маленькимъ), мелодію, спѣтую дискантомъ, если она будетъ сыграна въ басу. Спрашивается, какъ совпадаютъ образы въ мозгу, если образы въ периферическихъ органахъ не совпадаютъ? Тутъ представляется намъ проблема, которая, насколько я знаю, еще никогда подробно не задѣвалась.

А. А. Токарскій. Накладываніе образовъ бываетъ довольно часто, такъ какъ мы все всегда представляемъ себѣ въ первомъ, переднемъ полукружій горизонта, опирающемся на переднюю поверхность (плоскость) нашего тѣла, а потому мы переводимъ въ соотвѣтственныя точки этого полукружія и все то, что мы ранѣе воспринимали, занимая другія положенія.

По отношенію къ апперцепціи я имѣлъ въ виду именно взглядъ Вундта, который принимаетъ апперцепцію какъ направляющую силу, прямо отождествляя ее съ волей, почему и не упоминалъ ни о Лейбницѣ, ни о Гербартѣ.

А. С. Бѣлкинъ и *В. Н. Ивановскій* сдѣлали нѣсколько замѣчаній относительно методологіи фізіолого-психологическихъ изслѣдованій и указывали на необходимость точнаго различенія данныхъ фізіологическаго наблюденія и опыта отъ гипотетическаго истолкованія ихъ на основаніи результатовъ и анализовъ самонаблюденія.

Л. М. Лопатинъ. Мнѣ представляется очень важною и интересною та часть Вашего реферата, въ которой Вы пытаетесь указать на фізіологическія основанія того, что я назвалъ въ своемъ рефератѣ «Подвижныя ассоціаціи представленій» тенденціей къ *перераспределенію* идей. Вы даете должное мѣсто несомнѣнному факту, что въ теченіи нашихъ идей и мыслей обнаруживается гораздо болѣе неожиданныхъ, внезапныхъ, иногда очень

прихотливыхъ переходовъ, чѣмъ это можно было бы допустить при исключительномъ господствѣ общепринятыхъ законовъ ассоціаціи. Однако, едва ли можно согласиться съ Вами, что гиперемія отдѣльныхъ участковъ мозговой коры представляетъ достаточное объясненіе творческихъ процессовъ нашего духа. Вѣдь главная особенность такихъ процессовъ, относятся ли они къ нашему уму, фантазіи, волѣ—это одинаково, состоитъ въ ихъ *телеологичности*: они направляются сообразно съ опредѣленною цѣлью, планомъ или смысломъ: когда, на примѣръ, мы доказываемъ какую-нибудь истину, мы выбираемъ изъ запаса нашей памяти лишь такія идеи, которыя, такъ или иначе, могутъ привести насъ къ этой истинѣ, а всѣ другія отбрасываемъ,—безъ этого не можетъ возникнуть никакое доказательство. Откуда берется этотъ характеръ цѣлесообразности въ нашихъ творческихъ актахъ, и какъ онъ можетъ быть выведенъ изъ гипереміи, т.-е. изъ того физиологическаго факта, что кровь то меньше, то больше приливаетъ къ разнымъ участкамъ мозга? Сама ли сосудодвигательная система есть та направляющая сила въ насъ, которая ищетъ разумной осмысленности въ нашихъ психическихъ продуктахъ? Вы этого не доказали, да едва ли и возможно доказать что-нибудь подобное.

А. А. Токарскій. Цѣлесообразность дѣйствія всецѣло опредѣляется внѣшними вліяніями, которыя вызываютъ психическую реакцію. При этомъ, если рѣчь идетъ о будущемъ, о томъ, что должно наступить, всегда возстановляются воспоминанія прошедшаго, которыя лишь переносятся въ будущее. Творческіе акты суть выраженіе видоизмѣненія воспоминаній въ зависимости отъ жизни и дѣятельности самихъ нервныхъ клѣтокъ и не имѣютъ прямого отношенія къ гипереміи.

Л. М. Лопатинъ. Однако, Вы должны согласиться, что когда данныя прошлаго опыта соединяются для насъ въ планъ будущаго дѣйствія, то въ насъ неизбѣжно обнаруживается какая-то сила, которая подбираетъ эти данныя сообразно съ господствующими въ насъ интересами: иначе мы будемъ только бредить, а не составлять планы. Эту силу мы непосредственно воспринимаемъ въ себѣ, какъ направляющую дѣятельность *вниманія*. Существуетъ ли для этой силы *вполнѣ соответственный* физиологическій коррелятъ—это вопросъ, рѣшать который при современномъ состояніи физиологіи мозга, по меньшей мѣрѣ, еще рано.

А. А. Токарскій. Всякая цѣль и планъ дѣйствія опредѣляются внѣшними вліяніями, т.-е. внѣшними условіями и потребностями, которыя являются регуляторами психическаго процесса. Что мы непосредственно воспринимаемъ въ себѣ ходъ психическаго процесса, какъ актъ вниманія, не есть еще доказательство того, что вниманіе есть направляющая сила, а не простое психическое выраженіе направляемаго внѣшними вліяніями мозгового процесса.

Что же касается вопроса о существованіи вполнѣ соотвѣтственнаго физиологическаго коррелата вниманія, то рѣшаютъ этотъ вопросъ при современномъ состояніи физиологіи, какъ Вы справедливо замѣчаете, еще рано. Но при современномъ состояніи физиологіи уже вполнѣ своевременно усомниться въ самостоятельномъ существованіи тѣхъ «силъ», присутствіе которыхъ опредѣляется лишь данными самонаблюденія.

СХVII. Отчетъ о закрытомъ засѣданіи 30 апрѣля 1894 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 50 м. вечера въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. Н. Вентцеля, О. П. Герасимова, В. А. Гольцева, З. С. Горской, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Н. П. Поставскаго, Г. И. Россолимо, А. А. Токарскаго и Н. И. Шишкина и гостей по запискамъ членовъ.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Предсѣдательствующій Л. М. Лопатинъ доложилъ, что онъ вмѣстѣ съ д. ч. Н. А. Иванцовымъ и В. П. Преображенскимъ передалъ «Первому съѣзду художниковъ и любителей художествъ» въ день его открытія, 23-го апрѣля, привѣтствіе отъ Психологическаго Общества.

Дѣйствительный членъ В. А. Гольцевъ сдѣлалъ сообщеніе о трактатѣ Фулье «Психологія идей-силъ» *).

Произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Общества въ предыдущемъ засѣданіи, а именно: проф. Н. А. Умова въ дѣйствительные члены (избранъ единогласно) и въ члены-соревнователи: Ю. И. Глики и М. Х. Свентицкой (обѣ избраны

*) Напечатанъ въ № 24 «Вопр. Фил. и Псих.»

единогласно) и С. Г. Шахъ-Назарова (избирательныхъ 10 и неизбирательныхъ 1).

Происходило обсужденіе сообщенія В. А. Гольцева, приче́мъ слѣдующія лица высказали свои замѣчанія по поводу этого сообщенія: А. А. Токарскій, П. А. Каленовъ, Н. А. Иванцовъ, А. С. Бѣлкинъ и Л. М. Лопатинъ. Засѣданіе закрыто въ 10 часовъ 45 минутъ вечера.

СХVIII. Отчетъ о закрытомъ засѣданіи 7 мая 1894 г.

Засѣданіе было открыто въ 8 часовъ 45 минутъ вечера, въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: К. Н. Вентцеля, В. А. Гольцева, З. С. Горской, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, П. В. Преображенскаго, Г. А. Рачинскаго, Г. И. Россолимо, Ѳ. А. Смирнова, А. А. Токарскаго, гг. членовъ-соревнователей: С. Д. Селивачева и С. Г. Шахъ-Назарова и гостей по запискамъ членовъ. Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Дѣйствительный членъ А. А. Токарскій прочелъ рефератъ: „Роль воли въ психическомъ процессѣ“.

Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе: П. А. Каленовъ, В. А. Гольцевъ, С. С. Корсаковъ, Н. А. Иванцовъ, Л. М. Лопатинъ и П. В. Преображенскій.

Обсуждался проектъ устава «Русской ассоціаціи для обезпеченія устройства естественно-научныхъ съѣздовъ», присланный редакціоннымъ комитетомъ при «IX съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей» для разсмотрѣнія, и послѣ преній принято слѣдующее предложеніе дѣйствительнаго члена Н. А. Иванцова:

Просить комиссію при IX съѣздѣ, избранную для выработки устава «Русской ассоціаціи»:

- 1) Вести въ кругъ занятій съѣздовъ опытную психологію;
- 2) Не устанавливать числа и названій секцій однажды навсегда (или, по крайней мѣрѣ, до измѣненія устава, на что требуется

разрѣшеніе министерства), какъ это сдѣлано на стр. 6-ой «Проекта устава», и представить мѣстному комитету или совѣту Ассоціаціи опредѣлять секціи на каждый предстоящій съѣздъ, сообразно съ требованіями времени, ибо весьма возможно, что секціи, въ кругъ занятій которыхъ входитъ, согласно проекту, нѣсколько наукъ (каковы секціи: 1-ая, 4-ая, 7-ая и 8-ая, а также отчасти и другія) окажется необходимымъ раздѣлить соотвѣтственно послѣднимъ;

3) Соотвѣтственно съ введеніемъ въ кругъ занятій съѣзда опытной психологіи, приглашать въ число членовъ мѣстнаго комитета для подготовленія съѣзда лицъ, преподающихъ относящіяся сюда науки въ университетѣ того города, въ которомъ имѣетъ собраться съѣздъ.

Изложеніе преній по реферату А. А. Токарекаго: «Роль воли въ психическомъ процесѣ» *).

П. А. Каленовъ. А. А.! Подвергнувъ критикѣ представленіе свободной воли и найдя, что оно противорѣчитъ понятію причинности, Вы отвергаете его—какъ иллюзію, такъ какъ аксіому причинности признаете истиной универсальною.

Понятіе причинности есть несомнѣнно основная аксіома всего нашего мышленія, и противорѣчіе представленія свободной воли съ этою аксіомой очевидно; но это все-таки не даетъ права отвергать свободу воли—какъ ложную иллюзію. Я, по крайней мѣрѣ, признаю свободу воли истиной, и вотъ почему.

Подъ истиной я разумѣю такое представленіе, которое неизбѣжно присуще нашему сознанію и которымъ мы не можемъ не руководиться въ нашихъ сознательныхъ дѣйствіяхъ. На этомъ послѣднемъ пунктѣ я особенно настаиваю, ибо есть представленія, хотя и неизбѣжныя, но въ то же время такія, которыя мы смѣло признаемъ за иллюзіи, открывъ ихъ логическій недостатокъ, т.-е. противорѣчіе съ тѣмъ, что для насъ несомнѣнно, и затѣмъ уже не руководимся ими въ нашихъ дѣйствіяхъ. Такова, на примѣръ, неизбѣжная иллюзія вращенія солнца вокругъ земли,—иллюзія, заставляющая подвергшагося ампутаціи чувствовать присутствіе уже отнятаго члена,—и другія. Но неизбѣжно присущее

*) Напечатанъ въ № 24 «Вопросовъ Философіи и Психологіи» (Сентябрь 1894 г.), стр. 505—522 II отд.

человѣку представленіе свободы воли и невозможность не руководиться имъ въ сознательной дѣятельности, какъ бы оно ни противорѣчило логикѣ, не позволяютъ признать его иллюзіей.

Правда, что признаніе свободы воли, отрицая универсальность аксіомы причинности, ограничиваетъ компетенцію этой аксіомы міромъ явленій. Мыслители, не соглашающіеся на такое ограниченіе, а потому отрицающіе свободу воли, являются узкими метафизиками-раціоналистами, такъ какъ они ради универсальности своего раціональнаго принципа ограничиваютъ міръ предѣлами своего пониманія. А вѣдь міръ шире этихъ предѣловъ; въ немъ есть область ирраціональная, область абсурдовъ, которыхъ не долженъ касаться разумокъ. Къ такимъ *священнымъ* абсурдамъ принадлежитъ свобода воли—объектъ вѣры.

Примѣнять къ свободѣ воли, какъ къ ирраціональному представленію, раціональныя дѣйствія—незаконно, т. е. нельзя ни отрицать ее, указывая на ея всѣмъ очевидныя противорѣчія, ни, признавая даже ее за истину, полагать ее въ основаніе какихъ-либо теоретическихъ объясненій; ибо всѣ такія объясненія распадаются отъ перваго прикосновенія къ нимъ вооруженнаго логикой разсудка.

Но непригодный для теорическаго употребленія, абсурдъ свободной воли является неустранимымъ практическимъ регуляторомъ даже у отрицающихъ его.

А. А. Токарскій. Несомнѣнно, если мы опредѣлимъ истину такъ, какъ Вы, то и свобода воли есть истина.

Но истина не есть «представленіе, которое неизбѣжно присуще нашему сознанию и которымъ мы не можемъ не руководиться въ нашихъ сознательныхъ дѣйствіяхъ», на чемъ Вы особенно настаиваете. Человѣкъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ иногда дикими и нелѣпыми предрасудками, и сказать, что въ нихъ заключается истина, значить не дать понятію истины никакого опредѣленія.

Истина находится не внутри насъ, а внѣ насъ, въ окружающемъ мірѣ. Истина есть дѣйствительность, и если мы съ такимъ трудомъ познаемъ дѣйствительныя отношенія вещей, то именно потому, что нашему сознанию присущи различныя иллюзіи, освобожденіе отъ которыхъ удастся лишь съ великимъ трудомъ. И истина въ Вашемъ смыслѣ есть также лишь препятствіе къ дѣйствительному познанію истины.

Далѣ, что касается отношенія абсурда къ логикѣ, то никакъ нельзя утверждать, что есть область абсурдовъ, которыхъ не долженъ касаться разумъ. Совершенно наоборотъ, существованіе алогичнаго можетъ быть допущено только послѣ обязательной логической повѣрки. И самое понятіе абсурда есть вытекающее изъ логики, хотя и не поддающееся логическому анализу, понятіе.

Поэтому принимать волю за священный абсурдъ, котораго не должна касаться критическая мысль, я не вижу никакого основанія.

В. А. Гольцевъ. Мнѣ кажется, что Вы не совсѣмъ точно опредѣляете волю, какъ жизненную силу, какъ причину реакцій организма на внѣшнія возбужденія. Не говоря уже о томъ, что для яснаго понятія о волѣ при такомъ опредѣленіи должно быть предварительно дано опредѣленіе этой жизненной силы, — я укажу на слѣдующее: воля непремѣнно предполагаетъ уже различеніе ощущенія пріятнаго (полезнаго для организма) и непріятнаго (вреднаго). Поэтому нельзя не признать въ актахъ воли элемента сознанія. При Вашемъ же опредѣленіи воля является ранѣ психическаго процесса: это — воля безсознательная. А между тѣмъ, у Васъ воля проявляется желаніемъ, которое Вы противопоставляете хотѣнію. Я совершенно не могу понять, какъ желаніе можетъ быть безсознательнымъ актомъ... Далѣ, мнѣ кажется непослѣдовательно не допускать участія воли во вниманіи: когда я *желаю* что-нибудь слушать, смотрѣть и т. п., — несомнѣнно, вниманіе мое усиливается.

А. А. Токарскій. Воля есть *причина* реакціи, а потому она независима отъ сознанія. Раздѣленіе влеченій на желанія и хотѣнія принадлежитъ не мнѣ, а защитникамъ свободы воли, и мнѣ могло быть приписано только по неясности выраженія.

В. А. Гольцевъ. Мнѣ кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній относить волю за предѣлы психическихъ явленій. Область этихъ послѣднихъ — сознаніе, а въ сознаніи существуетъ цѣлая масса безконечно малыхъ степеней его, и тамъ, гдѣ Вы предполагаете существованіе вполне безсознательной воли, слѣдуетъ, повидимому, поставить сознаніе же, но на одной изъ низшихъ, зачаточныхъ ступеней его.

А. А. Токарскій. Я отрицаю во вниманіи не волю, а произволь. Что же касается до необходимости допустить присутствіе сознанія уже на первыхъ ступеняхъ органической жизни, то съ

этимъ я вполне согласенъ. Но воля по существу своему есть явленіе, не имѣющее прямого отношенія къ сознанию, и можетъ сопровождаться или не сопровождаться сознаниемъ, почему при опредѣленіи воли и должны быть приняты во вниманіе обѣ эти возможности.

С. С. Корсаковъ. Соглашаясь въ принципѣ съ тѣмъ, что говорится въ прочитанномъ Вами докладѣ о *свободѣ* воли, я въ то же время долженъ особенно настаивать на томъ, что Вашъ взглядъ на волю и ея отношеніе къ другимъ сторонамъ душевной жизни есть странное недоразумѣніе.

Ваше опредѣленіе воли, какъ «причины реакціи живого организма на внѣшнія раздраженія», вызываетъ у меня недоумѣніе. Оно еще болѣе увеличивается, когда я слышу, что Вы называете волею и ту причину, которая вызываетъ отраженное движеніе биллиардныхъ шаровъ... Отталкиваніе биллиардныхъ шаровъ указываетъ, по Вашему мнѣнію, на волю, лежащую въ основѣ этого (по общепринятому воззрѣнію) чисто механическаго акта.—Признавая волю въ отраженномъ движеніи биллиардныхъ шаровъ, Вы признаете ее и въ кровяныхъ шарикахъ, такъ какъ они реагируютъ на внѣшнія раздраженія—сжиманіемъ. Неужели же въ этомъ можно видѣть проявленія воли? Вѣдь воля, по общепринятой терминологіи, принадлежитъ къ понятіямъ, относящимся къ *психической* сферѣ. Неужели можно считать доказаннымъ, что въ кровяныхъ шарикахъ или биллиардныхъ шарахъ есть душевныя явленія? Но если даже и допустить, что это возможно, то все-таки, вѣдь, это не доказано, и потому зачѣмъ же вводить такое опредѣленіе воли, которое предполагаетъ этотъ сомнительный фактъ доказаннымъ. Да еслибъ и было въ дѣйствительности, что въ кровяныхъ шарикахъ есть элементы психической жизни, хотя слабые (я самъ держусь приблизительно этого воззрѣнія), все-таки нельзя говорить, что въ психической жизни кровяныхъ шариковъ есть *воля*. Воля, какъ ее понимаетъ обычная терминологія, есть проявленіе довольно развитой психической жизни, и нельзя утверждать, что она существуетъ и въ самой элементарной психикѣ. Но самое главное, по-моему,—то, что мы не имѣемъ достаточныхъ научныхъ основаній приписывать всякому веществу, даже всякому живому организму—психическихъ свойствъ. Если для меня обязательно (изъ данныхъ опыта), что психическая жизнь сама есть проявленіе своеобразной модификаціи органической

жизни, то я все-таки не имѣю права дѣлать обратнаго вывода, что всякая органическая жизнь есть въ то же время и психическая; я не имѣю права дѣлать этого вывода совершенно потому же, почему я не имѣю права говорить, что всякое химическое или физическое отношеніе есть уже органическое. Приписывать кровянымъ клѣткамъ, а еще болѣе того отталкивающимся билліарднымъ шарамъ -- волю, по моему мнѣнію, есть невозможный антропоморфизмъ. Затѣмъ, въ рефератѣ Вашемъ есть еще одно недоразумѣніе. Въ немъ есть одно мѣсто, гдѣ Вы говорите, что желанія (влеченія) должны быть исключены изъ сферы воли совсѣмъ. «Хотѣніе», такъ сказано у Васъ, — «есть актъ воли, а желаніе есть неразумное и несознательно возникающее влеченіе». На это мѣсто обратилъ вниманіе и В. А. Гольцевъ. Вы дали ему разъясненіе, что Вы лично не держитесь этого взгляда, — напротивъ, его отвергаете. Но я долженъ подтвердить, что, вѣроятно, у большинства лицъ, прослушавшихъ Вашъ рефератъ, останется то впечатлѣніе, какое осталось у В. А. Гольцева и у меня. Говоря вышеприведенную фразу, Вы какъ-то не отдѣняете, что она не согласуется съ Вашими воззрѣніями, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи Вы опять говорите въ томъ же родѣ: «влеченія всѣ относятся къ области чувствъ». Можетъ быть, это — простая неточность выраженія; но неточность, которая вызываетъ серьезное недоумѣніе и можетъ быть принята за оригинальную мысль, не лишенную, по моему мнѣнію, даже нѣкотораго основанія.

Къ сожалѣнію, такихъ неточностей, которыя могутъ симулировать оригинальныя мысли, въ Вашемъ рефератѣ довольно много. Такъ, на примѣръ, Вы говорите: «вниманіе не есть выраженіе активной силы» и далѣе: «участіе воли въ актѣ вниманія не доказывается», — можно подумать изъ этого, что, по Вашему, вниманіе къ волѣ не имѣетъ никакого отношенія; а между тѣмъ врядъ ли Вы это хотѣли сказать. Вѣдь признавая то, что воля есть причина реакціи живого организма, Вы врядъ ли можете отрицать, что однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ реакціяхъ человѣческаго организма является вниманіе; слѣдовательно, участіе воли въ актахъ вниманія непремѣнно должно быть. Кроме того, по моему, Вы должны прямо признать «волевое» вниманіе. Признавая то, что называется въ физиологіи «произвольнымъ движеніемъ», актомъ «волевымъ», Вы этимъ самымъ даете осно-

ваніе причислять къ несомнѣнно волевымъ актамъ и нѣкоторыя проявленія вниманія, такъ какъ дѣятельность вниманія связана самымъ тѣснымъ образомъ съ мускульною дѣятельностью, и терминъ «произвольное вниманіе» имѣетъ право на существованіе въ такой же мѣрѣ, какъ терминъ «произвольное движеніе».

Затѣмъ, еще одно замѣчаніе, касающееся вопроса о свободѣ воли. Само собою разумѣется, что по существу я съ Вами согласенъ, но долженъ возразить противъ одного Вашего выраженія, именно противъ того, въ которомъ Вы высказываете несогласіе Ваше съ тѣми, кто утверждаетъ, будто бы человѣку невозможно освободиться отъ чувства своей свободы. Такъ какъ я принадлежу къ числу лицъ, утверждающихъ это, то я и долженъ Вамъ возразить, что знаніе своей несвободы, съ одной стороны, и непосредственное ощущеніе своей способности сдѣлать тотъ или другой выборъ, съ другой—рѣшительно могутъ быть вмѣстѣ у одного и того же человѣка. Ощущеніе того, что «я хочу» или «я не хочу» и поэтому дѣлаю, есть непосредственное ощущеніе всякаго человѣка, хотя бы и такого, который путемъ разсужденія былъ убѣжденъ, что всѣ его хотѣнія предложены или обусловлены внѣшними моментами. Это обстоятельство принадлежитъ къ той категоріи фактовъ, къ которымъ принадлежитъ, напримѣръ, то, что сколько бы я на основаніи знанія астрономіи ни былъ убѣжденъ, что звѣзда, которую я вижу сегодня на небѣ, видна мнѣ такою, какою она была въ дѣйствительности неопредѣленное число лѣтъ назадъ,—я все-таки не могу освободиться отъ непосредственнаго ощущенія, что эта звѣзда существуетъ на небѣ въ настоящее время, и цѣлый рядъ расчетовъ я произвожу соотвѣтственно этому непосредственному ощущенію, по которому данная звѣзда находится въ томъ или другомъ соотношеніи съ другими звѣздами.—Точно такъ и въ вопросѣ о свободѣ воли. Какъ бы ни было велико убѣжденіе въ детерминизмѣ, все-таки оно не уничтожаетъ непосредственнаго ощущенія самостоятельности въ выборѣ, и это непосредственное ощущеніе, присущее всякому нормальному человѣку, является могучимъ факторомъ въ индивидуальной и соціальной жизни.

А. А. Токарскій. Если есть какое-нибудь недоразумѣніе, то оно происходитъ не съ моей стороны.

Именно, что касается опредѣленія воли, то меньше всего въ

немъ можно видѣть хотя малѣйшій намекъ на антропоморфизмъ, и мое утверженіе исходитъ изъ прямо обратнаго антропоморфизму предположенія, что силы или моменты, обуславливающіе жизнь и дѣятельность во всемъ животномъ царствѣ, — одни и тѣ же и находятся, въ большей или меньшей степени развитія, но одинаковые по существу, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ организамахъ, въ кровяномъ шарикѣ такъ же, какъ въ человѣкѣ. Поэтому, опредѣляя волю, какъ причину реакціи живого организма, я только выражаю ту общую идею, что жизнь и дѣятельность имѣютъ всегда одну и ту же причину, одно и то же происхожденіе. Что касается того обстоятельства, что воля есть явленіе психическое, то изъ этого никакъ еще не можетъ слѣдовать, что, говоря о волѣ кровяного шарика, я предполагаю въ немъ психическую дѣятельность, на недоказанность чего Вы мнѣ указываете. Изъ этого слѣдуетъ, наоборотъ, что въ психическомъ явленіи, которое мы называемъ волей, заключаются и тѣ моменты, которые обуславливаютъ жизнь и движеніе въ кровяномъ шарикѣ, — другими словами, что воля, т.-е. жизненная сила, можетъ быть психическимъ и непсихическимъ явленіемъ, можетъ сопровождаться ощущеніями, а слѣдовательно сознаниемъ, но можетъ и не сопровождаться. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ искать опредѣленія воли только въ предѣлахъ сознательной психической жизни и тѣмъ болѣе ограничивать опредѣленіе воли только человѣческой душевною жизнью, которая есть лишь болѣе сложное выраженіе органической жизни природы.

Что же касается воли биллиардныхъ шаровъ, то рѣчь идетъ здѣсь не о тождествѣ, а лишь объ аналогіи, такъ какъ мною опредѣленно указано, что для принятія здѣсь тождества необходимо принять гипотезу о единствѣ происхожденія жизни и механическаго движенія. И примѣръ относительно биллиардныхъ шаровъ имѣлъ въ виду именно невозможность принять такое единство. Это замѣчаніе не имѣетъ никакого отношенія къ моимъ собственнымъ взглядамъ, такъ какъ я, съ своей стороны, указываю лишь на значеніе этой гипотезы при опредѣленіи воли. Если же гипотеза о единствѣ причины механическаго движенія и причины органической жизни будетъ принята, то обязательнымъ, не подлежащимъ никакому возраженію выводомъ изъ этого будетъ и распространеніе понятія воли на механическое движеніе. Это—

строго логическій выводъ, отъ котораго человѣческая мысль не можетъ уклониться безъ натяжки.

Раздѣленіе влеченій на желанія и хотѣнія обусловливается именно стремленіемъ отдѣлить психическіе акты, направляемые свободною волей, отъ тѣхъ, которые волей не обусловлены, и есть, слѣдовательно, результатъ признанія свободной воли; мнѣ такой взглядъ могъ быть приписанъ только по неясности выраженія.

Неточности же въ употребленіи слова «воля» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто «свободная воля» дѣйствительно существуютъ, что относится также и къ тому мѣсту, гдѣ рѣчь идетъ о вниманіи и гдѣ, разумѣется, слѣдовало бы сказать «свободная воля», присутствіе которой въ актахъ вниманія я считаю совершенно недоказаннымъ.

Что касается послѣдняго замѣчанія относительно того, что «знаніе своей несвободы, съ одной стороны, и непосредственное ощущеніе своей способности слѣлать тотъ или другой выборъ, съ другой—рѣшительно могутъ быть вмѣстѣ у одного и того же человѣка», то въ этомъ я не только не выражалъ никакого сомнѣнія, но даже далъ объясненіе, почему, на мой взглядъ, у большинства людей существуетъ сознаніе своей свободы. Я утверждаю лишь то, что сознаніе своей свободы не есть обязательное условіе и что оно можетъ отсутствовать, по крайней мѣрѣ, у современнаго человѣка, какъ это высказывалъ также Герценъ. Между тѣмъ, защитники свободы воли хотѣли видѣть доказательство существованія свободной воли именно во всеобщности сознанія свободы, несмотря на убѣжденіе въ детерминизмѣ.

Н. А. Иванцовъ. Основными положеніями реферата являются два слѣдующія: 1) воля въ своей основѣ безсознательна; 2) воля есть то, что называютъ жизненной силой. Далѣе, референтъ указываетъ, что на жизненную силу существуетъ два взгляда: по одному, она представляетъ собою нѣчто вполнѣ отличное отъ другихъ силъ природы, по другому, она цѣликомъ сводится на послѣднія, и жизненные явленія, а слѣдовательно, и явленія волевыя представляютъ собою тѣ же процессы физико-химическіе, лишь въ болѣе осложненной формѣ, чѣмъ какіе мы находимъ въ окружающей ихъ неорганической природѣ. Послѣдній взглядъ, отрицающій самостоятельность жизненной силы,

въ новѣйшей наукѣ уже почти совершенно вытѣснилъ отжившій свой вѣкъ витализмъ.

Итакъ, воля есть безсознательная жизненная сила, а послѣдняя цѣликомъ сводится на механическія силы природы.

Но новѣйшая наука совершенно не знаетъ силъ. Слово «сила» — не болѣе, какъ условный терминъ, давно утратившій свой первоначальный смыслъ. Современная наука знаетъ только движенія, а слово «сила» употребляется лишь для выраженія количественной стороны движенія или причинныхъ отношеній различныхъ движеній другъ къ другу. Слѣдовательно то, что называютъ жизненною силой, есть не что иное, какъ сумма или соотношеніе извѣстныхъ движеній. Слѣдовательно и воля, какъ жизненная сила, есть движеніе, и всякое волевое явленіе есть явленіе движенія и ничего больше.

Разъ вопросъ о свободѣ воли поставленъ въ такой формѣ, онъ рѣшается самъ собою. Всякое движеніе при данныхъ условіяхъ производитъ другое строго опредѣленное движеніе. Воля, будучи механическимъ движеніемъ, не можетъ быть свободна при данныхъ условіяхъ породить извѣстное движеніе или не породить его. Какъ всякое другое движеніе, она строго слѣдуетъ извѣстнымъ, опредѣленнымъ законамъ, и свободы выбора для нея не существуетъ.

Но будучи поставленъ въ такой формѣ, вопросъ о свободѣ воли, составляющей главную тему реферата, совершенно теряетъ свой смыслъ. Вопросъ о свободѣ воли есть именно вопросъ о свободѣ выбора. А для того, чтобы произвести выборъ между этимъ движеніемъ или другимъ, или вообще между движеніемъ и покоемъ, необходимо представлять себѣ, *сознавать* какъ то, такъ и другое. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли есть именно вопросъ о *сознательной* волѣ. Безсознательная воля не можетъ выбирать, ибо не можетъ сознавать. Такая воля цѣликомъ сводится на движенія, но это не есть (что обыкновенно подразумѣваютъ подъ волей) воля, относительно которой возможно задаваться вопросомъ, способна она производить движенія по своему выбору, или нѣтъ.

Во избѣжаніе путаницы и противорѣчій—подъ волевыми дѣйствіями слѣдуетъ разумѣть не просто реакціи на внѣшніе стимулы, а подъ волей не просто причину такихъ реакцій, но именно *сознательныя* реакціи на внѣшніе стимулы и *сознаніе*, какъ при-

чину послѣднихъ. Сознательная воля, относительно которой только и имѣеть смыслъ вопросъ о свободѣ выбора, не можетъ быть сведена цѣликомъ на бессознательную волю, жизненную силу или чисто механическія движенія, и отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ такой формѣ, какъ онъ ни простъ и очевиденъ, однако существа дѣла нисколько не разрѣшаетъ.

Итакъ, вопросъ о свободѣ воли сводится къ слѣдующему: можетъ ли *сознаніе* быть причиной движенія, или же всякое движеніе можетъ возникнуть только изъ движенія же, а сознаніе представляетъ собою лишь явленіе сопутствующее?—и затѣмъ: явленіе сознанія можетъ ли возникнуть самопроизвольно, или же оно вполнѣ обусловлено предшествующими ему явленіями психическаго или матеріальнаго характера? Я вполнѣ согласенъ съ референтомъ, что и въ этой формѣ вопросъ о свободѣ воли долженъ получить отвѣтъ отрицательный, но полагаю, что соотвѣтственно такой, болѣе правильной, на мой взглядъ, постановкѣ вопроса, и ходъ аргументаціи долженъ быть нѣсколько иной.

А. А. Токарскій. Отъ предлагаемаго Вами измѣненія въ постановкѣ вопроса не можетъ измѣниться выводъ, что признаете и Вы сами. Не можетъ измѣниться также и аргументація, потому что вопросъ о сознаніи, какъ причинѣ движенія, есть тотъ же вопросъ, что о волѣ какъ причинѣ движенія, который и былъ мною оставленъ. Если же принять, что сознаніе—такъ же, какъ и воля въ ея психическомъ выраженіи, суть лишь сопутствующія движенію явленія, предварительное принятіе чего я считаю, какъ и Вы, совершенно необходимымъ, то вопросъ и возвращается къ той постановкѣ, въ которой я его разсматривалъ и правильность которой Вы сами подтверждаете замѣчаніемъ, что «при такой постановкѣ вопросъ рѣшается самъ собою».

Л. М. Лопатинъ. По моему мнѣнію, главный недостатокъ разсужденій референта заключается въ необычномъ употребленіи общепринятаго психологическаго термина, во-первыхъ, и въ примыкающей у него къ такому словоупотребленію ошибкѣ, которая носитъ въ логикѣ названіе *restitutio principii*, во-вторыхъ. Онъ опредѣляетъ волю какъ «причину реакціи живого организма». Изъ этого онъ выводитъ, что «воля есть понятіе, возникающее совершенно независимо отъ понятія о сознаніи и какой бы то ни было психической дѣятельности», и далѣе утверждаетъ, что «воля и жизненная сила суть одно и то же». Такой рядъ

утверждений, отъ которыхъ референтъ отправляется въ своемъ анализмѣ, нельзя не признать произвольнымъ и неожиданнымъ. Хотя референтъ и утверждаетъ, что причину реакціи «называютъ» волюю, но не поясняетъ, кто и когда такъ называетъ ее? Согласно словоупотребленію референта, волюю совершенно одинаково надо приписать и человѣку, и дереву. Между тѣмъ, въ общераспространенномъ пониманіи волюю признають только за одушевленными существами и видятъ въ ней, прежде всего, фактъ психической. (Мы говоримъ о волѣ только тамъ, гдѣ предполагаемъ хотѣніе, выборъ, рѣшеніе, или что-нибудь въ этомъ родѣ, а это все *психическіе* факты.)

Въ такомъ новомъ употребленіи слова не было бы большой бѣды, еслибъ оно не вовлекло референта въ очень важное недоразумѣніе: исходя изъ своего необычнаго, физическаго (или физиологическаго) опредѣленія воли, онъ пытается разрѣшить спорные вопросы о волѣ въ ея обычномъ *психологическомъ* значеніи, совсѣмъ забывая, что онъ и его противники говорятъ о совершенно различныхъ вещахъ. Давъ свое опредѣленіе, референтъ почти тотчасъ же приступаетъ къ обсужденію проблемы о свободѣ воли, причемъ сразу понятіе о *воли* замѣняетъ понятіемъ о *жизненной силѣ*. Между тѣмъ, такой приѣмъ былъ бы законенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы референтъ предварительно *доказалъ*, что воля, какъ фактъ нашего *сознанія*, всецѣло сводится на физическіе процессы въ нашемъ организмѣ и никакихъ иныхъ данныхъ для своего объясненія не требуетъ; пока же онъ этого не сдѣлалъ, онъ, очевидно, впадаетъ въ *retitio principii*.

Въ самомъ дѣлѣ, если то, что мы въ себѣ сознаемъ, какъ волю, есть только чисто-субъективное отраженіе физическихъ процессовъ, которое ничего не можетъ измѣнить въ самыхъ этихъ процессахъ, тогда вопросъ о свободѣ воли не стоить и поднимать: тогда совсѣмъ очевидно, что свобода воли немыслима и что всѣ наши дѣйствія подлежатъ такому же строгому *физическому* детерменизму, какъ и явленія мертвой природы. Вопросъ о свободѣ имѣетъ смыслъ и значеніе только при допущеніи самостоятельной *психической* причинности, т.-е. при убѣжденіи, что наша воля и мысль, именно какъ состоянія и акты сознанія, могутъ оказывать направляющее воздѣйствіе на нашу внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Я уже не разъ печатно старался показать, что къ такому допущенію одинаково настойчиво побуждаютъ

нась и психологическія, и обще-философскія соображенія. А когда мы его сдѣлаемъ, тогда мысль о всецѣломъ детерминизмѣ явленій духа неизбѣжно получаетъ условный и сомнительный видъ. Между психическими явлениями существуетъ связь, и въ этомъ смыслѣ надъ душевною жизнью господствуетъ также необходимость, т.-е. своеобразный *психологическій* детерминизмъ. Но не слѣдуетъ забывать, что это необходимость *suī generis*, которая не исключаетъ, а предполагаетъ *свободу*, *качественное* разнообразіе душевныхъ явленій, несводимое ни на какія только *количественныя* отношенія, и *активная* природа нашего сознающаго субъекта вноситъ въ психологическій детерминизмъ значительную долю *индетерминизма*, который и сказывается на всѣхъ ступеняхъ душевнаго существованія. Въ этомъ коренное отличіе *психологическаго* детерминизма отъ детерминизма *физическаго*, въ которомъ мы имѣемъ дѣло съ *качественно-однороднымъ* содержаніемъ, причемъ элементы этого содержанія всецѣло подчиняются закону инерціи, т.-е. являются вполне *пассивными* (см. объ этомъ мои «Полож. задачи философіи», также «Теорет. основы созн. нравст. жизни» и «Подвижныя ассоціаціи представленій»).

А. А. Токарскій. Когда рѣчь идетъ объ опредѣленіи какого-нибудь понятія, то нѣтъ никакой надобности брать уже существующія опредѣленія. Напротивъ, желательно имѣть опредѣленіе, возможно болѣе раскрывающее истинный смыслъ понятія, независимо отъ того, обычно или необычно это опредѣленіе. Такъ, и относительно воли, говоря, что волей называютъ причину реакціи живого организма, я желаю лишь сказать, что таковъ, на мой взглядъ, истинный смыслъ всѣхъ существующихъ опредѣленій. Дѣйствительно, еслибъ я сказалъ: «причина дѣйствія», то это едва ли показалось бы необычнымъ. Но всякое дѣйствіе должно быть разсматриваемо какъ реакція, пока не будетъ доказана возможность самостоятельнаго возникновенія движенія. Слѣдовательно, я съ полнымъ правомъ могъ сказать: «причина реакціи».

Объединяя въ этомъ опредѣленіи понятіе о волѣ какъ въ ея физическомъ, такъ и психическомъ выраженіи, я навлекаю на себя упрекъ въ *petitio principii*, для избѣжанія котораго мнѣ предлагается предварительно доказать, что явленія нашего сознанія всецѣло сводятся на физическіе процессы въ нашемъ организмѣ. Правда, до настоящаго времени наука не имѣетъ прямыхъ доказательствъ такой зависимости, но есть достаточно доказательствъ

косвенныхъ, которыя даютъ право для принятія такой гипотезы. И исходить изъ этой гипотезы въ опредѣленіи понятій такъ же законно, какъ изъ гипотезы противоположной. И изъ того, что я исхожу изъ гипотезы противоположной той, изъ которой исходятъ защитники свободы воли, никакъ не слѣдуетъ, что мы говоримъ о совершенно различныхъ вещахъ; слѣдуетъ лишь то, что мы разсматриваемъ однѣ и тѣ же вещи, но съ различныхъ точекъ зрѣнія.

А совершенно правильное утвержденіе, что «вопросъ о свободѣ воли имѣетъ смыслъ и значеніе только при допущеніи, что наша воля и мысль могутъ оказывать направляющее воздѣйствіе на нашу внутреннюю и внѣшнюю жизнь», вполне равняется утвержденію, что вопросъ о свободѣ воли не имѣетъ смысла, пока не доказано такое направляющее воздѣйствіе воли и мысли.

СХІХ. Отчетъ о закрытомъ засѣданіи 10-го сентября 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 35 м. вечера въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. В. Адольфа, А. П. Басистова, М. В. Безобразовой, Я. А. Боткина, Н. В. Бугаева, К. М. Быковского, В. Е. Гиацинтова, В. А. Гольцева, Н. М. Горбова, З. С. Горской, П. А. Каленова, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, А. Е. Фаворскаго и Е. А. Шмидта.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Предсѣдатель доложилъ Обществу о послѣдовавшей 27-го августа (8 сентября) 1894 г. смерти знаменитаго германскаго ученаго Германа ф. Гельмгольца, состоявшаго съ 24-го января 1890 г. почетнымъ членомъ Общества. Было прочитано слѣдующее письмо Гельмгольца, полученное Московскимъ Психологическимъ Обществомъ въ отвѣтъ на увѣдомленіе его о состоявшемся избраніи:

16 März 1890.

Charlottenburg. Marchstrasse.

Hochgeehrter Herr!

Ich sage der Psychologischen Gesellschaft der Kaiserlichen Universität Moskau meinen besten Dank dafür, dass sie meiner gele-

gentlichen Arbeiten über philosophische Fragen in einer so ehrenvollen Weise gedacht hat, wie sie mir ankündigen, nämlich durch meine Erwählung zu ihren Ehrenmitgliedern. Ich bitte Sie den Mitgliedern der Gesellschaft meinen besten Dank dafür zu sagen. Ich bin nicht gerade verwöhnt durch Beifall in Bezug auf meine philosophischen Arbeiten, und weiss ihn desto mehr zu schätzen, wenn ich ihn finde.

*Herrn Professor
Nicolaus v. Grot.
Moskau.*

*In ausgezeichnetester
Hochachtung
Ihr H. v. Helmholtz.*

Общество почтило память покойнаго вставаніемъ.

По предложенію предсѣдателя, Общество постановило послать Берлинскому Университету письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Заслушано отношеніе ректора Московскаго университета, извѣщающее Общество, что Министръ Народнаго Просвѣщенія не признаетъ въ настоящее время удобнымъ удовлетворить ходатайство Психологическаго Общества объ измѣненіи его устава.

Н. Я. Гротъ прочелъ рефератъ «О времени» (2-я часть).

Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ принимали участіе: А. А. Токарскій, Л. М. Лопатинъ, Н. В. Бугаевъ, П. А. Каленовъ и К. М. Быковскій.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 55 м. вечера.

СХХ. Отчетъ о закрытомъ засѣданіи 24-го сентября 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 30 м. вечера въ залѣ Правленія университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, В. Р. Буцке, В. Е. Гиацинтова, Г. Н. Дурдуфи, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, Л. М. Лопатина, Н. П. Постовскаго, Г. И. Россолимо, В. К. Рота, А. А. Токарскаго и Н. И. Шишкина.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее: Читанъ и утверждень протоколъ предыдущаго засѣданія.

Предсѣдатель прочиталъ текстъ письма, посланнаго отъ имени Общества Берлинскому университету съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю смерти Гельмгольца.

Den $\frac{27\text{-ten September}}{9\text{-ten Oktober}}$ 1894.
№ 257.

Dem Rektor Magnificus der Königlichen
Universität zu Berlin.

Hochgeehrter Herr!

Die Psychologische Gesellschaft zu Moskau, die seit vier Jahren den verstorbenen Professor Herrn Geheimrath *Hermann von Helmholtz* zu ihren Ehrenmitgliedern zählte, hat in ihren ersten Herbstsitzung am 10—22 September einstimmig beschlossen der Königlichen Universität zu Berlin wegen des Verlustes, den die Universität in der Person dieses weltberühmten Gelehrten erlitten hat, ihr tiefes Beileid zu bezeugen.

Diesen Beschluss der Psychologischen Gesellschaft zu Moskau Ihrer Mangificenz mittheilend, haben wir die Ehre zu unterzeichnen
Hochachtungsvoll

Präsident der Psychologischen Gesellschaft zu Moskau: *Nicolaus Grot*, ord. prof. a. d. Univ. z. Moskau.

Secretär: *Alexius Belkin*, Priv. Doc. der Philosophie an der Universität zu Moskau.

Д. ч. Н. А. Иванцовъ предложилъ Обществу, — въ виду того, что за нѣсколько лѣтъ существованія Общества накопилось много постановленій, разъясняющихъ и дополняющихъ уставъ Общества, — поручить секретарю Общества выбрать изъ протоколовъ засѣданій Общества таковыя постановленія и въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій представить списокъ ихъ для пересмотра и обсуждения, какія изъ нихъ можно отмѣнить въ слѣдующее годичное засѣданіе.

Общество приняло предложеніе Н. А. Иванцова.

Предсѣдатель заявилъ, что для годичнаго публичнаго засѣданія имѣются въ виду слѣдующіе рефераты: П. А. Каленова «Жизнь какъ борьба противуположныхъ психическихъ силъ» и его собственный по этикѣ.

Постановлено принять къ свѣдѣнію.

Произведена баллотировка въ дѣйствительные члены Общества проф. Новороссійскаго университета А. И. Кирпичникова; избранъ единогласно.

Д. ч. В. Р. Бушке прочиталъ рефератъ подъ заглавіемъ «Анализъ условій числа при ассоціаціяхъ идей».

Происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе: Н. Я. Гротъ, Л. М. Лопатинъ, А. А. Токарскій, В. Н. Ивановскій, Н. В. Бугаевъ и Н. А. Иванцовъ. Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 50 м. вечера.

СХХІ. Отчетъ о засѣданіи 5-го ноября 1894 года.

Засѣданіе происходило въ залѣ Правленія Университета подъ предсѣдательствомъ Н. Я. Грота, при секретарѣ А. С. Бѣлкинѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. А. Абрикосова, А. П. Басистова, П. Д. Боборыкина, В. А. Гольцева, Г. Н. Дурдуфи, Н. А. Елеонскаго, В. Н. Ивановскаго, П. А. Каленова, М. С. Корелина, С. С. Корсакова, Л. М. Лопатина, П. Н. Милукова, И. Ф. Огнева, А. Г. Петровскаго, Н. П. Постовскаго, В. П. Преображенскаго, П. В. Преображенскаго, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, Е. А. Шмидта, гг. членовъ соревнователей: А. А. Андреевой и С. Г. Шахъ-Назарова и сторонней публики. Передъ началомъ засѣданія дѣйствительнымъ членомъ Общества, настоятелемъ церкви Московскаго Университета, проф. богословія Н. А. Елеонскимъ была отслужена панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ.

Засѣданіе было открыто въ 8 ч. 20 м.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее: читанъ и утверждень протоколъ предыдущаго засѣданія.

Предсѣдатель сообщилъ, что онъ и товарищъ предсѣдателя Л. М. Лопатинъ были въ качествѣ представителей Психологическаго Общества, избранныхъ со стороны членовъ совѣта, на засѣданіи представителей московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ, происходившемъ 28-го октября въ домѣ предсѣдательницы Московскаго Археологическаго Общества гр. П. А. Уваровой, и что на этомъ засѣданіи было постановлено: во-1-хъ, возложить на могилу въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича отъ всѣхъ московскихъ ученыхъ и художественныхъ Обществъ серебряный вѣнокъ, съ надписью на лентѣ: «Отъ московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ» и съ вырѣзанными на самомъ вѣнкѣ именами обществъ, для чего сдѣлать сборъ по 25 р. съ cadaго Общества; во-2-хъ, присутствовать въ сороковой день по кончинѣ Государя Императо-

ра на заупокойной литургіи и панихидѣ въ церкви Московскаго Университета *).

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Предсѣдатель прочелъ письмо, полученное имъ отъ ректора Берлинскаго университета въ отвѣтъ на выраженное Психологическимъ Обществомъ Берлинскому университету соболѣзнованіе по поводу смерти Гер. ф. Гельмгольца.

Friedrich-Wilhelms Universität.

Berlin, den 17 October, 1894.

Der Psychologischen Gesellschaft danken Wir verbindlichst für das uns anlässlich des Hinscheidens unseres theuren Kollegen Hermann von Helmholtz ausgesprochene tiefe Beileid.

Rector und Senat.

Pfleiderer.

Д. ч. В. А. Гольцевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ «Самуиль Пуфендорфъ» (по поводу 200-лѣтней годовщины его смерти).

Предсѣдатель прочелъ рефератъ г-жи А. Я. Ефименко, которая не могла приѣхать на засѣданіе, подъ заглавіемъ: «О мало-россійскомъ философѣ Г. С. Сковородѣ» (по поводу 100-лѣтней годовщины его смерти).

Предсѣдатель предложилъ благодарить г-жу Ефименко за интересный рефератъ и заявилъ, что дѣйствительные члены: Л. М. Лопатинъ, В. П. Преображенскій, А. С. Бѣлкинъ и онъ самъ предлагаютъ Обществу избрать Александру Яковлевну Ефименко въ свои дѣйствительные члены.

Засѣданіе было закрыто въ 9 ч. 47 м. вечера.

---

*) Предсѣдатель Психологическаго Общества проф. Н. Я. Гротъ былъ въ томъ же засѣданіи избранъ въ депутацію для возложенія вѣнка на могилу Императора Александра III въ С.-Петербургѣ, вмѣстѣ съ графиней П. А. Уваровою и академикомъ архитектуры К. М. Быковскимъ.

КОМИССІЯ

ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

Въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» уже упоминалось о возникновеніи въ Москвѣ особой «комиссіи по организациіи домашняго чтенія» *). Въ настоящее время эта комиссія выпустила въ свѣтъ первый сборникъ своихъ программъ, изъ котораго мы заимствуемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія. Цѣль комиссіи—прийти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія. Даже въ крупныхъ интеллигентныхъ центрахъ, каковы наши столицы, не всегда и не всякому удастся во-время найти компетентнаго руководителя; тѣмъ труднѣе это для жителей провинціи. Къ провинціи и обращается преимущественно комиссія съ предложеніемъ своей помощи. Этимъ, прежде всего, опредѣляется та форма, которую комиссія избираетъ для своихъ сношеній съ лицами, нуждающимися въ ея руководствѣ. Форма эта будетъ заключаться въ письменныхъ обращеніяхъ читателей къ комиссіи и въ письменныхъ отвѣтахъ комиссіи на запросы читателей. Комиссія не принимаетъ, однако, на себя обязанности справочнаго бюро и не беретъ отвѣчать на всевозможные вопросы, которые могли бы заинтересовать читателя. Ея цѣль совершенно иная. Прежде всего, комиссія ставитъ своей задачей—помощь *самообразованію*. Этимъ самымъ исключаются изъ круга предметовъ, усвоенію которыхъ будетъ помогать комиссія, всевозможныя прикладныя знанія. Въ

---

*) Свѣдѣнія о комиссіи были помѣщены въ 20 и 23 книгахъ нашего журнала.

сферѣ же общеобразовательныхъ знаній комиссія предлагаетъ свое руководство, главнымъ образомъ, тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ *серьезно и основательно* ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучать этого отдѣла въ высшей школѣ. Содержаніе программъ для чтенія, предлагаемыхъ комиссіей, большею частью соотвѣтствуетъ программамъ высшей школы. Уже поэтому занятія по этимъ программамъ предполагаютъ въ читателѣ готовность сосредоточиться на извѣстномъ отдѣлѣ и посвятить его изученію болѣе или менѣе значительное время.

Для того, чтобы сократить, по возможности, это время, не жертвуя серьезностью занятій, въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, при усвоеніи котораго соотвѣтственный отдѣлъ науки можетъ считаться пройденнымъ сколько-нибудь основательно. Всѣ книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны на русскомъ языкѣ и почти всѣ онѣ будутъ доставляться читателямъ комиссіей на льготныхъ условіяхъ. Относительно способа усвоенія необходимыхъ пособій даны въ программахъ ближайшія указанія; въ отдѣлахъ, наиболѣе трудныхъ для усвоенія (напримѣръ, физика, химія, логика, абстрактныя ученія политической экономіи), поставлены провѣрочныя вопросы. Наконецъ, размѣры чтенія *въ предѣлахъ необходимаго минимума* разсчитаны такъ, чтобы каждый отдѣлъ могъ быть усвоенъ читателемъ въ годъ при среднемъ досугѣ и при *серьезной готовности работать*. Всѣ указанія комиссіи составлены въ томъ предположеніи, что ими будутъ пользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильное среднее образованіе, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи программъ комиссія имѣла въ виду предполагаемый средній уровень читателей, который характеризуется въ ея глазахъ не столько суммой пріобрѣтенныхъ знаній, сколько способностью читателя пріобрѣсти ихъ вновь при наличности нѣкоторыхъ умственныхъ навыковъ. Какую степень этихъ навыковъ нужно принимать за средній уровень, можетъ

рѣшить, конечно, только опытъ. При отсутствіи такого опыта вопросъ могъ быть рѣшенъ комиссіей только приблизительно.

Комиссія принимаетъ на себя руководство домашнимъ чтеніемъ по слѣдующимъ отдѣламъ наукъ: 1) физико-химическія науки; 2) біологическія; 3) философскія; 4) юридико-экономическія; 5) исторія и 6) литература. По каждому изъ этихъ отдѣловъ комиссіей составлена программа *систематическаго чтенія*, рассчитанная на четыре года. По отдѣлу философскихъ наукъ комиссія не сочла возможнымъ обязывать читателя слѣдовать одному изъ двухъ главныхъ направленій философской мысли; въ сборникѣ читатель найдетъ двѣ параллельныхъ философскихъ программы; - отъ него зависитъ выбрать ту или другую.

Вторая часть сборника содержитъ программы для чтенія по вопросамъ, отчасти совершенно отдѣльнымъ отъ программъ систематическаго чтенія, отчасти же болѣе специальнымъ, чѣмъ эти программы, и составляющимъ къ нимъ естественное дополненіе. Послѣднія темы комиссія особенно рекомендуетъ читателямъ, взявшимъ соотвѣтственные отдѣлы систематическаго чтенія и имѣющимъ досугъ для пріобрѣтенія болѣе основательнаго знакомства съ ними. Вообще же, второй отдѣлъ предназначается для лицъ, желающихъ ограничить чтеніе какимъ-либо отдѣльнымъ общеинтереснымъ вопросомъ. Изъ состава четырехгодовой программы читатели могутъ также выдѣлить любой отдѣлъ, заниматься имъ отдѣльно, или составлять изъ такихъ отдѣловъ свою собственную программу.

Комиссія заканчиваетъ свое обращеніе къ читателямъ напоминаніемъ, что только благодаря крупнымъ пожертвованіямъ, она могла начать свою дѣятельность, и только дальнѣйшій притокъ пожертвованій дастъ возможность продолжать дѣло въ начатыхъ размѣрахъ.

Дѣловая постановка сношеній комиссіи съ читателями видна будетъ изъ слѣдующихъ «правилъ», опубликованныхъ комиссіей:

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ комиссіи: а) обращаясь къ комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; б) представляя комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные комиссіей; с) представляя на просмотръ и оцѣнку комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желаящіе пользоваться указаніями комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія по 3 рубля за каждый отдѣлъ въ теченіе года; при занятіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ — по 1 руб. въ годъ за каждую отдѣльную тему. Читатели, выбирающіе какую-либо отдѣльную часть систематической программы (наприм., химію, первобытную культуру, греческую литературу и т. п.) платятъ, какъ за руководство по отдѣльному вопросу (т. е. 1 р.). Всѣ эти разряды взносовъ устанавливаются на первый годъ, въ видѣ опыта.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ всякихъ взносовъ по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Уплатившіе означенные взносы имѣютъ право получать письменные отвѣты, на свои обращенія къ комиссіи въ теченіе срока отъ недѣли до двухъ недѣль, смотря по степени сложности вопросовъ. *На каждый отвѣтъ должна быть прилагается почтовая марка;* въ противномъ случаѣ, комиссіа не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса съ обозначеніемъ отдѣла, по которому хотятъ заниматься: а) возрастъ; б) какое получили образованіе и с) настоящее общественное положеніе.

5) Книги, отмѣченныя въ программахъ звѣздочкой, комиссіа предлагаетъ доставлять читателямъ на шестимѣсячный срокъ безъ залога*), съ уплатой 5% стоимости за каждый мѣсяць пользованія книгами: т. е. за книгу, стоющую 1 рубль, съ читателя будетъ взыматься 5 коп. за одинъ мѣсяць, 10 коп. за два и т. д. до шести мѣсяцевъ. Плата должна быть внесена впередъ за всѣ 6 мѣсяцевъ (т. е. 30% стоимости книги); при возвращеніи же книги раньше шести мѣсяцевъ, соответствующая часть платы возвращается читателю.

6) Комиссіа предлагаетъ также и другой способъ пользованія ея книгами. Книги покупаются читателемъ, но по минованіи надобности могутъ быть возвращаемы въ комиссію, которая въ свою

---

*) Отъ читателей зависитъ превращеніе этого правила изъ временнаго въ постоянное.

очередь возвращаетъ читателю часть уплаченной цѣны, смотря по времени пользованія книгами: т. е. 95% цѣны—по истеченіи мѣсяца, 90% по истеченіи двухъ и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга считается собственностью читателя и обратно не принимается.

Примѣчаніе. Теченіе сроковъ начинается со времени полученія книгъ читателемъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ. Части рубля принимаютъ и за рубль *пви окончательномъ* читателя съ комиссіей.

7) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ программахъ и находящихся въ продажѣ, съ уступкой, которую дѣлаютъ самой комиссіи книгопродавцы.

8) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября письменныя сношенія комиссіи съ читателями прекращаются.

Всѣ письма и посылки должны быть направляемы по адресу: Москва, Арбатъ, д. Расцвѣтовой, кв. 14. Контора Комиссіи по организаціи домашняго чтенія.

Въ виду интереса, который можетъ представить дѣятельность Комиссіи для читателей «Вопросовъ Психологіи и Философіи», мы перепечатаемъ часть программъ, относящихся къ чтенію по философіи. Напомнимъ при этомъ читателямъ, что по плану проф. Н. Я. Грота программа перваго года заключаетъ въ себѣ психологію и логику, — втораго года — исторію философіи, третьяго — теорію познанія и метафизику, четвертаго—этику (и социологію), эстетику и педагогику. По плану же прив. доц. А. С. Бѣлкина въ первый годъ должна быть пройдена логика, во второй—психологія и для желающихъ педагогика, въ 3-й и 4-й—исторія философіи.

Науки философскія.

Программа первая: психологія и логика*).

Необходимыя пособія:

1. * Г. Гельфдинъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Я. Н. Колубовскаго и А. А. Козлова. Москва. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

*) Составлена проф. Н. Я. Гротомъ.

2. * *Д. Льюисъ*. Изученіе психологіи, ея предметъ, область, методъ. Перев. подъ ред. П. Д. Боборыкина. Москва. 1880.
3. * *В. Джемсъ*. Учебникъ психологіи (переводъ печатается). По англ. Text-Book of Psychology. London. 1892.

4. *М. Владиславлевъ*. Логика. Обзорѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приемовъ мышленія. Спб. 1872 г. Ц. 3 р.
5. * *Струве*. Элементарная логика. Учебникъ для преподаванія и самообученія. Варшава. Посл. изданіе. Ц. 1 руб.

Рекомендуемыя:

1. *М. Владиславлевъ*. Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни. Спб. 1881, въ 2 томахъ (за исключеніемъ «Приложеній», которыя неудачны). Ц. 3 руб.
2. *Н. Гротъ*. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Спб. 1880 (можно достать только въ бібліотекахъ) Ц. 3 р. 50 к., и статьи «Жизненные задачи психологіи», «О значеніи идеи параллелизма въ психологіи» и «О времени» (въ «Вопросахъ философіи и психологіи», кн. 4 и 21, 23, 24, 25).
3. *Al. Vain*. Les sens et l'intelligence. Ц. 5 руб.
» Les émotions et la volonté. Ц. 5 руб.
4. *В. Вундтъ*. Физиологическая психологія. Пер. Кандинскаго. Москва. 1880. 2 части.
5. *Циенъ*. Физиологическая психологія. Пер. Милославскаго. Спб. 1893. Ц. 75 к.

6. *Sigwart*. Logik. I Band. 2 изданіе.
7. *Wundt*. Logik. I Band. Lpz. 1880.
8. *Милль*. Логика. Русск. переводъ (2 тома). Ц. 8 руб.

Справочныя:

1. *W. James*. The principles of psychology. New-York. 1890. 2 vol.
2. *Siebeck*. Geschichte der Psychologie. I, 1—2 Gotha. 1880—84.
3. *Volkmann*. Psychologie. Cöthen. 1876. 2 тома.
4. *Ribot*. Psychologie anglaise contemporaine. Русск. пер. Москва. 1871. Ц. 2 р. 50 к. и Psychologie allemande contemporaine. Paris. 1879.
5. *М. Троицкій*. Учебникъ логики. 3 книги. Москва. 1885—1889. (Историческіе очерки). Ц. 4 р. 35 к.
6. *М. Владиславлевъ*. Историческіе очерки—логики Аристотеля,

схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной. *Приложеніе* въ его *Логикѣ* (см. выше).

7. *Н. Гротъ*. Къ вопросу о реформѣ логики. Лейпц. 1883 г. Введение: Литература исторіи логики и общій очеркъ ея развитія и современнаго состоянія (стр. 1—18) и глава V-я: Общія законы мышленія, причины заблужденій ума и средства борьбы съ ними (другія главы книги не рекомендуются). Ц. 2 р. 50 к.

Въ психологіи самый важный и основной вопросъ есть вопросъ объ общей основѣ душевной жизни, объ отношеніи и связи ея съ физиологической жизнью организма. Отъ способа рѣшенія этого вопроса зависитъ та или другая общая точка зрѣнія, тотъ или другой методъ въ изученіи психологическихъ проблемъ. Вопросъ этотъ, однако, при современномъ состояніи науки, еще не поддается точному рѣшенію. Поэтому приходится поневолѣ въ настоящее время усвоить по отношенію къ нему эмпирическую или феноменалистическую точку зрѣнія, не предрѣшающую способа его окончательнаго рѣшенія и указывающую на степень связи и зависимости душевной жизни съ ея физиологической, или органической основой. Эту точку зрѣнія прекрасно развиваетъ въ гл. I-й (§ 1—7) и II-й упом. книги (озаглавленныхъ «Предметъ психологіи» и «Душа и тѣло») психологъ Гефдингъ, указывающій въ концѣ главы и всѣ возможныя гипотетическія рѣшенія вопроса въ направленіи метафизическомъ (эту же точку зрѣнія удачно излагаетъ въ I-й гл. своего соч. Льюисъ «Предметъ психологіи» и пр.; ср. также гл. III: «Положеніе науки»). Кто желалъ бы ознакомиться съ исторіей вопроса о душѣ въ психологіи, нашелъ бы подробныя указанія въ I ч. «Психологіи чувствованій» Н. Грота и въ историч. очеркъ психологіи (стр. 55—182) I тома «Психологіи» Владиславлева, составленномъ безпристрастно и тщательно, а для болѣе подробныхъ справокъ въ области исторіи понятія о душѣ въ древности и въ средніе вѣка, т. е. до возникновенія эмпирической психологіи, рекомендуемъ *Gech. d. Psychol. Siebeck'a*. Невыгоды и недостатки чисто эмпирической и феноменалистической точки зрѣнія въ психологіи указаны въ упом. статьяхъ Н. Грота (въ «Вопр. фил. и психол.»). Теоретическое значеніе гипотезы души, какъ наименѣе логически опровержимой, указывается Джемсомъ въ VI гл. (I т.) его *Principles*, хотя въ изслѣдованіи душевныхъ явленій онъ принимаетъ точку зрѣнія чистаго эмпиризма.

Вслѣдъ за ознакомленіемъ съ современнымъ научнымъ положеніемъ основного вопроса психологіи объ источникѣхъ и фундаментѣ душевной дѣятельности, нужно отдать себѣ подробный отчетъ въ возможныхъ методахъ изслѣдованія душевной жизни и дѣятельности въ ея *явленіяхъ и проявленіяхъ*. Къ этому готовятъ §§ 8—9 первой главы «Психологіи» Гефдингга (о методѣ психологіи и ея отношеніи къ логикѣ и этикѣ), а также упомянутая гл. III «Изученія Психологіи» Льюиса и въ нѣсколько иномъ направленіи статьи Н. Грота «О жизненныхъ задачахъ психологіи» и «О времени». Подробно вопросъ разслѣдуется Льюисомъ въ главахъ V, VI и VIII книги (О субъект. анализѣ и методѣ внутренняго наблюденія, объ ограниченіи метода самонаблюденія и объективный анализъ). Полезно, однако, сопоставить взглядъ Льюиса съ обстоятельнымъ анализомъ вопроса о методахъ психологіи въ I т. «Психологіи» Владиславлева (введение, стр. 1—54) и съ гл. VIII Principles Джемса (The methods and snares of Psychology, стр. 183—199).

Когда усвоенъ ясный взглядъ на методы изученія душевной жизни, полезно и даже необходимо приобрѣсти элементарныя, но достаточно ясныя свѣдѣнія о строеніи и функціяхъ мозга и всей нервной системы. Объ этомъ говоритъ кратко Гефдингъ въ упом. II гл. своей «Психологіи» (§§ 3—4) и Джемсъ въ своемъ учебникѣ (гл. VII и X). Но если кто бы пожелалъ подробнѣе изучить эту область, то долженъ обратиться къ I тому «Физиологической психологіи» В. Вундта (ср. также гл. I—V Principles James'a, стр. 1—145) и къ «Физиологической психологіи» Цигена.

Первый теоретическій вопросъ въ *эмпирической* психологіи есть вопросъ объ отношеніи *сознанія* и *безсознательнаго* въ душевной жизни. Нѣкоторые психологи, преимущественно германскіе, въ широкой мѣрѣ признаютъ безсознательную душевную жизнь и дѣятельность, другіе, въ особенности многіе англійскіе эмпирики, со времени Локка, отождествляютъ душевную жизнь съ сознаниемъ и относятъ все безсознательное всецѣло къ физическимъ процессамъ въ организмѣ. Обстоятельный и безпристрастный разборъ вопроса и спора объ отношеніи сознательнаго и безсознательнаго въ душевной жизни содержитъ въ себѣ III глава книги Гефдингга. Важныя дополненія для отчетливаго рѣшенія этого вопроса читатель найдетъ въ учебникѣ (гл. XI—XII) и въ боль-

шомъ трудѣ Джемса (главы VIII—X), въ которыхъ разработаны также вопросъ о самосознаніи и о составѣ нашего я, въ связи съ современными психо-патологическими наблюденіями явленій раздвоенія и множественности сознанія, явленій истеріи и психическаго разстройства.

Изучивъ вопросъ объ отношеніяхъ сознанія и бессознательнаго, сознанія и самосознанія, необходимо отдать себѣ отчетъ въ наилучшей возможной классификаціи душевныхъ явленій и всего вообще содержанія душевной жизни и дѣятельности. Эту проблему разбираетъ и ставитъ въ надлежащія границы (обычное трехчастное психологическое дѣленіе — умъ, чувство, воля) Гефдингъ въ гл. IV своей «Психологіи». Подробную исторію этой классификаціи психическаго содержанія и критику ея съ предложеніемъ четырехчастнаго дѣленія, какъ болѣе вѣрнаго фактически и болѣе удобнаго при анализѣ, можно найти въ I-й части и въ первыхъ главахъ III-й части «Психологіи чувствованій» Н. Грота. Трехчастное дѣленіе принято и подробно мотивировано Бэномъ въ его сочиненіи «*Les sens et l'intelligence*» (ср. также Вундта «Физиологич. психологію»).

Основою изученія содержанія и процессовъ душевной жизни является изученіе ощущеній и воспріятій органовъ чувствъ и всей нервной системы, являющихся элементами всей сознательной умственной и познавательной дѣятельности человѣка. Объ этомъ см. у Гефдинга гл. V: Психологія познанія, А. Ощущенія: Подробнѣе и глубже обработаны вопросъ у Джемса въ учебникѣ гл. II—VI вкл. и у Бэна (*Les sens et l'intelligence*, ч. I-я), а также у Вундта въ «Физиол. психологіи», гдѣ читатель найдетъ и изложеніе Вундтовской теоріи вниманія или апперцепціи. Критическій анализъ этой послѣдней теоріи со многими существенными добавленіями и поправками къ ней даетъ Джемсъ (въ учебникѣ гл. XIII, въ *Principles* гл. XI. Attention, ср. тамъ же XII гл.: Conception). Попытку критики этой теоріи Вундта содержитъ упом. книжка Цигена («Физиол. психологія»). У Вундта читатель найдетъ и подробное изложеніе открытій психофизики и психофизиологіи въ области анализа законовъ ощущеній и воспріятій. Чисто психологическій взглядъ на природу ощущеній развиваетъ Гротъ во II ст. «О времени» (Гл. III—VI).

Психологическіе законы сложной умственной дѣятельности, т. е. переработки простыхъ воспріятій въ представленія и поня-

тія, анализъ явленій памяти, ассоціаціи идей и дѣятельности воображенія, роли воспріятій времени и пространства въ познаніи, идеи причинности и т. д. читатель найдетъ у Гефдинга (гл. V, B, C и D). Менѣе глубокій, хотя остроумный, анализъ части этихъ вопросовъ содержитъ книга Льюиса «Изученіе психологіи» (гл. X. О формахъ мышленія и гл. XI. Анализъ и синтезъ). Полное и самое послѣдовательное проведеніе ассоціативной теоріи въ истолкованіи всѣхъ процессовъ умственной и познавательной дѣятельности можно найти въ сочиненіи Бэна «*Les sens et l'intelligence*» (ч. II). Но гораздо болѣе широкую и глубокую научную подкладку представляетъ теорія умственной дѣятельности Джемса, изложенная въ его учебникѣ (гл. XV—XXII вкл.) и болѣе подробно разработанная въ *Principles* (гл. XIII—XXII: *Discrimination and Comparison, Association, The perception of time, Memory, Imagination, The perception of Things, of Space, of Reality, Reasoning*).

Вопросъ о законахъ чувствованій, чувства и волненія разобранъ обстоятельно Гефдингомъ въ VI гл. «Психологіи»: Психологія чувства (стр. 253—358). Въ дополненіе, для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ этой областью душевной жизни человѣка, можемъ рекомендовать первую часть соч. Бэна (*Emotions et volonté*), гдѣ собраны интереснѣйшіе факты и эмпирическія данныя. Попытку изложить исторію вопроса о чувствованіяхъ и чувствахъ человѣка (до 1880 г.) въ психологіи представляетъ II часть «Психологіи чувствованій» Н. Грота, а въ III ч. этого труда авторъ ищетъ опредѣленія эмпирическихъ законовъ чувствованія, основаній классификаціи чувствованій и чувствъ, и законовъ ихъ осложненія. Послѣдній вопросъ, впрочемъ, разрѣшается на узкой почвѣ теоріи ассоціаціи и потому только намѣченъ, но далеко не исчерпанъ. У Джемса вопросъ о волненіяхъ разработанъ слабо (ср. въ учебникѣ гл. XXIV *Principles* гл. XXV).

Психологія воли—одна изъ наименѣе разработанныхъ частей науки о душевной дѣятельности. Вопросъ о свободѣ воли безъ сомнѣнія входитъ въ сферу изученія явленій и законовъ волевой дѣятельности. Но вопросъ этотъ тѣсно соприкасается съ метафизическими вопросами о значеніи закона причинности въ душевной и міровой жизни и о самобытной основѣ душевной жизни человѣка. Поэтому-то вопросъ о значеніи воли разрѣшается такъ

разнообразно, начиная отъ признанія ея первенства въ душевной жизни и совпаденія ея съ самой основой этой послѣдней и кончая предположеніемъ нѣкоторыхъ психофизиологовъ, что воля— только совокупность органическихъ двигательныхъ и даже мускульныхъ ощущеній,—ихъ абстракція. Вполнѣ разобратся въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ въ настоящее время трудно, какъ и въ вопросѣ о душѣ. То, что могла дать до сихъ поръ эмпирическая психологія въ области изученія явленій или проявленій воли, хорошо резюмировано въ главѣ VIII у Гефдинга («Психол. воли», стр. 358 — 402) и у Джемса въ «Учебникѣ», гл. XXV—XXVI. Для болѣе подробнаго ознакомленія съ эмпирической постановкой вопроса рекомендуемъ 2-ю ч. соч. Бэна «Les émotions et la volonté», и главу XXVI (Will) Principles Джемса. Хорошимъ дополненіемъ къ этимъ пособиямъ является глава о волѣ во II т. «Психологіи» Владиславлева, гдѣ вопросъ разбирается съ точки зрѣнія спиритуализма.

Психологія дѣятельности и выраженной душевной жизни еще мало разработана. Будучи тѣсно связана съ вопросомъ о психической наслѣдственности, который только намѣченъ открытіями Дарвина и трудами Рибо, Гальтона, Вейсмана и др., но далеко не разрѣшенъ, этотъ отдѣлъ психологіи ждетъ основательной переработки въ будущемъ. Въ параграфѣ объ индивидуальномъ характерѣ (гл. VII, С) Гефдингъ только затрогиваетъ вопросъ объ индивидуальной дѣятельности и унаслѣдованныхъ элементахъ душевнаго склада и поведенія. То же дѣлаетъ Джемсъ въ послѣдней главѣ своего труда (Ch. XXVIII. Necessary truths and effects of Experience). Впрочемъ, значительной своей долей анализъ душевной дѣятельности, ея выраженной, и вообще поведенія человѣка составляетъ предметъ специальныхъ наукъ: логики, этики, эстетики, языкознанія и исторіи. Къ области же психологіи несомнѣнно принадлежитъ только элементарный эмпирической анализъ языка, какъ орудія мысли, способовъ выраженія на лицѣ чувствъ и аффектовъ, психологической анализъ мимики и жестикуляціи, изученіе проявленій темперамента, характера и т. п. Замѣчанія по всѣмъ этимъ вопросамъ разбросаны въ упомянутыхъ сочиненіяхъ, но не систематизированы психологіей въ особую область. Зато по нимъ существуетъ богатая специальная литература, даже въ предѣлахъ самой психологіи.

Примѣчаніе. Кто пожелалъ бы ознакомиться ближе съ судьбой специальныхъ психологическихъ вопросовъ въ исторіи психологіи и философіи, можетъ пользоваться сочиненіемъ Гербартіанца Volkmanп'a, о которомъ упомянуто въ отдѣлѣ справочныхъ книгъ, такъ какъ Фолькманнъ въ примѣчаніи къ каждому теоретическому § своей книги излагаетъ воззрѣнія философовъ и ученыхъ по данному вопросу, начиная съ глубокой древности и до 70-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Въ трудахъ Рибо по исторіи англійской и нѣмецкой психологіи собраны важнѣйшія данныя о судьбахъ психологіи въ Англии и Германіи въ нынѣшнемъ столѣтіи.

При изученіи логики послѣ психологіи, прежде всего, надо отдать себѣ отчетъ, для чего логика, какъ наука, существуетъ и что она, въ отличіе отъ психологіи, изучаетъ. Для этого предлагаемъ прочесть «Введеніе» въ Логикѣ Владиславлева (Понятіе о Логикѣ) и параллельно «Введеніе» къ Логикѣ Струве (§ 1—5). Съ различіемъ направленій во взглядахъ на задачи и назначеніе логики, которая разсматривается то какъ наука теоретическая, то какъ искусство или теорія искусства, научающая правильно мыслить, можно познакомиться изъ «Введенія» въ соч. Грота. (Къ вопросу о реф. Лог.) и изъ «Einleitung» въ Логику Вундта (особ. § 2).

Логика есть наука о законахъ, формахъ и пріемахъ мышленія, а слѣдовательно и познанія, главнымъ орудіемъ котораго является мышленіе, перерабатывающее данныя внѣшняго и внутренняго опыта при помощи извѣстныхъ сознательныхъ пріемовъ.

Тому, кто уже познакомился предварительно съ психологіей, нѣтъ надобности изучать главу I въ книгѣ Владиславлева (О психологич. условіяхъ логическаго развитія). Достаточно просмотрѣть ее для повторенія. Важнѣе, въ случаѣ знакомства съ нѣмецкимъ языкомъ проштудировать въ I т. Логики Вундта обстоятельное изслѣдованіе «О развитіи мышленія» (I Abschnitt, стр. 11—86, гдѣ прекрасно выясняется и различіе законовъ психологическихъ и логическихъ).

Ученіе о законахъ или принципахъ мышленія составляетъ главную основу Логики. Первые три принципа мышленія (тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго) хорошо изложены и разобраны у Владиславлева въ его Логикѣ (Глава II). Къ логическому значенію четвертаго закона (достаточнаго основанія) Владиславлевъ относится съ сомнѣніемъ. Его значеніе правильно истолковано у Струве (§ 9 Логики). Для уразумѣнія сравнительнаго значенія всѣхъ этихъ законовъ въ мышленіи и различ-

ныхъ способовъ ихъ толкованія можно прочесть упом. главу пятую въ соч. Грота. Своеобразное полуматематическое толкованіе этимъ законамъ, какъ «аксіомамъ» логическаго мышленія, даетъ Вундтъ (Logik. I, 6 Abschnitt).

Ученіе о процессахъ мышленія сводится, главнымъ образомъ, къ ученіямъ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, какъ элементарныхъ логическихъ приемахъ. Эти ученія изложены ясно и отчетливо въ Логикѣ Владиславлева въ отд. II (главы I—IV). Для повторенія и сравненія нѣкоторыхъ частныхъ разногласій логиковъ удобны главы 2 — 5 въ Логикѣ Струве. Для болѣе подробнаго изученія теоріи сужденія и умозаключенія рекомендуемъ Логику Вундта (I т., 3 и 4 Abschn.), а также особенно для теоріи сужденій оригинальную обработку проблемы въ Логикѣ Зигварта (I ч., 1—7 Abschn.), а для теоріи умозаключеній прекрасную книгу русскаго ученаго М. Каринскаго «Классификація выводовъ» (Спб. 1880).

На ученіи о принципахъ и о процессахъ мышленія основано ученіе о доказательствахъ или дедукціи. Ученіе о доказательствахъ хорошо изложено въ Логикѣ Владиславлева (Отд. IV. Дедукція) и кратко резюмировано въ гл. 6 Логики Струве.

Основанія и приемы индуктивнаго мышленія и познанія отчетливо и безпристрастно переданы въ Отд. III. Логики Владиславлева (Индукція, гл. I—VII). Кто желалъ бы познакомиться съ индуктивной логикой въ самомъ ея происхожденіи и ростѣ, долженъ, конечно, обратиться къ Логикѣ Милля. Ученіе о методахъ отдѣльныхъ наукъ, изложенное у М. Троицкаго (Логика, 3-я книга) и во 2-мъ томѣ Логики Вундта (выходящемъ нынѣ 2-мъ изданіемъ въ очень распространенномъ видѣ) *) едва ли принадлежитъ, строго говоря, логикѣ, какъ наукѣ объ общихъ законахъ и приемахъ мышленія. Во всякомъ случаѣ, это ученіе представляетъ собою логику прикладную, могущую имѣть столько же отдѣловъ, сколько существуетъ специальныхъ наукъ, при чемъ каждая теорія специальныхъ приемовъ познанія и мышленія должна быть разрабатываема соответствующими специалистами и должна постоянно измѣняться сообразно измѣненію и расшире-

*) I выпускъ II тома Methodenlehre, изданный въ Stuttgart'ѣ весною 1894 г., имѣетъ 590 стр. и содержитъ только ученіе о методахъ и основахъ наукъ математическихъ, механики, физики, химіи и отчасти біологіи, при чемъ представляетъ собою и энциклопедію основоположеній и теорій этихъ наукъ.

нію пріемовъ изученія дѣйствительности въ этихъ наукахъ. Логика же ищетъ вѣчныхъ и неизблемыхъ законовъ, формъ и пріемовъ мышленія и познанія. — Въ указанныхъ выше справочныхъ пособіяхъ читатель найдетъ исторію главнѣйшихъ ученій логики и опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній.

Программа вторая: Логика *).

Необходимое пособіе:

1. *В. Минто. Индуктивная и дедуктивная логика (печатается въ «Библіотекѣ для самообразованія»).

Рекомендуемыя:

Дж. Ст. Милль. Система логики. Пер. Ф. Резенера. 2 тома, 2-е изд. Спб. 1878. Ц. 8 руб.

A. Bain. Logic. 2 vols, 2-е изд., London 1873 и 79 г. (существуетъ французскій переводъ). Ц. 5 руб.

М. М. Троицкій. Учебникъ логики. 3 выпуска. М. 1885—88.

Этотъ курсъ назначается для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ логикой, что и принято во вниманіе въ предлагаемой программѣ.

Руководство, по которому предлагается познакомиться съ логикой, — «Индуктивная и дедуктивная логика» *Вил. Минто.*

Книга эта избрана, во-1-хъ, потому, что она отличается очень яснымъ, простымъ, сжатымъ, но въ то же время очень живымъ изложеніемъ предмета, способнымъ заинтересовать читателя, а, во-2-хъ, потому, что она уже испытана, какъ руководство, въ соотвѣтствующемъ по цѣлямъ «Комиссіи по орг. дом. чт.» англійскомъ обществѣ «University Extension».

Кромѣ этого основного руководства, читателю рекомендуются какъ для пополненія «Логики» Минто, такъ и для знакомства съ другими взглядами въ нѣкоторыхъ вопросахъ логики, слѣдующія книги:

Троицкій «Учебникъ логики», *Милль* «Система логики» и *Бэнъ* «Логика». Чтеніе этихъ книгъ не обязательно; въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться и одной «Логикой» Минто. Но если читателю окажется возможнымъ познакомиться и съ ними, то

*) Составлена прив. доц. *А. С. Бѣлкинымъ.*

лучше всего сперва усвоить «Логику» Минто, и только при вторичномъ чтеніи ея прочитать и соотвѣтственныя, указанныя въ программѣ, главы изъ названныхъ сочиненій по логикѣ.

Къ обзору каждой главы «Логики» Минто присоединены вопросы *diversarum* рода: для повторенія и для письменныхъ работъ*). Отвѣчая самому себѣ на вопросы перваго рода послѣ прочтенія каждой главы, читатель можетъ убѣдиться, достаточно ли хорошо онъ усвоилъ содержаніе главы. Вопросы втораго рода касаются сравненія ученій различныхъ логиковъ. Для того, чтобы параллельное чтеніе вышеназванныхъ сочиненій по логикѣ принесло пользу, необходимо, чтобы читатель уяснилъ себѣ, дополняютъ ли только что указанныя изъ нихъ главы соотвѣтственныя главы «Логики» Минто, или въ нихъ излагаются совершенно другіе взгляды на предметъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, — въ чемъ состоитъ ихъ разногласіе, и на чью сторону можно было бы стать. Соотвѣтственно этому при нѣкоторыхъ главахъ и предлагаются вопросы, на которые желательно было бы имѣть письменные отвѣты изучающихъ логику. Главы эти слѣдующія: Введеніе гл. I; книга I, часть II, гл. IV; книга I, часть III, гл. VI, VII; книга II, введеніе, гл. III и гл. VII. Можно присылать письменные отвѣты и по всѣмъ главамъ.

Послѣ прохожденія курса логики по этой программѣ слѣдовало бы познакомиться и съ тѣми главами рекомендованныхъ сочиненій по логикѣ, на которыя нѣтъ ссылокъ въ программѣ. Кромѣ того, предлагаемый курсъ логики охватываетъ только общую логику, а не специальную «логику наукъ». Если читатель пожелаетъ ознакомиться съ ней, то можетъ обратиться къ указаннымъ сочиненіямъ Милля, Бэна и Троицкаго, при этомъ нельзя не обратить его вниманія на превосходное изслѣдованіе Милля «О логикѣ нравственныхъ наукъ» (книга VI «Системы логики»), которое необходимо изучить для серьезнаго занятія историческими и юридико-экономическими науками, а также на главы о «Логикѣ психологіи» у Троицкаго и Бэна, которыя могутъ послужить введеніемъ въ курсъ будущаго года по психологіи.

Такъ какъ общая логика есть сводъ способовъ доказательства

---

*) Эти вопросы при настоящей перепечаткѣ опущены (См. «Программы домашняго чтенія», стр. 51—59).

и методовъ изслѣдованія, общихъ всѣмъ наукамъ, то лица, взявшія предметомъ своихъ занятій какую бы то ни было изъ наукъ, руководство чтеніемъ по которымъ взяла на себя «Комиссія по орг. дом. чт.», могутъ получить значительную пользу, познакомившись хотя бы съ краткимъ учебникомъ логики, не говоря уже о серьезномъ изученіи общаго курса и спеціальной логики той науки, которою они заинтересовались.

Спеціальныя темы по философскимъ наукамъ.

1. Сравненіе взглядовъ основателей двухъ главныхъ направленій новѣйшей психологіи, Декарта и Локка, на методы и источники познанія вообще и психологическихъ знаній въ частности.

(Тема, соотвѣтствующая первой программѣ по философіи и тѣсно связанная съ изученіемъ психологіи и логики *).

Источники: «Discours de la méthode» Декарта и «Essay concerning the human understanding» Локка. «Discours de la méthode» Декарта (Разсужденіе о методѣ) хорошо переведено на русскій языкъ Н. А. Любимовымъ въ книгѣ «Философія Декарта» СПБ. 1886 (Ц. 2 руб.), которая можетъ служить и главнымъ пособіемъ для изученія теорій Декарта о знаніи и его психологическихъ воззрѣній. Сверхъ того, недавно вышелъ въ свѣтъ, подъ редакціей проф. Грота, переводъ толково и популярно написанной книги *А. Фулье*: Декартъ (Ц. 80 коп.). Въ видѣ пособія для изученія психологіи Декарта и ея значенія въ исторіи новой психологіи, рекомендую также книгу *Н. Страхова*: Объ основныхъ понятіяхъ психологіи (и физиологіи). СПБ., 1886. (Ц. 1 р. 50 к.) Можно также рекомендовать: *А. Кох*: Die Psychologie Descartes system. u. historisch-kritisch dargestellt. München, 1881.

Главныя пособія для изученія психологіи Локка: соотвѣт. глава въ сочиненіи проф. *М. Троицкаго*: «Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи», 2 изд. 1883 (Ц. 6 р. за 2 тома); диссертация *г. Серебрянникова*: «Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности». СПБ. 1892. Ц. 2 р. 25 к. Можно рекомендовать сверхъ того: *Fowler. Locke, Lond. 1880.*

*) Предложена проф. Гротомъ.

Для уясненія отношеній Локка къ Декарту, кромѣ сочиненія Серебренникова, можно рекомендовать еще: Sommer'a: *Lockes Verhältniss zu Descartes*. Berl., 1887; Geil'я: *Ueber die Abhängigkeit Lockes von Descartes*, Strassb. 1887 и др.

Болѣе подробное объясненіе темы: Декартъ видитъ главный источникъ познанія вещей въ самосознаніи человѣка, въ личной дѣятельности ума, въ ясныхъ и отчетливыхъ идеяхъ. Локкъ признаетъ единственнымъ источникомъ познанія опытъ внѣшній и, отчасти, внутренній (рефлексія). Отсюда совершенная противоположность ученій Декарта и Локка о знаніи въ вопросахъ о его происхожденіи, основахъ и путяхъ, предѣлахъ и задачахъ. Декартъ признаетъ прирожденные элементы знанія, Локкъ ихъ отрицаетъ; Декартъ опредѣляетъ природу субстанцій, Локкъ отрицаетъ возможность познанія субстанцій и т. д. Нужно при изученіи темы подробно выяснить себѣ и систематизировать эти противоположныя черты въ ученіяхъ Декарта и Локка о познаніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть много общаго во взглядахъ этихъ философовъ на то, что эмпирически даетъ для познанія міра и матеріальнаго бытія нашъ внѣшній опытъ, во взглядахъ того и другого на природу ощущеній и даже въ ихъ воззрѣніяхъ на эмпирическіе элементы самосознанія и внутренняго опыта. Это заставляетъ предполагать вліяніе Декарта на Локка. Кромѣ того, очень много общаго у обоихъ въ философскихъ понятіяхъ и терминахъ, въ кругу которыхъ вращается ихъ мышленіе и которые были свойственны ихъ вѣку. Отмѣтить и уяснить себѣ всѣ эти сходства и совпаденія, а также степень зависимости Локка отъ Декарта,—вторая задача читателя.

Книга г. Любимова, какъ мы сказали, познакомитъ читателя не только съ общимъ міросозерцаніемъ Декарта, но и съ содержаніемъ главнаго его трактата: «*Discours de la méthode*», который опредѣляетъ основы его теоріи знанія. Книга А. Фулье (Декартъ) дастъ читателю болѣе общее и глубоко продуманное систематическое изложеніе всѣхъ воззрѣній философа и въ особенности его ученія о знаніи (главы I и II первой книги, главы I, II и III третьей книги). Сочиненіе Н. Страхова (въ I-й своей части: объ основныхъ понятіяхъ психологіи) содержитъ изложеніе и правильную оцѣнку значенія Декарта въ спиритуалистической психологіи новаго времени. Монографія Koch'a важна для лицъ, которыя пожелали бы *подробнѣе* ознакомиться съ пси-

хологической системой Декарта и ея значеніемъ въ исторіи и судьбахъ психологіи новаго времени.

«Опытъ о человѣческомъ разумѣ» Локка является полнымъ источникомъ для изученія системы познанія Локка. Преимущественное значеніе имѣютъ двѣ первыя книги: 1) о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности, 2) объ источникахъ идей, т.-е. объ опытѣ, какъ орудіи знанія. Третью книгу, о языкѣ, достаточно бѣгло просмотрѣть, такъ какъ она прямо къ темѣ не относится.

Четвертая книга, о познаніи и мнѣніи, есть, собственно, резюме всего сочиненія. Но въ ней мало существеннаго, сравнительно съ двумя первыми. Важно въ ней, главнымъ образомъ, ученіе Локка о вѣрѣ.

Сочиненіе профессора Троицкаго «Нѣмецкая психологія», часть I-я, содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе ученія Бэкона о методахъ знанія, ученія Локка и его преемниковъ—шотландскихъ психологовъ-эмпириковъ. Оно важно для уразумѣнія значенія доктринъ Локка въ послѣдующихъ судьбахъ психологіи. Книга г. Серебренникова содержитъ ясное систематическое и критическое изложеніе той части ученія Локка, которая направлена противъ прирожденныхъ элементовъ знанія и, между прочимъ, выясняетъ ближе отношенія Локка къ Декарту. Сочиненіе Fowler'a можно рекомендовать тѣмъ, кто пожелалъ бы подробно ознакомиться съ личностью и міросозерцаніемъ знаменитаго англійскаго мыслителя.

Упомянутыя спеціальныя сочиненія Sommer'a и особенно Gei'a могутъ быть рекомендованы какъ дополнительное пособіе при спеціальному изученіи вопроса о степени зависимости теоріи знанія Локка отъ Декартовской системы философіи.

2. Ученіе объ естественныхъ недостаткахъ ума.

(Тема, соотвѣтствующая второй программѣ по философіи *).

Дж. Ст. Милль различаетъ два большихъ класса заблужденій: 1) «заблужденія съ перваго взгляда», или заблужденія аргіогі, которыя можно назвать «естественными предразсудками», «естественными недостатками ума»; это тѣ заблужденія, когда невѣрное утвержденіе основано не на выводѣ, а признается оче-

*) Предложена прив. доц. Бѣлкинымъ.

виднымъ само по себѣ; 2) «заблужденія въ заключенія», т. е. заблужденія, которыя происходятъ или отъ ошибочнаго пользованія вѣрными посылками, или отъ неясности самихъ посылокъ. (Система логики т. II, кн. V., гл. II, § 2). Бэнъ въ своей «Логикѣ» (т. II., кн. VI, гл. II) говоритъ, что ученіе о заблужденіяхъ перваго рода могло бы составить предметъ особаго трактата, отдѣльно отъ логики, такъ какъ они не представляютъ собой нарушенія логическихъ правилъ, хотя и могутъ вести къ этому, между тѣмъ какъ другія заблужденія должны непременно входить въ курсъ логики, такъ какъ они происходятъ вслѣдствіе прямого нарушенія ея правилъ. Онъ дѣлаетъ исключеніе только для заблужденій, происходящихъ отъ неясности или сбивчивости, которыя онъ считаетъ тоже «внѣ-логическими»; но въ данномъ случаѣ, мы будемъ слѣдовать Миллю.

Настоящая тема имѣетъ въ виду только заблужденія перваго рода, т. е. заблужденія, основанныя на естественныхъ недостаткахъ ума.

Сочиненія, по которымъ можно ознакомиться съ ученіемъ объ этихъ заблужденіяхъ, суть слѣдующія:

1) *Францискъ Бэконъ*. «Новый органъ» кн. I, афоризмы XXXIX—LXVIII, въ которыхъ находится его знаменитое ученіе о «Призракахъ» *). Бэконъ указываетъ четыре рода «призраковъ», или «заблужденій»: «призраки рода», «призраки пещеры», «призраки площади» и «призраки театра». Изъ этихъ четырехъ классовъ заблужденій, въ данномъ случаѣ, для насъ важны только первые два, такъ какъ «призраки площади», какъ заблужденія, происходящія отъ недостатковъ нашего языка, и «призраки театра», какъ заблужденія, происходящія изъ ложныхъ системъ философіи и изъ невѣрныхъ способовъ доказательства, не могутъ входить въ нашу тему.

2) *Дж. Ст. Милль*. «Система логики» пер. Резенера. Изд. 2-е. 1878. т. II, кн. V, гл. I и III.

3) *A. Bain*. *Logic*, т. II. кн. VI, гл. II и III. Существуетъ переводъ этого сочиненія на французскій языкъ (желающіе могутъ получить отъ комиссіи домашняго чтенія литографированный переводъ указанныхъ главъ «Логики» Бэна).

*) Бэконъ. Собраніе сочиненій. Пер. П. А. Бибикина. Спб. 1874 г. 2 тома. Желающіе могутъ получить отъ Комиссіи по орг. д. чт. литографированный переводъ указанныхъ афоризмовъ.

4) *Минто*. «Логика индуктивная и дедуктивная». Библиотека для самообразования» вып. I. М. 1894. Введение, глава II.

5) *Герб. Спенсеръ*. «Изученіе социологіи» (пер. подъ ред. Гольдсмита, 2 тома. Международная научная библиотека, №№ 2 и 3. Спб. 1874 — 75). Въ IV — XII главахъ этого прекраснаго сочиненія авторъ указываетъ трудности какъ науки объ обществѣ, такъ и вообще вѣрнаго сужденія объ общественныхъ явленіяхъ. Эти трудности онъ видитъ въ самой природѣ фактовъ общественной жизни, въ нашей природѣ, какъ наблюдателей ихъ, и въ томъ особомъ отношеніи, въ которомъ мы находимся къ наблюдаемымъ фактамъ. Большая часть этихъ затрудненій сводится къ тѣмъ естественнымъ наклонностямъ человеческого ума къ заблужденію, которыя перечисляются въ указанныхъ мѣстахъ сочиненій Бэкона, Милля, Бэна и Минто, а потому можно въ данномъ случаѣ пользоваться «Изученіемъ социологіи» Спенсера на ряду съ вышеназванными сочиненіями по логикѣ. Слѣдуетъ только замѣтить, что глава V — «Объективныя затрудненія», затрудненія, происходящія отъ того, что наши данныя относительно фактовъ общественной жизни рѣдко вполнѣ достовѣрны, — соотвѣтствуетъ главѣ о «заблужденіяхъ въ наблюденіи» въ «Логикѣ» Милля, разборъ которой не включается въ настоящую тему; однако, и изъ этой главы можно извлечь нѣкоторые примѣры, подходящіе къ темѣ.

Относительно Милля и Бэна слѣдуетъ замѣтить, что они во многихъ случаяхъ приводятъ, какъ примѣры заблужденій, различныя философскія ученія. Читатель можетъ оказаться незнакомымъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, но это не должно препятствовать его ознакомленію съ ученіемъ о заблужденіяхъ: нѣтъ необходимости раньше изучить эти философскія ученія, а потомъ уже приступать къ изученію вопроса о заблужденіяхъ, такъ какъ указанные заблужденія встрѣчаются не въ однихъ только научныхъ и философскихъ ученіяхъ, но и во всѣхъ разсужденіяхъ человѣка; если же читателю встрѣтится какой-нибудь мало понятный примѣръ, то онъ его можетъ пропустить, такъ какъ всегда найдетъ примѣры вполнѣ ему ясныя.

Первая задача читателя состоитъ, конечно, во внимательномъ чтеніи и уясненіи себѣ указанныхъ ученій о заблужденіяхъ.

Когда читатель ознакомится съ ними, то у него естественно явится вопросъ: ученіе какого изъ названныхъ авторовъ лучше,

такъ какъ изъ нихъ каждый предлагаетъ свое дѣленіе заблужденій. При рѣшеніи этого вопроса можетъ оказаться, что или одна изъ классификацій покажется ему лучшей, или ни одна. Читатель долженъ, конечно, имѣть для этого сравненія нѣкоторое основаніе. Основаніемъ этимъ должно быть соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе даннаго дѣленія правиламъ логики относительно дѣленія, съ которыми можно ознакомиться въ любомъ изъ руководствъ по логикѣ. Одному изъ этихъ правилъ ни одна изъ классификацій не будетъ въ состояніи удовлетворять, именно—требованію полноты дѣленія, такъ какъ трудно перечислить всѣ безъ исключенія роды ошибокъ. Что же касается другихъ правилъ, то классификація заблужденій можетъ удовлетворять имъ только приблизительно, такъ какъ иногда трудно отнести данное заблужденіе къ тому или другому классу *). Тѣмъ не менѣе, въ виду разнообразія указанныхъ классификацій, слѣдуетъ подвергнуть ихъ критическому разбору, чтобы или выбрать одну изъ указанныхъ классификацій, какъ наиболѣе удовлетворительную въ логическомъ отношеніи, или, если ни одна изъ нихъ не покажется удовлетворительной, выработать свою. Критическій разборъ этихъ классификацій не долженъ заключаться въ разборѣ однихъ только названій классовъ заблужденій, но въ разборѣ самихъ примѣровъ, т. е. на примѣрахъ должно быть указано, чѣмъ погрѣшаетъ данная классификація противъ правилъ логики. Затѣмъ, если будетъ выбрана, какъ образцовая, одна изъ указанныхъ классификацій или выработана своя, то, во-первыхъ, требуется доказать, что она удовлетворяетъ требованіямъ логики болѣе, чѣмъ другія; во-вторыхъ, необходимо показать, что примѣры, приводимые въ другихъ классификаціяхъ, удобно распредѣляются по отдѣламъ избранной классификаціи, и что нѣкоторыя другія классификаціи, что легко можетъ быть, входятъ въ нее, какъ отдѣлы. Въ этомъ заключается вторая задача читателя.

Но рекомендуемая работа можетъ оказаться вполне полезной только тогда, когда изучающій вопросъ о заблужденіяхъ будетъ относиться къ ней не какъ къ упражненію въ остроуміи, но когда онъ, усвоивъ ученіе о заблужденіяхъ, постарается примѣнить его на практикѣ, т. е. къ разбору своихъ и чужихъ оши-

*) Милль. Сист. логики т. II, кн. V, гл. II, § 3.

бочныхъ сужденій. Поэтому желательно было бы, чтобы читатель, на ряду съ примѣрами, заимствованными у названныхъ писателей, привелъ въ своемъ отчетѣ примѣры заблужденій, замѣченныхъ имъ въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ, въ мнѣніяхъ другихъ людей, а также и встрѣченные имъ при чтеніи научныхъ, литературныхъ произведеній и публицистическихъ статей. Необходимо только предупредить читателя, что подыскиваемые имъ самимъ примѣры должны быть вполнѣ подобны тѣмъ, которые приводятся указанными писателями, такъ какъ онъ легко можетъ найти примѣры заблужденій, которые должны быть отнесены къ ошибкамъ отъ пренебреженія правилами логики, — ошибкамъ, изученіе которыхъ не входитъ въ задачу читателя.

Но послѣ знакомства съ тѣмъ, каковы могутъ быть у чловѣка естественныя наклонности къ заблужденію, является вопросъ: какъ уберечься отъ ошибочныхъ сужденій? Воігасъ въ своемъ «Cours élémentaire de Philosophie» указываетъ такія средства предохраненія себя отъ заблужденій: «Не довѣрять мнимой очевидности — таково, говоритъ онъ, какъ кажется, главное правило. Отсюда слѣдуетъ: во-первыхъ, пріучиться *отсрочивать свое сужденіе и сомнѣваться*, покуда не найдены и не рассмотрѣны всѣ доказательства; во-вторыхъ, быть насторожѣ противъ вліянія *авторитета, привычки, воображенія, страстей*, — однимъ словомъ, исключить, на сколько возможно, причины, *приводящія* къ ошибкамъ; въ-третьихъ, наконецъ, стараться не разсуждать, кромѣ какъ о вещахъ вполнѣ извѣстныхъ, и во всѣхъ случаяхъ отводить въ своихъ сужденіяхъ и разсужденіяхъ достаточное мѣсто *неизвѣстному*».

Послѣдній вопросъ, предлагаемый читателю, поэтому таковъ: достаточны ли средства предохраненія себя отъ заблужденій, указываемыя Воігас'омъ, и хороша ли его классификація этихъ средствъ?

Памяти протоіеря А. М. Иванцова-Платонова *).

Мы творимъ память незабвеннаго, достойнаго *вѣчной памяти* протоіеря Александра Михайловича Иванцова-Платонова и никакъ не можемъ освоиться съ этой утратой, — такъ велика, такъ тяжела она. Мы потеряли собрата и друга, общаго нашего учителя, благодѣтеля и руководителя...

Въ настоящую минуту мы не имѣемъ въ виду перечислять всѣхъ его трудовъ и заслугъ: они слишкомъ обширны и велики. Съ молодости и до старости онъ постоянно читалъ лекціи: въ Петербургской Духовной Академіи, въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ Московскомъ университетѣ, въ классической гимназіи Поливанова, публичные курсы въ домѣ княгини Голицыной и въ собственной квартирѣ для образованныхъ молодыхъ женщинъ. Онъ постоянно проповѣдовалъ, жилъ какъ бы одной душой съ обществомъ, отзываясь своею проповѣдью на всѣ явленія и событія, которыми вызывалось вниманіе и сочувствіе общества: это наглядно представитъ вамъ изданіе его словъ и рѣчей за три десятилѣтія священства. Онъ постоянно также печаталъ свои труды и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ журналахъ. Мы остановимся здѣсь только на одномъ изданіи, дѣло котораго было близко лично намъ: мы разумѣемъ *Православное Обозрѣніе*, зна-

---

*) Не успѣвъ составить некролога высокочтимаго товарища нашего, профессора Московскаго университета по кафедрѣ исторіи церкви, А. М. Иванцова-Платонова, разными сторонами своей дѣятельности прикосновеннаго къ философскому движенію въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія, и являющагося однимъ изъ кружныхъ представителей нравственно-религіозной мысли въ нашемъ отечествѣ, мы печатаемъ въ нашемъ журналѣ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, сказанныхъ послѣ погребенія его почтеннымъ товарищемъ и сотрудникомъ покойнаго, протоіереемъ Г. П. Смирновымъ-Платоновымъ. *Ред.*

ченіе котораго было такъ обширно, важно и рѣшительно, что и молчать объ этомъ въ настоящемъ случаѣ мы считаемъ невозможнымъ.

Составъ редакціи этого журнала мѣнялся три раза: сначала основанный покойнымъ протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ, журналъ имѣлъ въ составѣ редакціи еще двухъ членовъ—насъ и покойнаго протоіерея П. А. Преображенскаго; съ отказомъ отъ редакціи о. Сергіевскаго, намъ пришлось стать во главѣ редакціи, а членами ея стали нынѣ оплакиваемый нами протоіерей Александръ Михайловичъ и о. Преображенскій, а съ 1875 года до конца изданія послѣдній оставался одинъ редакторомъ журнала. Но съ самаго начала за все время душой дѣла былъ незабвенный Александръ Михайловичъ: всѣ лучшія статьи, все наиболее серьезное и живое, все, чѣмъ приобрѣтено этимъ журналомъ вниманіе духовенства и общества,—все это вышло изъ-подъ его пера, хотя и являлось предъ читателями отъ имени редакціи. Упомяну только о статьяхъ его по поводу полемики изъ-за профессора Юркевича, сопровождавшихся такою внушительною рѣчью знаменитаго московскаго публициста и имѣвшихъ послѣдствіемъ вызовъ проф. Юркевича на кафедру философіи въ Московскій университетъ. Не могу умолчать и о статьяхъ его противъ одного враждебнаго нашему журналу изданія и въ защиту одной симпатичной личности,—статьяхъ, вызвавшихъ громкій единоклассный печатный протестъ всѣхъ профессоровъ Московскаго университета, повторенный и профессорами Харьковскаго университета, противъ враждебнаго намъ изданія: мы торжествовали тогда достиженіе той конечной цѣли, которая составляла предметъ нашихъ желаній,—примиреніе вѣры и науки, живую связь общества и духовенства. Не буду умножать примѣровъ, но не могу и не сказать объ одномъ трудѣ, исполненномъ Александромъ Михайловичемъ за время нашего редакторства. Это изданіе на русскомъ языкѣ такъ называемыхъ, «французскихъ брошюръ» А. С. Хомякова, напечатанныхъ за границей и извѣстныхъ дотолѣ въ очень немногихъ кружкахъ,—съ массой комментаріевъ, примѣчаній и разъясненій, написанныхъ Александромъ Михайловичемъ, послѣ чего Хомяковъ занялъ подобающее ему право гражданства въ духовной литературѣ, а Ю. Э. Самаринъ, издавая томъ богословскихъ сочиненій Хомякова, могъ записать его въ рядъ отцовъ и учителей Церкви.

Въ чемъ заключалась сила того неотразимаго нравственнаго вліянія, которое производили рѣчи и печатные труды покойнаго? Мы беремъ на себя смѣлость открыть предъ вами эту тайну его духа, тайну его жизни, такъ явно и дѣйственно вліявшую на слушателей и читателей. Въ теченіе 34-лѣтней нашей дружбы, послѣ безчисленныхъ и продолжительныхъ бесѣдъ, я убѣдился, что его личнымъ руководящимъ правиломъ было—сходиться съ людьми только съ ихъ добрыхъ сторонъ и дѣйствовать только на ихъ добрыя начала, оставляя въ сторонѣ и игнорируя все, что составляетъ темныя качества личности. Здѣсь ключъ къ той высокой терпимости, какою отличался покойный ко всѣмъ чужимъ мнѣніямъ, которыхъ, конечно, не раздѣлялъ, и къ самымъ крайнимъ заблужденіямъ, которыхъ не могъ оставлять безъ участливыхъ разъясненій. Эта высота духа проложила путь къ знакомству и сочувствію нашего знаменитаго беллетриста графа Л. Н. Толстого съ покойнымъ протоіереемъ. Журналъ *Русская Мысль* въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ общалъ и готовилъ къ печати разныя не изданныя сочиненія гр. Толстого, которыя въ печати однако такъ появиться и не могли, но графъ имѣлъ корректурные листы, собраніе которыхъ онъ довѣрилъ редакціи Александра Михайловича съ цѣлью напечатанія..

Этого довольно, чтобы понять, до какой степени возможно было всѣмъ, кто занятъ былъ религіозно-нравственными вопросами, сходиться съ Александромъ Михайловичемъ на нравственной почвѣ. То же правило жизни, которое открывало къ нему доступъ для людей даже крайнихъ убѣжденій, сближало съ нимъ всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Доброта и любовь, доброжелательство, дѣла милосердія и благотворенія—вотъ нравственная сфера, которую встрѣчалъ всякій, кто вступалъ съ нимъ въ общеніе. Изъ всѣхъ, кто состоялъ съ нимъ въ отношеніяхъ родства, дружбы и пріязни едва ли найдется хоть одинъ человѣкъ, которому онъ не оказалъ бы какой-нибудь помощи, добраго совѣта и руководства, поддержки нравственной и матеріальной. Само собою слѣдовало, что онъ вступилъ дѣятельнымъ членомъ почти во всѣ общества и союзы, которые онъ встрѣтилъ на своемъ жизненномъ пути: онъ былъ членомъ совѣта Миссіонерскаго Общества, совѣта Кирилло-Меѳодіевскаго Братства (по церковно-приходскимъ школамъ), Славянскаго Благотворительнаго Комитета и Славянскаго Пспечительства, совѣта

Братства св. Николая въ память Цесаревича Николая (съ самаго начала его основанія), какъ и многихъ другихъ обществъ, и вездѣ участіе его было вліятельно и благотворно. Особенно считаемъ нужнымъ указать на его дѣятельность въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія: идея этого Общества такъ нравилась ему, такъ увлекала его, такъ много надеждъ возлагалъ онъ на это Общество, что пожертвовалъ въ его пользу свою бібліотеку, собранную въ теченіе многихъ лѣтъ и стоившую дорого мы напечатали первый каталогъ этой бібліотеки и готовились печатать второй въ приложеніи къ «Дѣтской Помощи»). Состоя дѣятельнымъ членомъ Братства преп. Сергія, оказывающаго помощь студентамъ Моск. Духовной Академіи, онъ основалъ московское отдѣленіе Братства на помощь бывшимъ студентамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, привлекъ на это дѣло щедрыя пожертвованія и самъ пожертвовалъ въ его пользу всѣ свои немалочисленныя изданія: послѣднимъ изъ нихъ была книга «За третье десятилѣтіе священства», гдѣ отпечатанъ его достолюбезный образъ съ многозначущей надписью: «твой есмь азъ, спаси мя!» Не характеризуетъ ли эта подпись то высокое настроеніе духа, о которомъ мы сказали?

Да, имя покойнаго Александра Михайловича Иванцова-Платонова должно быть дорого не только для Университета и для другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ онъ преподавалъ, но и для московскаго духовенства: онъ высоко поставилъ значеніе этого духовенства въ глазахъ свѣтскаго общества. Высоко поставилъ онъ и дѣло духовной науки на ученой кафедрѣ. Отнынѣ въ его лицѣ и на его дѣлѣ открывается достоподражательный предметъ для всѣхъ ревнителей духовнаго просвѣщенія. Останемся ли мы безучастны?

Нѣтъ, мы живымъ дѣломъ должны творить его память: не только установленной молитвой, но и дѣломъ учительства, пастырства и благотворенія, памятуя то основное настроеніе его духа, которое никогда его не оставляло и которое было такъ дѣйствительно. Церковь молить о почившемъ, чтобы Господь далъ ему вѣчный покой во Царствіи Своемъ, а также и между живущими для ихъ назиданія сотворилъ ему *вѣчную память*.

Г. Смирновъ-Платоновъ.

Материалы для журнальной статистики.

Въ 1894 г. (по 11 ноября) экземпляры журнала „Вопросы Философiи и Психологiи“ распредѣлялись по мѣсту подписки слѣдующимъ образомъ:

I. Въ губерніяхъ:		I. Въ губерніяхъ:			
	экземп.		экземп.		
1	Кіевская	63	35	Костромская	16
2	Харьковская	52	36	Минская	13
3	Херсонская	51	37	Ярославская	13
4	Обл. Войска Донского	43	38	Подольская	12
5	Таврическая	42	39	С.-Петербургская	12
6	Тифлисская	41	40	Бакинская	11
7	Казанская	34	41	Могилевская	11
8	Полтавская	33	42	Новгородская	11
9	Московская	32	43	Симбирская	11
10	Екатеринославская	31	44	Ставропольская	11
11	Тамбовская	31	45	Гродненская	10
12	Воронежская	29	46	Витебская	8
13	Курская	29	47	Ломжинская	8
14	Пермская	29	48	Плоцкая	8
15	Саратовская	29	49	Терская обл.	8
16	Владимірская	25	50	Астраханская	7
17	Лифляндская	25	51	Калужская	7
18	Рязанская	25	52	Оренбургская	7
19	Варшавская	24	53	Уфимская	7
20	Тверская	22	54	Акмолинская обл.	6
21	Тульская	22	55	Вологодская	6
22	Черниговская	21	56	Иркутская	6
23	Кубанская обл.	20	57	Кутаисская	6
24	Виленская	19	58	Эриванская	6
25	Орловская	19	59	Архангельская	5
26	Волынская	18	60	Забайкальская обл.	5
27	Самарская	18	61	Закаспійская об.	5
28	Смоленская	18	62	Ковенская	5
29	Томская	18	63	Курляндская	5
30	Бессарабская	17	64	Псковская	5
31	Нижегородская	17	65	Елисаветпольская	4
32	Пензенская	17	66	Олонекская	4
33	Тобольская	17	67	Петроковская	4
34	Вятская	16	68	Приморская обл.	4

I. Въ губерніяхъ:		I. Въ губерніяхъ:	
	ЭКЗЕМП.		ЭКЗЕМП.
69	Радомская 4	86	Калицкая 1
70	Семирѣченская обл. 4	87	Карская обл. 1
71	Сувальская 4	88	Қѣлецкая 1
72	Сѣдлецкая 4	89	Семипалатинская обл. 1
73	Батумская обл. 3	90	С. Михельская 1
74	Енисейская 3	91	Сырѣ-Дарьинская обл. 1
75	Люблинская 3	92	Тавастгусская 1
76	Нюландская 3	93	Черноморскій окр. 1
77	Эстляндская 3		Итого по губерніямъ . 1,266
78	Якутская обл. 3		II. С.-Петербургъ 260
79	Самаркандская обл. 2		III. Москва 296
80	Уральская обл. 2		IV. За-границу 72
81	Ферганская обл. 2		Итого . . 1894
82	Амурская обл. 1		(въ томъ числѣ бесплатныхъ и
83	Выборгская 1		обмѣнныхъ . . . . . 133)
84	Дагестанская обл. 1		
85	Закавказскій окр. 1		

Извѣстія и замѣтки.

Въ Московскомъ университетѣ читаются въ 1894/5 академическомъ году слѣдующіе курсы по психологіи и психіатріи (на медицинскомъ факультетѣ):

Орд. проф. *С. С. Корсаковъ*—Психіатрія (3 часа).

Прив.-доц. *А. А. Токарскій*—Физиологическая психологія (2 часа) и Гипнотизмъ и его примѣненіе въ медицинѣ (2 часа).

Прив.-доц. *В. П. Сербскій*—Судебная психопатологія (2 часа).

Прив.-доц. *Я. А. Боткинъ*—Уходъ и лѣченіе душевнобольныхъ (1 часть).

Прив.-доц. *И. В. Константиновскій*—Судебная психіатрія (1 часть).

Въ С.-Петербургѣ готовится къ печати подъ руководствомъ проф. А. И. Введенскаго переводъ соч. *Binet: Introduction à la psychologie experimentale*.

Тамъ же оканчивается печатаніе соч. Виндельбанда «Философія Канта», переводъ съ нѣмецкаго г-жи Платоновой, подъ редакціей проф. Александра И. Введенскаго.

Объявленіе отъ конторы журнала.

Черезъ посредство конторы журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ (Москва, Арбатъ, Спасопесковскій пер., д. Расцвѣтовой) можно получать слѣдующія книги:

Абровъ, Ник. — Отъ Марсея до Одессы чрезъ Аѳины и Константинополь. Впечатлѣнія и замѣтки. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Астафьевъ, П. Е. — Изъ итоговъ вѣка. М. 1891. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 коп. — Национальность и общечеловѣческія задачи М. 1890. Цѣна 50 к., съ пер. 60 коп. — Страданіе и наслажденіе жизни. М. 1885. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп. — Общественное благо въ роли верховнаго начала нравственной жизни. М. 1892 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. — Къ вопросу о свободѣ воли. М. 1889. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. — Чувство, какъ нравственное начало. М. 1886. Ц. 75 к., съ пер. 90 к. — Ученіе графа Л. Н. Толстого въ его цѣломъ. 2-е изд. М. 1894. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. — Вѣра и знаніе въ единствѣ мировоззрѣнія. М. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Бони, проф. — Гипнотизмъ. Исслѣдованія фізіологическія и психологическія. Переводъ съ добавленіями П. Мокіевского. Изд. 2-е. Спб. 1889. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Вальтеръ, И. А. — Основной двигатель наследственности. М. 1891. Цѣна 40 коп., съ прес. 50 коп.

Введенскій, Алексѣй Ив. — Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 к. — Рѣчь передъ защитой диссертации: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“. М. 1891. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. — П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. — Демоніонъ Сократа. Этюд по исторіи древней философіи. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. — О религіозной философіи Виктора

Дмитріевича Кудрявцева. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. — О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. — Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за границы) съ приложеніемъ характеристики: „Пана Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. — Очеркъ современной французской философіи. 1894. Цѣна на лучшей бумагѣ 2 р., на простой 1 р. 50 к., за пер. 25 к.

Виндельбандъ. — Исторія древней философіи; съ прилож. Виндельбанда — Августинъ и средніе вѣка и Фульберъ — Исторія схоластики. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Вундтъ, В. — Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣм. Н. Колубовской. Изд. журнала «Вопросы Философіи». М. 1893. Цѣна 75 коп., за пересылку 15 коп.

Геддингъ, Г. — Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. подъ ред. А. А. Козлова и Я. Колубовскаго. Изданіе журнала „Вопросы Философіи“. М. 1892. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 30 к.

Гильти, К. — Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи, пер. съ 4-го нѣмецкаго изданія А. Острогорскаго, Спб., 1894. Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Гильяровъ, А. Н. — Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о софистахъ. Кіевъ 1891. Цѣна 2 р. 50 к. съ пер. 2 р. 80 к. — Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Годлевскій, С. — Основы современного развитія. Спб., 1893. Ц. 60 к., съ п. 80 к.

Гольцевъ, В. А. — Обь искусствъ. Критическія замѣтки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Грэхэмъ, Г. Ж.-Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда. М. 1890. Цѣна 1 р., за пер. 20 к.

Гротъ, Н. Я. — Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп. — 0 душъ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Одесса, 1886. Цѣна 70 к., съ пер. 90 к. — 0 научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ мировоззрѣній. Публичная лекція. Одесса, 1884. Ц. 30 к., съ перес. 40 коп. — Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Рѣчь. М. 1889. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к. — Основные вопросы философіи XVII и XVIII вв. Десять публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Политехническомъ Музеѣ (литография). М. 1891. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Основаніе нравственнаго долга. IV. Типическія формы звѣдомизма. Ц. 15 к., съ пер. 25 к. — Психологическій съѣздъ въ Парижѣ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к. — Что такое метафизика? Ц. 15 к., съ пер. 25 к. — 0 задачахъ журнала. Ц. 10 к., съ пер. 20 к. — Живенныя задачи психологіи. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

— Нравственные идеалы нашего времени (Фр. Ницше и Левъ Толстой). 3 изд. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к.

Гусевъ, А. — Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892. Цѣна 60 коп., съ пер. 75 коп. — Необходимость высшаго богопочтенія. Противъ гр. Л. Толстого. 2-е доп. изд. Казань, 1891. Цѣна 30 коп., съ пер. 40 коп.

Гюйо, М. — Происхожденіе идеи времени. Психологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ, 1891. Цѣна 75 коп., за перес. 15 коп.

Данилевскій, Н. Я. — Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I, часть 1 и 2. Спб. 1885. Цѣна 7 р. 50 к. За пересылку 1 р. — Т. II (одна посмертная глава), Спб. 1889. Цѣна 2 р., за пер. 25 к. — Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890. Цѣна 2 р., съ пер. 2 руб. 40 коп.

Дебольскій, Н. Г. — Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія биологіи и этики. Спб. 1883. Цѣна 40 коп., съ пер. 55 к. — 0 высшемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Критическое изслѣдованіе. Спб. 1886. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к. — 0 подго-

товкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей. Спб. 1883. Ц. 40 к., съ пер. 55 к. — Философія будущаго. Соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ системѣ. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к. — Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. 1-й. Спб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп., за пер. 20 к. — Философія основы нравственнаго воспитанія. Спб. 1880. Цѣна 75 к., съ пер. 90 к.

Ибервергъ-Гейнцъ. — Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перевелъ съ 7-го нѣм. изд. Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки философіи у чеховъ, поляковъ и русскихъ, и два указателя. Спб. 1890. Цѣна 5 р., съ пер. 5 р. 40 к.

Игаръ, д-ръ. — Женщина въ періодѣ менструаціи. Этюдъ по психопатологіи и судебной медицинѣ. Пер. съ фр. подъ ред. А. Докмана. Казань, 1891. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.

Казанскій, А. П. — Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса 1891. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Каринскій, М. — Классификація выводовъ. Спб. 1880. Цѣна 2 руб., за пер. 20 к. — Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 30 к.

Баро, Ч. — Современная критика и причины ея упадка. Перев. И. В. Майнова. М. 1883. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к.

Барышевъ, И. А. — Духовно-нравственный міръ въ чловѣкѣ по уч. св. православной церкви. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. — Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятія гр. Л. Н. Толстымъ для своего агеузенія, изложенъ въ его сочиненіи: "Въ чѣмъ моя вѣра". Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Карѣвъ, Н. И. — Основные вопросы философіи исторіи. Т. I и II. 2-е изд. Спб. 1887. Ц. 4 р. 25 к., съ пер. 4 р. 60 к.

Бозловъ, А. А. — Генезисъ теоріи пространства и времени Канта. Кіевъ, 1884. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 р. 25 к. — Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к. — Очерки исторіи философіи. Понятіе философіи и исторіи философіи. Философіи восточная, Кіевъ, 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к. — Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого "0 жизни". М. 1891. Цѣна 1 руб. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к. — Свое слово. Философскій сборникъ. Четыре книги. Кіевъ, 1888—1890. Цѣна 5 руб. съ пересылкой. Отдѣльно каждая книга 2 руб. съ перес., каждая двѣ книги — 3 руб. съ перес. — Тардъ и его теорія общества. Кіевъ. 1887. Цѣна 60 коп., съ перес. 70 к.

Отгиски изъ журнала
"Вопросы философіи и
Психологіи"

Борсаковъ, С. С. — Курсъ психіатріи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.

Бохъ, М. — Шекспиръ. Переводъ А. М. Гудлева съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями Н. И. Стороженка. М. 1888. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Будравцевъ-Платоновъ, В. Д. — Сочиненія. Т. II-й. Исслѣдованія и статьи по естественному богословію (Вып. I, II и III). Серг. пос. 1892. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 10 к.

— Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М. 1890. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к. — Начальныя основанія философіи. Изд. 2-е. М. 1891. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Буно-Фишеръ. — Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 15 к. — „Фаустъ“ Гёте, возникновеніе и составъ поэмы. Пер. И. Д. Городецкого. 2-е изд. М. 1887. Ц. 75 к., съ перес. 95 к. —

◆ **Буно-Фишеръ.** — **Артуръ Шопенгауэръ.** Книга 1: Жизнь и характеръ Шопенгауэра. Книга вторая: Изложеніе и критика его ученія. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества (вышелъ только первый выпускъ). Цѣна за все сочиненіе 2 р. 50 к.; по выходѣ 2-го вып. — 3 р. При покупкѣ перваго выпуска выдается билетъ на полученіе 2-го. Отдѣльно первый выпускъ продается за 1 руб.; за пересылку перваго вып. — 20 к., втораго — 40 к.

Ланге. — Аффекты (душевныя движенія), пер. подъ ред. Виреніуса. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Н. Н. Ланге. — Психологическія исслѣдованія. Законъ перененія. Теорія волевого вниманія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Леббокъ, Дж. — Радости жизни. Пер. съ 13-го англ. изд. А. Н. М. 1890. Цѣна 45 к., съ перес. 60 к.

Лопатинъ, Л. М. — Положительныя задачи философіи. Ч. I. М. 1886. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. — Ч. II. М. 1891. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 к.

◆ **Любимовъ, Н. А.** Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. — Философія Декарта. Переводъ разсужденія о методѣ, съ поясненіемъ. Изложеніе ученія Декарта о мірѣ и человѣкѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Льюисъ, Д. Г. — Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Въ 2-хъ частяхъ. Пер. В. В. Чуйко. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 95 к.

Мантегацца, П. — Физиологія и выраженіе чувствъ. Съ введеніемъ, составленнымъ для русскаго изданія и съ 8 таблицами рисунковъ. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес.

Мюллеръ, М. — Наука о мысли. Перев. В. В. Чуйко. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Нечаевъ. — Пиръ. Философская поэма любви. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Навилъ, Э. — Логика гипотезы. Пер. И. Панаева. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., за пер. 30 к.

◆ **Паульсенъ, Фр.** — Введеніе въ философію, пер. съ 2-го нѣм. изд. Н. Титовскаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. М. 1894. 442 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 к. Студентамъ высшихъ учебн. зав., покупающимъ книгу непосредственно изъ конторы журнала, книга уступается за 2 р.

Панаевъ, И. — Голосъ долга. Спб. 1885. Цѣна 1 руб., за пер. 20 к. — Голосъ неравнодушнаго. Спб. 1888. Цѣна 30 к., за пер. 15 коп. — Еще о сознаніи, какъ условіи бытія. Спб. 1888. Цѣна 30 коп., за пер. 15 коп. — Nosce te ipsum. Спб. 1881. Цѣна 30 к., за пер. 10 к. — 0 вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. Спб. 1882. Ц. 75 к., за пер. 20 коп. — Пути къ рациональному міровоззрѣнію. Спб. 1880. Цѣна 2 р., за пер. 40 к. — Разыскатели истины. Кантъ, Фихте, Якоби. 2 т. Спб. 1878. Ц. 3 р., за пер. 60 к. — Свѣтъ жизни. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Пачоскій, І. — Методъ классификаціи и единство науки. Кіевъ, 1891. Цѣна 90 к., съ пер. 1 руб.

Радловъ, Э. Л. — „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб. 1891. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

Серебrenиковъ, В. — Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. Цѣна 2 р. 25 к., за пересылку 35 к.

Снегиревъ, В. А. — Психологія. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Соловьевъ, Вл. — Национальный вопросъ въ Россіи. Спб. 1891. Вып. I. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.; вып. II, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Страховъ, Н. Н. — Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжки 1 и 2. Изд. 2-е. Спб. 1887 и 1890. Цѣна по 1 р. 50 к., за перес. по 30 коп. на каждую книжку. — Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. 2-е. Спб. 1887. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 80 к. — Міръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Изд. 2-е. Спб. 1892. Цѣна 2 руб., за перес. 35 к. — О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 15 к. — 0 методѣ

естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Сиб. 1865 г. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 к.

Струве, Г. Е. — Введеніе въ философію. Варшава, 1890. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

◆ **Тао-те-Кингъ-Лаоси.** Переводъ съ китайскаго со введен. Д. П. Конисси. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

◆ **Тейхмюллеръ, Г.** — Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева. 1894. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Токарскій, А. А. — Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. — Гипнотизмъ въ педагогич. Ц. 20 к., съ пер. 30 к. — Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Ц. 50 к., съ пер. 60 к. — Мераченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. — Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. Ц. 10 к., съ пер. 20 к. — Психическія эпидеміи. Отгискъ изъ журнала „Вопросы Философій и Психологич.“. Ц. 25 к. за пер. 10 к.

Троицкій, М. М. — Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологич. въ Англіи со времени Бэкона и Локка. Изд. 2-е. 2 тома. М. 1883. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 50 к. — Наука о душѣ. Общія свойства и законы чловѣческаго духа. Въ 2 томахъ. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Трубецкой, Е. Н., кн. — Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросовершенство блаженнаго Августина. М. 1892. Цѣна 1 р. 50 к., за перес. 30 коп.

Трубецкой, С. Н., кн. — Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. Цѣна 3 р., въ перес. 3 р. 40 к. — Подписчикамъ журнала и студентамъ университета, обращающимся непосредственно въ контору журнала, книга уступается за 2 руб., съ пер. за 2 руб. 40 к. — Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М. 1891. Цѣна 20 коп. съ пересылкой.

Труды Московскаго Психологическаго Общества:

Вып. I. Артуръ Шопенгауэръ. Статьи В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго (по поводу 100-лѣтняго юбилея дня рожденія Шопенгауэра). Съ портрет. Шопенгауэра. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Выпускъ II. Иммануилъ Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Вл. Соловьева. Изд. 2-е. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія. Съ портрет. Лейбница. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб. (на лучшей бумагѣ) и 1 руб. 50 коп. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ V. Бенедиктъ Спиноза. Этника. Съ портрет. Спинозы. Перев. Н. А. Иванцова. Издано подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Тэтъ, П. Г. — О новѣйшихъ услѣхахъ физическихъ званій. Перев. подъ ред. И. М. Сѣченова. Съ 24 рис. Сиб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к. — Теплота. Перев. съ англ. Н. С. Дрентальна подъ ред. С. А. Усова. Съ 53 рис. Сиб. 1888. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

◆ **Фалькенбергъ.** — Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Переводъ подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Сиб. 1894. Цѣна 3 руб., съ пересылкой 3 р. 35 к.

Целлеръ, Э. — Очеркъ исторіи греческой философіи. Перев. съ нѣм. М. Некрасова, подъ ред. М. Каряцкаго. Сиб. 1886. Цѣна 2 руб., за перес. 20 к.

Чичеринъ, Б. Н. — Мистицизмъ въ наукѣ. М. 1880. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. — Положительная философія и единство науки. М. 1892. Цѣна 3 р., за перес. 30 к. — Собственность и государство. 2 тома. М. 1882—1883. Цѣна 8 руб., съ пер. 8 р. 60 к. — Основанія логики и метафизики. М. 1894. 367 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к. — Исторія политическихъ ученій. Томы 2-й, 3-й и 4-й. М. 1862—74 г. Цѣна 9 руб., съ пересылк. 9 р. 75 к. — Наука и религія. М. 1879. Цѣна 4 руб., съ перес. 4 р. 35 к. — Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 45 к. — Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1862. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. — Очерки Англіи и Франціи. 1858. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. — Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Schmidt, Dr. E. v. — Euklids 11 Axiom durch eine neue Definition der geraden Linie bewiesen. Moskau, 1891. Цѣна 35 коп., съ пер. 45 к. — Философскія основанія математики и 11-я аксіома Эвклида. М. 1891. Цѣна 25 к., съ пер. 35 к. — Центръ жизни въ организмѣ. Цѣна 35 коп., за пер. 10 к.

Шопенгауэръ, А. — Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ полнаго собранія твореній Шопенгауэра Юліусомъ Фрауншtedтомъ. Пер. Н. Н. Маркуева. М. 1887.

Цѣна 1 р. 50 коп., за пер. 20 к.—1) О четверякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія. 2) О волѣ въ природѣ. Переводъ А. Фета. Изд. 2-е. М. 1892. Цѣна 2 руб. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Шопенгауэръ, А.—Миръ какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. 3-е. М. 1892. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 35 коп.

Штейнъ, Вл.—Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Литерат. очеркъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к., за пер. 20 к.—А. Шопенгауэръ какъ человѣкъ и мыслитель. Оцѣтъ біографіи. Т. I. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 40 к.

Изданія „Посредника“ (для интеллигентныхъ читателей): 1) Противъ пьянства. Рѣчь проф. Фореля. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 2) Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Проф. А. Н. Бекетова. М. 1893. Ц. 10 к., съ пер. 20 к. 3) Научныя основанія вегетаріанства. Д-ра медицины Анны Кингсфордъ. Перев. съ ан-

глійск. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 45 к. 4) Злая забава. Мысли объ охотѣ. В. Ч-ва. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 5) Жена. Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. 6) Именины. Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 20 к., съ пер. 35 к. 7) Трущ. Разсказъ П. Д. Боборыкина. М. 1893. Ц. 20 к., съ пер. 35 к. 8) Гость. Драма Эд. Брандеса. Пер. съ датскаго. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 9) Проклятая слава. Разсказъ И. Н. Потапенка. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 10) Деньги. Романъ Альгрена. Перев. со шведскаго. М. 1893. Ц. 60 к., съ пер. 80 к. 11) Этика пищи или нравственныя основныя безубойнаго питанія для человѣка. Х. Уильямса. Со вступительной статьей: „Первая ступень“ Л. Н. Толстого. М. 1893. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. 12) Очулась. Повѣсть А. В. Стернъ. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 40 к. 13) Палата № 6. Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Книги, вновь вошедшія въ каталогъ, отмѣчены знакомъ ◆

Черезъ посредство конторы можно выписывать и всѣ другія фило-софскія сочиненія на русскомъ языкѣ.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ ВЪ ИЗДАНИЯХЪ „ПОСРЕДНИКА“

(для интеллигентныхъ читателей):

Н. ГРОТЪ.

Основные моменты въ развитіи новой философіи.

Цѣна 65 к., съ пересылкой 75 к.

ДЕКАРТЪ.

Сочиненіе Альфреда ФУЛЬЕ,

перев. А. Татариновой, подъ редакц. Н. Я. Грота.

Съ приложеніемъ статьи Вийдельбанда

Барухъ Спиноза.

Перев. подъ редакц. проф. Н. Я. ГРОТА.

Цѣна 80 к., съ пересылкою 1 р.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
Дю-Прель
ФИЛОСОФІЯ МИСТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго—съ новымъ предисловіемъ автора—М. С. Аксенова,
изданіе А. Н. Аксакова. С.-Петербургъ 1894 года.

Цѣна 3 р. 50 к., учащіеся пользуются уступкой въ 1 рубль.

Гиляровъ А. Н.—Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о софистахъ. Кіевъ, 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). Кіевъ, 1894 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Можно выписывать изъ конторы журнала «Вопросы Философіи и Психологіи».

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
СОЧИНЕНІЯ
ГРИГОРІЯ САВВИЧА СКОВОРОДЫ,
СОБРАННЫЯ и РЕДАКТИРОВАННЫЯ
проф. Д. И. Багалъемъ.

Съ портретомъ автора, видомъ могилы и снимками почерка. 7-й томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. СXXXI+132+352 стр. Цѣна 4 руб., съ пересылкой 4 р. 45 к.

Содержаніе; Критико-библиографическая статья проф. Д. И. Багалъя. „Жизніе Григорія Сковороды“, составленное другомъ его М. И. Ковалинскимъ. Письма Г. С. Сковороды.— Сочиненія Г. С. Сковороды: Наркисъ, Диалогъ или разглаголъ о древнемъ мірѣ; Бесѣда, нареченная двое; Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ; Разговоръ, называемый алфавитъ или букварь мира; Басни Харьковскія; 2 вступительныя проповѣди въ курсъ лекцій „О христіанскомъ добронравіи“; Начальная дверь ко христіанскому добронравію; Брань архидетратора Михаила съ сатанюю; Благодарный Еродій; Убогій жайворонъ; Отрывокъ изъ соч. „Израильскій змій“; Стихотворенія; Ода Сидронія объ единеніи.—Приложенія.

Можно получать и выписывать изъ конторы журнала „Вопросы Филос. и Психол.“.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

Косымъ шрифтомъ напечатаны только что вышедшія изданія.

№ 3. Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. 4-е изд.	15 к.
№ 5. <i>Крутиковъ</i> . Разказъ А. Г. Коваленской. 5-е изд.	7 "
№ 6. <i>Батрачка</i> . Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2-е изд.	3 "
№ 8. <i>Злодѣй и Петька</i> . Повѣсть А. Θ. Погоскаго. 4-е изд.	8 "
№ 11. Былины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2-е изд.	10 "
№ 16. Разказы о Севастопольской оборонѣ. Гр. Л. Н. Толстого. 2-е изд.	18 "
№ 25. Судъ людской и Вожій. Два разск. А. Θ. Погоскаго и Г. Палисадова.	10 "
№ 26. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разказъ гр. Л. Н. Толстого.	5 "
№ 27. Два старика. Разказъ гр. Л. Н. Толстого.	6 "
№ 28. Полтава. Поэма А. С. Пушкина.	10 "
№ 29. <i>Сказъ объ Нльѣ Муромцѣ</i> . Подъ ред. проф. Ор. Θ. Миллера и И. А. Шляпкина 2-е изд.	6 "
№ 31. <i>Соловки</i> . Очерки В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд.	6 "
№ 32. Невольный убійца. Разказъ В. Г. Короленко.	10 "
№ 33. Царь Алексѣй съ соколомъ. Разказъ Г. П. Данилевскаго.	5 "
№ 34. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Раз. Г. П. Данилевскаго.	5 "
№ 35. Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова.	9 "
№ 36. Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова	25 "
№ 37. Голодовка и зимовка на Новой землѣ. Разказъ С. В. Максимова.	10 "
№ 39. Разказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина	30 "
№ 40. Зимовье на Студеной. Разказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.	3 "
№ 41. Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и Старый звонарь. Разказы В. Г. Короленко	3 "
№ 42. Между матросами. Разказъ К. М. Станюковича.	5 "
№ 43. Двѣ елки. Разказъ К. М. Станюковича.	3 "
№ 44. <i>Безоброчный</i> . Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ).	8 "
№ 45. <i>Шестеро</i> . Разказъ И. Н. Потапенко (безъ картинокъ)	5 "
№ 46. <i>Трусъ</i> . Разказъ В. М. Гаршина	3 "
№ 47. <i>Аяларское дѣло</i> . Разказъ В. М. Гаршина	3 "
№ 49. <i>То, чего не было и лягушка путешественница</i> . Сказки М. В. Гаршина.	3 "
№ 50. <i>Гордая пальма и Сказаніе о гордомъ Аггеѣ</i> . Сказки М. В. Гаршина	3 "
№ 51. <i>Басни Крылова</i> (съ біографіей)	I вып. 10 "
№ 52. <i>Басни Крылова</i>	II вып. 8 "
№ 53. <i>Басни Крылова</i>	III вып. 8 "
№ 54. <i>Басни Крылова</i>	IV вып. 8 "

Сверхъ того находятся въ продажѣ слѣдующія изданія Комитета.

- 1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнчанныхъ преміями Комитета Грамотности . . . 50 к.
- 2) Указанія о бесплатныхъ народныхъ бібліотекахъ (читальняхъ) 2-е изданіе . . . 10 "

При покупкѣ изъ склада Сиб. Комитета Грамотности дѣлается уступка (на новыхъ изданіяхъ) — 15%. Учрежденія и книгопродавцы, обращающіея непосредственно въ складъ Комитета, получаютъ особую уступку.

Басни И. А. Крылова изданы по случаю 50 лѣтія со дня его смерти. Иллюстрированы множествомъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ.

373. Колубовскій, Я. Дробишь. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 159.

374. Колубовскій, Я. *Ethische Kultur*. „Вопросы филос.“, отд. II, кн. 16, стр. 85сс.

Отчетъ о первомъ выпускѣ новаго этического журнала. О самомъ обществѣ, органомъ котораго онъ служить, см. Л. 3—къ: Общество этической культуры. „Нед.“ № 32, стр. 1018—1023.

375. Колубовскій, Я. Извѣстія и замѣтки. „Вопр. фил. и псих.“ кн. 16, стр. 119с.

Колубовскій, Я. См. Вундтъ, „Неврологическій Вѣстникъ“.

Кольцовъ. См. Ярмерштедтъ.

Комбарье. См. Ивановскій.

376. Коменскій, Я. А. Великая дидактика. Перевель съ латинскаго А. Щепинскій. (Очеркъ жизни Коменскаго. Великая дидактика. Примѣчанія). Спб. Тип. Э. Арнольда. XVI+326 стр. 2.000 экз. 1 р. 50 коп.

Переводъ сдѣланъ съ полною тщательностію. Иногда только можно упрекнуть переводчика въ излишней близости къ подлиннику: Переводу предпосланъ небольшой очеркъ жизни и дѣятельности знаменитаго педагога. Примѣчанія къ переводу составлены съ знаніемъ дѣла.

Неопредѣленный отзывъ „Вѣс. Евр.“ 11, 418сс. Сочувственно отзывается „Нов. Вр.“ № 6316 (28-го сентября).

377. Коменскій, Янъ Амось. Великая дидактика. Глава VI. Переводъ съ подлинника, подъ редакціей И. А. Шляпкина. „Рус. Нач. Учит.“ 11, 512—522.

Переведены главы, имѣющія ближайшее отношеніе къ народной школѣ.

378. Коменскій, Я. А. Диогенъ Циникъ на сценѣ или объ удобномъ любомудрствованіи. Составилъ нѣкогда для училищнаго исполненія и нынѣ издалъ въ свѣтъ Я. А. Коменскій. Переводъ Г. Янчевецкаго. Изданіе журнала „Гимназія“. Ревель. Тип. „Ревельскихъ Извѣстій“. Первоначально въ „Гимназіи“ 3—5, 1—8; 8—9, 9—18; 11—12, 19—34.

Оригинальная попытка представить главу изъ исторіи философіи въ лицахъ на сценѣ.

379. Коменскій, Амось. Законы благоустроенной школы. Переводъ съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Э. Каптерева. Спб. Тип. Скороходова. 45 стр. 362 экз. 25 к. Первоначально въ приложеніи къ „Рус. Школѣ“ 9—10.

Въ примѣчаніяхъ переводчика приводятся параллельныя мѣста изъ сочиненія Коменскаго „Schola pansophica“. Книжка любопытна только въ педагогическомъ отношеніи.

380. Коменскій, Я. А. Избранныя сочиненія, ч. I. Великая дидактика. Переводъ съ латинскаго А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ портретомъ Коменскаго, очеркомъ его жизни и объяснительными примѣчаніями. Изданіе

Философскій Ежегодникъ, I.

книжнаго магазина „Начальная школа“. М. Тип. Левенсонъ. XXVI+308 стр. 4000 экз. 1 руб. 50 к.

Изданіе и переводъ сдѣланы очень тщательно и могутъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли“ 4, 170с., а также болѣе основательный отзывъ Х. Шванебаха въ „Журн. мин. нар. просв.“ 6, 542—545. С. Кр—въ съ восторгомъ встрѣчаетъ появленіе новаго перевода въ своей статьѣ: Великая дидактика Коменскаго. „Моск. Вѣд.“ № 138. Не совсѣмъ доволенъ нѣкоторыми изъ поклонниковъ Коменскаго „Вѣс. Европы“ 5, 427—436. Сочувственно относится къ предпріятію гг. Адольфа и Любомудрова и С. І. С. „Рус. Об.“ 6, 890—895. По поводу этого изданія основныя идеи Коменскаго излагаетъ свящ. Вл. Никольскій въ „Чт. въ общ. люб. дух. просв.“ 9, отд. II, стр. 507—530.

381. Коменскій, Я. А. Избранныя сочиненія. Часть II. Великая дидактика. Перевелъ С. І. Р. Изданіе журнала „Гимназія“. Ревель. Тип. „Ревельскихъ Извѣстій“. Первоначально въ „Гимназіи“ 1—2, 1—18; 3—5, 19—34; 6—7, 35—50; 8—9, 51—66; 11—12, 67—82.

Переводъ безъ всякихъ примѣчаній.

382. Коменскій, Янъ Амосъ. Материнская школа. Переводъ съ нѣм. М. Н. Воскресенской. Спб. Тип. училища глухонѣмыхъ. II+64 стр. 1000 экз. 50 коп. Первоначально въ „Образованіи“ 1892 г.

О семейномъ воспитаніи. Много психологическихъ наблюденій.

383. Коменскій, Я. А. О культурѣ природныхъ дарованій. Переводъ съ латинскаго Л. Н. Модзалевскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. Спб. Тип. учил. глухонѣмыхъ. 44 стр. 1200 экз. 30 коп. Первоначально въ „Образованіи“ 2 и 3 (прилож.).

Переводу предпослано небольшое введеніе. Текстъ сопровождается краткими примѣчаніями.

384. (Коменскій). Памяти отца современной педагогіи Яна Амоса Коменскаго. По поводу 301 годовщины его рожденія. Изд. Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. Спб. Тип. Евдокимова. 67 стр. 600 экз. 30 к.

Здѣсь помѣщенъ полный отчетъ о торжественномъ засѣданіи „Отдѣла имени Амоса Коменскаго“ 18-го марта. Между прочимъ, въ это изданіе вошли сообщенія: О сочиненіи Коменскаго „Путь къ свѣту“ (А. Д. Вейсмана); Отрывки изъ „Великой дидактики“ въ переводѣ И. А. Шляпкина, помѣщенные также въ „Рус. Нач. Учит.“; стихотвореніе Лейбница, посвященное памяти Коменскаго; о сочиненіи Коменскаго «Всякъ своего счастья кузнецъ» (М. А. Холоднякъ).

385. (Коменскій). 301-ая годовщина дня рожденія Яна Амоса Коменскаго. „Нов.“ № 77, перепечатано въ „Образ.“ 4, 208—211.

386. (Коменскій). Трехсотлѣтній юбилей отца народной школы Амоса Коменскаго въ С.-Петербургѣ. 1592—1892. Собраніе рѣчей гг. Каптерева, Миропольскаго, Модзалевскаго и Сентъ-Илера. Съ портретомъ Коменскаго. Спб. Изданіе книгопродавца Н. Г. Мартынова. Тип. Штейна. 66+3 стр. 30 коп.

Въ эту брошюру вошли юбилейныя рѣчи: Л. Н. Модзалевскаго (Жизнь и

характеръ Коменскаго), П. Ф. Каптерева (Материнская школа по Коменскому), С. И. Миропольскаго (Значеніе Коменскаго въ исторіи педагогіи, его воспитательные идеалы, принципы обученія и организація учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ) и К. К. Сентъ-Илера (Значеніе Коменскаго въ исторіи воспитанія и обученія).

Не хвалить ораторовъ «Вѣс. Евр.» 5, 427—436. Не совсѣмъ благопріятенъ и отзывъ К. М. въ „Рус. Шк.“ 7—8, 259—265.

387. Коменскій, І. А. Уставъ материнской школы. Съ чешскаго подлинника „Informatogium skoly materské“ (1628) перевелъ Ѳ. В. Ржига. (Съ портретомъ автора). Нижній Новгородъ. Тип. губ. правл. XIV + 109 стр. 450 экз. 50 коп.

Въ предисловіи переводчикъ хочетъ отвоевать Коменскаго у нѣмцевъ, незаконно присвоившихъ этого педагога себѣ. Самый переводъ сдѣланъ такимъ слогомъ, какимъ обыкновенно пишутся плохіе подстрочники для латинскихъ и греческихъ писателей.

Коменскій, Я. А. См. Ельницкій, Кочубинскій, Леве, Лейбницъ.

Комнинъ, Андроникъ. См. П. Ковалевскій.

388. Компарэ (G. Compaugé). Подражаніе какъ воспитательный инстинктъ. „Пед. Лист.“ № 2, апр.—іюнь, стр. 15—22.

Переводная статейка, не лишенная психологическаго интереса.

Кондильякъ. См. Деволь.

Кони, А. Ѳ. См. Михневичъ.

389. Конисси, Д. Великая наука Конфуція. „Вопр филос. и псих.“, кн. 16, отд. I, стр. 25—40.

Переводу предпослано небольшое предисловіе переводчика. Великая наука—этический трактатъ.

390. Конисси, Д. Философія Лаоси. „Вопр. фил. и псих.“, кн. 18, отд. I, стр. 27—45.

Статья еще не окончена. Авторъ сначала опровергаетъ мнѣніе проф. Васильева о томъ, что трактатъ Лаоси о нравственности написанъ не равнѣ II в. до Р. X., и затѣмъ переходитъ къ изложенію жизни и ученія Лаоси.

Контъ. См. Груберъ, Козловъ, Оршанскій, Столыпинъ.

Конфуцій. См. Конисси.

Коперникъ. См. Любимовъ.

391. Корелинъ, М. Гуманизмъ или возрожденіе. „Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 879—886.

392. Корелинъ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. М. Тип. Лисснеръ и Романъ. 1892.

Собранъ громаднй библиографическій матеріалъ, касающійся эпохи возрожденія.

Довольно сочувственный отзывъ Л. въ „Ист. Вѣс.“ 7, 229сс., гдѣ упоминаются и толки, вызванные диссертацией г. Корелина. Обстоятельно знакомитъ читателя съ трудомъ г. Корелина, указывая его особенности, Н. Карѣевъ:

Итальянскій гуманизмъ и новый его изслѣдователь. „Вѣс. Евр.“ 8, 441—466; 9, 5—31; 10, 541—565. По мнѣнію автора, трудъ г. Корелина, являющагося представителемъ культурнаго направленія исторической науки, сдѣлалъ бы честь любой литературѣ.

Коритаріи. См. Зеленогорскій.

393. Корнгольдъ, А. д. Немощи гениа. „Волж. Вѣстн“. № № 189, 196, 199.

О странностяхъ и чудачествахъ гениальныхъ людей, по брошюрѣ д-ра Кабанеса. Авторъ, впрочемъ, не отождествляетъ гениальности съ помѣшательствомъ.

394. Корнгольдъ, А. д. Памяти Шарко (Письма изъ Парижа). „Волж. Вѣс.“ № 209.

Попытка выяснить значеніе Шарко въ наукѣ.

395. Корниловъ, А. А. Къ вопросу объ афазіи. „Вѣст. клинич. и суд. психіатріи и невропатологіи“, годъ X, вып. I, стр. 260—271.

Авторъ опровергаетъ гипотезу Grashey—Wernicke, что мы должны читать буква за буквой, и тѣ выводы, которые они связываютъ съ этимъ положеніемъ.

396. Корниловъ, А. О человѣческой рѣчи. „Вопр. филос. и псих.“, кн. 20, отд. II, стр. 27—40 (еще не окончена).

Рѣчь въ торжественномъ собраніи психологическаго общества въ январѣ 1891 г. Затронувъ лишь слегка вопросъ о происхожденіи языка, авторъ обращается къ слову уже образовавшемуся. Матеріаломъ для его статьи служатъ разстройства человѣческой рѣчи.

Коровяковъ, Д. См. Аверкіевъ.

Корольковъ, А. Л. См. Дюрингъ.

397. Корсаковъ, Н. Мировой гениа. Памяти Галилея. «Новь» № 9, 279—284.

Статья почти исключительно біографическаго содержанія, съ многочисленными рисунками.

398. Корсаковъ, С. С. Курсъ психіатріи. М. Тип. Кушнерева. VI + 604 стр. + 2 табл. 1200 экз. 3 руб.

Курсъ начинается краткимъ обзоромъ нормальныхъ явленій психической жизни, преслѣдуя главнымъ образомъ ту цѣль, чтобы прочно установить смыслъ психологическихъ терминовъ. Далѣе идетъ общая психопатологія и наконецъ частная патологія и терапія душевныхъ разстройствъ. Курсъ приспособленъ къ потребностямъ студентовъ-медиковъ. Такъ, излагается подробно классификація Крафтъ-Эбинга только потому, что знаніе ея требуется на экзаменахъ въ государственныхъ комиссіяхъ. Но зато авторъ даетъ свою классификацію, въ которую входятъ три главныхъ группы: 1) симптоматическія и скоропреходящія разстройства; 2) психозы и психопатическія конституціи; 3) состоянія психическаго недоразвитія. Вообще во многихъ частяхъ книги видна полная самостоятельность автора. Нельзя не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ указателя.

Сочувственно отзывается Б. И. Воротынский въ «Невр. Вѣст.» т. I, вып. 2, стр. 234с. Цѣннымъ вкладомъ въ психіатрическую литературу считаетъ трудъ проф. Корсакова Алелековъ въ «Мед. Об.» № 7, 705—711 (см. также его статью подъ № 9). Большія преимущества новаго руководства указываетъ «Вѣстн. клин. и суд. психіатр. и невроп.» годъ X, вып. I, стр. 305—308. Къ недостаткамъ книги рецензентъ относитъ неряшливость языка и отсутствіе ссылокъ на литературу предмета.

399. Корсаковъ, С. С. Къ психологіи микроцефаловъ. Рефератъ въ психолог. обществѣ. Отчетъ въ «Вопр. филос. и психол.» кн. 18, отд. II, стр. 169—172.

Корсаковъ, С. С. См. Лопатинъ.

400. Корсунскій, И. Протоіерей П. А. Преображенскій († 3 іюня 1893). „Бог. Вѣс.“ 7, 139—149. Также отдѣльно, Сергіевъ Посадъ, тип. Снегиревой. II стр.

Очеркъ дѣятельности покойнаго, потрудившагося отчасти и для философіи.

Корсунскій, И. См. Кудрявцевъ.

401. Котельниковъ, А. Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета. „Набл.“ 6, 65—74.

Считая необходимымъ основаніемъ юридическаго образованія философію и физиологію права, авторъ требуетъ отъ философіи права, чтобы она доказала, что, помимо законовъ, человѣческая личность имѣетъ свои права. Философія права должна выработать твердые критеріи какъ для оцѣнки существующихъ принциповъ права, такъ и для направленія правосозидающей дѣятельности. Если философіи права будетъ дано такое содержаніе, то она не только перестанетъ быть бесполезной и обособленной, но и доставитъ нѣкоторыя начала для практической дѣятельности юриста.

402. Кохомскій, С. Еще нѣсколько словъ о „безбожныхъ чудесахъ“ Шарко. „Рук. для сел. паст.“ № 6, 153—162.

403. Кохомскій, С. Идутъ ли гипнотическія чудесничества въ какое-либо сравненіе съ религіозными чудесами? „Рук. для сел. паст.“ № 24, 153—163.

Конечно, не идутъ, — рѣшаетъ авторъ, впрочемъ, на основаніи довольно поверхностныхъ соображеній.

404. Кохомскій, С. По поводу статьи г. Льва Тихомирова: Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. «Рук. для сел. паст.» № 1, 12—20.

По поводу статьи Л. Тихомирова: Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. «Рус. Об.» 1892, 9. Какъ ни кажется православнымъ г. Тихомировъ, но г. Кохомскій находитъ изъяны и въ его православіи. Давно ли, — говоритъ авторъ, — свѣтскій человѣкъ, развившій свою мысль на Кантахъ, Контахъ и Спенсерахъ, виталь умомъ въ тѣхъ сферахъ свѣтскаго знанія и жизни, гдѣ человѣку никакаго законъ не писанъ, гдѣ духъ человѣческій боготворится во всѣхъ его проявленіяхъ, гдѣ земля считается

единственнымъ, первымъ и послѣднимъ поприщемъ человѣческаго бытія, и вдругъ ему говорятъ: твой гордый духъ будетъ судимъ. Жестоко слово сіе пришьелцу вѣры, не свыкъшемуся съ образами и мыслями Евангелія. Даже и г. Тихомирову трудно усвоить воззрѣнія библейскія и церковныя, и для него неудобно слово о вѣчной загробной жизни, къ которой всѣми помыслами стремится истинный христіанинъ.

См. сочувственную замѣтку К—аго въ «Рус. Об.» 2, 953—956.

405. К (о х о м с к і й), С. Чудо безъ Бога и вѣра безъ вѣры. (По поводу писемъ Шарко „Объ испѣленіи вѣрою“, помѣщенныхъ въ „Нов. Вр.“ № 6017—6019). „Рус. для сел. паст.“ № 5, 125—134.

Характеръ замѣтки достаточно ясенъ изъ самаго заглавія. См. также № 400.

406. (К о х ъ.) Кочн. Частная діагностика душевныхъ болѣзней. Перевелъ врачъ А. Писнячевскій, подъ редакціей д-ра Вл. Яковенка. М. Тип. Кушнера. 95 стр. 1200 экз. 75 коп.

Въ русское изданіе вошли и тѣ дополненія, которыя авторъ предполагалъ внести во второе изданіе нѣмецкаго подлинника. Книга имѣетъ специально-медицинскій интересъ.

407. Кочубинскій, А. А., проф. Янъ Амосъ Коменскій въ историческихъ судьбахъ своего народа. „Зап. Новор. Univ.“ т. 59, стр. 1—23. Также отдѣльно: Янъ Амосъ Коменскій. В. И. Григоровичъ. Двѣ рѣчи. Одесса. Тип. Штаба войскъ одесскаго военного округа.

Это одна изъ многочисленныхъ рѣчей, посвященныхъ Коменскому по случаю трехсотлѣтія со дня его рожденія. По мнѣнію автора, внѣ культурныхъ условій развитія духовныхъ интересовъ чешскаго народа нельзя уяснить себѣ того возвышеннѣйшаго гуманизма, которымъ проникнуты педагогическія идеи Коменскаго, и который былъ для него точкою отправленія.

Сочувственно отзывается «Вѣс. Евр.» 5, 427—436.

408. Краинскій, Н. В. Исслѣдованіе времени психофизической реакціи на тактильныя и болевыя раздраженія у здоровыхъ и нервно- и душевно-больныхъ людей. Харьковъ. Тип. Зильберберга. 240+3 стр. и 1 таблица, 300 экз.

Своей экспериментальной работѣ авторъ предпосылаетъ нѣсколько соображеній чисто философскаго характера. Если всякій нашъ поступокъ,—говоритъ у него,—будетъ ли то слово или движеніе, есть перешедшее въ живую силу представленіе, а если представленіе, въ свою очередь, со строгою законностью связано съ внѣшними раздраженіями органовъ чувствъ, то немного остается до того, чтобы признать человѣка на столько тѣсно связаннымъ съ окружающею его природою и обстановкою, что онъ является почти простою машиною, которая лишь перерабатываетъ внѣшнія раздраженія въ будто бы произвольныя дѣйствія. Только установивши такую точную связь этихъ актовъ, можно приступить къ физическому изученію механизма душевной дѣятельности, и, только рассматривая всѣ психическіе акты, какъ физическія отправленія центральной и периферической нервной системы, мы можемъ ожидать благоприятныхъ результатовъ при изученіи ихъ. Рассмотрѣвъ свойства осязательныхъ и болевыхъ ощущеній, а также отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается время психофизической реакціи, авторъ переходитъ къ из-

мѣненіямъ времени этой реакціи у различныхъ нервно- и душевно-больныхъ. Величина психофизической реакціи, уже у нормальныхъ людей колеблющаяся въ широкихъ предѣлахъ, у этихъ больныхъ достигаетъ иногда чрезвычайно большихъ чиселъ, при чемъ у нихъ замѣчаются столь частыя и своеобразныя измѣненія въ свойствахъ какъ самой реакціи, такъ и ощущеній, что далеко не легко сдѣлать правильные выводы о ея измѣненіяхъ, по сравненію съ здоровыми людьми. Авторъ ограничивается преимущественно констатированіемъ фактовъ, избѣгая гипотезъ и скороспѣлыхъ обобщеній. Большая половина книги занята краткими исторіями болѣзней изслѣдованныхъ больныхъ и протоколами изслѣдованій. Несмотря на бѣдность выводовъ, работу автора все же слѣдуетъ признать почтеннымъ вкладомъ въ скудную русскую литературу по психофизицѣ.

409. (Красота.) Украшеніе лица. Статья О. Н. „Варшав. Дн.“ № 70, перепечатана въ „Волгаръ“ № 79.

Статья иллюстрируетъ фактами относительность понятія красоты у разныхъ народовъ.

410. Крафтъ-Эбингъ. Hypnotische Experimente. Stuttgart.

Брошюру излагаетъ С. Б.: Внушенный возрастъ. „Рус. Жизнь“ № 220 (перепечатано въ „Каз. Тел.“ № 131 подъ тѣмъ же заглавіемъ). Объ ней же сообщаетъ и „Вѣст. ин. лит.“ 11, 309—313.

411. Крафтъ-Эбингъ. Новые опыты въ области гипнотизма. „Рус. Вѣд.“ № 165.

Сообщеніе на основаніи Augsburger Zeitung. См. изложеніе лекціи проф. Бенедикта по поводу опытовъ Крафтъ-Эбинга въ „Рус. Жизни“ № 167. По мнѣнію Бенедикта, Крафтъ-Эбингъ былъ введенъ въ заблужденіе. Объ опытахъ Крафтъ-Эбинга см. также „Каз. Тел.“ № 66 (Маленькая хроника).

412. Кривенко, С. Н. Культурные одиночки въ деревнѣ. „Рус. Бог.“ 5, 107—126; 6, 154—184.

Чрезвычайно поучительный очеркъ изъ области прикладной этики, посвященный скромной дѣятельности современныхъ русскихъ подвижниковъ идеи.

413. Кривенко, С. Н. Культурные скиты. „Рус. Бог.“ 2, 100—126; 3, 92—126.

О колоніяхъ культурныхъ людей. Любопытныя данныя изъ исторіи русскаго общественнаго движенія нашего времени.

414. Кривенко, С. Н. По поводу культурныхъ одиночекъ. «Рус. Бог.» 12, 160—192.

Дѣлаются обобщенія на основаніи фактовъ, собранныхъ въ предыдущей статьѣ. Чѣмъ безразличнѣе и бездѣятельнѣе общественная среда, тѣмъ ярче выдѣляются на ея фонѣ эти маленькіе, одиночіе огоньки теплящейся жизни искренней любви къ ближнему и вѣры въ лучшее будущее, тѣмъ симпатичнѣе всѣ эти безкорыстные учителя и учительницы, врачи, крестьянскіе поѣренныя, ходоки, основатели артелей и т. п.

Кронекеръ. См. Ивановскій.

415. Крыловъ, А. Архіепископъ Никаноръ какъ педагогъ. Новочеркасскъ. Тип. донская. 113 стр. 3000 экз.

Авторъ, бывший слушатель архіепископа Никанора въ Казанской духовной академіи, съ чрезмѣрною словоохотливостію рассказываетъ о жизни преосвященнаго, о своихъ бесѣдахъ съ нимъ и т. п. Какъ педагогъ въ самомъ высшемъ смыслѣ, архіепископъ Никаноръ, по мнѣнію автора, оказывалъ вліяніе на всѣ отрасли жизни. Свои мысли о необходимости просвѣщать народъ преосвященный Никаноръ старался приложить къ дѣлу и привести въ исполненіе. Изложеніе г. Крылова отличается крайней безпорядочностію и часто прерывается не относящимися къ дѣлу отступленіями.

Съ восторгомъ отзываясь объ архіепископѣ Никанорѣ В. въ „Церк. Вѣд.“ № 51—52, стр. 720с., но въ трудѣ г. Крылова онъ находитъ недостатокъ точной разработки.

416. Крыловъ, А. Памяти въ Бозѣ почившаго архіепископа Никанора. Новочеркасскъ. Донская тип. 86 стр. 1 портр. 60 коп. (Отдѣльный оттискъ изъ „Донскихъ Епарх. Вѣд.“ за 1891—1892 гг.).

Это едва ли не самый полный біографическій очеркъ архіепископа Никанора. Между прочимъ, авторъ останавливается на исторіи происхожденія главнаго философскаго труда преосвященнаго Никанора.

Крыловъ, Евстафій. См. П. Ковалевскій.

417. Крыловъ, С. Морицъ Каррьеръ о матеріализмѣ и эстетикѣ. «Моск. Вѣд.» №№ 18 и 20.

Группа нѣмецкихъ профессоровъ и ученыхъ, съ Шмидкунцемъ во главѣ, предприняла изданіе ряда брошюръ религіознаго, научнаго, литературно-историческаго и общественно-политическаго содержанія подъ общимъ заглавіемъ: Противъ матеріализма. Авторъ подробно излагаетъ первую брошюру изъ этого ряда: Materialismus und Aesthetik. Eine Streitschrift zur Verständigung, von Moritz Carriere. Stuttgart 1892. Мѣстами г. Крыловъ подыскиваетъ параллели къ изложенію нѣмецкаго философа, заимствованныя изъ исторіи нашего недавняго прошлаго.

418. Ксенофонтъ. Воспоминанія о Сократѣ. Книга I. Со введеніемъ, примѣчаніями и 3 рисунками. Объяснилъ К. В. Гибель. Изд. 2-е. Часть I: текстъ. Спб. Тип. В. Вацлика. 29 стр. 8.000 экз. Часть II: комментарий. 70 стр. 8.000 экз. Ц. за обѣ части 40 коп. [Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна].

Изданіе для учебныхъ заведеній.

419. Кудрявцевъ, В. Начальныя основанія философіи. Изд. 3-е. Сергѣевъ Посадъ. Тип. А. Снегиревой. 4+441 стр. 1 р. 75 к.

Новое изданіе представляетъ простую перепечатку старыхъ. Справедливость требуетъ сказать, что изданія, вышедшія при жизни автора, сдѣланы съ внѣшней стороны гораздо лучше. Книга можетъ быть рекомендована для перваго знакомства съ основными вопросами философіи, хотя читателю не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по первоначальному замыслу она предназначалась служить руководствомъ для духовныхъ семинарій и потому по необходимости должна была отвести побольше мѣста такимъ вопросамъ, которымъ въ другихъ системахъ удѣляется болѣе скромная роль.

420. (Кудрявцевъ). Памяти В. Д. Кудрявцева. „Моск. Церк. Вѣд.“ № 49, стр. 672сс.

По поводу второй годовщины со дня смерти Кудрявцева подчеркивается его значеніе, какъ философа, педагога и человѣка.

421. Кудрявцевъ-Платоновъ, В. Д. Сочиненія. Изданіе Братства Преподобнаго Сергія. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. Т. I: Исслѣдованія и статьи по введенію въ философію и по гносеологіи. Вып. 1 (IV+182+260 стр.); вып. 2 (310 стр.). Т. II: Исслѣдованія и статьи по естественному богословію. Вып. 1 (350 стр.); вып. 2 (347 стр.); вып. 3 (509 стр.). Первые два выпуска 2-го тома вышли еще въ 1892 г. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 к.

Первому выпуску 1-го тома предпослано обширное введеніе, въ которое вошли: подробная біографія Кудрявцева, написанная И. Н. Корсунскимъ (стр. 1—56), статья Алексѣя Ив. Введенскаго „О характерѣ, составѣ и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева“ (стр. 57—124), вышедшая и въ отдѣльномъ изданіи (см. подъ № 112), и цѣлый рядъ рѣчей, сказанныхъ при погребеніи покойнаго философа и во время поминокъ по немъ, между прочимъ, и рѣчь Ал. И. Введенскаго: „О жизненно-практическихъ принципахъ Виктора Димитріевича“ (См. «Ежегодникъ» '№ 114).

Издатели рабски стараются воспроизвести всякую мелочь, принадлежащую покойному, не исключая орфографіи и знаковъ препинанія, въ той увѣренности, что все это имѣетъ непосредственное отношеніе къ духовному облику философа. Нельзя не сознаться, что едва ли можно видѣть въ орфографіи хоть какой-нибудь намекъ на духовный обликъ, и особенности, допущенныя издателями, будутъ только понапрасну бросаться въ глаза читателю. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы взять за образецъ, напр., нѣмецкія изданія Канта, въ которыхъ, въ видахъ удобства, тщательно изгоняется все, что по внѣшности напоминаетъ XVIII в.

Въ первомъ выпускѣ I тома помѣщены статьи, напечатанныя первоначально въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“: 1) Что такое философія? 2) Возможна ли философія? 3) Нужна ли философія? 4) Методъ философіи. 5) Составъ философіи.—Во второмъ выпускѣ того же тома содержатся: 1) Объ основныхъ началахъ философскаго познанія. 2) Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія. 3) Пространство и время.—Въ 1-й вып. II тома вошли: Объ источникѣ идеи Божества; О промыслѣ; Религія и позитивная философія; Религія, ея сущность и происхожденіе. Во 2-й выпускъ того же тома: О единобожьи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго; О религіозномъ индифферентизмѣ; Изъ чтеній по философіи религіи. Въ третьемъ выпускѣ окончены чтенія по философіи религіи.

Какъ и слѣдовало ожидать, очень сочувственно отзываются „Моск. Церк. Вѣд.“ № 10, стр. 144, въ лицѣ О. П. Такого же рода отзывъ о I т. П. Тихомирова въ „Моск. Церк. Вѣд.“ № 51—52, стр. 719с., и И. К. о первомъ и второмъ томахъ въ „Богосл. библ. листкѣ“ сент.—окт., стр. 285—288 (приложеніе къ „Руков. для сел. паст.“).

Кудрявцевъ, В. Д. См. Алексѣй Введенскій, П. Тихомировъ.

Кудряшевъ, М. См. кн. Волконскій.

Кузень. См. Алексѣй Введенскій.

422. (Кулаковскій, Ю.) Нѣсколько замѣчаній на „Отвѣтъ“ Юліана Кулаковскаго по вопросу: „Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ“, помѣщенный въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, іюль 1892 года. „Труды кiev. дух. акад.“ 2, 195—260; 4, 550—651. Также отдѣльно подъ заглавіемъ: „Еще по вопросу: христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ. (Нѣсколько замѣчаній на «Отвѣтъ Ю. Кулаковскаго»). Кіевъ. Тип. Г. Корчакъ-Новицкаго. 167 стр. 80 коп. съ перес.

Этотъ томительно-длинный споръ по поводу лекціи г. Кулаковскаго „Христіанство и римскій законъ“, гдѣ проводится въ сущности невинная мысль, что первые христіане подвергались преслѣдованіямъ въ качествѣ враговъ существовавшаго политическаго и общественнаго строя, перешель наконецъ въ простое буквѣдство: приводятся тексты съ параллельнымъ переводомъ въ доказательство правильности перевода и для изобличенія противника въ незнаніи, въ недобросовѣстности и т. п.

423. (Кульке.) Kulke, Ed. Zur Entwicklungsgeschichte der Meinungen. Leipzig 1892.

Довольно сочувственный отзывъ А. Т(рачевскаго) въ «Рус. Жизни» № 77.

Кулябка, С. См. Гротъ.

424. (Куно Фишеръ). Kuno Fischer. Geschichte der neuern Philosophie. Achter Band. Arthur Schopenhauer. Heidelberg.

По поводу этого изданія посвявились статьи: Новые матеріалы для характеристики Шопенгауера. „Нов.“ № 249, а также S. S.: Новая книга о Шопенгауерѣ. „Рус. Вѣд.“ № 270.

Куно Фишеръ. См. Спиноза.

425. Кусковъ, П. Наши идеалы. (Разговоръ на палубѣ). „Рус. Об.“ 2, 663—679.

Дано нѣчто въ родѣ перечня „чумазныхъ“ идеаловъ, въ противоположность европейскимъ. На первомъ планѣ спасеніе души, будто бы являющееся неотъемлемымъ идеаломъ русскаго человѣка, тогда какъ у европейцевъ идеаль—матеріальное благосостояніе. Русскій человѣкъ ищетъ свободы отъ грѣха, а европеецъ—свободы грѣха. Остальные идеалы въ такомъ же родѣ.

См. статью: Бесѣда объ идеалахъ. (Книжки „Недѣли“ 4, 217—224). Авторъ находитъ статью тенденціозной, дѣланной, хотя и не лишенной остроумія. Вполнѣ сочувствуетъ г. Кускову Ю. Николаевъ. Литературныя замѣтки. Идеалы русскаго народа. „Моск. Вѣд.“ № 55.

426. Кутеповъ, Н. Къ полемикѣ съ гр. Л. Н. Толстымъ. (Изъ А. Карышева. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ въ его сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“. М. 1891). „Стран.“ 9, 189—193.

Книжка Карышева, по мнѣнію автора, со стороны своей обстоятельности,

точности и основательности значительно уступает трудам Гусева, Орфано и др., посвященнымъ тому же предмету.

К у т ю р а. См. Ивановскій.

К ю н и с с е-К а р н о. См. Орловъ.

427. (К э р д ъ). Caird, Edward. The Evolution of religion. Oxford.
Краткая рец. „Міръ Божій“ 10, 218.

428. К ю л л е р ъ, д-ръ. Нервность и неврозы. Гигиена нервныхъ людей (Nervosisme et névroses. Hygiène des nervés et des névropathes). Переводъ подъ редакціей женщины-врача М. М. Волковой, съ предисловіемъ приватъ-доцента С. Н. Данилло, Спб. Тип. Суворина. XV+298 стр. 1000 экз. 1 р. 25 коп. — 2-е изд. Тип. Суворина. XXI+298 стр. 1200 экз. 1 р. 25 к.

Популярно и мѣстами поверхностно написанная книга Кюллера (Cullère), очевидно, пришлась кстатѣ для русскаго читателя. По мнѣнію автора, наши предки имѣли слишкомъ много крови, всѣ ихъ болѣзни нуждались въ ланцетѣ, а мы имѣемъ черезчуръ много нервовъ, при чемъ наша скудная кровь не можетъ ихъ успокоить. Современный человѣкъ, едва достигшій зрѣлаго возраста, не только употребилъ болѣе усилій, исполнилъ болѣе работъ, выдержалъ больше борьбы, чѣмъ прежній старикъ, но онъ и больше наслаждался, испыталъ больше превратностей, пережилъ больше горя и страданій. Помимо этого, разные житейскіе контрасты, быстрые переходы изъ однихъ условій жизни въ другія являются могущественной причиной разстройства нервной системы.—

Во 2-мъ изданіи прибавленъ небольшой объяснительный словарь терминовъ. Сочувственные отзывы: С — к ѣ. «Нов.» № 99; «Нов. Вр.» № 6113 (6-го марта). Одобряя книгу Кюллера, «Сѣв. Вѣст.» (10, 78сс.) указываетъ на неудовлетворительность перевода и редакціи.

Л а в р о в с к і й. См. Душа.

Л а в р о в а, Е. См. Манасеина.

429. Л а д в и н с к і й, М. Новое направленіе въ исторической наукѣ. «Истор. Вѣст.» 4, 177—186.

По поводу книги П. Николаева: «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ». М. 1892. Основные элементы гипотезы экономического матеріализма не чужды и писателямъ другихъ, иногда совершенно противоположныхъ направленій. Эта гипотеза, по мнѣнію автора, не составляетъ искусственнаго изобрѣтенія школы, къ которой принадлежатъ ея основатели, а является естественнымъ результатомъ научныхъ изслѣдованій нашего времени и подсказывается самими историческими фактами.

430. (Л а к а с с а н ѣ.) Процессъ художественнаго творчества. «Книжки Нед.» 1, 256—261. [Изъ иностранныхъ изданій].

По поводу вопросовъ Лакассаня, обращенныхъ къ знаменитымъ писателямъ.

Л а л а н д ъ. См. Ивановскій, Максимова.

Л а м е н н ѣ. См. Алексѣй Введенскій.

431. Ланге, Н. Н. Душа ребенка въ первые годы жизни. Двѣ публичныя лекціи. Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 1892. Тип. Скороходова. 64 стр. 40 коп.

По сочиненію Прейера «Die Seele des Kindes». Сочувственная замѣтка В. Е(рмилова) въ «Рус. Вѣд.» № 39, а также въ «Книж. Вѣс.» 2, 71.

432. Ланге, Н. Законъ перцепціи. «Вопр. филос.», отд. II, кн. 13, стр. 18—37; кн. 14, стр. 44—54; кн. 15, стр. 55—68; кн. 16, стр. 25—38.

Широко задуманное изслѣдованіе на основаніи экспериментальныхъ данныхъ. Свой законъ перцепціи авторъ формулируетъ: процессъ всякаго воспріятія состоитъ въ чрезвычайно быстрой смѣнѣ цѣлага ряда моментовъ или ступеней, при чемъ каждая предыдущая ступень представляетъ психическое состояніе менѣе конкретнаго, болѣе общаго характера. Эти ступени сознанія параллельны гѣмъ, которыя развивались въ процессѣ общей эволюціи животныхъ. Процессъ перцепціи лежитъ въ основѣ сходства и различія, а также сужденія.

Статью реферировать Б. И. Воротынскій въ «Невр. Вѣст.» т. I, вып. 1, стр. 157 с.

433. Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса. Тип. шт. одесскаго военного округа. LVII+296 стр. 400 экз. 2 р. Первоначально въ „Запискахъ Новороссійскаго унив.“, т. 61.

Въ книгу, между прочимъ, вошли въ значительно измѣненномъ и дополненномъ видѣ слѣдующія статьи: „Законъ перцепціи“ (см. здѣсь № 432); „Beiträge zur Theorie der sinnlichen Aufmerksamkeit und der activen Apperception“ (помѣщена въ „Philosophische Studien“ Вундта, т. IV); „О дѣйствиіи гашиша“ („Вопр. филос.“ 1889, кн. I).

Въ обширномъ введеніи авторъ старается доказать, что при русскихъ университетахъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, необходимо, по примѣру заграничныхъ, основать кабинеты для изученія экспериментальной психологіи. На это указываетъ и роль эксперимента, какъ одного изъ важнѣйшихъ методовъ психологіи, и примѣры иностранныхъ университетовъ, и общая польза, имѣющая произойти отъ основанія такихъ учреждений. Затѣмъ помѣщено упомянутое изслѣдованіе о законѣ перцепціи съ прибавленіемъ историческаго обзора нѣкоторыхъ ученій о сознаніи сходства и различія. Историческимъ же очеркомъ начинается и второе изслѣдованіе — о теоріи волевого вниманія. Вниманіе есть цѣлесообразная реакція организма, моментально улучшающая условія воспріятія. Во вниманіи, какъ реакціи, слѣдуетъ различать тѣ же основныя формы, которыя свойственны реакціямъ организма вообще и, въ частности, его движеніямъ, т.-е. рефлексъ, инстинктъ и волевою форму. Въ волевомъ вниманіи къ образу воспоминанія подыскивается соотвѣтственное реальное ощущеніе или, по крайней мѣрѣ, болѣе конкретное воспоминаніе. Авторъ доказываетъ это положеніе экспериментальнымъ путемъ. Послѣдовательно усиливая и ослабляя новое представленіе въ общемъ комплексѣ представлений, мы тѣмъ самымъ выдѣляемъ его изъ этого комплекса и, повторяя тотъ же процессъ относительно прочихъ частей, достигаемъ полного анализа или ясности ихъ. Собственные эксперименты автора

даютъ ему возможность выставить моторную теорію усиленія воспоминаній. Какъ въ зрительныхъ, такъ и въ слуховыхъ воспоминаніяхъ обыкновенно существуетъ двигательный элементъ.

Эта теорія г. Ланге вызвала критическія замѣчанія Вундта и Джемса, а также экспериментальную провѣрку у Мюнстерберга, Экенера, Пэса и Марбе. Подвергнувъ ихъ возраженія критическому разбору, нашъ ученый считаетъ себя въ правѣ сказать, что всѣ замѣчанія названныхъ авторовъ не только не опровергають выставленной имъ теоріи волевого вниманія, но, будучи истолкованы въ надлежащемъ смыслѣ, прямо подтверждаютъ, уясняютъ и доказываютъ эту теорію.

Ланнъ, Ф. См. Ивановскій.

Лаоси. См. Конисси.

Лассвицъ. См. Басистовъ.

Лассонъ. См. Алексѣй Введенскій.

Лафитъ. См. Алексѣй Введенскій, Плотниковъ.

434. Лахтинъ, Л. О жизни и научныхъ трудахъ Николая Ивановича Лобачевскаго. Публичная лекція, прочтенная по поводу столѣтней годовщины дня рожденія Н. И. Лобачевскаго. „Учен. Зап. Юрьев. унив.“ № 4, стр. 1—20.

Краткій очеркъ, не представляющій чего-нибудь оригинальнаго.

435. Лашковъ, В. Въ чемъ творчество. Спб. 1892. Тип. Стасюлевича 48 стр. 500 экз. 30 коп.

Авторъ имѣетъ въ виду исключительно творчество поэтическое. Поэзія занимаетъ самое видное и почетное мѣсто среди другихъ основныхъ искусствъ и имѣетъ больше всего данныхъ для обнаруженія творчества. Обыкновенно первичнымъ предметомъ творческой силы признается изящное. Но, по мнѣнію г. Лашкова, изящное не предметъ, а слѣдствіе творчества.—Нельзя сказать, чтобы авторъ открылъ читателю что-нибудь новое и оригинальное,—онъ лишь передѣлываетъ по-своему старое, но передѣлываетъ съ видомъ новатора.

Ироническій отзывъ Д. Ковалевскаго въ „Колосьяхъ“ 4, 211.

436. Леббокъ, Джонъ. Красоты природы и ея чудеса. Переводъ съ англійскаго Л. Д. „Миръ Божій“ 1, 147—171; 2, 68—88; 3, 161—182; 4, 83—93; 5, 66—80; 7, 150—183; 9, 88—122.

По отзыву „Рус. Мысли“ 9, 431, это не переводъ, а крайне неосмотрительная и неряшливая передѣлка, совершенно искажающая высокія достоинства подлинника. См. слѣдующій №.

437. Леббокъ, Джонъ. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. А. И. Павлова. Съ 36 политипажами. Изд. Солдатенкова. М. VII+255 стр. 1200 экз. 1 р. 50 коп.

Своего рода популярная философія природы, не идущая, впрочемъ, въ глубь вещей. Сравнительно съ англійскимъ изданіемъ, въ русскомъ переводѣ пропущены нѣкоторыя изъ рисунковъ, не имѣющихъ существеннаго значенія. Есть и еще одна особенность русскаго изданія: плохая корректура.

Безцвѣтный отзывъ въ „Вѣс. Евр.“ 7 (обл.). Довольно сочувственно отзывается „Рус. Бог.“ 8, 58с., и А. Б. въ „Рус. Жизни“ № 216. Очень сочувственно отзывается „Рус. Мысль“ 9, 431с.; „Сѣв. Вѣс.“ 11, 54.

438. Ле в е, Е. Monatshefte der Comenius-Gesellschaft. Erster Jahrgang 1892. „Жур. мин. нар. проsv.“ 2, 482—485.

Сочувственная замѣтка о новомъ берлинскомъ журналѣ, посвященномъ Коменскому.

439. Ле в е, Е. Русская библиографія о Коменскомъ. „Жур. мин. нар. проsv.“ 11, 140—146.

Голый библиографическій перечень всего, что появилось о Коменскомъ въ предѣлахъ Россіи.

Левекъ. См. Алексѣй Введенскій.

440. Левенсонъ, П. Я. Беккариа и Бентамъ. Биографическіе очерки. Съ портретами Беккариа и Бентама, гравированными въ Лейпцигѣ Геданомъ. Цѣна 25 коп. Спб. Тип. „Обществ. Пользы“. 94 стр. 8100 экз. [Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова].

Оба очерка написаны довольно интересно, но только черезчуръ цвѣтистымъ языкомъ. Совсѣмъ не кстати авторъ вдругъ начинаетъ полемизировать съ Б. Н. Чичеринимъ, называющимъ Бентама „ограниченнымъ умомъ“. Во второмъ очеркѣ слишкомъ мало затронуты этическіе взгляды Бентама.

Хвалебный отзывъ въ «Журн. гражд. и угол. пр.» № 7, 38.

441. Левилленъ (Levillain, F). Гигіена нервныхъ людей. Переводъ подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями д-ра Л. О. Финкельштейна. Изданіе переводчика. Спб., тип. Скороходова. III+191+III стр. 1 руб. [Популярная библиотека медицинскихъ знаній, т. I].

По заявленію переводчика, книга Левиллена значительно исправлена и дополнена редакционными примѣчаніями. Несмотря на такое рѣшительное утверженіе, переводчикъ тутъ же прибавляетъ, что глава о строеніи и отправленіи нервовъ и центральной нервной системы значительно сокращена. Въ своихъ добавленіяхъ г. Финкельштейнъ касается модныхъ темъ, какъ напр. о броунъ-секаровскихъ инъекціяхъ и сперминѣ. Такая погоня за научными новинками, далеко еще не получившими общаго признанія, едва ли можетъ быть одобрена въ популярномъ руководствѣ, которое хотѣлъ дать читателю его авторъ.

Сочувственные отзывы въ «Рус. Мысли» 1, 25с.; «Сѣв. Вѣс.» 1, 46с., и Д. Н., «Міръ Бож.» 7, 202.

Левъ XIII, папа. См. Алексѣй Введенскій.

442. Лейбницъ. Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ К. И(стомина). «Вѣра и Раз.» отд. филос., 1892, № 24, стр. 540—574; 1893, № 2, 72—102; № 8, 356—382; № 11, 505—530; № 14, 79—98; № 16, 168—190; № 24, 558—566 (еще не окончено).

Довольно обширны примѣчанія переводчика, въ которыхъ онъ нерѣдко пытается сближать взгляды Лейбница съ воззрѣніями современной науки. Едва ли основательно придавать примѣчаніямъ Кирхмана то значеніе, которое

склоненъ за ними признавать переводчикъ. Не совсѣмъ понятно, почему новыя опыты (Nouveaux Essais) названы новымъ опытомъ. Не разъ встрѣчаются ссылки на русскихъ авторовъ.

443. Лейбницъ. Стихотвореніе на смерть Коменскаго. Переводъ Л. Модзалевскаго. „Рус. нач. учит.“ 10, 441.

Лейбницъ. См. Гротъ, Филиповъ.

Ле метръ, Ж. См. Булгаковъ.

Ле онтьевъ, К. См. Милюковъ.

Леонардо да Винчи. См. Любимовъ, Милевъ.

444. Леопарди, Джакомо. Стихотворенія. (Полное собраніе). Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Переводъ съ итальянскаго В. Ф. Помянь. М. Тип. Волчанинова. IX + 161 стр. 1 р. 50 к.

Въ рецензій „Сѣв. Вѣс.“ (5, 46—50) затронуты философскіе взгляды Леопарди. Переводъ стихотвореній, по мнѣнію рецензента, сдѣланъ блѣдно.

Леопарди. См. Каро.

Леппманъ. См. Тимоеевъ.

445. Лесгафтъ, П. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Часть I. Школьные типы. (Третье изданіе). Часть II. Основныя проявленія ребенка. (Второе изданіе). Спб. Тип. Скороходова. VI + 247 стр. 2500 экз. 1 р. 50 к.

Авторъ энергично настаиваетъ на необходимости строго различать темпераментъ, типъ и характеръ: темпераментъ прирожденъ, типъ вырабатывается средой, а характеръ — самимъ человѣкомъ. Понимая подъ характеромъ проявленіе воли на основаніи истинъ, выясненныхъ и твердо установленныхъ разумомъ, авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду только идеальный характеръ, такъ какъ подъ такое опредѣленіе едва ли подойдетъ какой-нибудь изъ существовавшихъ или существующихъ характеровъ. Вотъ почему автору нерѣдко приходится дѣлать отступленія отъ своего опредѣленія и говорить, наприм., о физическомъ характерѣ. Новое изданіе этой въ высшей степени поучительной книги выгодно отличается отъ прежнихъ болѣе тщательною обработкою. Читатель не найдетъ здѣсь обширной главы о наследственности, такъ какъ эта глава появится въ переработанномъ видѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ трудовъ автора.

Книга проф. Лесгафта вышла и по-французски: De l'éducation de l'enfant dans la famille et de sa signification. Paris 1894.

Въ общемъ сочувственно отзываясь „Рус. Мысль“ 9, 413., и В. Е. — въ „Рус. Вѣд.“ № 271, не одобряющій только классификаціи дѣтскихъ типовъ.

Лесгафтъ, П. См. Кирилловъ.

446. Лесевичъ, В. В. Даніэль Дефо, какъ человѣкъ, писатель и общественный дѣятель. Опытъ характеристики. «Рус. Бог.» 5, 19—51; 7, 28—54; 8, 18—39.

Затронута направленіе англійской философской мысли въ XVII в.

447. (Лесевичъ, В. В.) Его портретъ. „Петербург. Жизнь“ № 17.

Лессингъ. См. Аверкиевъ.

Ли. См. Гауссъ.

Лизингъ (Lysing). См. Данилло.

448. (Лилли). Lilly, W. S. Ancient Religion and Modern Thought.
Рец. по Academy въ «Мір. Бож.» 8, 240.

449. (Лилли). Lilly, W. S. On Right and Wrong.
Рец. по Quarterly Review въ «Мір. Бож.» 8, 240.

Линевъ, Д. А. См. Астафьевъ.

450. Линицкій, П. Изыщная литература и философія. „Вѣр. и Раз.“, отд. филос., 1892, № 8, 285—302; № 9, 329—350; № 11, 409—429; № 14, 39—58; № 16, 125—151; № 18, 233—265; № 22, 413—442; 1893, № 1, 1—23; № 4, 159—182; № 5, 207—231; № 7, 299—323; № 9, 383—410; № 11, 479—504; № 13, 1—29. Отдѣльно: Харьковъ, губ. тип. 343 стр. 2 руб.

Различая въ изыщной литературѣ двѣ стороны—художественную и морально-общественную, авторъ слѣдитъ за отраженіемъ философскихъ взглядовъ у корифеевъ русской литературы. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на двухъ литературныхъ теченіяхъ—славянофильскомъ и западническомъ. Въ качествѣ представителя славянофильскаго міровозрѣнія въ области изыщной литературы, авторъ очень подробно разсматриваетъ Достоевскаго. Выразителемъ же западническаго направленія въ русскомъ общественно-философскомъ мысленіи служитъ Тургеневъ. Мысленіе въ сущности—начало отрицательное: оно анализируетъ, различаетъ, т.-е. уничтожаетъ единство, ~~и бытность~~. Въ противоположность мысленію, какъ началу отрицательному, должны существовать начала положительные, объединяющія. Такими началами слѣдуетъ признать искусство, религію и народность. Искусство создаетъ идеалы и такимъ образомъ указываетъ конечныя цѣли для человѣческихъ стремленій: въ этомъ состоитъ единящее значеніе искусства. Религія прямо зоветъ людей ко взаимному общенію. Однако соединеніе всѣхъ людей есть цѣль слишкомъ далекая отъ осуществленія. Въ дѣйствительности, единящее значеніе религіи обыкновенно ограничивается предѣлами одной народности. Однако православіе, по мнѣнію автора, не есть непремѣнная принадлежность какой-нибудь одной народности: оно есть исконное выраженіе первобытнаго христіанскаго духа. Усвоеніе этого духа, любовь къ нему—вотъ что можетъ дать намъ необходимыя для жизни твердыя убѣжденія. Въра можетъ слѣдаться полнымъ нашимъ достояніемъ только путемъ воспитанія, особенно же чрезъ самообразование, въ которомъ первостепенное значеніе должно принадлежать философіи.

На пространствѣ болѣе 300 стр., безъ какого бы то ни было подраздѣленія на главы, г. Линицкій обсуждаетъ и излагаетъ взгляды Гоголя, Пушкина, Достоевскаго и другихъ русскихъ писателей на разные вопросы жизни и искусства. Въ этомъ изложеніи не замѣтно стремленія держаться какого-нибудь строго опредѣленнаго плана, и объ одномъ и томъ же авторъ обыкновенно говорится въ разныхъ мѣстахъ. Нельзя поэтому не сознаться, что чтеніе кни-

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ I. **Артуръ Шопенгауэръ.** Статьи В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго (по поводу 100-лѣтняго юбилея дня рожденія Шопенгауэра). Съ портрет. Шопенг. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Выпускъ II. **Иммануиль Кантъ.** Прологомены ко всякой будущей мета физикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. второе. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества: Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, Н. В. Бугаева, С. С. Корсакова, А. А. Токарскаго, П. Е. Астафьева. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. **Г. В. Лейбницъ.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портр. Лейбница. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб. (на лучшей бумагѣ) и 1 руб. 50 коп. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ V. **Бенедиктъ Спиноза.** Этика. Съ портр. Спинозы. Перев. Н. А. Иванцова. Издано подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Тамъ же можно получать слѣдующія сочиненія:

Б. Н. Чичеринъ. Основанія логики и метафизики. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к.—**Его же.** Положительная философія и единство науки. Цѣна 3 руб. съ перес. 3 р. 30 к.—и всѣ другія соч. того же автора.

Кн. Е. Н. Трубецкой. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Часть I. Міросозерцаніе бл. Августина. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Кн. С. Н. Трубецкой. Метафизика въ древней Греціи. Цѣна 3 руб. съ перес.

Г. Гефдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. подъ ред. А. А. Козлова и Я. Н. Колубовскаго. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пер. 2 р. 80 к.—**В. Вундтъ.** Гипнотизмъ и внушеніе. Пер. Н. Колубовской. Цѣна 75 к., съ пер. 90 к.

Н. Я. Гротъ. Нравственные идеалы нашего времени (Фр. Ницше и Левъ Толстой). 3-е изд. Ц. 30 к., съ перес. 45 к.

Тао-те-кинъ Лаоси. Перев. съ китайскаго съ введ. Д. П. Ко-нисси. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.